

**ДРЕВНЕКИТАЙСКАЯ
ФИЛОСОФИЯ**

ФИЛОСОФСКОЕ **Н**АСЛЕДИЕ

ДРЕВНЕКИТАЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

**СОБРАНИЕ
ТЕКСТОВ
В ДВУХ ТОМАХ**

ТОМ 2

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ

ЛИТЕРАТУРЫ

« МЫСЛЬ »

МОСКВА - 1973

1Ф
Д73

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Составление *ЯН ХИН-ПУНА*

Редакционная коллегия: *В. Г. БУРОВ, Р. В. ВЯТКИН,
М. Л. ТИТАРЕНКО*

Д73 Древнекитайская философия. Собрание текстов
в двух томах. Т. 2. М., «Мысль», 1973.

384 с. (АН СССР. Ин-т философии. Философ. наследие).

В настоящий том вошли отрывки из произведений Сюнь-цзы, Хань Фэй-цзы, поздних моистов, конфуцианцев («Ли цзи»), легистов («Шан цзюнь шу»), работа эклектического характера («Люй-ши чунью»), а также отрывок из исторического памятника «Ши цзи», который дает характеристику различных философских школ.

1Ф

Д $\frac{0151-144}{004(01)-73}$ П. п.

© Издательство «Мысль». 1973.

«ЦЗО ЧЖУАНЬ»

«Цзо чжуань» — исторический памятник Древнего Китая, охватывает события с 722 до 468 г. до н. э. Составление памятника традицией приписывается Цзо Цю-мипу, ученику Конфуция и его современнику. Однако фактический текст памятника составлен в основном в IV в. до н. э. и позднее подвергался редактированию и дополнениям. Дошедшая до нас редакция восходит, видимо, к I в. до н. э.

Памятник составлен в форме летописи (материал в ней разбит по годам). По содержанию «Цзо чжуань» исключительно богата. В ней дается обильный материал о войнах, об отношениях между древнекитайскими правителями, о религии, о занятиях древних китайцев. «Цзо чжуань» в основном содержит описания фактической стороны исторических событий и диалоги исторических лиц. В некоторых диалогах раскрываются натурфилософские представления древних китайцев, отношение их к религиозным обрядам, их мировоззрение, их взгляды на мораль и т. п. На основании «Цзо чжуань» можно судить, как теоретические представления древних китайцев о природе влияли на их отношение к политическим событиям того времени, на их повседневную жизнь.

Впоследствии «Цзо чжуань» была признана конфуцианцами канонической книгой, комментарием к «Чунь-цю» (летописи царства Лу) и стала одним из источников конфуцианской мысли. Поэтому изучение ее важно и в плане истории развития философской мысли Китая в позднейшие времена.

Для настоящего перевода использован текст памятника, опубликованный в 10-м — 11-м томах собрания китайских классических книг «Камбун тайкэй» (Токио, 1911). Перевод выполнен Е. И. Силициным.

Е. Силицин

1. ЦЗИ ЛЯН¹ О ПРИНЕСЕНИИ ЖЕРТВ ДУХАМ

Чуский [правитель] У-ван напал на Суй, [а потом] послал Вэй Чжана с [притворными] мирными предложениями, [а сам] расположил войска в Ся² и стал ждать его. Суйцы послали шаоши³ в качестве своего представителя [для заключения мира].

Доу Бо-би сказал чускому правителю: «Если мы не добьемся наших целей к востоку от реки Хань⁴, то это случится только из-за нас самих. Мы выставили напоказ наши три армии, на наших воинах панцири и оружие, и мы двигаемся на них во всей своей мощи. [Ясно, что] другие [правители] испугаются и вступят в союз против нас. Поэтому их трудно будет расколоть. Из всех государств, расположенных к востоку от реки Хань, Суй — самое большое. Если Суй возгордится, то [этим оно] непременно оттолкнет от себя малые государства. Если же малые государства отделятся от него, то это пойдет на пользу Чу. Шаоши очень заносчив, [я] прошу представить [при нем] наши войска очень ничтожными, чтобы [заставить] его возгордиться». Сюнлюй Це-би⁵ возразил: «[У них ведь] есть Цзи Лян, какую же пользу этот [план] нам принесет?» Доу Бо-би ответил: «Этот план на будущее, ведь шаоши — любимец своего государя».

[У]-ван [притворно] расстроил [свою] армию и принял шаоши. Вернувшись [в Суй], шаоши предложил броситься на чуские войска. Суйский государь собирался было так и поступить. Но Цзи Лян остановил его, сказав: «Ведь ныне небо дает силу чусцам. Слабость чуской [армии] подстроена, чтобы [этим обмануть] нас. К чему же вам, государь, торопиться? Я слышал, что малое [государство] может дать отпор большому [государству только тогда, когда правитель] малого следует *дао*, а [правитель] большого охвачен распутством. [Следовать] *дао* — это значит быть преданным народу и верить в духов. Когда верхи думают о пользе для народа, то это и есть преданность; когда слова жрецов точны, то это и есть вера. Ныне народ голодает, а вы, государь, предаетесь вашим [чрезмерным] желаниям, да и жрецы при жертвоприношениях фальшивят. Я не знаю, как же [мы] сможем [дать отпор большому государству]». Государь спросил: «[Туши] животных, которые я привошу в жертву, жирны и все чистой масти⁶; просо в жертвенных сосудах отборное и заполняет сосуды целиком. Разве это означает неверие?» Тот ответил: «Но ведь опора духов — это народ. Поэтому совершенномудрые вапы сначала устраивали народ, а уж потом прилагали все силы к служению духам. Поэтому при возложении туши животного на жертвенник [жрец] возглашает: «[Возлагаем] большое и зрелое, здоровое и откормленное [животное]». Это значит, что силы

у народа будут расцветать; это значит, что скот его будет жиреть и плодиться; это значит, что не будет паршивого скота; это значит, что скот будет тучным и будут иметься все его виды. При подношении наполненного [жертвенного сосуда с зерном жрец] возглашает: «Подпосим чистое зерно и наполняем сосуд до краев». Это значит, что [посевы] во все три⁷ времени года не будут страдать от стихийных бедствий, народ будет наслаждаться миром, а год будет изобильным. При поднесении жертвенного вина [жрец] возглашает: «Возносим ароматное и вкусное вино из прекрасного зерна». Это значит, что верхи и низы будут одинаково преисполнены добродетели и не будет места взаимной неискренности. Упомянутые выше аромат и вкус [вина] означают, что нет ни раболепия, ни злобы. Поэтому если [государь] заботится о народе во все три времени года, наставляет его в правилах пяти отношений⁸, по-родственному относится к девяти категориям родственников⁹ и, наконец, проявляет усердие в приношении жертв и почитании духов, то народ пребывает в мире, а духи ниспосылают ему счастье. Поэтому всякое дело кончается успехом. Ныне в народе царит взаимная неприязнь и духи лишились поддержки [в лице народа]. Хотя у вас самих, государь, всего много, откуда же быть счастьем? Вам, государь, следует пока совершенствовать свое правление и относиться по-родственному к братским государствам, только тогда можно надеяться избежать беды».

Суйский правитель испугался и стал совершенствовать свое правление. Чу не осмелилось напасть [на него].

6-й год Хуань-гуна

2. ХАНЬ ЦЗЯНЬ¹⁰ О ГАДАНИИ НА СТЕБЛЯХ ТЫСЯЧЕЛИСТНИКА

В 11-й луне, в день *жэнь-суй*, цзиньский государь и циньский государь сошлись в бою у Хань. Цзиньский государь попал в плен¹¹...

Некогда цзиньский [государь] Сянь-гун¹² гадал на [стеблях] тысячелистника, выдать ли старшую дочь замуж за циньского государя... Летописец Су, погадав об этом, сказал: «Не будет счастья...» Когда Хуэй-гун оказался

в Цинь, [он] сказал: «Если бы прежний государь послушался того, что нагадал летописец Су, я бы здесь не очутился». Хань Цзянь был рядом и сказал ему: «[Щиток] черепахи [означает] облик [вещи], а [стебель] тысячелестника [означает] число [вещей]¹³. Вещи, возникнув, принимают облик; приняв облик, [они] размножаются; [когда они] размножаются, появляется [их] число. Прежний государь преступал добродетель бесчисленное число раз. Если бы [он] и последовал тому гаданию летописца Су, что это дало бы? В «Ши цзин» говорится:

Нет! Разве небо наказание шлет
Тебе, народ, в страданиях и беде? —
Оно — вдали, а злоба — за спиной —
Зависят распри только от людей!¹⁴

15-й год Си-гуна

3. ЧУСКИЙ ЧЖУАН-ВАН¹⁵ О ВОИНСТВЕННОСТИ

Летом, в 6-й луне, в день *и-мао*, цзиньский [полководец] Сюнь Линь-фу возглавил войско и сразился с чуским государем в Би¹⁶. Цзиньское войско было наголову разгромлено¹⁷.

...Когда наступили сумерки, чуское войско расположилось лагерем в Би. Остатки цзиньского войска не смогли стать лагерем и в темноте перешли реку...

Пань Дан¹⁸ сказал: «Почему бы вам, государь, [в ознаменование победы] не разместить здесь войска и не насыпать высокий холм из цзиньских трупов? Я слышал, что победу над врагом непременно следует сохранить в памяти потомков, чтобы военные успехи не были забыты».

Чуский государь сказал [на это]: «Этого тебе не дано понять. Ведь иероглиф «воинственность» состоит из иероглифов «остановить» и «секира». Когда У-ван победил Шан¹⁹, он создал «Гимн», в котором говорится:

Копья, а также щиты повелели собрать,
Луки и стрелы вложить обратно в колчаны.
К доблести мудрой мы тогда устремились,
Распространяя ее по древнему Ся.
Истинный царь, — мы будем все это хранить!²⁰

И еще он создал «Гимн царю воинственному», последняя строка которого гласит:

Тем утвердил ты свой подвиг ²¹.

И ее третья строфа гласит:

Мы их продолжим везде, поучаясь и помня.
Царству идем мы отныне искать укрепления ²².

И ее шестая строфа гласит:

В мире покоятся тысячи царств,
Часто бывает год изобильный ²³.

Ведь воинственность [должна служить тому, чтобы] укротить жестокости, остановить оружие войны, защитить великое, упрочить успехи, успокоить народ, привести к согласию все [государства] и увеличить всеобщее богатство. Поэтому-то потомки и не должны забывать эти строфы. А сейчас я заставил кости [воинов] двух государств белеть [под небом] — это жестокость; [я] обнажил оружие, чтобы навести страх на правителей, — [это значит, что] оружие не остановлено; [я] жесток и не останавливаю оружия, как же [я] могу защищать великое? И пока Цзинь еще существует, как же это считать упрочением успехов? Много раз я поступал вопреки тому, что хочет народ, — как же народу быть спокойным? [Я] не имею добродетели, но силой покоряю [других] правителей — где же тут согласие всех [государств]? [Я] извлекаю пользу из людских несчастий и нахожу покой в людской смуте, считая это славой для себя, — как же увеличится всеобщее богатство? В воинственности есть семь благородных черт, я же и одной не имею — что же будут помнить потомки? Давайте просто построим храм прежним государям и доложим об успехе дела, и все. В воинственности же у меня нет успехов. В древности просвещенные правители ходили походами на непочтительных, рубили им головы и складывали из них холмы, и это было величайшим наказанием. Поэтому они и воздвигали большие холмы [из тел], чтобы предупредить разрушенных и злобных. Ныне [у цзиньского правителя] нет никаких преступлений, а народ [Цзинь] сохраняет ему преданность до конца и [готов] погибнуть во имя [своего] государя. Что же здесь достойно сооружения холма из тел погибших?

12-й год Сюань-гуна

4. ЛЕКАРЬ ХЭ

Цзиньский государь просил прислать [ему] лекаря из Цинь ²⁴. Циньский государь послал лекаря Хэ осмотреть его. [Лекарь] сказал: «[Ваша] болезнь неизлечима. Как говорится, [когда]ходишь в женские покои, болезнь становится похожей на безумие. Это не от [злых] духов и не от [дурной] пищи, это порча, которая приводит к душевному расстройству. И вашему наилучшему чиновнику суждено умереть, небо не защитит [его]». «Разве сблизиться с женщиной нельзя?» — спросил государь. [Лекарь] ответил: «Надо быть умереннее. Музыка древних правителей показывает, как регулировать все дела. Поэтому был установлен ритм для пяти звуков, чтобы медленные и быстрые [звуки] от начала до конца гармонизировали между собой. Когда гармоничность звуков достигнута, музыка кончается; когда пять [звуков] ²⁵ сыграны, недопустимо продолжать [извлекать из инструмента другие звуки]. Поэтому благородный человек не слушал непристойную музыку, извлекаемую беспорядочно движущимися пальцами, развращающую слух и вредящую духу, заставляющую забыть о покое и гармонии. То же и с другими явлениями. Когда они станут непомерными, следует отказаться от них, а не то возникнут болезни. Когда благородный человек берется за лютяю, то это для того, чтобы упорядочить ритм, а не предаваться душевному веселью. Небо имеет шесть состояний *ци*, которые производят и порождают пять вкусовых [ощущений], переходят в пять цветов, подтверждаются в пяти звуках, а избыток их порождает шесть болезней ²⁶. Шесть состояний *ци* суть *инь*, *ян* ²⁷, ветер, дождь, мрак, свет. Разделяясь, они образуют четыре времени года; располагаясь в порядке, они образуют последовательность пяти [начал] ²⁸. А когда [одно из шести *ци*] в избытке, то возникает недуг. Так, если слишком много *инь*, то возникает болезненный холод; если слишком много *ян*, то возникает болезненный жар; если слишком много ветра, то возникают болезни конечностей; если слишком много дождя, то возникают болезни внутренностей; если слишком много мрака, то возникает безумие; если слишком много света, то возникает душевное расстройство. [Для сближения с] женщиной [необходимы] предмет, [обладающий] *ян*, и темное время [суток]. [Если *ян* и мрака] слиш-

ком много, то возникают внутренний жар и безумная порча. Ныне вы, государь, [не знаете] ни умеренности, ни должного времени. Могло ли не наступить такой [болезни]?» Выйдя, [лекарь] рассказал [обо всем] Чжао Мэну²⁹. Чжао Мэн спросил: «Кого ты имел в виду под наилучшим чиновником?» «Это о вас, — ответил [лекарь]. — Вы управляете Цзинь уже восемь лет, и в государстве Цзинь не было смут, а в [отношениях] с другими правителями не было разлада. [За это вас] можно назвать наилучшим [чиновником]. Я слышал вот что: когда главные чиновники государства наслаждаются милостями [государя] и [щедрыми] пожалованиями и песут ответственность за важные дела, то если возникнут бедствия и несчастья, а [чиновники] не исправят их, то вина непременно падет на них самих. Ныне государь в своих излишествах дошел до того, что заболел, так что скоро он уже не сможет заниматься государственными делами. Возможно ли большее бедствие для алтаря злаков и земли? А вы не можете уберечь [своего государя], потому я и говорю вам [об этом]». «Что такое порча?» — спросил Чжао Мэн. [Лекарь] ответил: «Это безумие, порождаемое [половыми] излишествами. А иероглиф этот состоит из иероглифов «сосуд» и «насекомое». Он означает также зерновую моль. В «Книге перемен» порчей называется соращение женщиной мужчины и вырывание ветром деревьев в горах. Это одинаковые явления». «Вы наилучший лекарь», — сказал Чжао Мэн.

1-й год Чжао-гуна

5. ЦЗЫ ЧАНЬ³⁰ О НЕБЕСНОМ ПУТИ

Летом, в 5-й луне, в сумерках была видна [звезда] Хо^{30а}. В день *бин-цзы* был ветер³¹.

Цзы Шэнь сказал: «Это ветер *жун*³². Он предвещает начало пожаров. Через семь дней случится пожар».

В день *у-инь* ветер усилился. В день *жэнь-у* он стал еще сильнее. [Столицы государств] Сун, Вэй, Чэнь и Чжэн³³ все были охвачены огнем. Цзы Шэнь поднялся на крышу амбара, принадлежащего роду Да-тин, посмотрел [на огонь] и сказал: «Это пожары в Сун, Вэй, Чэнь и Чжэн». Через несколько дней отовсюду пришли сообщения о пожарах.

Пи Цзяо³⁴ сказал: «Если не послушаетесь меня, в Чжэн снова будут пожары». Чжэнцы попросили [Цзы Чань] послушаться его, но Цзы Чань не согласился.

Цзы Тай-шу³⁵ сказал: «Драгоценности нужны для того, чтобы защищать народ. Если снова вспыхнут пожары, государство вряд ли не погибнет. Раз можно спасти гибнущее, чего же вы жалеете [драгоценности]?»

Цзы Чань ответил: «Путь неба далек, а путь людей близок. [Далекое] непостижимо, как его предугадать? Откуда [Пи] Цзяо знает путь неба? Он много болтает, и разве не может верное [в его словах] быть случайностью?» В конце концов [драгоценностей] не отдали, но и пожары не повторились.

18-й год Чжао-гуна

6. ЦЗЫ ЧАНЬ О РИТУАЛЕ

Цзы Тай-шу увиделся с Чжао Цзянь-цзы³⁶, и Цзянь-цзы спросил [его] о ритуале взаимного приветствия и обращения [людей друг с другом]. [Тот] ответил: «Это формальный обряд, а не ритуал». Цзянь-цзы спросил: «Осмелюсь задать вопрос, что же такое ритуал?» «Я слышал, — ответил тот, — как покойный *дафу* Цзы Чань говорил: «Ритуал [основан на] постоянстве [движения] неба, порядке [явлений] на земле и поведении народа. Раз небесные и земные [явления происходят] регулярно, то и народ берет их за образец, подражает ясности небесных [явлений] и согласовывается с характером земных [явлений]. [Небо и земля] порождают шесть состояний *ци* и используют пять материальных элементов. [Шесть состояний *ци* и пять первоэлементов] воплощаются в пяти запахах, производят пять цветов и различаются в пяти звуках. Но если этим злоупотреблять, то все перепутается, и народ теряет свои природные качества. Поэтому для поддержки этих [природных качеств] и создан ритуал. Шесть пород домашних животных, пять видов диких животных³⁷ и три вида жертвоприношений созданы для поддержки пяти вкусовых ощущений; девять видов украшений [на одежде], шесть узоров и пять [их] сочетаний созданы для поддержки пяти цветов; девять напевов, песни всех земель³⁸, семь мелодий и шесть тонов созданы для поддержки пяти звуков. [Отношения] государя и подданных, верхов и низов

подражают порядку [явлений] на земле; [отношения] мужа и жены, внешнего и внутреннего строятся на основе обязанностей каждого; [отношения] отца и сына, старшего и младшего братьев, тетки и старшей сестры, дяди и племянника, тестя и зятя³⁹ подобны ясности неба; управление, использование сил [народа] и выполнение служебных обязанностей определяются временами года; наказания и взыскания, разбор судебных тяжб, что внушает народу страх, подобны смертельным ударам грома и молнии; мягкость и ласковость, милосердие и гармония подобны даруемой небом [способности] размножаться и расти. В народе из шести состояний *ци* возникают хорошее, плохое, добродушие, злобность, грусть, радость. Поэтому [правителю] следует тщательно подражать этим состояниям, регулируя шесть типов проявления чувств. Когда грустно, следует плакать и лить слезы; когда радостно — петь и плясать; в добром настроении — оказывать благоденствия; в злом — воевать и драться. Добродушие рождается из любви, гнев рождается из ненависти. Поэтому [правителю] следует тщательно следить за [своим] поведением и быть искренним в [своих] распоряжениях, обрекающих на страдания и дарующих счастье, награждающих и карающих, регулирующих смерть и жизнь [людей]. Жизнь — это хорошо, а смерть — это плохо; хорошему радуются, о плохом скорбят. Когда скорбь и радость своевременны, то можно достичь состояния гармонии с природой неба и земли. Поэтому [такая гармония] может длиться долго». «О, как глубок ритуал!» — воскликнул Цзянь-цзы. [Цзы Тай-шу] ответил: «Ритуал — это устой [в отношениях] верхов и низов, основа и утёк неба и земли. Он дает жизнь народу. Поэтому прежние правители и превозвели его...»

25-й год Чжао-гуна

«ГУАНЬ-ЦЗЫ»

Гуань Чжун — видный политический деятель Древнего Китая VII в. до н. э., под руководством которого в царстве Ци был осуществлен ряд реформ, направленных на прогрессивное развитие экономики и усовершенствование государственного управления. Впоследствии Ци стало одним из могущественных царств, борющихся за гегемонию. Вместе с экономическим развитием и укреплением военно-политической мощи развивались в царстве и научные знания. В начале IV в. до н. э. правителем был основан «Цзися сюэгу» — Дворец наук у западных ворот, существовавший около ста лет. В «Исторических записках» Сыма Цяня говорится, что цинский правитель Сюань-ван благоволил ученым мужам разных направлений, «число которых во Дворце наук достигло нескольких тысяч». Надо полагать, что как во Дворце наук, так и в царстве вообще Гуань-цзы, как выдающийся политический деятель и мыслитель прошлого, пользовался весьма большим авторитетом. Именно поэтому написанные учеными из Дворца наук 564 трактата, как сообщает Лю Сян (I в. до н. э.), были объединены под одним общим названием — «Гуань-цзы», из которых ко времени Лю Сяна осталось лишь 86 глав. Из этих глав и был составлен Лю Сяном ныне существующий вариант «Гуань-цзы». Причем из них 10 глав не дошло до нас.

В отличие от других древнекитайских литературных памятников, в которых излагаются, как правило, взгляды лишь одной школы, книга «Гуань-цзы» представляет собой весьма важный для исследования древнекитайской научной мысли сводный памятник, где были собраны суждения представителей самых различных идейных течений по философским, социально-этическим, политическим и экономическим проблемам в Древнем Китае.

Следует отметить, что «Гуань-цзы» является трудным для расшифровки древнекитайским памятником, в нем много пропусков, ошибок переписчиков, взаимоисключающих толкований многочисленных комментаторов.

Избранные нами главы — «Искусство сердца» («Синь шу») в двух частях, «Чистое сердце» («Бай синь») и «Внутренняя деятельность» («Нэй е») — были написаны Сун Цзянем и Инь Вэнем из школы даосистов; «Вода и земля» — вероятно, учеными-медиками из той же школы даосистов; «Ясные законы» («Мин фа») — легистами; «Правитель и подданные» («Цзюнь чань») — конфуцианцами; «Четыре времени года» («Сы ши») — «натуралистами» (*инь-ян цзя*).

Переводы этих глав осуществлены С. Кучерой (гл. 30, 31, 40, 46) и Ян Хин-шунем (гл. 36—39, 49) по китайскому оригиналу, вошедшему в 5-й том «Чжуцзы цзичэн» («Собрание классических текстов». Пекин, 1956).

Ян Хин-шун

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ. «ПРАВИТЕЛЬ И ПОДДАННЫЕ». ЧАСТЬ ПЕРВАЯ¹

...Небу свойственны постоянные явления, земле свойственна постоянная форма, человеку свойственны постоянные нравы. Однажды созданные, [они] не меняются; это называется тремя постоянствами. Объединять их и совместно [управлять ими] — это путь правителя; отдельно ведать ими [в соответствии с должностными обязанностями] — это дело подданных. [Если] правитель отступит от своего пути, [то] не сможет сохранить свое царство; [если] подданный забросит свое дело, [то] не сможет сохранить свою должность. Поэтому верхи [должны] добросовестно заботиться² о низах, а низы [должны] честно служить верхам. [Если] верхи добросовестно заботятся о низах, то установленные [ими] законы и нормы разумны. [Если] низы честно служат верхам, то [они] искренни в соблюдении долга и повиновении приказам. [Если] верхи разумны и низы искренни, [то между] верхами и низами [существует] моральное единство и они заменяют друг друга в должном порядке. [Тогда] правитель не теряет авторитета, низы не относятся небрежно к своим трудовым занятиям и [это] не считается взаимным одолжением. Поэтому высокопоставленные [должны] старательно заниматься [своей] правственностью, а низкопоставленные — хранить душевную чистоту. Когда долг и нравы обретают [образцовую] форму в верхах и [в своем] совершенстве спускаются вниз, в народ, тогда народ, с одной стороны, подчиняется и сближается с правителем, с другой стороны, отдает все [свои] силы земледелию. Поэтому говорится: «[Если] правитель умный, [его] первый министр — преданный, главы пяти ведомств³ — строгие и добросовестные, чиновники⁴ — честные, крестьяне — невежественные⁵, купцы и ремесленники — добросовестные, то и верхи и низы обретают [свое]

место, а между внешним и внутренним [существует] различие; жизнь народа [имеет] опору, а *сань-цзу*⁶ [действует согласно определенной] системе».

Тот, кто является правителем, [должен] покровительствовать народу [своей] добротой; [а] тот, кто является подданным, [должен] жить, опираясь на правителя. Тот, кто является правителем, [должен] измерять заслуги [своих подданных] и справедливо определять их жалованье⁷; [а] тот, кто является подданным, [должен] принимать [свое] назначение и почтительно с ним справляться⁸. [Если] ввести принципы управления одинаковые [для всех], народ будет доволен [своей] жизнью и тогда государство [станет] богатым⁹. [Если] жалованье получают по труду, то народ не ведет праздного образа жизни. [Если] в системе наказаний нет несправедливости, то в низах нет чувств озлобления. [Если] названия правильны, а разделение [обязанностей] четкое, то народ не сомневается в принципах [управления страной]. Эти принципы правитель исползует, чтобы руководить народом. Поэтому принципы [управления страной] и [принципы] морали исходят [непосредственно] от правителя; постановления и приказы передаются [ко всеобщему сведению его] приближенными¹⁰; дела решаются чиновниками; силы же народа ожидают приказа и [только после его получения] начинают действовать...

Поэтому правителем является [тот, у кого] хорошие умственные способности, а служит людям [тот, у кого] хорошие физические качества^{10а}. [Если] правитель [обладает] хорошими физическими качествами, то [он] не беспристрастен¹¹. [Если же] правитель не беспристрастен, [то он] часто [проявляет свое] расположение наградами, а к наказаниям относится с пренебрежением, и тогда в государстве отсутствует закон¹². [Если же] управлять страной, не имея закона, то тогда народ организуется в группы и союзы; находясь в сообщничестве, низы мошенничают, чтобы достичь своей личной [выгоды]. [А если] система законов отличается постоянством, то тогда народ не разбредается¹³, а объединяется с верхами и исчерпывает [все свои] чувства, чтобы преподнести [им] свою преданность. Тогда [можно] не рассуждать о знаниях и способностях, государственные дела налаживаются, страна освобождается от страданий, сановники справляются со своими обязанностями, [можно] не рассуждать о мудрости и прони-

цательности, выдвигаются люди достойные, вероломные и фальшивые наказываются, наблюдающих и подслушивающих [осведомителей] — множество¹⁴. Поэтому тот, кто является правителем, бездействует у начала всех вещей, а [все] обязанности возлагает на тьму людей. [Он] выбирает мудрых и оценивает способных и относится к ним в соответствии с законом. [Если правитель] выдвигает надеждающих людей, [то тогда он управляет страной], бездействуя и собирая удачу, которым нет конца. [Если же] чиновники не соответствуют их должностному назначению, [то правитель управляет страной], суетясь и спасая свои запущенные дела, которым нет конца. Однако никогда не [бывает так, чтобы] в стране не хватало чиновников, которые [могут] справиться с [возложенными на них] обязанностями, только правителю недостает мудрости, чтобы узнать о них. Вот почему мудрым правителем является тот, кто в совершенстве знает [тех своих] подданных, которые [могут] справиться с [возложенными на них] обязанностями. Поэтому и говорится: [если] принципы [управления страной] успешно осуществляются, то умные и талантливые [люди] достигают успехов, а народ [поддается] управлению. Как видно, порядок и хаос [в стране] зависят только от правителя...

*Дао*¹⁵ — это то, что создаст жизнь человека, а не рождение человека. Совершенномудрые государи и умные правители хорошо знали [*дао*] и руководствовались [им]. Поэтому [для] управления народом существуют постоянные принципы, а [для] производства ценностей¹⁶ существуют постоянные правила. *Дао* — это основа всех вещей. [Если] тот, кто является правителем, овладел [этой] основой и пользуется ею, то низы не осмеливаются проявлять вероломные и фальшивые чувства, хотя [они у них и] есть. *Дао* [само по себе] является пустым¹⁷; [если] существует [обладающий] им человек, то [*дао*] распространяется; [если обладающий] им человек умирает, то [распространение *дао*] прекращается. [Если] нет его¹⁸, то нет [того, что необходимо] для управления народом; [если] нет его, то нет [того, что необходимо] для производства ценностей. [Если же] народ [поддается] управлению, а [количество произведенных] ценностей увеличивается, [то] эти успехи принадлежат правителю. Поэтому умный правитель, зная это, ценит законы *дао* выше, чем свое государство...

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.
«ПРАВИТЕЛЬ И ПОДДАННЫЕ».
ЧАСТЬ ВТОРАЯ

В древности не было разделения на правителя и подданных, на верхи и низы, не¹⁹ было попарного соединения мужчин и женщин. [Люди] жили стадами, [так же как] жили животные, и, используя силу, нападали друг на друга. Тогда умные обманывали глупых; сильные притесняли слабых; старцы, дети, сироты и одинокие не находили себе приюта. Поэтому умные²⁰ использовали силы народа, чтобы запретить насилие и жестокость и пресечь [действия] жестоких насильников. [Умные] развивали то, что было выгодно народу, и уничтожали то, что было вредно [ему]; исправляли его нравственность, и народ учился у них. Поэтому искусство управления [народом] и безупречное поведение происходят от мудрых. [Если] чувство долга и принципы [поведения, которые] следуют за искусством управления и безупречным поведением, в изобилии проявляются в сердце народа, то народ устремляется к *дао*. [Если правильно] определить и разграничить познание и сущность, правду и неправду, то тогда [система] наград и наказаний может действовать. [Если] верхи и низы определены и [уже] возникла [сословная] градация народа, то тогда [можно] основать столицу государства. Вот почему государство становится государством: [сословная] градация народа определяет [существование] государства; [вот почему] правитель становится правителем: [система] наград и наказаний определяет [существование] правителя. [Если] награды чрезмерно высоки, то [средства государства] оскудевают; [если] наказания чрезмерно суровы, то [в государстве царит] жестокость. [Если] средства оскудевают, а указы жестоки, то [правитель] теряет свой народ²¹. Поэтому мудрый правитель внимательно [относится к] наставлениям [относительно] размещения [населения]— [это] дает возможность народу спокойно жить, побеждать в войне и быть стойким в обороне. Если награды чрезмерно высоки, то правителю не хватает средств; [если] наказания жестоки, то низам некому довериться. Поэтому мудрый правитель приводит в порядок церемониал приемов, траура и похорон и [соответствующим образом] делит его на категории²². Поэтому [мудрый правитель] поощряет народ при помощи восьми принци-

нов управления²³; отличает его при помощи одежды²⁴; обогащает его при помощи государственных пожалований; [определяет степень] знатности при помощи жертвенной утвари²⁵; тогда народ сближается с правителем и может быть [им] использован. [Если] народ можно использовать, то Поднебесная может быть подчинена [правителю]. [Если] Поднебесная следует *дао* правителя, то тогда [она ему] подчиняется; если же не следует *дао* правителя, то [она ему] не подчиняется. [Это как] волна, [которая] вздымается, достигает крайней точки своего движения вверх и опять спадает, и это ее естественное состояние. Поэтому [мудрый правитель] проявляет заботу о народе при помощи добродетели и устрашает его своим величием, и тогда Поднебесная подчиняется ему. В стране, [которая] руководствуется *дао*, издаются приказы и декреты, и мужчины и женщины полностью подчиняются правителю и сближаются [с ним]; публикуются законы и правила, и мудрые и чиновники полностью отдают правителю свои способности. [Благодаря этому] в пределах тысячи *ли* [правитель] может подробно знать [даже] о наказании «пучком стрел» и о налоге с одного *му* [земли]²⁶. [Тогда] ведающие наказаниями не осмеливаются присваивать себе [право] наказывать, а ведающие наградами не осмеливаются присваивать себе [право] награждать²⁷; [все] послушны [правителю], как дети отцу, как семья [ее] главе, так как чувство долга и принципы [поведения] ясно [определены].

[Если] низы не поддерживают своих верхов; [если] подданные не поддерживают своего правителя, то мудрые не приходят, [чтобы стать чиновниками]. [Если] мудрые не приходят, то народ нельзя использовать; [а если] народ нельзя использовать, то Поднебесная не подчиняется [правителю]. Поэтому говорится: «[Если] нарушаются [принципы] нравственности, то правитель в опасности; [если] нарушается система наград, то заслуженные люди в опасности; [если] нарушаются постановления, то чиновники в опасности; [если] нарушается [система] наказаний, то народ в опасности!» Однако мудрый правитель [может] строго запретить злоупотребления и нарушения, [и если] верхи не помышляют о злоупотреблениях и нарушениях, то в низах нет настроений надеяться на счастливый случай.

[Если] тот, кто является правителем, нарушает принципы [управления страной], отбрасывает законы и любит вершить [дела по] личному [усмотрению, то] это называется

хаосом. [Если] тот, кто является подданным-чиновником, изменяет старые [порядки] и постоянные [правила] и [использует] красноречие, чтобы льстить правителю, [то] это называется безнравственностью²⁸. [Когда] хаос достигает предела, то [становится] жестокостью; [когда] безнравственность достигает предела, то [становится] изменой. [Если] хотя бы одно из этих двух²⁹ [зол] достигает предела, то враг строит планы его [использования в своих целях]. Поэтому [правитель] благотворительствует и проявляет благодушие, чтобы предотвратить смуту, и тогда народ радуется; отбирает мудрых, выдвигает способных, с уважением относится к почитающим родителей и старших братьев, и тогда вероломство и фальшь прекращаются. [Если] пресечь разврат и праздность, отделить мужчин от женщин, то прекратятся прелюбодеяние и непристойность. [Если в отношениях между] знатными и простыми существует справедливость, нормы отношений между людьми и [сословная] градация не преувеличиваются, то заслуженные люди воодушевляются. [Когда] в государстве имеются постоянные правила, [то] закон не является тайным, и тогда в низах нет чувства озлобления. Эти пять [категорий] — это путь становления нравственности, исправления проступков, сохранения государства и приведения народа в устойчивое положение.

Правитель может совершить два [особенно больших] проступка; подданный-чиновник может совершить [одно особенно] тяжелое преступление. Вот [они]: государство — это то, что принадлежит [правителю], народ — это то, над чем властвует [правитель]. Иметь государство и править народом и [в то же время] использовать [людей], которых народ ненавидит, для управления им — это первый проступок. У народа есть три обязанности³⁰. [Если правитель] не отдаст народу приказаний [о порядке выполнения земледельческих работ], то народ перестанет быть [преданным] ему³¹. [Если же] народ перестанет быть преданным [правителю], то его нельзя будет использовать для защиты [государства] и ведения войны. Это второй проступок правителя.

Подданный-чиновник получает от правителя высокие ранги, весомое жалование, занимает крупные должности. [Если он] изменяет своей должности, забрасывает дела, потакает настроениям правителя, потворствует его пристрастиям, льстит ему и восхваляет его³² — это и есть

тяжелое преступление подданного-чиновника. [Если] правитель совершает проступки и не исправляет [их], то это называется «действовать наоборот»; [если] подданный-чиновник совершает преступления и не наказывается, то это называется хаосом. [Если] правитель является правителем, «действующим наоборот», а подданные-чиновники являются чиновниками, «вызывающими хаос», то падение государства [неизбежно, и] можно только сложа руки дожидаться его. Вот почему правитель, который обладает принципами [управления страной], держит в [своих] руках основное начало [управления страной], первый министр — важные элементы [политики], а сановники — законы, чтобы управлять множеством [мелких] чиновников. А эти чиновники полностью отдают [свои] умственные и физические [возможности], чтобы служить своему правителю. [Если эти] четыре должностные обязанности [выполняются] надлежащим образом, то [в государстве царит] порядок; [а если они выполняются] небрежно, то [в государстве царит] хаос. Поэтому [эти должностные обязанности] не могут не быть четко установлены и [должны] строго соблюдаться. Совершенные правители древности считали улучшение жизни народа основным [делом], [они] в совершенстве знали, что порождает беды и благополучие, и поэтому были осмотрительны в малом, занимались мелочами, старались различить правду и неправду, чтобы [постичь] их основу. Тогда карьеристы, порочные люди, обманщики не осмеливались пытаться [сделать что-то плохое]. Это и есть метод исправления народа [при помощи] правильного поведения [правителя]...

Человек необыкновенный и совершенный [может стать] ваном; достойный и умный — правителем; воинственный и храбрый — полководцем — это путь неба и [принцип] отношений между людьми. Постигшие путь неба и [принцип] отношений между людьми царствуют; не постигшие [их]³³ следуют [за первыми] — так устанавливается численное соотношение [между правящими и подданными]. Поэтому тот, кто занят обдумыванием планов, не принимает участия в практической деятельности, а тот, кто лично [занимается] практической деятельностью, не определяет принципов [управления страной]. Поэтому тот, кто является правителем над людьми, озабочен [мыслями о судьбе страны], но не трудится [физически]; народ же трудится [физически], однако не озабочен [такими мысля-

ми]. [Если существует] четкое различие между правителем и подданными, между верхами и низами, то тогда устанавливается управление [страной при помощи] правильного поведения [людей]³⁴. Поэтому народ используется для служения правителю; [физическая] сила — для служения уму; тело — для служения мысли — это закон [всех] вещей. Мысль определяет, что возможно и что невозможно³⁵; а тело применяется к обстановке. Тот, кто [определяет, что] возможно [и что] невозможно, тот ведает управлением; а тот, кто применяется к обстановке, ведает [физическим] трудом. Ведающий [физическим] трудом — как квадрат; ведающий управлением — как круг. То, что круглое, движется [беспрепятственно]; то, что [беспрепятственно] движется, достигает [цели познания]; [если] достичь [цели], то [наступает] гармония. То, что квадратное, крепко держится в руках; то, что крепко держится в руках, прочное; [если есть что-то] прочное, то [рождается] доверие. Правитель получает выгоду от гармонии; подданный сохраняет душевную чистоту от доверия [к правителю]³⁶, и тогда нет фальши [в отношениях] между верхами и низами. Поэтому говорится: «Правитель управляет [при помощи] гуманности, а подданный сохраняет доверие [к нему] — это называется правильными отношениями между верхами и низами».

Правитель в столице страны как сердце в теле [человека]. [Если] добродетель утверждена в верхах, то народ внизу меняется [к лучшему]. [Если] внутри появляется честное сердце, тогда снаружи меняется внешность³⁷. В честности [сердца] проявляется добродетель [правителя]. Знать, [как] обрести ее в самом себе; знать, [как] обрести ее в народе, [означает] следовать ее принципам. Знать, [когда] она утрачена в глазах народа, отступить и исправить ее в самом себе означает вернуться к ее истокам. [Если] от самого себя требовать многое, то добродетель утверждается; [если] от людей требовать малое, то народ легко это дает. Поэтому тот, кто правит людьми, направляет [свое] внимание вверх, [на небо], а его подданные направляют внимание вниз, [на землю]. Тот, кто направляет внимание вверх, отмечает порядок времен года, [чтобы, назначив задачи], привести в движение силы народа. Тот, кто направляет внимание вниз, развивает плодovitость земли, [чтобы обеспечить] достаточное количество средств [существования]. Поэтому метод поведения умного пра-

вителя заключается в умении: привести в порядок чувство долга; изучать время и сезоны [года]; наверху служить богам, а внизу воздавать должное своим помощникам. Поведение же преданного подданного [должно заключаться в] умении опираться на закон [при исполнении своих обязанностей] и не допускать его извращения; наверху исправлять проступки правителя, а внизу помогать народу в беде. [Если] мудрый правитель находится наверху, а преданный чиновник ему помогает, то народ [можно] привести в порядок при помощи принципов управления и системы наказаний³⁸ и втянуть в обогащение одеждой и едой, и тогда [народ становится] усердным и [его] легко использовать; [он становится] невежественным и легко [поддается] запретам. Благородный человек кормится, управляя страной; простые люди кормятся, используя [свою] силу, — [это естественное] разделение. Авторитет, не обладающий силой, не может быть установлен; дела без [конкретных] действий не могут возникнуть, и тогда в государстве [царит] спокойствие, а безнравственность уменьшается³⁹...

[Существуют] четыре [причины], вызывающие беспорядок в государстве, и две [причины], вызывающие его гибель. [Если во] внутренних [покоях] имеется любимая наложница, не по праву приравненная к первой жене, то это беспорядок во дворце. [Если среди] детей наложниц имеется [любимый] сын, не по праву приравненный [к старшему сыну от] первой жены, то это беспорядок в семье⁴⁰. [Если при] дворе имеется сановник[—фаворит], не по праву приравненный к первому министру, то это беспорядок в стране⁴¹. [Если на] чиновничьи посты назначаются бездарные [люди], то это беспорядок в массе [чиновников]⁴². [Если эти] четыре [категории]⁴³ не разграничены, [то] правитель теряет [свое] достоинство, чиновники [объединяются] в группы и союзы, чтобы заботиться о своих личных [делах], и тогда [правитель] теряет [поддержку своего] рода. [Если] чиновники, знающие важные тайны государства, тайне договариваются [с другими странами] и скрытно [плетут] интриги, противопоставляя себя [правителю], то [правитель] лишается поддержки [народа]⁴⁴. Внутри потерять [поддержку] рода, вовне потерять поддержку [народа] — это и есть две [причины], [вызывающие] гибель [государства]. Поэтому первая жена [правителя] должна быть ясно установлена; [старший] сын [от законной жены]

должен быть назначен [наследником] в соответствии с законом; первый министр должен быть беспристрастным и прямодушным, чтобы повиноваться [правителю]; чиновники должны быть преданными и достойными доверия, чтобы уважать [правителя]. Поэтому говорится: «Существует беспорядок во дворце, и беспорядок [в отношениях между] братьями, и беспорядок [среди] сановников, и беспорядок [среди] чиновников, и беспорядок [среди] простого народа». Как только эти пять [беспорядков] начинают действовать, то правящий людьми [оказывается] в опасности. Беспорядок во дворце вызывается распрями из-за зависти; беспорядок [в отношениях между] братьями вызывается эгоизмом группировок; беспорядок [среди] сановников вызывается самовосхвалением⁴⁵; беспорядок [среди] чиновников вызывается запугиванием [при помощи обмана честных и] преданных [правителю чиновников]; беспорядок [среди] простого народа вызывается недостатком средств. Недостаток средств порождает отсутствие нравственности; запугивание преданных порождает презрение; самовосхваление с неуступчивостью, эгоизм группировок и распри из-за зависти порождают перевороты⁴⁶. Поэтому [если] судьбу [детей от законной жены и от наложниц] определить в соответствии с законом; подозрения [законной жены и наложниц постоянно] контролировать; вероломных приближенных казнить, то тогда воцарится спокойствие внутри⁴⁷. Градацию сановников [необходимо] устанавливать в соответствии с [их] заслугами; градацию чиновников [необходимо] устанавливать в соответствии с [их] поведением; градацию простого народа [необходимо] устанавливать в соответствии с [прилежанием в] труде, и тогда в государстве будет достаток. [Необходимо] понимать [и соблюдать] сезоны года и исследовать свойства земли, чтобы соответствующим образом [использовать] силы народа; [необходимо] запретить развращающие занятия⁴⁸ и поощрять прилежание в земледелии, чтобы дать [постоянное] занятие [людям], лишенным его; и тогда простой народ [поддастся] управлению.

Наверху [следует] утвердить [необходимое] число [образованных людей-чиновников]; внизу [следует] разделить народ [по десятидворкам и пятидворкам, чтобы провести набор образованных людей-чиновников]. [При этом следует] сократить сроки отбора и повышения [образованных людей-чиновников]⁴⁹, чтобы укрепить их стремление [слу-

жить правителю]. В округах [должны быть] учреждены учителя, чтобы успешно завершить их учебу. Назначать [их] на чиновничьи посты [следует с учетом] их способностей и выдвигать в определенные сроки, тогда они будут верны [правителю в своем] безупречном поведении. [Если] определять [их] добродетель, измерять [их] заслуги и поощрять способных среди них ⁵⁰; [если] проверять [их деятельность], используя мнение простого народа, и назначать [их] на высокие государственные посты; если так действовать, тогда они будут верны [правителю в своих] чувствах.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ. «ИСКУССТВО СЕРДЦА». ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ⁵¹

Сердце ⁵² у человека [напоминает] государя на троне, а функции его внешних органов ⁵³ — обязанности чиновников. Когда сердце соблюдает свое *дао*, тогда и внешние органы [человека] следуют своему ритуалу. [Если человек] полон страстей, то [его] глаза не видят цвета, [его] уши не слышат звука. Поэтому говорят: «Когда вышестоящие покидают свое *дао*, тогда нижестоящие не способны выполнять свои функции. Нельзя заменять собой коня в ходьбе, а нужно полностью использовать его силу. Нельзя заменять собой птицу в полете, пусть она истреплет свои крылья». Деятельность [сердца] не должна предшествовать вещам, [сначала] нужно наблюдать за их последовательностью. Если [сердце] преждевременно действует, то [оно] может потерять [занимаемое им] положение. Если [оно] находится в спокойном состоянии, то это дает [ему] возможность постигнуть [сущности вещей]. *Дао* находится [от нас] недалеко, но обнаружить его очень трудно. [Оно] находится среди людей, но постигнуть его очень трудно.

[Сердце] должно освободиться от страстей, и тогда дух ⁵⁴ вселится в свое вместилище ⁵⁵. В освобожденном от нечистоты [сердце] задержится дух.

Все люди хотят обладать мудростью, но не знают, каким образом можно ее приобрести. О мудрость! О мудрость! Разве она выброшена за моря и не может сама оттуда вырваться? Лучше было бы сделать [свое сердце] чистым, чем искать ее. Справедливый человек не стремится к ней, поэтому [его сердце] может быть чистым.

То, что пусто и лишено форм, называется *дао*. А то, благодаря чему формируются и изменяются вещи, называется *дэ*⁵⁶. Отношения между государем и подданным, отцом и сыном называются долгом. Повышение и понижение [в должностях, взаимное] приветствие [при встрече] и [взаимная уступчивость] в обращении; различие между знатными и низкими, между близкими и дальними [родственниками] — все это называется ритуалом. То, что [дела] сложные и несложные, большие и малые разрешаются по единым правилам, и то, что применяются такие меры, как казнь, наказание, запрещение, называется *фа*⁵⁷.

Большое *дао*, на которое можно опираться, нельзя выразить словами. Слова же идеального человека⁵⁸ не страдают односторонностью. Они не произносятся из его уст и не проявляются в выражении его лица. Но кто же в мире понимает их смысл?

Небесное [*дао*] пусто, земное [*дао*] спокойно. Благодаря этому они не совершают ошибок. [Нужно содержать сердце] в чистоте, открыть его двери, освободиться от корыстного помысла, воздержаться от многословия, тогда светлый ум будет пребывать в нем. [В таком случае] те дела, которые кажутся хаотичными, могут быть упорядочены сами по себе, если к ним относиться спокойно. Насилие не везде может быть применено; ум не может предусмотреть все.

Вещам свойственны формы, а формы имеют имена. Тот, у кого имена соответствуют [действительности], называется совершенномудрым. Поэтому непременно нужно уяснить себе смысл безмолвия и суть недеяния, чтобы понять основу *дао*. [Нужно уяснить себе также] и то, что служит общим основанием для всех вещей, отличающихся друг от друга как по форме, так и по положению. Тогда [совершенномудрый] может стать хозяином в Поднебесной.

Человека можно [запугать] убийством, так как он боится смерти. Ему можно [угрожать] лишением выгоды, так как он [всегда] к ней стремится. Лишь благородный муж свободен от стремления [к выгоде] и не боится опасности, его [душевное состояние] спокойное и радостное, он не [стремится] к действию и не держит при себе [тайных] замыслов и [коварных] планов. Его соприкосновение [с вещами] не исходит из того, чтобы преднамеренно что-то с ними сделать, а его действие не основывается на том, что-

бы получить [выгоду]. Ошибка [людей] состоит в том, что [они] занимаются мудрствованием, а вина [их] в том, что путают [истину с вымыслом]. Поэтому благородный муж, овладевший *дао*, в жизни напоминает невежественного, а при соприкосновении с вещами его действие [естественным образом] соответствует [им]. [Это и есть] путь к спокойствию и следованию [вещам].

Сердце у человека [напоминает] государя на троне, а функции его внешних органов — обязанности чиновников.

Уши и глаза — органы слуха и зрения. Если сердце не будет вмешиваться в дела этих органов, то они исправно будут выполнять свои обязанности. Если же сердце полно страстей, то глаза не видят тех вещей, которые [перед ними] проходят, уши не слышат тех звуков, которые [к ним] приближаются. Поэтому и говорится, что, когда вышестоящие покидают свое *дао*, тогда нижестоящие не способны выполнять свои функции. Таким образом, искусство сердца состоит в том, чтобы своим недеянием управлять внешними органами. Поэтому и говорится, что нельзя замечать собой коня в ходьбе и птицу в полете. Это означает, что [государь] не должен отнимать дела у тех, которые способны их осуществить, и не должен сравнивать свои способности со способностями своих подчиненных. Деятельность [сердца] не должна предшествовать вещам, ибо [преждевременное действие] нарушает его равновесие и спокойствие. Это значит, что [преждевременное] действие мешает наблюдению [за вещами].

Пост — это то положение, которое [соответственно] занимают [различные люди]. Государь занимает сторону *инь*⁵⁹. *Инь* означает покой. Поэтому говорится, что движение может привести к потере занимаемого положения. *Инь* может властвовать над *ян*, а покой — над движением. Поэтому говорится, что благодаря покою [все] становится на свое место.

Дао находится и на небе, и на земле. Оно так велико, что не имеет внешнего предела, и так мало, что не имеет предела внутри себя. Поэтому говорится, что *дао* находится [от нас] недалеко, но обнаружить его трудно. Пустота не отделена от людей. [Однако] только совершенномудрый [может] овладеть этой пустотой — *дао*. Поэтому говорится: «Находясь рядом с *дао*, его очень трудно найти».

Чувственные [соблазны] возбуждают человека. [Только] освободившись от страстей, [душа человека] может стать чистой. Чистая [душа] ведет к спокойствию, а спокойствие — к совершенству [ума]. Совершенство [ума] позволяет сосредоточить внимание [в одном направлении], что является [источником] пронизательности. А пронизательность присуща духу. Дух — это то, что самое дорогое [на свете].

Если жилище не убрано, то знатный человек не поселится в нем. Подобно этому дух не будет находиться там, где не чисто.

Все люди хотят обладать мудростью, но не [знают], каким образом можно ее приобрести. То, что познается, есть объект, а то, что познает, есть субъект. Без усовершенствования субъекта разве возможно познать объект? В усовершенствовании субъекта нет ничего [важнее, чем сделать сердце] пустым. Пустота [сердца] — это значит, что в нем не содержится [ничего].

Спрашивается: [человек], который уже отказался от знания, разве еще будет стремиться к нему? Человек, который ничего не оставляет [в своем сердце], разве [еще будет стремиться] к созиданию⁶⁰? Отсутствие стремления [к знанию] и желания созидания приводит к устранению мысли. Отсутствие мысли и есть возвращение к пустоте [сердца].

Небесное *дао* пусто и бесформенно. Поскольку пусто, [оно] неисчерпаемо; поскольку лишено формы, [на его пути] нет препятствий. Отсутствие [на его пути] препятствий позволяет [ему] повсюду находиться среди вещей и не подвергаться изменению.

Дэ — это вместительница *дао*, благодаря ему рождаются и развиваются вещи. [Таким образом], когда познано *дэ*, тем самым познана и сущность *дао*. Поэтому *дэ* есть то, посредством чего приобретаются [знания]. Приобретенные таким образом знания есть знания о том, как [вещи] существуют сами по себе.

Недеяние⁶¹ называется *дао*. То, в чем [оно] пребывает, называется *дэ*. Поэтому *дао* и *дэ* существуют неразрывно. Если говорят [о *дао* или *дэ*], то [по существу] говорят об одном и том же.

Ритуал в обществе есть проявление *дао*. Долг есть то, благодаря чему все люди действуют в соответствии со своим положением. Ритуал есть правила этикета, выра-

ботанные в соответствии с отношением людей и их чувством долга. Поэтому ритуал означает определенный порядок, а определенный порядок выражает смысл долга. Таким образом, ритуал происходит от чувства долга, чувство долга — от существующего порядка, а основой существующего порядка служит *дао*. Возникающее вместе [со всеми этими понятиями] законодательство носит принудительный характер. Посредством таких мер, как казнь, тюремное заключение, запрещение, ограничение, оно устанавливает единый [для всех порядок]. Таким образом, [законом] контролируются все дела, а само законодательство опирается на власть. Власть же происходит от *дао*.

Незрим образ *дао*, когда оно действует, но видна его добродетель, когда оно приносит [людям пользу]. [Благодаря *дао*] совершенствуются все существа, но никто не может исчерпывающе его познать. Поэтому говорится, что [*дао*] — [это то, на что] можно опираться, но невозможно выразить словами.

Идеальный человек есть тот, кто способен всесторонне объяснить [*дао* и *дэ*]. [В своей деятельности идеальный человек] не допускает ошибок, так как [он] следует [вещам]. Следование [вещам] — это значит, что человек ничего не делает преднамеренно, поэтому-то у него не бывает ошибок. Отсутствие ошибок — это значит, что [действие человека] имеет основание [в действительности]. Это происходит оттого, что он не стремится приобрести что-то. Поэтому [у идеального человека] не бывает ошибок. [Его слова] не произносятся устами и не обнаруживаются в выражении его лица — это значит, что [идеальный человек] держится как бесформенное [*дао*]. В мире никто не понимает смысла его слов, а это значит, что он хранит свои мысли в глубокой тайне.

Небесное *дао* пусто, земное *дао* спокойно. Благодаря пустоте оно неисчерпаемо, благодаря спокойствию оно не подвергается изменению. То, что не изменяется, не имеет пороков. Поэтому говорится, что оно не совершает ошибок. Нужно содержать «дворец» в чистоте, открыть «двери». «Дворец» [здесь] означает сердце, сердце — это вместилище ума. Поэтому говорится, что «чистота дворца» означает освобождение от чувств симпатии и неприязни. «Двери» [здесь] означают глаза и уши, являющиеся [органами] зрения и слуха.

Вещам свойственны формы, а формы имеют свои имена. Это значит, что имена не должны расходиться с действительностью, а действительность — с именами. Объясняя формы, должно исходить из самих форм, сообразно с формами давать им имена. [Нужно] изучать суждения [людей], чтобы исправлять имена. Поэтому говорят, что совершенномудрый своим молчанием говорит, так как он следует [вещам]. Следование [вещам] — это когда все делается [другими] людьми. Опираясь на имена, изучать причины, отчего образуются [вещи], — это и есть путь следования [вещам].

Недеяние *дао* означает соблюдение естественности [вещей]. Соблюдение естественности [вещей] — это значит, что [человек ничего] не прибавляет [к вещам] и [ничего] не отнимает [у них]. Исходя из форм [вещей] устанавливать им имена — это и есть путь соблюдения естественности вещей. Имена — это то, как совершенномудрый обозначает вещи. Люди [часто] прибегают к силе, прикрываясь при этом ложной добродетелью. Они надеются на свою способность и действуют своей хитростью. Но всего этого нет у совершенного. Отсутствие [этих качеств] позволяет [совершенному], исходя из различных состояний вещей, [постоянно] менять свои представления о них. Это значит, что его сердце само по себе пусто. А пустота есть начало всех вещей. Поэтому благодаря пустоте [сердца совершенномудрый] может стать властелином Поднебесной. Человек, охваченный чувством отвращения, может упустить то, что он любит. Человек, испытывающий чувство любви, может забыть то, что он ненавидит. Это есть нарушение *дао*. Поэтому говорится, что у того, кто не руководствуется чувствами любви и отвращения, чувство отвращения не приводит к потере сердца, а чувство любви — к осуществлению [эгоистических желаний]. Поэтому говорится: «Благородный муж пребывает в спокойствии и недеянии, он свободен от хитрости и интриг». [Это и] называется пустотой и простотой. Его соприкосновение [с вещами] не преследует [корыстной цели], его действие не основывается на том, чтобы получить [выгоду]. Все это означает соблюдение естественности [вещей], а соблюдение естественности [вещей] означает отказ от предвзятого мнения следовать вещам. Восприняв [вещи], затем следовать [им] — это и означает не преследовать [корыстной цели]. Действие, соответствующее зако-

нам [вещей], не основывается на том, чтобы получить [выгоду]. Ошибка [людей] состоит в том, что они занимают-ся самовосхвалением, а их вина в том, что они смешивают истину с вымыслом. Самовосхваление не позволяет [их сердцам] быть пустыми, а это вступает в противоречие с вещами. Смешение истины с вымыслом имеет целью коварство, а коварство приводит к смуте. Поэтому *дао* ценит следование естественности вещей, а следовать естественности вещей означает опираться на способности [людей] и использовать их.

Благородный муж, [постигший *дао*], в жизни напоминает невежественного. Это значит: пусто [его сердце]. При соприкосновении с вещами он как будто сопутствует им. Это значит, что он своевременно реагирует на них. Это подобно тому, как тень следует за предметом, эхо — за звуком. Поэтому при появлении вещей [совершенномудрый] способен следовать за ними, при их исчезновении — освободиться [от привязанности к ним]. Освобождение [от привязанности к вещам] снова возвращает [сердце] к пустоте.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ. «ИСКУССТВО СЕРДЦА». ЧАСТЬ ВТОРАЯ

У кого непристойный [внешний] облик, к тому не приходит добродетель. [У кого] внутреннее состояние несовершенно, у [того] сердце лишено спокойствия. Упорядочь [свой внешний] облик, воспитай в себе добродетель, тогда все вещи могут быть постигнуты [тобой]. [В таком случае] ум приходит сам собой и он будет неисчерпаем. Тогда ему будут понятны [все дела] Поднебесной и его знания распространятся на все четыре стороны света. Поэтому говорится, что нельзя допускать, чтобы вещи вводили в заблуждение органы чувств, а органы чувств — сердце. Это и называется внутренней добродетелью. Поэтому, когда душевное состояние [человека] уравнивается, тогда все [у него] становится на правильный [путь]. *Ци*⁶² — это то, чем наполнено тело [человека]. Правильный [внешний облик] — когда действие человека [соответствует] этикету. Если наполняющее тело [человека *ци*] не является нормальным, то сердце его становится неспособным [к познанию]. Если действие неправильно, то народ не будет покорным. Поэтому совершенномудрый подобно

небу и земле не имеет ничего собственного. Корысть — это то, что приводит Поднебесную к смуте.

Все вещи, которые появляются, имеют свои имена. Совершенномудрые при помощи [этих имен] овладевают [вещами], чтобы в Поднебесной воцарилось спокойствие. Если имена и действительность не будут вступать в противоречие, то в Поднебесной не будет смуты, установится порядок.

Если сосредоточить свое внимание, собрать свои мысли воедино, упорядочить свои органы слуха и зрения, тогда далекое будет познано как близкое.

Возможно ли сосредоточить [свое внимание]? Возможно ли собрать [свои мысли] воедино? Возможно ли [заранее] предвидеть беды или счастье, не прибегая к гаданию? Возможно ли остановиться [на чем-нибудь]? Возможно ли завершить [начатое дело]? Возможно ли самому постигнуть [истину], не спрашивая других? Поэтому говорится: «Нужно [самому] думать и думать». Если [и тогда] не сможешь постигнуть [истину], то духи тебе помогут. [Впрочем], это не сила духов, а [результат] высшего напряжения твоих же тончайших *ци*. [Того, кто умеет сосредоточить свое внимание] на одном предмете и изменить его, называют искусным [мастером]. [Того, кто умеет сосредоточить свои мысли] на одном деле и изменить его, называют умным [человеком]. Сбор и отбор [различных фактов] нужны для того, чтобы различать явления. Глубокое изучение изменений [вещей] нужно для того, чтобы соответственно относиться к ним. Сбор и отбор [фактов] позволяют упразднить хаотичность, а глубокое изучение изменений вещей — избежать блуждания в мелочах. [Это может сделать лишь] благородный муж, овладевший единым [началом]. Тот, кто овладел единым [началом]⁶³ и не допускает ошибок, может стать властелином над всеми вещами. [Он] блистающий, как солнце и луна, идеальный, как небо и земля. Совершенномудрые управляют вещами, а не управляются вещами.

Спокойствие в сердце приносит спокойствие государству. [Возможность] управлять сердцами есть [возможность] управлять государством. Управление [государством] зависит от [состояния] сердец, спокойствие [в стране] также зависит от [состояния] сердец. Когда у людей спокойны сердца, тогда спокойные речи выходят из их уст, спокойные дела совершаются у них. Поэтому, когда дела

идут успешно, тогда и народ покорный, все люди спокойные. Таким образом, законы о казнях и пытках не являются [действенным средством] в управлении [народом], угроза не является [подходящим методом] для устрашения [людей]. Когда народу [живется] легко, тогда все люди спокойные.

Дао, корни которого крайне глубоки, бесконечно велико и [вместе с тем] бесконечно мало. Оно не управляется человеком. Те порядки, которые устанавливают чиновники и согласно которым управляется [страна], не есть *дао*. *Дао* у совершенномудрых как будто существует [и в то же время] как будто не существует. Если его употреблять, то оно неисчерпаемо в веках. Изменяясь вместе со временем, *дао* сохраняет [в то же время] свое постоянство. Следуя за [постоянно изменяющимися] вещами, оно само не изменяется. При ежедневном употреблении оно не уменьшается.

Кто умеет вести правильную и спокойную жизнь, у того мускулы бывают гибкие, а кости крепкие. Кто умеет находиться под небесным сводом и обитать на земле, у кого сердце чисто, как зеркало, тот видит [все] сквозь великий свет [солнца и луны]. Кто не теряет способности вести правильную и спокойную жизнь, у того добродетель совершенствуется изо дня в день. Ему становятся понятными [все дела] Поднебесной и [жизнь] далеких стран.

Совершенное сердце не может быть скрытым внутри [человека]. Оно проявляется в образе [его жизни] и выражениях [его лица]. Если относиться к людям с добрыми намерениями, то это вызовет братское обращение [с их стороны]. Если относиться к людям со злыми намерениями, то это вызовет ненависть [с их стороны]. Невысказанные слова громче, чем [звук] барабана. Совершенное сердце при своем проявлении ярче, чем солнце и луна. При разборе дел оно прозорливее, чем родители [по отношению к своим детям]. Мудрые правители прошлого любили свой народ, а народ был привязан к ним. Деспоты ненавидели свой народ, а народ от них отворачивался. Награда недостаточна, чтобы проявить любовь к заслуженным. Наказание недостаточно, чтобы выразить гнев [к виновным]. Награда занимает последнее место в проявлении любви, а наказание — последнее место в выражении гнева.

[Прозцветание] жизни народа происходит от справедливости и спокойствия, а [ее] нарушение — от [чрезмерной]

радости и веселья, печали и гнева. Лучшим [средством], устраняющим гнев, является музыка. Лучшим [средством], ограничивающим веселье, является ритуал. Лучшим [средством], способствующим соблюдению ритуала, является почитание [старших]. Почтительный внешний вид и спокойное внутреннее состояние непременно восстановят собственную природу [у человека]. Разве не бывают такие дела, которые приносят выгоду? Однако у меня нет стремления к выгоде. Разве нет таких мест, где царит спокойствие? Однако у меня нет стремления к спокойствию. В сердце имеется еще [управляющее им] «сердце». Мысль предшествует словам. Вслед за словами возникают образы [предметов]. Вслед за образами начинается размышление. В результате размышления появляются знания.

Если сердце чрезмерно стремится к приобретению знаний, то оно теряет нормальное состояние. Поэтому накопление внутренних сил [сердца] является неисчерпаемым источником [жизни]. [Тогда] внутренний мир [человека гармонически] общается с внешним. Пока этот источник не будет истощен, мускулы [у человека] останутся крепкими. Если должным образом применить [свои духовные силы], то можно постигнуть [положение дел] во всех четырех странах света. Поэтому совершенномудрый, чтобы выяснить [смысл] какого-нибудь слова, наверху проверяет [его] по небу и внизу проверяет [его] по земле.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

«ЧИСТОЕ СЕРДЦЕ»⁶⁴

Устанавливая принципы и создавая свое учение, следует положить в их основу [идею] о покое, рассматривать время как драгоценность⁶⁵, а справедливость — как закон. [Только таким образом] можно надолго иметь пользу [от этого учения]. Не совершаю того, что не соответствует моим законам [справедливости]; не делаю того, что не соответствует моим принципам; не беру того, что не соответствует моему учению, пусть даже это приносит выгоду. В первую очередь нужно следовать небу, а затем — людям. Но [совершенномудрый] не следует тому небу, которое не обнаруживается в явлениях. Поэтому

его слова не бывают напрасными, его дела не бывают безрезультатными. Отыскивая причины и изучая состояние [вещей], нужно исходить из того, что их порождает. Зная их признаки, можно определить их формы. Исследуя их законы, можно выяснить их состояние. Отыскав их начала, можно знать их имена.

Нет того, что содержало бы в себе больше вещей, чем небо и земля. Нет того, что оказало бы более животворное влияние на вещи, чем солнце и луна. Нет ничего важнее для народа, чем вода и огонь. Однако небо не будет для одной вещи путать свои времена года. Просвещенный государь и совершенномудрые не будут для одного человека поширать свои законы. Все вещи получают пользу оттого, что движение неба совершается по собственному пути. Все люди получают выгоду оттого, что совершенномудрые также делают то, что им положено. Именно таким образом все вещи находятся в естественном состоянии, а люди обеспечены всем необходимым для жизни. Поэтому совершенномудрые, управляя страной, спокойно ожидают событий, с тем чтобы овладеть ими еще при их возникновении. Правильные имена естественным образом будут превращаться в законы, а неправильные имена непременно будут отброшены. Когда имена правильны, а законодательство совершенно, тогда совершенномудрые могут пребывать в бездействии.

Нельзя всегда находиться в одном и том же состоянии. Нельзя отказаться от существующего порядка. Определяя исход тех или других дел, нужно исходить из их изменений. Выдвигая тот или другой критерий, нужно учитывать время. [Человек] с широким кругозором терпелив, а с узким кругозором ограничен. Среди вещей бывают такие, которые имеются в избытке, и такие, которых не хватает. Начало войны зависит от противника, а ее конец определяем мы сами. Победа в войне есть [результат] преодоления противника, а приход добродетели — [результат] усовершенствования личности. Поэтому и говорится: «То, что является добрым предзнаменованием, с точки зрения духов, представляет собой справедливость, с точки зрения человека». Если война несправедливая, то ее нельзя вести. Тот, кто могуществен, но заносчив, потеряет свое могущество. Тот, кто слаб, но кичлив, ускоряет свою гибель. Тот, кто силен, но скромен и справедлив, может умножить свои силы. Тот, кто слаб, но скромен и справедлив, может

избежать бед. Поэтому чрезмерная надменность может принести унижение, а чрезмерная скромность — славу.

Дао является таким существом, которое, употребляясь одним человеком, не бывает в избытке, а употребляясь всеми людьми, не бывает в недостатке. Таково *дао*. При употреблении его в маленьких масштабах [оно] приносит маленькое счастье, а при употреблении его в больших масштабах [оно] приприсит большое счастье. Тому, кто полностью осуществляет [*дао*], подчиняется вся Поднебесная. От того, кто совершенно игнорирует [*дао*], отворачивается народ, и он не сможет избежать гибели.

Левая [рука] выдвигается вперед, а правая [рука] вонзает вглубь ⁶⁶. [Левая рука со щитом], выдвигаясь вперед, не причиняет [противнику] ранения, а [правая рука с мечом], вонзая в [противника], может поранить и самого себя ⁶⁷.

Не выбирая день и месяц, можно успешно вершить дела ⁶⁸. Не прибегая к гадаю, можно предвидеть беду или счастье. Это значит, что нужно иметь широчайший кругозор.

Спокойно живя в уединении, можно заслужить славу. Нужно отказаться от добрых слов и заниматься добрыми делами. Завершив дела, нужно снова вернуться к незаметному [для людей] положению. Тот, кто стремится быть неизвестным и действует своим недеянием, способен судить о происходящих событиях и давать им оценку, выяснять реальное положение вещей. Кто же способен, не управляя, установить порядок в [стране] ⁶⁹? Кто же способен положить пачало своим нестремлением к нему? Кто же способен завершить [дело] своим нестремлением к этому? Кто же способен осуществлять собственную деятельность своим недеянием? Поэтому и говорится: «Под изящным праздничным одеянием имеется внутренняя одежда, а под последней — натальное белье». Кто не может понять, что внутри внутреннего имеется сердцевина ⁷⁰? Поэтому и говорится: «Тому, кто завершил дела, [легко] опуститься; тому, кто заслужил славу, [легко] ее потерять». Спрашивается: кто же способен, отказываясь от славы и [вознаграждения] за заслуги, вернуться к положению [простых] людей и слиться с ними? Кто же способен, отказываясь от славы и [вознаграждения] за заслуги, вернуться к тому положению, при котором он еще не был прославлен?

Когда нечто еще не завершено, тогда ценится его завершение. Когда нечто уже завершено, тогда ценится его незавершенное состояние. Солнце, достигнув своего зенита, отдаляется. Луна, ставшая полной, начинает уменьшаться. Значит, достижение высшего предела ведет лишь к убыванию, а достижение полного объема ведет лишь к уменьшению. Так и достижение успеха ведет лишь к исчезновению. Кто же способен, достигнув свершения, снова начинать, как небо и земля [вновь] следуют по своему пути?

Не обращая внимания на то, что люди отзываются положительно или отрицательно, нужно придерживаться [естественного *дао*] и не противоречить [ему]. Тогда [истина] сама собой обнаружится. Нельзя считать дело уже завершенным лишь на основании того, что люди об этом говорят, а нужно [лично] изучить и доказать это. Нельзя полагаться на рассуждения людей. При наблюдении за состоянием вещей само собой становится ясным прекрасное или безобразное.

Что-то связывает небо, что-то поддерживает землю. Если бы ничто не связывало небо, то оно упало бы. Если бы ничто не поддерживало землю, то она провалилась бы. Раз небо не падает и земля не проваливается, стало быть, их что-то связывает и поддерживает. То же самое с людьми. То, чем управляют люди, напоминает то, что производит звуки на барабанах. Если что-либо само не может двигаться, значит, что-то его двигает. Но что же собой представляет это «что-то»? Оно не воспринимается ни зрением, ни слухом. Заполняя собой всю Поднебесную, оно не обнаруживает своего присутствия. Оно сосредоточивается в выражениях лиц, проявляется в плоти людей. Если спрашивать, когда оно проявляется и когда исчезает, то никто на это не может ответить. Оно обширно, как земля, просторно, как небо. Но в таком пространстве не найти его дверей. Благодаря [ему] из уст исторгаются звуки, уши служат органом слуха, глаза обладают зрением, руки имеют пальцы, ноги способны ходить. Благодаря [ему] все дела и вещи имеют собственную естественность. Те, которые должны жить, живут, а те, которые должны умереть, умирают. Это означает, что и те, которые находятся на востоке, и те, которые находятся на западе, каждое из них имеет свою определенную направленность. Выработать постоянно [действующие] правила

и установить определенный порядок — вот, что позволит соблюдать истинный [путь]. Постоянно служить делу и глубоко понимать *дао* — это позволит управлять людьми. Поэтому древние считали, что писать сочинения — излишнее дело, а произносить речи — легкомысленные.

Человек высшей мудрости не говорит пустых слов, не дает беспредметного указания. Когда появляются вещи, он [точно] их называет. То, что выражается в именах, то, что проявляется в телесных формах, может быть объяснено. А то, что нельзя выразить в именах, и то, что не имеет телесных форм, объяснить невозможно.

Когда дела уже правильно осуществлены, тогда безразлично будет: существует или не существует [то или иное] поучение. Поэтому говорится: «Тот, кто катается на лодке, следует за [течением] воды; тому, кто осуществляет [принцип] справедливости среди людей, покровительствуют духи». [Осуществление] дел бывает правильным и неправильным. Если они осуществляются правильно, то [это напоминает] развязывание мертвой петли при помощи острого наконечника. Поэтому способ тех, кто умело осуществляет [государственные] дела, не доступен [простым] людям страны. Тот, кто осуществляет добрые дела, не должен добиваться для себя [славы]; тот, кто творит недобрые дела, заслуживает наказания. Доброе или недоброе должно определяться суждением [людей]; [движение] вправо или влево, должно ориентироваться на середину⁷¹. [Это будет напоминать] солнце и луну, которые, находясь на небесах, совершают бесконечное движение. [В таком случае] простые люди не будут беспокоиться за [дела] Поднебесной, а страстные люди не будут увлекаться вещами. Кто же способен отбросить страсть и быть простым?

Трудно рассказать об искусстве [осуществления *дао*]. Но оно проявляется [только] в соответствии [с вещами]. [Если твои высказывания] не страдают многословием и не нуждаются в дополнении, то сможешь избежать [заблуждения]. Поэтому-то и спрашивается: что же собой представляет наше знание? Что же собой представляет наш замысел?

[Нужно] выяснить [сущность вещей], тогда [знание и его применение] приходят сами собой. Кто знает самого себя, тот сможет выяснить [сущность вещей], а кто знает людей, тот способен вершить дела. Тот, кто правильно

знает себя и людей, может стать правителем Поднебесной. Тот, кто имеет твердые внутренние [убеждения] и следует единому [началу], может надолго [сохранить свое благополучие]. Тот, кто применяет [свои знания] после [широких] обсуждений, может стать государем Поднебесной. Тот, кто наблюдает за небесными [явлениями], сможет стать прозорливым, знать положение во всех четырех странах света, сделать землю плодородной и собирать хороший урожай. Такой [человек] сможет осуществлять любые свои желанья так, как ветер гонит волны.

Когда сын сменяет отца — это называется выполнением долга. Когда слуга сменяет государя — это называется узурпацией. Почему узурпация воспевается, как это было с У-ваном? Поэтому спрашивается: кто же способен отказаться от словопрения и хитроумия и идти с людьми по одному пути? Поэтому говорится, что затемняется ум у тех, кто слишком много занимается глубоким размышлением; узким становится жизненный путь у тех, кто слишком много занимается воспитанием добродетели⁷². Кто увлекается славой и выгодой, у того жизнь в опасности.

Кто пытается познать все на свете, у того я вижу преграды в жизни. Достижение предельной полноты таит в себе опасность. Лучше не иметь славы, чем прославиться на всю Поднебесную. Прославившемуся нужно остановиться, — это соответствовало бы небесному *дао*. Нельзя поступать на службу чиновником в государстве, находящемся в полном расцвете. Нельзя выдавать замуж дочерей в семейство, находящееся в полном расцвете. Нельзя дружить с тем, кто кичлив и груб.

Дао велико, как небо, широко, как земля, тяжело, как камень, легко, как перышко. Народ мало это знает. Поэтому говорится: «*Дао* так близко [к нам], почему же не могут ему следовать?» [Люди], оставив близкое, рвутся к далекому, не напрасно ли тратят [они] свои силы? Поэтому и говорится: «Забываясь о себе, нужно осознать свое положение». Наблюдая за всем, что происходит во Вселенной, [нужно] изучить свое внутреннее состояние, тогда ясным становится образ [*дао*] и будет познана деятельность внутреннего мира. Когда будет изучена деятельность внутреннего мира, тогда известны будут и [пути] сохранения жизни.

[Дао растекается] направо и налево, вперед и назад, совершая круг, возвращается на прежнее место. [Мы должны], соблюдая ритуал и наряжая себя в праздничные одежды, почтительно встречать то, что появляется. А то, что появляется в данное время, обязательно имеет свои корни в дао. Когда неизменно так поступаем, тогда жизнь становится долговечной. Когда гармония пронизывает внутренний мир, тогда тело и душа взаимно защищают друг друга. Сосредоточив внимание на одном, не размышляя о другом, можно познать дао. Кто желает следовать дао, тот должен опереться на единое начало и крепко за него держаться. Если хочешь узнать, когда приходит и уходит дао, нужно [обратиться] к небу и тогда узнаешь его [приход и уход]. Если не упустил времени, познаешь [дао]. Поэтому говорится: «Я тебе показываю источник великого света»⁷³. Яркие лучи великого света не скрываются, однако люди их не любят. Однородные следуют друг за другом, противоположные расходятся между собой. Наблюдая за тем, как расходятся между собой противоположные, я узнаю то, что однородные следуют друг за другом.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ. «ВОДА И ЗЕМЛЯ»⁷⁴

Земля — источник всех вещей, корень живых существ. Она рождает прекрасные и безобразные, благородные и низкие, глупые и умные [существа].

Вода — это кровь и жизненная энергия земли. Она циркулирует по своим «кровенным сосудам». Поэтому говорится: «Вода — это всеобъемлющий материал».

Откуда [мы] знаем, что именно так обстоит дело?

Отвечаем: вода мягкая и чистая, она может смыть с человека грязь. В этом проявляется ее гуманность. На вид [вода] темная, на деле прозрачная. В этом проявляется ее совершенство. Измеряя объем [воды], нельзя применить гай⁷⁵, чтобы ее выровнять. Когда сосуд уже наполнен [водой], нельзя будет больше добавлять. В этом проявляется ее справедливость. [Вода] постоянно течет, а останавливается лишь там, где уже достигнута ровная поверхность. В этом проявляется ее честность. Люди стремятся к возвышению, только вода устремляется вниз.

В этом проявляется ее скромность. Скромность является местом пребывания *дао* и средством государя [в управлении страной]. Именно здесь, [в низком, скромном месте], собирается вода.

Точность ее является основой пяти видов измерения. Бесцветность ее является составным элементом пяти цветов. Пресность ее является основой пяти вкусов. Поэтому именно вода является мерилем всех вещей, источником существования живых существ, основанием положительного и отрицательного, успеха и неудачи. Поэтому [она] все наполняет и задерживается. Вода собирается и на небе, и на земле, содержится во всех вещах, живет внутри металлов и камней, сосредоточивается в живых существах. Поэтому говорится: «Вода — это чудо». Собираясь в растениях, [она дает возможность] корням расти и укрепляться, цветам распускаться в должной мере, плодам созревать в полном объеме. Благодаря воде птицы и звери становятся тучными, перья и шерсть их — пышными, рисунок покрова — ярким.

Нет вещей, которые не стремились бы исчерпать свою природу и приобрести присущее им состояние. Это происходит оттого, что в них в меру содержится вода...

Из воды рождается и человек. Когда тончайшие *ци* мужчины и женщины соединяются вместе, вода образует зародыш...

Поэтому говорится: «Вода — это источник всех вещей, родоначальник всех живых существ. Она рождает прекрасные и безобразные, благородные и низкие, глупые и умные [существа]». Откуда же видно все это?

В царстве *Ци* вода стремительная и глубокая, поэтому его народ алчный и храбрый. В царстве *Чу* вода мягкая и прозрачная, поэтому его народ легкомысленный, но смелый. В царстве *Юе* вода мутная и тяжелая, поэтому его народ тупой, болезненный и грязный. В царстве *Цинь* вода мутная, малоподвижная, в ней много пла, поэтому его народ алчный, хитрый, свирепый, склонный к интригам. В царстве *Цзинь* реки высохшие, вода в них мутная и неподвижная, поэтому его народ лицемерный, коварный и эгоистичный. В царстве *Янь* речные течения слабые, вода мутная, поэтому его народ глупый, упрямый, но правдивый, легкомысленный, но храбрый. В царстве *Сун* вода легкая, стремительная и чистая, поэтому его народ простой и правдивый. Поэтому совершенномудрые в

понимании характера воды [находят ключ] к изменению состояния в обществе.

Таким образом, когда вода состоит из однородного состава, тогда и мысли у людей будут правильные; когда вода чистая, тогда и люди будут уравновешенные; правильные мысли у людей устраняют их корыстные желания; уравновешенность людей избавляет их от скверного поведения. Поэтому совершенномудрые, управляя страной, не занимаются предупреждением людей и убеждением дворов, а находят свою опору в воде.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ. «ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ГОДА»

Гуань-цзы говорил: «Приказы [правителя] должны соответствовать временам года». [Если] не [определены] времена года ⁷⁶, то [народу] необходимо наблюдать за естественным ритмом природы, [но он] неясен и запутан — кто же знает его? Только совершенномудрый знает [сущность] четырех времен года. [А ведь] не знать [сущности] четырех времен года означает потерять основу государства; не знать законов [выращивания] пяти злаков ⁷⁷ означает привести страну к гибели. Поэтому истине [следует] понимать [путь] неба и знать [путь] земли и тогда [можно] правильно определить четыре времени года. [Если же] правитель действительно понимает и знает [это], то его подданные [поступают] правильно ⁷⁸. А как знать, что правитель действительно [является] понимающим и знающим? Вот ответ: [он должен] заботливо использовать талантливых [людей], уметь прислушиваться [к их советам] и доверять [им]. Использование талантливых [людей] называется пониманием; внимание [к их советам] и доверие [к ним] называются знанием. А тот ⁷⁹, кто действительно понимает и знает, вознаграждается небом. Использовать [людей], лишенных таланта, — это глупость, [выслушивать советы и не доверять им — это безрассудство] ⁸⁰. А тот, кто глуп и безрассуден, [навлекает на себя] несчастья, [ниспосылаемые] небом. Вот почему если правитель видит совершенные дела и ценит заслуги [подданных], то народ выполняет обременительные дела, усердно работает и не раскаивается [в этом]. [Если же]

правитель видит заслуги, но пренебрегает [ими], то низы [становятся] ленивыми, а правитель надменным.

Инь и *ян* — это основной закон природы⁸¹. Четыре времени года — это основной порядок [действия] *инь* и *ян*. Наказания и нравственное [управление страной должны] согласовываться с четырьмя временами года. [Если] наказания и нравственное [управление страной] согласовываются с четырьмя временами года, то возникает счастье; [если они их] нарушают, то возникает беда. В таком случае чем [следует] заниматься весной, летом, осенью и зимой?

Восток — это звезды⁸². Его время — весна; его жизненная сила — ветер. Ветер порождает дерево и кости⁸³. Его нравственность — радоваться произрастанию, это период возникновения и роста. Приказы о делах этого периода, [которые должен отдать правитель]: исправить и привести в порядок алтари; почтительно молиться и совершать жертвоприношения шелком⁸⁴; первому месяцу оказать почести, как родоначальнику; починить плотины и дамбы; вспахать и прополоть [поля] и посадить [растения]; исправить переправы и мосты; починить каналы и водосточные рвы; починить кирпичную облицовку домов, [чтобы] вода стекала, [не проникая внутрь]; примирить враждующих и помиловать преступников; установить сообщение [со всеми] четырьмя сторонами [света]. Тогда появится нежный ветер и сладкий дождь, народ достигнет долголетия, все животные расплодятся, — это называется нравственностью звезд. Звезды ведают возникновением; возникновение — это ветер. Поэтому [если] весной действовать [согласно] указаниям, [предназначенным для] зимы, то [результатом будет] увядание; [если] действовать [согласно] указаниям, [предназначенным для] осени, то [результатом будет] губительный иней; [а если] действовать [согласно] указаниям, [предназначенным для] лета, то [результатом будет] утомление⁸⁵.

Поэтому [в течение] трех месяцев⁸⁶ весны [следует] использовать дни *цзя* и *и*⁸⁷, [чтобы] обнародовать пять указаний. В первом указании говорится: «[Следует] заботиться о малых детях и сиротах и помиловать совершивших преступления. Во втором указании говорится: «[Следует] обнародовать роспись рангов, назначить жалованье [и определить на] должности». В третьем указании говорится: «[Когда] оттаает замерзшая [земля, следует]

починить каналы и водосточные рвы и похоронить умерших». В четвертом указании говорится: «[Следует] устранить препятствия [с дорог], восстановить границы [полей] и привести в порядок межи». В пятом указании говорится: «[Необходимо] запретить убивать молодых оленят и срывать побеги цветов». [Если эти] пять указаний соответствуют времени, то выпадает весенний дождь⁸⁸.

Юг — это солнце. Его время — лето; его жизненная сила — *ян*. *Ян* порождает огонь и пар. Его нравственность — проявлять доброту и создавать веселье⁸⁹. Приказы о делах этого периода, [которые должен отдать правитель]: наградить [подданных] подарками; обнародовать [указ о] рангах; назначить жалование; объехать сельские местности⁹⁰; с почтением совершить жертвоприношения духам; оценить заслуги и наградить достойных, чтобы [усилить] действие жизненной силы *ян*. Тогда наступит сильная жара, пойдет [соответствующий этому] времени дождь, созреют пять злаков и все виды фруктов, — это называется нравственностью солища⁹¹. Солнце ведает награждениями, награждения — это жара. [Если] летом действовать [согласно] указаниям, [предназначенным для] весны, то [результатом будет] ветер; [если] действовать [согласно] указаниям, [предназначенным для] осени, то [результатом будет] вода; [если] действовать [согласно] указаниям, [предназначенным для] зимы, то [результатом будет] увядание. Поэтому [в течение] трех месяцев лета [следует] использовать дни *бин* и *дин*⁹², чтобы обнародовать пять указаний. В первом указании говорится: «[Следует] отыскать тех, кто имеет заслуги и прилежно трудится, и повысить их». Во втором указании говорится: «[Необходимо] вскрыть старые запасы, открыть старые закрома и старые погреба⁹³, чтобы ссудить [зерно народу]». В третьем указании говорится: «[Следует] запретить закрывать двери, не разрешать поднимать [полы одежды] и снимать [головные уборы]⁹⁴, очистить колодцы, канавы и шалаши в поле⁹⁵». В четвертом указании говорится: «[Следует] разыскать тех, кто совершил для людей добрые дела, и наградить их». В пятом указании говорится: «[Следует] запретить [ставить] силки [и] ловить животных, запретить убивать летящих птиц». [Если эти] пять указаний согласуются со временем, то выпадет летний дождь.

Центр — это земля⁹⁶. Его нравственность — действительно помогать смене четырех времен года и при помощи ветра и дождя воздействовать на землю и увеличивать [ее] силы. Земля порождает кожу и мясо. Ее нравственность — согласие и равенство, беспристрастность и бескорыстие. [Она] действительно помогает четырем временам года: весне — раскрыться и произвести; лету — вскормить и взрастить; осени — собрать урожай; зиме — закрыть закрома⁹⁷. Это называется нравственностью Суй. Суй ведает гармонией, гармония — это дождь⁹⁸...

Запад — это Чэнь⁹⁹. Его время — осень; его жизненная сила — *инь*. *Инь* порождает металл и когти. Его нравственность — тоска и скорбь, спокойствие и беспристрастность, строгость и подчинение, отсутствие разврата в [собственном] доме. Приказы о делах этого периода, [которые должен отдать правитель]: запретить народу разврат и жестокость; предупредить [крестьян], живущих в поле, [о необходимости быстро] собрать урожай¹⁰⁰; определить имущество народа, чтобы [он мог] создавать запасы; обламывать [ветви] деревьев и запасать древесину; собрать все вещи¹⁰¹; предписать народу не лешпться. То, что [народ] ненавидит, следует изучить и изгнать; то, что [народ] жаждет, [он] должен получить. [Если в государстве царствуют] справедливость и доверие, [такое государство] побеждает, — это называется нравственностью Чэнь. Чэнь ведает сбором [урожая]; сбор — это *инь*. [Если] осенью действовать [согласно] указаниям, [предназначенным для] весны, то [результатом будет] цветение; [если] действовать [согласно] указаниям, [предназначенным для] лета, то [результатом будет] вода; [если] действовать [согласно] указаниям, [предназначенным для] зимы, то [результатом будет] оскудение. Поэтому [в течение] трех месяцев осени [следует] использовать дни *ган* и *синь*¹⁰², [чтобы] обнародовать пять указаний. В первом указании говорится: «[Следует] запретить азартные игры, положить конец мелочным спорам, прекратить драки, [вызванные] завистью». Во втором указании говорится: «Нельзя [допустить, чтобы] показались лезвия пяти [видов] оружия»¹⁰³. В третьем указании говорится: «[Следует] предупредить крестьян, живущих в поле, [о необходимости] быстро собрать урожай». В четвертом указании говорится: «[Следует] зачинить дыры и замазать трещины [амбаров]». В пятом указании говорится: «[Следует]

поправить стены и укрепить двери [амбаров]»¹⁰⁴. [Если эти] пять указаний согласуются со временем, [то урожай пяти злаков] будет полностью собран и спрятан.

Север — это луна. Его время — зима; его жизненная сила — мороз. Мороз порождает воду и кровь. Его нравственность — чистота, разделение, мягкость, прощение, сохранение. Приказы о делах этого периода, [которые должен отдать правитель]: запретить народу [самовольное] переселение; предписать [ему] покой и неподвижность, и тогда [влага из] земли не выступит наружу. Чтобы ответить требованиям начала *инь*¹⁰⁵, следует привести в исполнение приговоры о наказаниях, а совершивших преступлений нельзя помиловать. Тогда наступит¹⁰⁶ сильный мороз, армия [станет] сильной, пять злаков поспеют, государство [будет] процветать, [все] четыре стороны света подчинятся — это называется нравственностью луны. Луна ведаёт наказаниями, наказания — это мороз¹⁰⁷. [Если] зимой действовать [согласно] указаниям, [предназначенным для] весны, то [результатом будет] утечка влаги [из земли]; [если] действовать [согласно] указаниям, [предназначенным для] лета, то [результатом будет] гром; [если] действовать [согласно] указаниям, [предназначенным для] осени, то [результатом будет] засуха. Поэтому [в течение] трех месяцев зимы [следует] использовать дни *жэнь* и *гуй*¹⁰⁸, [чтобы] обнародовать пять указаний. В первом указании говорится: «[Следует] заботиться о сиротах и одиноких и оказывать помощь престарелым». Во втором указании говорится: «[Необходимо] искусно следовать [за действием начала] *инь*, [с почтением] совершать жертвоприношения духам, обнародовать [указ о] рангах и жалованиях, назначить на должности». В третьем указании говорится: «[Следует] проверить подсчеты [и доклады] об итогах [работы]¹⁰⁹, не разрешать добычу богатств гор и рек¹¹⁰». В четвертом указании говорится: «[Следует] схватить сбежавших преступников; наградить тех, кто поймал воров или разбойников». В пятом указании говорится: «[Следует] запретить [самовольное] переселение, остановить¹¹¹ беженцев, запретить разделы [дворов]». [Если эти] пять указаний согласуются со временем, [то] в делах зимнего периода нет упущений; то, что [народ] требует, [он] непременно получит; то, что [он] ненавидит, непременно будет подавлено.

Поэтому [если] весной [имеет место] увядание,

осенью — расцвет, зимой — гром, а летом — иней или снег, [то] все это [является результатом] причинения вреда жизненной силе¹¹². [Если] наказания и нравственное [управление страной] меняют [естественный] ритм [природы] и теряется [правильный] порядок [их применения в делах государства], то незаметно появляется [враждебная] жизненная сила, приносящая вред¹¹³, а с появлением враждебной жизненной силы в стране [возникает] много бедствий и несчастий. Поэтомu совершенномудрый правитель рассматривает [четыре] времени [года] как основу для определения [пути] управления страной; составляет указания для обучения [народа] военному делу; совершает жертвоприношения для возвышения нравственности. Совершенномудрый правитель вершит три этих дела, сочетая [их] с [естественным] движением неба и земли.

Солнце ведает [началом] *ян*; луна ведает [началом] *инь*, Суи ведает гармонией. *Ян* — это нравственность; *инь* — это наказание; гармония — это [государственные] дела. Поэтому [если случается] солнечное затмение, то страна, потерявшая нравственность, питает ненависть к нему¹¹⁴; [если случается] лунное затмение, то страна, потерявшая [правильный путь в применении] наказаний, питает ненависть к нему; [если] появляется комета, то страна, потерявшая гармонию [в государственных делах], питает ненависть к ней; [если] ветер и солнце борются за главенство¹¹⁵, то страна, потерявшая [правильное] управление, питает ненависть к этой [борьбе]. Поэтому [если случается] солнечное затмение, то совершенномудрый правитель исправляет и совершенствует нравственность; [если случается] лунное затмение — исправляет и совершенствует [систему] наказаний; [если] появляется комета — исправляет и совершенствует гармонию [в государственных делах], [а если] ветер и солнце борются за главенство, то [он] исправляет и совершенствует управление страной. Совершенномудрый правитель [вершит] четыре этих дела, чтобы избежать наказания неба и земли. [Если он] действительно может осуществить эти четыре дела, [то] пять злаков дадут богатый урожай, шесть [видов] домашних животных¹¹⁶ расплодятся, а армия станет сильной. [Ведь если] наслаивается [хорошее] управление [страной]¹¹⁷, то [она] процветает, [а если] наслаивается насилие и жестокость, то [страна] погибает.

Дао порождает небо и землю, нравственность со-

здает мудрых людей. Дао порождает нравственность, нравственность порождает [правильное] управление страной; [правильное] управление страной порождает [успех в государственных] делах. Поэтому [если] Поднебесной управляет совершенномудрый правитель, то [если дела приходят в] расстройство, [он] поворачивает назад; [а если они хорошо] кончаются, то [он] начинает [новые]¹¹⁸.

Нравственное [управление страной] начинается весной, а развивается летом; наказания начинаются осенью, а распространяются зимой. [Если в] наказаниях и нравственном [управлении страной] нет погрешностей, [то] четыре времени [года] следуют своему естественному курсу. [Если же] наказания и нравственное [управление страной] отходят от [правильного] направления, [то четыре] времени [года] тоже движутся в обратном направлении [и тогда] вершение [государственных] дел не венчается успехом, [а страну] непременно постигают большие несчастья.

Существуют три [составные части] управления страной, [одинаковые для каждого] месяца, [в согласии с которыми] необходимо вершить государственные дела, чтобы, таким образом, сделать [правление] продолжительным¹¹⁹. Тот, кто [правит страной] не в соответствии [с этими тремя составными частями], умирает; [страна], потерявшая управление, погибает. В государстве существуют [соответствующие постановления для] четырех времен [года, которых необходимо] твердо придерживаться [при вершении] дел правителя. Четыре элемента власти [должны] найти должное применение: [им следует] помогать, приводя в исполнение три [составные части] управления страной¹²⁰.

ГЛАВА СОРОК ШЕСТАЯ. «ЯСНЫЕ ЗАКОНЫ»

То, что называют «наводящим порядком в стране», — это ясно [определенное] дао правителя; то, что называют «вызывающим смуту в стране», — это преобладание [ловких] приемов подданных-чиновников¹²¹. А ведь почитание правителя и унижение подданных-чиновников [проистекают] не [от чувства] любви [к правителю], а от того, что [он] незыблемо блюдет [свое] превосходство. [А чтобы] все чиновники [взыскательно] оценивали выполнение [ими]

своих] обязанностей, [нужна] не любовь [к правителю], а нужны наказания¹²². Поэтому [если] правитель и подданные-чиновники [действуют согласно] одному и тому же *дао*, то [в стране царит] беспорядок; [однако если правитель] единолично раздает [награды и наказания, расходясь с общим мнением], то [это тоже является] погрешностью¹²³.

Существуют четыре [причины] гибели государства. Приказы вообще не издаются — это называется уничтожением. [Приказы] издаются, однако по пути [к народу] задерживаются [чиновниками] — это называется загоразживанием [пути к их осуществлению]. Народ вообще не [стремится, чтобы его] чувства дошли до правителя, — это называется преградой, [отрезающей правителя от народа]. Народ [стремится, чтобы его] чувства дошли до правителя, но по пути [к нему они] задерживаются [его приближенными] — это называется посягательством [на права правителя]. Закон не установлен — вот причина, вследствие которой появляются уничтожение и посягательство, загоразживание и преграда. Поэтому прежние [совершенные] правители, управляя страной, не давали воли [своим] желаниям вне дозволенного законом и не проявляли [чрезмерной] снисходительности в сфере [применения] закона. [В их] действиях не было ничего незаконного, и поэтому [они] запрещали проступки и отбрасывали единоличные решения. Власть не [может основываться на] двойных установлениях; управление страной не [может основываться на] двойном подходе¹²⁴. [Если] править страной, применяя закон, то [правителю достаточно] устанавливать [хорошие] и устранять [плохие законы], и это все¹²⁵.

Поэтому [если] существуют нормы для определения [поведения людей], то невозможно использовать хитрость и мошенничество, чтобы обманывать [людей]; [если] существует безмен для взвешивания, то невозможно использовать разницу в весе, чтобы обманывать [людей], [а если] существует [установленный] размер длины *сюня* и *чжана*¹²⁶, то невозможно использовать разницу в длине, чтобы обманывать [людей]. [Если же] пыне правитель отбрасывает закон и использует похвалы, чтобы выдвигать способных, то подданные покидают правителя, а низы [организуются в] сообщества; [если] выдвигать чиновников на основании [их принадлежности к определенным] группировкам, то люди стараются обзавестись связями, а не до-

бываются использования [их в труде]. Поэтому чиновники теряют свои способности, [если] правитель использует похвалы в качестве наград, а оскорбления — в качестве наказаний. В таком случае люди, [которые] любят награды и ненавидят наказания, покидают общественный путь ¹²⁷ и [начинают] заниматься частными делами; [они вступают в] сообщества, чтобы творить злодеяния. Вот почему [они] забывают о правителе и [обзаваются] связями на стороне ¹²⁸, чтобы выдвинуть свою группировку. [Чем] больше связей, [тем] больше группировок [в стране]. И хотя [эти] внешние и внутренние группировки ¹²⁹ приносят большой вред [стране], у них [находится] много покровителей. Вот почему преданный подданный, [не совершивший никакого] преступления, [но оклеветанный одной из клки], [предается] смертной казни, а вероломный подданный, не [имеющий никаких] заслуг, [но расхваленный его группировкой], выдвигается. Тот, кто [подвергся] смертной казни, не [совершил] преступления; а тот, кто [был] выдвинут, не [имел] заслуг. И тогда подданные начинают придавать [большое] значение частным [делам, которые им приносят пользу], и пренебрегать общими делами [страны, опасаясь быть несправедливо наказанными]. Десятки [сторонников-нахлебников] приходят к воротам частных лиц, и никто — [к воротам] дворца ¹³⁰; сотни заботятся о своей семье, а никто не задумывается о [судьбе] своей страны; и хотя число [людей], подчиненных [правителю] ¹³¹, велико, нет, [однако, никого, кто бы] почитал [своего] правителя; и хотя все чиновники [имеются] в полном [составе], нет, [однако, никого, кому можно было бы поручить] вести [дела] государства. Это называется — государство потеряло людей. Потеря государством людей не [означает, что] уменьшилось [число] подданных двора; [она означает только], [что] все семьи стараются заниматься взаимовыгодными [для них делами] и не стараются почитать правителя. Высокопоставленные сановники занимаются взаимным превозношением, а не ведут [дел] государства. Нижестоящие заботятся [только] о связях [с высокопоставленными сановниками], [чтобы] удержать [свои] жалования [и посты], а не занимаются [выполнением своих] чиновничьих [обязанностей]. [Вот] причина, [почему] чиновники теряют свои способности ¹³². Поэтому прежние правители, управляя страной, позволяли закону отбирать людей, а не выдвигали [их] лично; позволяли закону изме-

рять заслуги, а не делали [этого] сами¹³³. Поэтому способности не могли быть скрыты, а неудачи не могли быть приукрашены; [вероломные и лишённые заслуг, но] расхваленные не могли быть выдвинуты, а [преданные и заслуженные, но] оклеветанные не могли быть устранены¹³⁴. В таком случае существует ясное, четкое разграничение между правителем и подданными, [а если имеется это] ясное, четкое разграничение, то легко управлять [страной]¹³⁵. И хотя правитель лично не занимается [своими] делами, но [это] возможно, так как [он] придерживается закона, [который] действует [вместо него].

ГЛАВА СОРОК ДЕВЯТАЯ. «ВНУТРЕННЯЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»

Соединение тончайших [ци] в вещах ведет к порождению [чего-нибудь]. На земле оно рождает зерна, а на небе образует звезды. [Тончайшие ци], которые распространяются между небом и землей, называются духами, а те, которые таятся внутри человека, называются [умом] совершенномудрого. Их называют [ци] потому, что они светлые, если поднимаются в небеса; они темные, если погружаются в глубину земли; они необъятные, если пребывают в морях; они высокие, если находятся на горных вершинах. Поэтому эти ци нельзя силой остановить, их можно успокоить лишь добродетелью. Их нельзя вызвать окриками, а можно лишь встречать сердечностью. Почтительно беречь их, чтобы они не исчезали, — это называется совершенством добродетели. «Совершенство добродетели» порождает разум, а это позволяет всем вещам быть в благосостоянии.

Свойство сердца состоит в том, что оно само собой наполняется и удовлетворяется, само собой развивается и совершенствуется. [Это его свойство] утрачивается от грусти и веселья, радости и гнева, страсти и алчности. Если бы избавиться от грусти и веселья, радости и гнева, страсти и алчности, то сердце восстановило бы свое прежнее состояние. Душевое состояние [человека] требует спокойствия и тишины. Без волнения и суетливости, сама собой приходит гармония [дао]. [Дао] ясно, как будто находится около нас. Оно туманно, как будто его невозможно отыскать. Оно необъятно, как будто без конца и края. Это

дао находится недалеко [от нас], и [мы] ежедневно употребляем его *дэ*.

Дао — это то, чем наполняется тело, а люди не могут [его] крепко удерживать. [Поэтому] оно уходит и не возвращается, а когда приходит, не останавливается. Оно бесшумно — никто не услышит его звука. Оно наполняет наши сердца, но оно так темно, что мы не видим его форм. Оно неизменно сопутствует нашей жизни. Форм его мы не видим, звука его мы не слышим, но [все вещи], опираясь на него, достигают совершенства. Все это и называется *дао*.

Дао не имеет [определенного] места пребывания, оно задерживается в добрых сердцах. Когда сердце спокойное и *ци* упорядоченные, тогда и *дао* остановится здесь. Когда близко *дао*, тогда народ, получив его, преуспевает. Когда *дао* не уходит, тогда народ, следуя ему, становится спокойным. [*Дао*] находится на высоте, но все-таки его можно найти. Оно так необъятно, кажется, не определишь места его пребывания. Природа *дао* такова, что оно не терпит волеизъявления и шума. Усовершенствуя свое сердце и успокоив свою душу, можешь овладеть *дао*. *Дао* — это то, что нельзя выразить словами, оно недоступно нашим глазам и ушам. При его помощи осуществляется духовное и физическое совершенствование. Человек погибает, когда он теряет [*дао*], и живет, когда он на [него] опирается. Дела терпят неудачи, когда они [в своей основе] не имеют [*дао*] и увенчиваются успехом, когда они имеют основание [в *дао*].

Дао — это то, что не имеет корней и стеблей, листьев и цветов. Оно — то, посредством чего вещи рождаются и совершенствуются. Поэтому его и называют *дао*. Небо осуществляет справедливость, земля — равномерность, а человек стремится к спокойствию. Весна и осень, зима и лето — вот четыре времени неба. Горы и холмы, реки и равнины — вот богатство земли. Радость и гнев, приобретение и отчуждение — таковы проявления [чувств] и стремлений человека. Поэтому совершенномудрый, изменяясь вместе со временем, не изменяется сам по себе; следуя за [изменяющимися] вещами, сам остается на одном месте. Кто способен быть справедливым и спокойным, тот может стать стойким.

При стойком сердце уши и глаза становятся чуткими, руки и ноги — крепкими, тогда [оно] может стать вмести-

лицем тончайших [ци]. Тончайшие [ци] — это самые совершенные из ци. Когда циркулируется ци, зарождается жизнь, благодаря жизни возникает мышление, от мышления появляется сознание, позволяющее [человеку установить] границу своего действия.

Состояние сердца таково, что если оно перенапрягается в приобретении знаний, то это может повредить здоровью [человека]. Умение сосредоточить свое внимание на одной вещи и изменять ее называется чудесным [мастерством]. Умение сосредоточить свое внимание на одном деле и изменять его называется [способностью] ума. Изменяя [вещи], не подвергать изменению свой дух и, изменяя [дела], не подвергать изменению [свой] ум — этого может достигнуть лишь тот, кто способен овладеть единым началом. [Умение] овладеть единым началом [дает возможность] не допускать ошибок и стать господином над вещами. Благородный человек управляет вещами, а не управляется вещами. Все это — суть овладения единым началом. Когда забота о правильном правлении царит внутри [правителя], слова, способствующие установлению порядка, выходят из [его] уст и [распоряжения] по правильному правлению поручаются людям для их выполнения, тогда и Поднебесная становится спокойной. То слово, при помощи которого можно было подчинить [себе] Поднебесную, то слово, при помощи которого люди слушались бы [тебя], — это слово «справедливость».

У кого непристойный внешний облик, к тому не приходит добродетель. У кого нет внутреннего спокойствия, у того душа не на месте. Привести в порядок свой внешний облик, воспитать у себя добродетель, быть таким гуманным, как небо, таким справедливым, как земля, тогда сама собой непременно приходит к тебе добродетель. [Благодаря этому] ясность [твоего] духа достигает своего предела, чтобы освещать познание вещей, и [создается] внутренняя опора, чтобы не допускать ошибок. Не допускать, чтобы вещи вводили в заблуждение твои органы чувств, не допускать, чтобы органы чувств вводили в заблуждение твое мышление, — это и называется внутренним самообладанием.

[В сердце] присутствует дух ¹³⁶, но, когда он приходит и когда уходит, никто не знает. Когда его теряют, [сердце] пребывает в хаосе, а когда он вселяется [в сердце], оно становится спокойным. Когда [человек] почтительно очи-

стит вместилище¹³⁷, тогда тончайшие [ци] приходят сами собой. Лучше своим спокойствием овладеть тончайшими [ци], чем думать о них. При строгом образе [жизни] и серьезном отношении [к делу] тончайшие ци приходят и остаются. Когда овладеют тончайшими [ци] и их не потеряют, тогда глаза и уши не заблуждаются, сердце не имеет посторонних намерений. Когда сердце у человека спокойно, тогда его отношение к вещам будет правильным. Дао наполняет всю Поднебесную, оно находится и в сердцах людей, но они не могут его понять. Пониманием одного слова [дао] можно постигнуть небо и землю, охватить все страны света.

Как объяснить это? Это значит, нужно упорядочить свое сердце. Когда мое сердце упорядочено, тогда упорядочены и мои органы чувств. Когда мое сердце спокойно, тогда спокойны и мои органы чувств. [Ими] управляет сердце, спокойствие в них вносит сердце. «Сердце» же спрячено в сердце, поэтому внутри сердца имеется еще «сердце». «Сердце» сердца [напоминает то, как] мысль предшествует слову, за звуком следует явление, за явлением — имя, а за именами возникают дела, а дела управляются. Когда дела не управляются, тогда наступает хаос, а хаос ведет к гибели.

Когда тончайшие [ци] присутствуют [в сердце человека], [человек] процветает сам собой, его внешний облик становится прекрасным, скрытые в нем [тончайшие ци] служат неиссякаемым источником жизнедеятельности, служат широким вместилищем [чувств] у человека. Когда это вместилище не исчезает, тогда крепки конечности [человека]. Когда этот источник не иссякает, все органы [человека] действуют исправно. При таком состоянии он способен [своим умом] исчерпать небо и землю, охватить все четыре стороны света. Когда у человека нет соблазненной мысли, в его поведении не будут иметь места неправильные поступки. Когда сердце у человека совершенно, совершенен и его внешний облик. Он не подвергается стихийным бедствиям и людским несчастьям. Его называют совершенномудрым.

Если человек сможет вести правильный образ жизни и быть спокойным, то он будет иметь прекрасное физическое состояние, его глаза и уши станут чуткими, мышцы — гибкими, кости — крепкими. [Такой человек] достоин находиться под великим кругом и ходить по великому

квадрату, отражать великую чистоту и видеть великие светила¹³⁸. Быть почтительным, осторожным, безупречным — таким путем можно изо дня в день добиваться обновления своей добродетели, познать все дела Поднебесной, охватить [в своем познании] все четыре стороны света. Когда человек благоговейно увеличивает [свои качества], — это называется внутренним достоянием. Если он так поступит, не наоборот, то в его жизни не будет просчета.

Дао неизменно является всеохватывающим, насыщенным, широким, привольным, крепким, устойчивым. [Кто способен] навсегда сохранять [у себя] добрые [качества], изгонять [из себя] все дурное и знает образец поведения, тот вернется к *дао* и *дэ*. Находящееся [внутри человека] совершенное сердце не может скрыться. Оно проявляется в выражении лица, в цвете кожи. Кто относится к людям с добрым намерением, к тому и люди будут относиться по-братски. Кто относится к людям со злым умыслом, к тому и люди будут относиться враждебно, как на войне. Звук произнесенного слова громче, чем раскат грома или бой барабана. Находящиеся в сердце [тончайшие] в своем проявлении ярче, чем солнце и луна¹³⁹. При рассмотрении [того или иного дела] они более пропитательны, чем родители [в отношении своих детей]. Награды недостаточно, чтобы привить людям добрые [качества]. Наказания недостаточно, чтобы люди не совершали преступления. Только овладев чувствами и мыслями [людей], можно подчинить себе Поднебесную. Только упрочив [в себе благие] намерения, можно привести [людей] к покорности.

Если сосредоточить [у себя] *ци* до сверхсовершенства, то все вещи раскроются [перед тобой]. Возможно ли [такого рода] сосредоточение? Возможно ли направить [мысли] в одно направление? Возможно ли предвидеть счастье или несчастье, не прибегая к гаданию? Возможно ли [установить] границу [нашего действия]? Возможно ли завершить [то или другое дело]? Возможно ли чего-либо добиться самому, без помощи других людей? [Нужно] думать, думать и еще раз думать. Если не сможешь понять своим размышлением, то духи помогут тебе в этом. [Однако] здесь проявляется не сила духов, а предельное напряжение [твоих] тончайших *ци*.

Когда тело [человека] в нормальном состоянии и *ци* в его крови спокойны, тогда и мысли у него сосредоточены в одном направлении, а глаза и уши у него не отвле-

каются посторонними вещами. Тогда далекие [вещи становятся для него] близкими. Размышление порождает знание; лень и небрежность — несчастье; жестокость и зазнайство — ненависть; грусть и печаль — болезни. А от болезней и тягот погибают [люди]. Безмерное умственное напряжение может вызвать внутреннюю подавленность и физическую усталость. Если при таком положении заранее не принимать мер, то человек может лишиться жизни. Не перегружать себя пищей, не перенапрягать свой ум, установить для себя определенный режим, тогда сама собой приходит к тебе жизнь.

Человек рождается оттого, что небо дает ему тончайшие [ци], образующие духовное начало, а земля — тело. От их соединения формируется человек. Гармония [этих двух начал] образует жизнь, а при отсутствии их гармонии она исчезает. При отыскании пути гармонии [выясняется], что ее состояние¹⁴⁰ незримое, а ее признаки ни с чем не сравнимы. Долголетие [человека] зависит от того, насколько спокойствие и уравновешенность царят в его груди, насколько гармония [небесного и земного ци] овладевает его сердцем. Когда гнев переходит свою границу, его нужно сдерживать. Нужно ограничить пять своих желаний, отбросить две опасные для себя вещи¹⁴¹. Без [чрезмерной] радости и [чрезмерного] гнева спокойствие и уравновешенность сохраняются в груди.

[Нормальная] жизнь человека непременно исходит от того, что он пребывает в состоянии спокойствия и уравновешенности. Он теряет ее непременно оттого, что [чрезмерны] у него радость и гнев, грусть и печаль. Поэтому лучшим [средством] для сдерживания гнева является поэзия, для устранения печали — музыка, для ограничения веселья — ритуал, для соблюдения ритуала — почтительность, для соблюдения почтительности — спокойствие. [Когда у человека] внутреннее [состояние] спокойное, а внешний [облик] почтительный, к нему возвращается первоначальная природа и прочно обосновывается [в нем].

Относительно пищи положение таково: чрезмерное употребление повредит физическому состоянию [человека]; недостаточное употребление вызовет [такое состояние у человека], при котором выступают кости, а [количество] крови уменьшается. Установление середины между чрезмерным и недостаточным употреблением [пищи] и называется успехом гармонии. Тогда тончайшие [ци] на-

ходят свое вместилище, отчего рождается разум. При нарушении режима питания нужно принять необходимые меры. Когда [человек] сыт, [он должен] находиться в быстром движении. Когда [человек] голоден, [он должен] избегать умственного [напряжения]. Когда [человек] стар, он должен освободиться от забот. Когда [человек] сыт, но не находится в быстром движении, то его *ци* не доходят до четырех конечностей. Когда [человек] голоден и не освобожден от умственного напряжения, он не может справиться с голодом¹⁴²; когда [человек] стар и не освобожден от забот, ухудшается его [физическое] состояние и ускоряется его смерть. [Человек должен иметь] большую и открытую душу, широкую натуру и общительность, тогда он будет неизменно находиться в состоянии спокойствия. Тот, кто способен сохранить единое начало, отбросив бесчисленные мелочи; увидев выгоду, не поддаваться соблазну; встретив опасность, не знать страха; быть свободолюбивым и гуманным; быть довольным своей жизнью, — тот обладает умением управлять *ци*¹⁴³! Тогда мысль и действие такого [человека] будут функционировать, как [ясное] небо.

[Нормальная] жизнь человека должна иметь свое основание в том, что ему приятно. Грусть выводит его из строя, а гнев — из равновесия. Там, где грусть и печаль, радость и гнев, не место пребывания *дао*. Успокой свои страсти, устрани свои ошибки и заблуждения, не задерживай того, что уходит, и не отталкивай того, что приходит, тогда счастье возвратится само собой. *Дао* само приходит [к нам], с ним можно посоветоваться. [*Дао*] овладевают путем спокойствия, а торопливость приводит к его потере. [*Дао*, как] чудеспейшие *ци*, пребывает в сердце [человека]. Оно то приходит, то уходит. Оно может сделаться до такой степени малым, что ничто не войдет внутрь его, оно может сделаться до такой степени великим, что не будет иметь внешних пределов. Оно теряется оттого, что поспешность [человека] причиняет ему вред. Если сердце пребывает в спокойствии, то *дао* само собой задерживается [в нем]. У человека, овладевшего *дао*, [его *ци*] выходят во все четыре стороны, через поры и внешние органы, его внутреннее состояние не подвергается расстройству. [Таким образом], ограничение страстей [человека] приводит к тому, что вещи не смогут причинить ему вред.

ГУНСУНЬ ЛУН

Гунсунь Лун (≈ 325 —250 гг. до н. э.) — древнекитайский философ-апоретик конца периода Чжаньго, представитель так называемой школы имей, или номиналистов («мин-цзя»), сторонники которой подобно поздним монстам занимались преимущественно разработкой вопросов логики. В историю древнекитайской идеологии вошел как выразитель взглядов разорившейся аристократии, автор ряда изречений, по форме и содержанию напоминающих известные апории греческого мыслителя Зенона Элейского (≈ 490 —430 гг. до н. э.). С именем Гунсунь Луна связаны, в частности, софизмы «у раба три уха», «белая собака — черная», «тень летящей птицы не движется» (ср. с апорией Зенона «летающая стрела покоится»). Будучи «спорщиком» (*бяньчжэ*), колебавшимся между материализмом и идеализмом, Гунсунь Лун оставил заметный след в истории формирования логики как науки в Древнем Китае.

О жизни Гунсунь Луна известно немного. Как явствует из компилятивной биографической главы «Цзифу» (составленной в период Поздней Хань, дополненной в Танскую эпоху и включенной в сохранившиеся главы трактата «Гунсунь Лун-цзы»), он был уроженцем царства Чжао, современником прапраправнука Конфуция — Кун Чуаня и натурфилософа Цзоу Яня. Другими словами, Гунсунь Лун жил позже Мэн-цзы и Хуэй Ши и несколько раньше, чем Сюнь-цзы. Из кратких рассказов о деятельности Гунсунь Луна, содержащихся в «Исторических записках» («Ши цзи») Сыма Цяня, в «Люйши чуньдю» и «Чжаньго-цэ», можно узнать, что он жил на правах «гостя-нахлебника» (*ши-кэ*) у правителя области Пиньюань, «убеждал яньского Чжао-вана прекратить войну», а также «просил покончить с войной чжаоского Хуэй-вана». К сожалению, фрагментарность записей не позволяет определить мотивы, которыми при этом руководствовался Гунсунь Лун.

Учение Гунсунь Луна об «именах и реалиях», содержащее анализ понятий, суждений и умозаключений с позиций апоретика, близкого по своим взглядам к представителям древнегреческой элейской школы Парменида, дошло до нас в виде пяти глав современного трактата «Гунсунь Лун-цзы» (первоначально трактат состоял из 14 глав, девять канули в Лету, а вводная, или шестая по счету из дошедших до нас глав, «Цзифу», — и это общепризнано — является компиляцией, созданной последователями Гунсунь Луна). Содержание сохранившихся глав дает основание утверждать, что по складу ума Гунсунь Лун был наивным диалектиком. Заслуга

Гунсунь Луна, как и Зенона, в развитии философской мысли стоит в том, что он указал на реальную противоречивость движения, пространства и т. д.; однако подобно элейцу древнекитайский философ также не сумел выразить противоречивость мира в логике понятий. Отрывая частное от общего, абсолютизируя роль признаков или качеств вещей и явлений, Гунсунь Лун, «поднаторевший в искусстве спора», еще при жизни стал тем «камнем преткновения», или «учителем наоборот», в столкновениях с которым оттачивалась техника логических доказательств.

Убедиться в этом читатель может, внимательно ознакомившись с текстом глав «О белой лошади», «О проникновении в изменения» и «О твердом и белом», впервые публикуемых полностью в русском переводе. В качестве оригинала взято академическое издание трактата «Гунсунь Лун-цзы» в кн.: *Тань Цзе-фу*. Сип-мин фавэй. Пекин, 1957; перевод выполнен Э. В. Никогосовым.

Э. В. Никогосов

«ГУНСУНЬ ЛУН-ЦЗЫ»

ГЛАВА ВТОРАЯ. «О БЕЛОЙ ЛОШАДИ»

— Может ли белая лошадь не быть лошадью?

— Может.

— Каким образом?!

— «Лошадь» — это то, что обозначает форму; «белая» — это то, что обозначает цвет. То, что обозначает цвет [и форму]¹, не есть то, что обозначает форму. Поэтому говорю: «белая лошадь» — не «лошадь».

— Имея белую лошадь, нельзя сказать, что не имеешь лошади. А разве то, о чем нельзя сказать, что не имеешь лошади, не есть лошадь? Иметь белую лошадь — значит иметь лошадь. Почему же, став белой, она перестает быть лошадью?

— Когда просят «лошадь», можно дать как буланую, так и вороную лошадь. Когда же просят «белую лошадь», дать буланую и вороную лошадей нельзя. Допустим, что «белая лошадь» есть не что иное, как «лошадь»; тогда, что ни попроси, все было бы едино. Если, что ни попроси, все было бы едино, то «белизна» не отличалась бы от «лошади». Но если то, что просят, не имеет отличий, тогда почему [дать] буланую и вороную лошадей то можно, а то нельзя? Очевидно, что «можно» и «нельзя» взаимно отрицают одно другое. Вот почему, коль скоро буланая и вороная лошади, которые суть одно, отвечают [желанию] «иметь лошадь» и не отвечают [желанию] «иметь белую

лошадь», то, значит, тезис «белая лошадь не лошадь» неоспоримо доказан!

— Положим, что лошадь, имеющая цвет, не является лошадью. Но в Поднебесной нет лошадей, которые не имели бы цвета. Может быть, в Поднебесной нет лошадей?

— Лошадям твердо присущ цвет, потому и существуют «белые лошади». Если бы у лошадей не было цвета, то существовали бы только «лошади», как таковые. Откуда взялись бы «белые лошади»? Итак, «белизна» отрицает «лошадь». «Белая лошадь» — это «лошадь» в соединении с «белизной» или «белизна» в соединении с «лошадью». Поэтому говорю: «белая лошадь» — не «лошадь».

— Лошадь, не соединенная с белизной, является лошадью; белизна, не соединенная с лошадью, является белизной. Совместим белизну с лошадью и дадим [полученному соединению] двойное имя «белая лошадь». Называть это взаимосоединимое взаимнесоединимым нельзя. Вот почему говорить, что белая лошадь — не лошадь, недопустимо.

— Полагая, что «иметь белую лошадь» — значит «иметь лошадь», можно ли сказать, что «иметь лошадь» — значит «иметь буланую лошадь»?

— Нельзя.

— Полагать, что «иметь лошадь» не то же, что «иметь буланую лошадь», — значит отличать «буланую лошадь» от «лошади». Отличать «буланую лошадь» от «лошади» — значит считать «буланую лошадь» «не-лошадью». Считать «буланую лошадь» «не-лошадью» и полагать, что «белая лошадь» есть «лошадь, которую имеют», — это [все равно что] высоко парящую птицу заставить летать в пруду или гроб и саркофаг [одного умершего] хоронить в разных местах. Это и значит путать слова и коверкать речь в Поднебесной.

— Если, имея белую лошадь, нельзя сказать, что не имеешь лошади, то это — высказывание, при котором отвлекаются от белизны. Если не отвлекаться, то, имея белую лошадь, нельзя сказать, что имеешь лошадь. Поэтому когда говорят, что имеют лошадь, то имеющейся лошадью считают лишь одну лошадь, отнюдь не считая при этом, что «иметь белую лошадь — значит иметь лошадь». Поэтому же о [белой лошади] говорят: «Лошадь, которую имеют», — ведь нельзя сказать: «Лошадь, которую лошадеют».

— Можно забыть белизну, пока она не определяет того, что является белым. Слово «белая» в «белой лошади» определяет то, что является «белым». Определяющее то, что является «белым», не есть белизна. В случае с «лошадью» нет отбрасывания или принятия по цвету, поэтому здесь отвечают равно как буланая, так и вороная лошадь. В случае с «белой лошадью» имеется отбрасывание или принятие по цвету: буланая и вороная лошади одинаково отбрасываются по цвету. Таким образом, здесь отвечать [имени] может лишь белая лошадь, и только. Отсутствие отбрасывания не есть наличие отбрасывания. Поэтому говорю: «белая лошадь» — не «лошадь».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. «О ПРОНИКНОВЕНИИ В ИЗМЕНЕНИЯ»

- Содержат ли два единицу? ²
- «Два» не содержит единицы.
- Содержат ли два правое?
- «Два» не содержит правого.
- Содержат ли два левое?
- «Два» не содержит левого.
- Можно ли правому дать название «два»?
- Нельзя.
- Можно ли левому дать название «два»?
- Нельзя.
- Когда левое соединяется с правым, можно ли [этому] дать название «два»?
- Можно.
- Можно ли изменяющееся назвать «неизменяющимся»?
- Можно.
- Когда к правому имеется присоединение, можно ли дать название «изменяющееся»?
- Можно.
- Что же изменяется?
- Правое.
- Но если правое изменяется, то как же можно называть [его] «правым»? А если не изменяется, то как можно давать название «изменяющееся»? Если два не содержат ни левого, ни правого, то как же получается два от соединения левого и правого?

— «Баран» в сочетании с «волом» не будут «лошадью»; «вол» в сочетании с «бараном» не будут «петухом».

— Как это?

— Хотя баран и вол отличаются [один от другого], но «вол» еще не может быть «не-бараном», а «баран» еще не может быть «не-волом» [только] потому, что у барана есть передние зубы, а у вола передних зубов нет. Хотя [передних зубов] нет у одного из двух, однако, возможно, это [особи] одного вида. У барана есть рога, и у вола есть рога, но «вол» еще не может [только] поэтому быть «бараном», а «баран» — «волом». Хотя [рога] имеются у обоих, однако они суть [особи] разных видов. У барана и вола имеются рога, у лошади рогов нет; у лошади есть пушистый хвост, у барана и вола пушистых хвостов нет. Поэтому говорю: «баран» в сочетании с «волом» не будут «лошадью». Коль [они] не будут «лошадью», значит, «лошади» нет. А если нет «лошади», то, значит, «баран» — не «два», «вол» — не «два», а «баран» и «вол» суть «два». Таким образом, можно [сказать], что, соединяя «барана», соединяя «вола», не будет «лошади». [Я] пытался докопаться до истины, нащупывая сущность способом подобия. Начало же [спора] было по своему виду другим. Взять, например, «левое» и «правое». Перейдем к следующему доказательству.

У вола и барана есть шерсть, у петуха же есть перья. Называем ноги петуха: «единица»; считаем ноги: «две»; «два» прибавляем к «единице», получаем «три». Называем ноги вола или барана: «единица»; считаем ноги: «четыре»; «четыре» прибавляем к «единице», получаем «пять». У «вола» или у «барана» — «пять ног», у «петуха» — «три ноги». Поэтому говорю: «вол» в сочетании с «бараном» не будет «петухом». [Я] не имел намерения [в данном случае] отрицать [именно] «петуха». Чем «петуха», здесь лучше было бы взять «лошадь». То, что имеет хребет, и то, что не имеет хребта, — и это неоспоримо само по себе — не могут иметь ничего общего. Нащупывать сущность так — значит коверкать имена. Это называется сумасбродным нащупыванием сущности.

— Ну а другие доказательства?

— «Синее» в соединении с «белым» не будет «желтым»; «белое» в соединении с «синим» не будет «лазуревым»³.

— Как это?

— «Синее» и «белое», будучи взаимнесоединимыми, оказавшись в соединении, наоборот, встанут одно против другого; будучи взаимнесоседствующими и оказавшись в соседстве, они не повредят своим сторонам света, а, наоборот, встанут одно против другого. Каждое из них займет надлежащее ему место, подобно тому как [никогда] не смешаются «левое» и «правое». Вот почему соединенное целое не сможет быть ни «синим», ни «белым». Где уж тут взяться «желтому»? «Желтое» — оно чистейшее и подлинное. Вот пример подлинного нащупывания сущности.

Когда [подлинное нащупывание сущности] приходит к правителям и подданным уделов, [уделы] обретают мощь и долголетие. К тому же «синее» запачканнее «белого», однако «белое» не побеждает. У «белого» есть все для того, чтобы одержать победу, но [оно] не побеждает, поскольку дерево губит металл. Когда дерево губит металл, появляется «лазерное». «Лазерное» же отрицает подлинное нащупывание сущности.

«Синее» и «белое» взаимнесоединимы, но, оказавшись в соединении, не могут победить одно другое, а потому оба ясно видны. Борются, но ясно видны: их [окончательный] цвет «лазерный». Чем быть «лазерным», им лучше было бы стать «желтым». «Желтое» — это цвет «лошади»⁴, сколь родственно соединение их! «Лазерное» — цвет петуха, сколь беспорядочно соединение их! Когда беспорядок, то правители и подданные борются, а ведь и те и другие ясно видны. Когда же и тех и других, ясно видимых, в сумерки не видят ясно, то это значит, что подлинного нащупывания сущности нет.

Когда подлинного нащупывания сущности нет, имя и сущность не имеют должной [связи], окрест поднимаются смешанные цвета. Поэтому говорю: те и другие ясно видны. Те и другие ясно видны, а путь утрачен, и среди [цветов] нет такого, который бы смог направить на него.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. «О ТВЕРДОМ И БЕЛОМ»

- Твердый белый камень суть «три», не так ли?
- Не так.
- Может быть, «два»?

— Именно так.

— Почему?

— Не имея твердого, обретаем белое, тут сопоставлений [имени] с сущностью два. Не имея белого, обретаем твердое, тут сопоставлений с сущностью [тоже] два.

— Обретая заключенную в [камне] белизну, нельзя сказать, что нет белого; обретая заключенную в нем твердость, нельзя сказать, что нет твердого. Сложим их вместе — вот и камень, он потому, собственно, и является таковым. Разве это не «три»?

— Посмотрев [на камень], не увидишь заключенной в нем твердости, но обретешь заключенную в нем белизну — твердого нет. Потрогав, не ощутишь заключенной в нем белизны, но нащупаешь заключенную в нем твердость — белого нет.

— Если бы в Поднебесной не существовало белизны, то было бы нельзя увидеть камень; если бы в Поднебесной не существовало твердости, то было бы нельзя осознать камень. Ничто из твердого белого камня не находится вовне, может быть, [кто-то] прячет [все] три?

— Имеет место самопрятание, а не прятание ради того, чтобы спрятать.

— Сам камень, его белизна и его твердость непременно должны быть взаимно насыщены. Как же происходит их самопрятание?

— Когда обретается его белизна и когда обретается его твердость, видимое и невидимое расходятся. То одно, то другое не насыщают [камня], потому и разделены. Разделение и есть прятание.

— Белизна камня и твердость камня, видимая и невидимая, составляют «два» или «три». Разве здесь не те же сопоставления с сущностью, что, к примеру, у ширины и длины, которые взаимно насыщены?

— Белое в вещах вокруг не определяется заключенной в [камне] белизной; твердое в вещах вокруг не определяется заключенной в нем твердостью. Все неопределенное совмещается, что уж тут камню?

— Если, потрогав камень, отрицают твердость, значит, камня нет. А если отрицают камень, то уже негде взять белый камень. Ничто не разделено в камне и с ним, благодаря чему он сохраняет свое естество, и нет предела этому [сохранению].

— Камень — «единица», твердость и белизна — «два»,

но существуют в камне. Поэтому там есть знание, там есть незнание, там есть видимое и там есть невидимое. Вот почему знание и незнание взаимно разделены, а видимое и невидимое поочередно прячутся. А коль скоро прячутся, то кто скажет, что нет разделения?

— Глазу не дано [увидеть] твердость, руке не дано [осязать] белизну, но нельзя сказать, что нет твердого, как нельзя сказать, что нет белого. У [глаза и руки] разное назначение, и здесь не может быть никакой замены. Твердое и белое находятся в камне, при чем же тут разделение?

— Твердое, еще не соединившись с камнем, является твердым, оно является твердым и тогда, когда, будучи совмещенным, не соединено с вещами. Твердое непременно является твердым. Оно является твердым и тогда, когда не придает твердости камню или [другой] вещи. В Поднебесной нет места подобной твердости, поэтому твердое прячется. Белое никак не может существовать само по себе, иначе как могли бы становиться белыми камень и [другие] вещи? Но коль скоро белое — непременно белое, то, не обелив камня и вещей, оно все же остается белым. Так же обстоит с желтым и черным. Если бы не существовал камень, то откуда бы взялись твердость и белизна? Вот почему есть разделение. Разделение и есть причина этого. Силы и разум уступают перед этой причиной. Возьмем белое. Его видят с помощью глаз и при свете. Но свет не видит. Итак, свет и глаз [без света] не видят, значит, видит дух. Когда дух не видит, видимое оказывается разделенным [с тем, кто пытается увидеть].

Твердое познается с помощью руки, а рука познает с помощью прикосновения. Но прикосновение не познает. Итак, прикосновение и рука не познают, значит, познает дух. Когда же дух не познает, знание оказывается разделенным. Вот что называется разделением. Только разделение по-настоящему неделимо и подлинно в Поднебесной!

ПОЗДНИЕ МОИСТЫ

Школа моистов, основателем которой был Мо Ди (480—400 гг. до н. э.), просуществовала более двухсот лет. Время творчества поздних последователей Мо Ди относится к IV и III вв. до н. э.

К этому времени школа моистов делилась на южную и северную. Поздние моисты не только систематизировали наследие своего учителя и его ближайших последователей, но сами внесли существенный вклад в логическое обоснование учения Мо Ди о «всеобщей любви и взаимной выгоде». Они разрабатывали проблемы логики и теории познания как единую теорию.

Взгляды поздних моистов изложены в следующих шести главах книги «Мо-цзы»: «Канон». Часть первая; «Канон». Часть вторая; «Пояснение к «Канону. Часть первая»»; «Пояснение к «Канону. Часть вторая»»; «Большой выбор»; «Малый выбор». Однако до последнего времени вопрос об аутентичности этих глав был предметом больших споров среди исследователей древнекитайской философии как в самом Китае, так и за рубежом. Прежде всего вводило в смущение исследователей то обстоятельство, что «Каноном» названы не главы основоположника школы, а творения его поздних учеников. На этом основании ряд ученых рассматривали эти главы как сочинение самого Мо Ди. Следующий аргумент, который приводится некоторыми учеными в пользу того, что «каноническая часть» книги «Мо-цзы» написана Мо Ди, сводится к тому, что сам текст канонических глав крайне лаконичен. Го Мо-жо, например, рассматривает это как «свидетельство его примитивности». Сама по себе такая точка зрения относительно двух глав «Канона» и двух глав «Пояснения» Мо Ди имеет длительную историю и ведет свое начало от одного из первых комментаторов книги «Мо-цзы» — Лу Шэна (V в.). Однако свое утверждение Лу Шэн по существу ничем не обосновал.

Начиная с VII в. китайская историография серьезно принимается за изучение подлинности древних книг.

В XX в. китайский философ и политический деятель Ху Ши поддержал точку зрения Лу Шэна, приписав авторство не только упомянутых четырех глав, но и глав «Большой выбор» и «Малый выбор» самому Мо-цзы. Главными его аргументами были: а) в них нет выражения «учитель учителей Мо сказал», которое присутствует во всех других главах; б) Мо-цзы любил спорить, и все эти главы пронизаны острой полемикой с противниками школы моистов.

Однако эти аргументы не выдерживают серьезной критики. В-первых, отсутствие фразы «учитель учителей Мо сказал» объясняется тем, что текст этих глав был написан более чем столетие спустя после смерти «учителя учителей Мо». Во-вторых, предметом спора в этих главах являются взгляды современников поздних моистов — Мэн-цзы, Чжуан-цзы, Хуэй Ши, Гунсунь Луна и других, но не современников Мо Ди.

Исследования Фан Шоу-чу, Хоу Вай-лу, Ду Го-сяна, Тань Цзэ-фу убедительно показали, что эти шесть глав значительно более позднего происхождения и относятся к концу IV — первой половине III в. до н. э.

Современный китайский философ Цзянь Цзянь-фын (см. «Мо цзя синши лоцзи» — «Формальная логика моистов». Ухань, 1957) вслед за Ху Ши и Го Мо-жо приписывает авторство шести глав Мо Ди, чтобы «доказать», что Мо-цзы «создал в Китае в одно и то же время такую же систему формальной логики, как в Древней Греции Аристотель и в Древней Индии — ньяйки». Заданность такой «аргументации» очевидна, и она не заслуживает опровержения.

Глубокие текстологические исследования книги «Мо-цзы», проведенные Сунь И-жаном, и сравнительно-историческое изучение глав «Канона» и других глав — «Большой выбор» и «Малый выбор», проведенный Тань Цзэ-фу, убедительно показали, что эти главы были написаны поздними моистами. Вопрос аутентичности этих глав ныне считается в принципе решенным.

В основу настоящего перевода, выполненного М. Л. Титаренко, положен текст «Мо-Цзин», восстановленного Сунь И-жаном, Лян Ци-чао, Тань Цзэ-фу и Гао Хэном.

М. Л. Титаренко

«МО-ЦЗЫ»
ГЛАВЫ «КАНОН». ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
И «ПОЯСНЕНИЕ К «КАНОНУ.
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ»¹

[1] Причина. Это то, наличие чего приводит к определенному результату.

[1] Причина [бывает малая и большая]. Малая причина — это такая причина, наличие которой не обязательно приводит к ожидаемому результату. Если же нет малой причины, то результат с необходимостью будет не таким. Она подобна части большого тела. Большая причина с неизбежностью вызывает определенные последствия. [Ее действие] непосредственно, подобно тому как очевидно существование того, что стоит перед глазами.

[2] Часть. Это отчленение от целого тела.

[2] Часть. Например, расчленение одного целого на две [половины] или одно деление на мерке *чи*.

[3] Знание. [Достижение знания] требует способности.

[3] Достижение знания означает получение знания благодаря способности к этому, но [способность] еще не есть само знание. Это подобно тому, [что вижу солнце, так как] обладаю ясным зрением.

[4] Размышление. [Размышление] — это поиск [знания].

[4] Размышление. Размышляющий, используя свои способности [к знанию] и [приобретенные знания], ищет новое знание. [Называю это поиском], так как не обязательно достигается желаемое. Это подобно тому, как если бы смотреть [на предмет] искоса.

[5] Знание. Оно результат соприкосновения [с внешним миром].

[5] Знание. Стремящийся к знанию получает его от соприкосновения с вещами, которые он способен представить [себе и позднее], как будто [эти вещи] перед глазами.

[6] Разум². [Это] понимание сущности вещей.

[6] Разум. Основываясь на [чувственных] знаниях, [разум] объясняет [причины] вещей и достигает в этом ясности и четкости, как будто [вещь] перед глазами.

[7] Человеколюбие. Это половинчатая любовь [к людям].

[7] Человеколюбие — [бескорыстная любовь], подобно тому как любовь к себе не означает, что человек хочет использовать сам себя. Не то любовь [человека] к лошади.

[8] Справедливость. Это то, что полезно.

[8] Справедливость. Решимость любить [всех людей] Поднебесной и способность приносить всем им пользу. [Однако] не обязательно [всем сразу приносить] пользу.

[9] Церемониал. [Выражение] почтения.

[9] Церемониал³ определяет ранги различий и правила различий [между знатыми и простолюдинами].

Знатный, [согласно церемониалу], почитается как совершенный муж⁴. Низший считается простолюдином⁵. Однако между ними устанавливается почтение [низших к знатым] и презрение [высших к низшим]⁶.

[10] Поступок. [Обдуманное] действие.

[10] Поступок — действия человека [по внутреннему побуждению] без стремления заслужить похвалу. Поступки, рассчитанные на достижение славы, называют хитростью, подобной действиям разбойников⁷.

[11] Действительность. [Высшее] выражение [сущности имени].

[11] Действительность. Ее внутреннее стремление и характер проявляются так, [что их можно видеть], как человек видит самого себя. [Но это] не то, что [у человека украшения]: золото, подвески, нефрит и одежда, [скрывающие сущность человека]⁸.

[12] Верность. [Такой образ действий], когда то, что приносит [людям] пользу, делается [благородным мужем даже] путем самопринуждения.

[12] Верность. [Во имя высшей пользы Поднебесной] не приносить пользу [даже] своим слабым детям [подобно Юю]: ноги сами тянули войти [в дом, однако он] сдерживал себя [и делал то, что повелевал долг]⁹.

[13] Почтение к родителям. Это [забота] о пользе своих родителей.

[13] Почтение к родителям, [хотя] это означает любовь¹⁰ к своим родителям. Однако может ли это принести [добро¹¹ и] пользу родителям? Отнюдь не обязательно достигается [эта цель]¹².

[14] Доверие. [Определяется] соответствием слов и замыслов [и делами].

[14] Обязательно слова [человека] должны соответствовать [действительности]. [Например, правдивость утверждения о том, что на городской стене есть золото, проверяется тем], что золото действительно находят на стене¹³.

[22] Жизнь. Тело и сознание сочленены вместе¹⁴.

[23] Сон. Состояние человека, когда есть сознание, [но разум] не познает¹⁵.

[24] Сновидение: когда [человеку] во сне кажется, что [он действует] как наяву¹⁶.

[26] Польза. Это то, что получив, [человек] испытывает радость.

[26] Польза. Получив нечто, [человек] радуется, значит, он получил пользу. В случае же с бедой [ощущения] не такие.

[27] Вред. Это [то, что] приносит человеку огорчение.

[31] Выдвигать [понятия — значит называть предметы], подражая действительности.

[31] Выдвигать — это значит говорить слова, имена. Выдвижение [слов, имен] определяется действительностью.

[32] Слово. Это выражение понятий¹⁷.

[32] Слово. Движением рта говорящий произносит

имена. Имена подобны рисунку тигра¹⁸. Говорю, что слово и имя слиты плотно, как камень.

[34] Правитель. [Тот, кто устанавливает] общее согласие в [действиях] чиновников и простолюдинов.

[34] Правитель. Это имя есть результат [согласия] людей¹⁹.

[39] Тождество. Соединение различного в одно.

[39] Это похоже на то, как два человека вместе смотрят на эти ворота или как [два человека вместе получают] назначения от правителя.

[40] Продолжительность. Это соединение разных периодов времени²⁰.

[40] Продолжительность — современность и древность, настоящее и будущее.

[41] Пространство²¹. Совокупность различных местоположений.

[41] Пространство включает восток, запад, юг, север.

[43] Законченное²². Это то, где нет ничего не в таком состоянии.

[43] Законченное — это когда прекратилось дальнейшее движение.

[44] Начало. [Ближайшее] настоящее время.

[44] Начало — время, может быть долгим, может быть не долгим. Начало — [сам акт] — не может быть долгим.

[45] Превращение. Это проявление изменений²³.

[45] Превращение — это когда лягушка становится куропаткой.

[50] Конец. Прекращение [развития] во времени²⁴.

[50] Конец. На короткое время не может быть конца...

[51] Необходимость. Это то, что нельзя изменить.

[51] Необходимость — [неизбежность]. Это отношение, при котором одно неразрывно с другим подобно отношениям между братьями. Если же с одной стороны так, а с другой — не так, то это не неизбежно, это не является необходимым²⁵.

[65] Полнота. Это то, когда нет ничего, что бы не вошло в одно целое.

[65] Полнота — это когда уже нет такой меры, которая не была бы присуща вещи.

[67] Твердость и белизна не внешне друг для друга²⁶.

[67] Твердость присуща камню. Нет того, что бы исчезло, поэтому оно не может не быть обнаруженным. Поэтому получаем оба свойства — [твердость и белизну].

[Если белизна и твердость присущи] разным предметам, то они не взаимосвязаны друг с другом, а, наоборот, взаимоисключают друг друга, поэтому [они и] являются внешними друг для друга.

[70] Метод. [Это то, что воспринято во время учения и] следуя чему можно добиться цели.

[70] Метод: замысел, циркуль, круг. Эти три [элемента] вместе и составляют метод.

[71] Подобное — это то, что [одинаково] с данным.

[71] Подобное — это одинаковое с данным. [Вещь получается] такой, какой хотелось, [потому что человек] следовал методу.

[72] Суждение. Это то, что делает очевидным [смысл]²⁷.

[73] Спорящие [о той же вещи] не могут говорить о двух [предметах спора].

[73] Спорящий удваивает [предмет спора]. Предположим, это — вол, но ягуар — не вол. Это два [суждения] с разными [посылками], поэтому невозможно [провести спор и сделать вывод].

[74] Спор. Обсуждение какого-либо вопроса. Побеждает в споре тот, [чье мнение] соответствует действительности²⁸.

[74] Спор. Некто утверждает, что это вол. Другой утверждает, что это не вол. Возникает спор об этом предмете. [Эти два мнения] не могут быть вместе правильными. Это значит, что одно из них должно быть неверным или оба неверные, если предположим, что то был щенок, а не вол.

[78] Имена бывают общие, родовые и частные.

[78] Вещь — это общее имя. Для этого требуется объединить вместе много различных вещей, чтобы [потом дать] им общее название. «Лошадь» — это родовое имя. Все сходное в действительности необходимо определить таким именем. Собственное имя раба Цзан есть частное имя. Это имя ограничено существованием только одного Цзана.

[Всякий] звук, издаваемый ртом, несет в себе название, так же как фамилия связана с определенным пероглифом.

[79] Наименования бывают трех видов: общие, примеры, прозвища.

[79] «Собака» — это общее имя. Говорю, что эта собака есть щенок, — это пример. Называю вещь посторонним

именем — это есть прозвище, например: «Ах ты собака!»

[80] [Существуют] знания услышанные, разумные и из непосредственного опыта, знания об именах, знания о действительности, знания об отношениях и знания о действиях.

[80] [Виды] знания: воспринятое [от людей] — услышанное [знание]; [знание, достижение которого] не ограничено временем и местом, — разумное знание; [полученное] личным наблюдением — непосредственное [знание]. То, чем называем [вещи], есть имя. То, что называем, есть действительность. Связь имени и действительности есть отношение. [Соединение] воли с деятельностью есть [сознательное] действие.

[83] Связь. Непосредственная, долженствования и необходимая.

[83] Связь. Силой установить равновесие двух сторон тела — [передней и задней]; [гармония] между желанием и действием — это непосредственная [связь]. Поступки раба — это долженствование, [поскольку они вытекают из его положения]. Необходимость — это то обязательное, отсутствие чего ведет к неперемennomu отсутствию и другого. То, что необходимо, в его [обязательной] роли можно не сомневаться.

[85] Действие. Сохранение, избегание, обмен, растрата, управление, изменение.

[85] Действие. Сохранение — это соответствует мерам, [принятым] совершенным мужем в случае войны для накопления железных лат, шлемов, а при обороне — [строительства] крепких ворот в городе. Избегать смерти — лечение болезни. Обмен — продажа и купля. Растрата — использование чего-либо до конца. Управление — следование указаниям начальника. Изменение — [это действие, подобное] превращению мыши в перепела.

[86] Тождество. Полное повторение, полное [тождество] частей в целом, [собрание в одном], родовое.

[86] Два имени, один факт — это есть полное повторение. Совмещение в одном неделимом — это тождество целого. Собрание сходного в одном месте — это есть тождество собранного, тождество нескольких сходных вещей — это родовое тождество.

[87] Различное. Две вещи, одна не может быть частью другой, не соединяются, не родственны [друг другу].

[87] Различное. Две вещи, которые обязательно различны, не могут быть частью друг друга, не могут быть на одном и том же месте, не принадлежат к одному виду.

[88] Тождество и различие взаимно связываются в бытии и небытии.

[88] Тождество и различие взаимно связываются, например богатый дом и раб. [Зная], что такое богатая семья и что такое раб, знаешь, [что такое богатство и что такое бедность].

Мера — это взаимосвязь многого и малого. Змея свертывается клубком и разворачивается и так передвигается вперед. [Связь] свертывания и разворачивания. Вьющийся тут связывается со стволом твердого дерева — [связь в едином] твердого и мягкого. Меч, топор и кольчуга — это [взаимоотношение] смерти и жизни. В одном помещении живут мать и сын, [связь в одном] взрослого человека и ребенка. Две абсолютные противоположности — это белое и черное. [Человек, идущий по дороге, одновременно видит] и центр и два края дороги.

Критика, нравственные поступки, учение, реальность [в единстве] содержат правду и неправду.

Когда наседка высидивает яйца, [то здесь] одновременно видны оформившееся и неосформившееся. Старший и младший братья живут в одной [семье]. Тело человека и его желания находятся вместе, но желания могут быть далеко, от этого зависит сохранение [жизни] или гибель. Есть [зверь] тигр и есть человек с такой фамилией. «Тигр» — здесь реальность и подражание взаимосвязаны.

Цена одних вещей соответствует их стоимости, цена других выше их стоимости, это называют соотношением дешевого и дорогого.

Длинное и короткое, предыдущее и последующее, легкое и тяжелое также взаимосвязаны²⁹.

[89] Услышанные [знания] есть [результат] восприятия уха.

[89] Чтобы следовать услышанному и проникнуть в его смысл, [нужно провести] осмысливание [полученного на слух] в своем сердце.

[92] Высказывание. Это благо, [даваемое] ртом.

[92] Чтобы понять [смысл] высказанного людьми, нужно в сердце провести разграничение [истинного и ложного].

[93] Тождественный метод дает тождественные результаты наблюдения.

[93] Если метод тождественный, то [при наблюдении нужно обращать внимание] на искусство наблюдения и [точность] передачи [полученных результатов].

[94] [Посылки]. Когда предложения различные, то необходимо выбрать соответствующие [методы].

[94] Метод выбора предложения. Выбираю это и отбрасываю то, [что не соответствует требованиям]. Изучаю основания [предложения] и тем устанавливаю его соответствие. Например, среди людей есть темные и есть не темные, я ограничиваю [выбор] темными. Среди людей есть люди любящие людей и есть не любящие людей, выберу любящих людей. Среди этого что наиболее соответствует требованиям?

[95] Критерий. [Приведение к соответствию с действительностью]. На основании этого устанавливать принципы.

[95] Критерий. Это изображается так. Представим и это таким же образом, тогда оставшиеся несходные с этим и тем приведем к соответствию с их критериями. Это подобно тому, как совершенномудрый, имея ошибку, не оспаривает это, не злословит.

[96] Истинное не содержит неправды.

[96] Истинное всегда проходит в наше знание через пять органов чувств. Есть человек, сообщивший мне знания; они, пройдя пять путей, становятся моим знанием; но эти знания получены не непосредственно, а как бы прошли по кругу, а не прямо по диаметру. Знания не от другого человека получаются непосредственно от пяти органов [чувств] подобными тому, какими существуют эти предметы в природе.

ГЛАВЫ «КАНОН». ЧАСТЬ ВТОРАЯ И «ПОЯСНЕНИЕ К «КАНОНУ» ЧАСТЬ ВТОРАЯ»

[1] Разграничение. Это разделение [вещей] по родам согласно их сущности. [Здесь] укажем на сходство [признаков].

[1] Разграничение — это определение особенности и сходства той и этой вещи. Указание на общность [в сущ-

ности] этих [вещей]. Если же эта [вещь] не имеет таких же [главных свойств, как та], то сомневаюсь, что [они] относятся к этому [роду вещей].

[4] Одна исключает другую [часть], поэтому если эта вещь имеет это свойство, то эта вещь определенно имеет только это свойство и не может иметь даже части другого. Одно противоположно другому и взаимно рождает друг друга.

[4]. Одна вещь. Одно и одно взаимно уничтожаются. Не могут существовать в одном. Однако часть непременно исключается.

[5] Название [вещи]. Имеется имя, а потом называют [новые вещи словом, которое] изначально было. Указать на основание.

[5] Название [вещи]. Имеется имя, а потом называют им [вещи]. Если нет имен, то и нет названий. Предположим, что какая-то вещь является красивой, и именно так мы назовем ее, то это означает, что эта вещь первоначально, [до нас], была таковой, поэтому мы называем ее красивой. Если же она некрасива, то мы не назовем ее красивой, в таком случае не описываю [ее красоту], а просто называю предмет.

[6] Нельзя отбросить одну сторону, [можно воспринимать] только обе. Указать, что они воспринимаются только совместно. Это подобно [последовательности цифр] 1 и 2 или [неразрывности] ширины и длины.

[6] Видимое и невидимое раздельны. «Один» и «два» взаимосвязаны, [точно так же] ширина и длина, твердость и белизна.

[8] Вещи, принадлежащие к различным родам, нельзя сопоставлять. Пояснение заключается в недопустимости.

[8] [Неразумное] сопоставление. Что длиннее дерево или ночь? Чего больше мудрости или зерна? Что ценнее из четырех: титул, родители, благородные поступки, цена [товаров]? Кто благороднее марал или тигр? Кто скорее [соображает] марал или [человек по фамилии] Хо? Что свежее и чище дождевой червь или звуки гуслей?

[9] Если отделить одну часть, то не произойдет уменьшения, сумма существующих вещей будет прежней.

[9] Если части соединить вместе, не произойдет изменения.

[10] Предположение. Если его основания не верны, то оно ложно.

[10] Предположение. Если предположим, что эта вещь является той вещью, то обязательно [известно], что сущность этой вещи не является той вещью, но поверхностно делаем предположение о ней. Если предположим, что собака есть тигр, то сущность собаки не является тигром.

[14] Различные вещи [вместе составляют] одно тело, это называют совмещением в одном, и только так.

[14] Совмещение в одном. Прибавление к одной вещи другой вещи, например буйвол и лошадь имеют по четыре ноги. Возьмем буйволов и лошадей; если считаем буйволов столько-то, лошадей столько-то, то в этом случае буйволы и лошади — это две вещи, если же считаем буйволов и лошадей вместе [по признаку количества ног], то буйволы — лошади составляют одно. Или подобно тому как считаем пальцы. На руке пальцев пять — это одно, но среди [этих] пяти [пальцев] существует каждый отдельный палец — это одно.

[15] Пространство и перемещение в нем требуют расширения пространства и определенной продолжительности во времени.

[15] [Расширение пространства] имеет смысл при перемещении на новое место. Имеется место — это и есть пространство. Перемещение на юг или север происходит утром или вечером. Перемещение в пространстве происходит во времени.

[17] Распространение [вывода], почему нечто таково и не таково. Укажем, что это осуществляется с помощью перехода этого к тому.

[17] Распространение [вывода]. Яо мудро управлял, если распространить [этот вывод] от сегодняшних условий на [условия] древности. Но если распространить древние [условия] на сегодняшний день, то Яо³⁰ не смог бы мудро править, используя прежние методы.

[34] Заблуждение. Нарушение правил использования понятий. Указать на соотношение с действительностью.

[34] Заблуждение. Знает, что то не есть это, а также знает, что то не находится здесь. Хотя это не так, но он называет это югом. Это ошибка, но сам он считает себя правым. Так как вначале сказал, что здесь юг, поэтому [из упрямства] и сегодня говорит, что это юг.

[35] Знание. Это значит: «Знаю нечто». [Эти знания] выражаются с помощью имен. Пояснение заключено [в том, что без имен] нельзя выразить [знания о вещах].

[35] Знание [позволяет] судить о чем-то. Без [начального] знания нельзя выразить новое знание.

[36] Некоторые указывают, что в споре нельзя прийти к концу. [Но это в том случае, если оба] суждения не истинны. Указать на [порядок] ведения спора.

[36] [Спорящие] высказывают свое суждение. [Они могут касаться одного предмета] и быть тождественными или различными. Если суждения тождественны, [то не может быть спора]. Например, один, указывая на предмет, называет его собакой, другой, указывая на этот же предмет, называет его щенком. Это тождественные суждения [об одном предмете]. Один называет вещь буйволом, а другой — лошадью. Это пример суждений о различных предметах. Если же [этот предмет] не есть ни буйвол и ни лошадь, то суждения спорящих сторон не верны и никто из них не победит в споре. Здесь нельзя вести спор. Спор рождается при наличии различных суждений [об одном предмете]. Суждение одного человека истинно, суждение другого ложно; тот, чье суждение соответствует действительности, побеждает в споре.

[38] В одном есть и то, что мы знаем, и то, чего мы не знаем. Указать на их существование.

[38] Например, имеется камень — это «один»; белизна и твердость [камня] — это «два», но они существуют в камне. Поэтому можно говорить, что в одной вещи есть то, что знаем, и то, чего не знаем.

[38] В одном предмете могут быть известные [нам стороны] и могут быть неизвестные. Пояснение заключено в их существовании.

[38] Например, в камне как одном [целом] есть твердость и есть белизна, но эти два существуют [в одном] камне. Поэтому можно говорить: «В одном есть известная сторона и есть неизвестная сторона». Учитель знает это и знает то. То, что знаю я [об этом], лишь повторение. Если же учитель знает это, но не знает того, то повторяемое мною из прежних знаний есть лишь одно.

[39] Имеются вещи, познание сущности которых требует подхода с двух сторон, где вторая сторона [предмета] неразрывно связана с первой, тогда требуется изучение двух сторон.

[39] Некоторые указывают: «Вы знаете это. Но имеются знания об этом, которыми я раньше овладел, поэтому имеется повторение [познания]. Вы знаете это, но не зна-

ете того, что я прежде получил, — это [одна] сторона, [которую я знаю]. Ваши же знания — это другая сторона, которую я не знаю. Если вы знаете [вторую сторону], то она становится той стороной, которую вы знаете, и если скажете мне, то я тоже буду знать ее. Указанная сторона и есть вместе с первой две стороны. Одни горизонтально исследуют предмет, другие — вертикально. Подобно тому как говорят: «Необходимо отдельно указать открытую мной сторону, не указывая мне неизвестную сторону», тогда открывший одну сторону не будет отдельно объяснять. Если же он не расскажет об открытой им стороне [вещи], то в настроении не будет радости. Причем его знания — в этом предмете, его незнание — также здесь. Тогда знание этого будет и незнанием. Как можно [тогда] утверждать: «Есть то, что знаем, и есть то, чего не знаем»?

[40] Есть [вещи, которые человек] знает, но не может указать их, например змею зимой, скрывающегося раба, убежавшую собаку, утерянную книгу.

[40] Зимнюю змею можно знать, но можно ли указать, где она спряталась? [Совершенно невозможно это сделать]. Можно знать скрывающегося раба, но не знать место, где он скрывается. Можно знать убежавшую собаку, но не знать, куда она убежала, и не знать ее кличку. Можно знать утерянную [книгу], но даже искусный мастер не сможет снова сделать ее, тем более указать на нее.

[41] [Некто] знает, что такое собака, но сам же говорит, что не знает, что такое щенок, — это ошибка. Здесь пример удвоения одного предмета.

[41] Если два названия и одна реальность — это удвоение [сходного]. Знание о собаке и знание о щенке — это взаимно удвоенное знание [о сходных предметах]. [Разделение этих знаний] — ошибка. Если ликвидировать это удвоение, то не будет и ошибки.

[42] Понять смысл вопроса, прежде чем отвечать. Например, нужно узнать, что спрашивают.

[42] Уяснение [смысла вопроса]. Кто-то спросил [меня]: «Знаешь ли ты, как пишется [иероглиф] *цзи*?» Но я должен прежде задать вопрос: «Какое *цзи*?»³¹ Тот ответил: «*Цзи*, обозначающее то, за что тянут лошадь или держатся, когда едут верхом». Теперь я знаю, что речь идет об иероглифе *цзи* — «узды». Если бы я не спросил о каком [иероглифе] *цзи* [идет речь], а написал бы [какой-либо]

пероглиф, читающийся *цзи*, то хотя я и знал бы тот пероглиф, который у меня спрашивали, но ответил бы, [наверное], неправильно. Это была бы ошибка.

Кроме того, при ответе необходимо спросить о времени, к которому относится вопрос. Ответ должен строиться на основе различия глубины и поверхностности вопроса, а также различия [того], большой вопрос или малый.

[44] Пять начал не преодолевают друг друга. Утверждаю, что это зависит от соотношения.

[44] Пять начал. Соединение воды, земли, огня, кочечно, уничтожит огонь. Огонь расплавляет металл, потому что его много. Металл разрушает уголь, так как металла много. Если собрать воду в поток, то вода смоеет деревья. [Подобные знания] не имеют пользы, как не имеет пользы знание числа оленей и рыб.

[47] Время. Это именно то знание, которое получается помимо пяти чувств.

[47] Знание. Результат виденного глазами, как глаза видят огонь. Если глаза не видят, то и огонь не виден. Это знание можно получить только через пять чувств. Но время не таково, его нельзя увидеть глазами, как, например, мы видим огонь. Огонь горячий — этим мы говорим о свойстве огня.

[48] Огонь горячий.

[48] То, что огонь горяч, не есть только наше ощущение, так же как и солнце, которое мы видим.

[49] Познание того, что еще не знаешь. Необходимо, используя понятия, соединять их с действительностью.

[49] Знание. Соединив познанное с непознанным, нужно спросить у других людей. При этом нужно говорить: «Это я знаю, это я не знаю». Получишь знание, утратишь познание и можешь все знать — это есть всестороннее знание.

[50] Небытие не включает бытия. Поясню это на следующих [примерах].

[50] Небытие. Например, [человек] лишился лошади. Это значит: прежде у него имелась лошадь, но потом ее не стало. Если небо не падало, то это значит, не было этого [в действительности].

[51] Если [прежде] правильно продумать, [как осуществлять эту работу], то не будет сомнений [в правильности хода работы]. Укажем на отсутствие сомнения.

[51] Правильное обдумывание. Если раб Цзан умер, [по словам], зимой, но только весной принесли его труп, а [в то время его трупа не было], то можно поставить под сомнение его смерть в то время. Но если принесен его труп, то в смерти в настоящее время можно не сомневаться.

[54] Слова о заслугах Яо родились сейчас, но действительные заслуги имели место в древности. [Древность и современность] — различные времена, поэтому и заслуги Яо — слова, сказанные современным человеком, — это лишь слова о значении деятельности Яо; древние же люди видели сами действия Яо — это и есть действительные, реальные заслуги.

[54] Яо — человек высоких моральных качеств. Некоторые на основе слов смотрят на человека, некоторые же на основе фактов смотрят на человека. [К примеру], возьмем богатого друга, занимающегося торговлей, — это мы по словам смотрим на человека. Если же, объясняя его богатство, говорить о нем, то это мы на основе действительности смотрим на человека.

Слава о деятельности Яо родилась сейчас, но реальные его деяния осуществлялись им в древности.

[55] Собака и щенок — одно и то же, но говорить, что убил собаку, а не щенка, можно, так как здесь пример удвоения имени [сходных предметов].

[55] Собака и щенок сходны, это одно животное, поэтому можно сказать, что, убив собаку, убил щенка. Это как два плеча человека.

[62] Возможность отсутствия. Имеется оно, но нельзя его отбросить, поэтому говорю: постоянно таким образом.

[62] Возможность отсутствия. Сейчас может не быть что-либо, но не обязательно всегда так, то есть не обязательно может не быть.

Время имеет конец и не имеет конца.

[64] Пространство при расширении вперед не может приблизиться к концу, это и называю расширением.

[64] Пространство. Район, которому нельзя указать точное местоположение, — это и есть пространство. Продвижением вперед называется движение пешехода, который сначала преодолевает ближнее пространство, потом дальнее.

[65] Дальний путник требует длительного времени. Го-

ворю, что здесь есть прежде начальное время и последующее время.

[65] Длинный путь. Путник сначала преодолевает ближнее расстояние, а потом дальнее, далекое и близкое — это длинное и короткое, начальное и последующее — это время. Человеку, идущему в далекий путь, необходимо продолжительное время.

[66] Если одним методом из разных вещей сделать одну и ту же вещь, то все они будут сравнимы и относиться к одному роду [вещей]. Указать на куб [из разных материалов].

[66] Один [метод]. [Все кубы] одного рода; хотя метод изготовления их всех один, но есть и различие. Есть куб деревянный, есть куб каменный, но это различие материала не мешает им быть сходными и полностью принадлежать к предметам, называемым родовым именем «куб», потому что все они есть кубы. Вещи сходные сходны таким же образом.

[67] Беспорядочное выдвигание различных признаков не позволит определить различия предметов. Укажем на выдвигание второстепенных признаков, которые имеют оба предмета.

[67] Вол и лошадь — разные [животные]. Если же характеризовать особенность вола как животного, имеющего зубы, а лошадь — как имеющего хвост и отсюда доказывать, что вол — это не лошадь, то такое доказательство неосуществимо. Эти признаки есть у обоих животных, признаки, которые имеются не только у одной стороны и не являются признаками, которые есть у одной стороны и нет у другой, и наоборот.

Беспорядочное выдвигание признаков не позволяет выяснить различность родов двух вещей. Например, вол и лошадь есть животные. Предположим, что они относятся к одному роду животных. Но вот некто утверждает, что они разных родов, потому что вол имеет рога, а лошадь не имеет рогов и так они принадлежат к разным родам. Это, как и первое доказательство различия родов, так как вол имеет зубы, а лошадь имеет хвост, есть один из видов беспорядочного выдвигания признаков. Они не дают знания действительного различия признаков вещей.

[68] [Сказать,] что буйвол и лошадь не буйвол, столь же справедливо, сколь справедливо сказать, что буйвол и лошадь — буйвол. Пояснение заключено в «совмещении».

[68] Сказать, что буйвол и лошадь не буйвол, нельзя. Сказать, что буйвол и лошадь — буйвол, также нельзя. Следовательно, в данном случае возможное перемеживается с невозможным. Однако нельзя и утверждать, что «сказать, что буйвол и лошадь — буйвол, нельзя». В то же время буйвол не «два», лошадь не «два» и только буйвол и лошадь — «два». Выходит, что среди буйволов нет ни одной, которая бы не была буйволом, среди лошадей нет ни одной, которая бы не была лошастью, а буйвол и лошадь, взятые в совокупности, уже не являются ни буйволом, ни лошастью. Это положение доказывается без особого труда.

[69] [Утверждать, что] то есть то и [что] это есть это и вместе с тем то и это сходны, — значит говорить, что не существует различия.

[69] Исправление имен [следует фактам]. [Допустим,] что то является этим, [тогда заключаю,] что можно считать то этим. Допустим, что то является тем, и причем то ограничивается только тем [и не может быть этим], и это является этим и только этим, [не может быть тем], в таком случае нельзя заключить, что то является этим.

[Например, если буйвол есть буйвол, и только буйвол, лошадь есть лошадь, и только лошадь, то буйвол не может быть лошастью и т. п.] Допустим далее, что то есть то и вместе с тем есть это, тогда можно заключить, что то есть это. То и это не только есть то, это, но допустим, что то не только есть то, а это не только есть это, если допускаем, что то есть это, заключаем, что то есть также вместе с тем это.

[71] Услышал то, о чем не знал, теперь знаю. Таким образом, приобрел всестороннее знание о предмете. Указать на случай с сообщением знаний.

[71] Услышанные знания — это то, что узнаешь от других людей на стороне и чего нельзя узнать, находясь дома. Некто сказал: «В доме этот цвет как будто похож на тот цвет». Это есть проявление незнания того, что знаешь. Белое казалось в доме как будто черным. Что же истинно? Как будто этот цвет является белым цветом. Сегодня узнал от других людей, что этот цвет и тот цвет действительно являются белыми, поэтому знаю, что этот цвет и тот цвет — одно и то же.

Понятия — это то, основываясь на ясности чего вскрывали то, что неизвестно. Но нельзя, используя то, чего не

знаешь, сомневаться в наличии тех знаний, которые уже приобретены. Это подобно тому человеку, который, не зная длины предмета, сомневается в знании длины одного *чи*.

Наблюдение внешнего — это непосредственные знания. Осмысливание дома непосредственных наблюдений — это разумные знания.

[72] Извращение. Если сегодня объявится человек, который все слова Поднебесной назовет ложными, то именно этот человек говорит ложь. Указать, что его слова есть извращение.

[72] Если слова этого человека истинны, то его слова не есть ложь. Если слова этого человека неложны, то это значит, что в Поднебесной есть слова, которые истинны. Если в Поднебесной есть истинные слова, то это значит, что в Поднебесной есть слова, которые не являются истинными, тогда, значит, в Поднебесной слова не являются полностью ложными. Значит, если кто объявляет все слова [Поднебесной ложными, то он именно свои слова сам считает ложными].

Если же слова этого человека ложны и распространяются по всей Поднебесной, то на этой основе считать все слова Поднебесной полностью ложными не соответствует действительности.

[73] [Нарушение правил пользования именами.] Если только я называю не [общепринятым] именем, то этого [делать] нельзя. Указать на нарушение.

[73] [Нарушение правил пользования именами.] Это не допускается. То, что называют тигром, можно называть тигром, но нельзя называть собакой, так как название не может отойти от общего названия вещей. Если то название расходится с общим названием этой вещи, это не допустимо, а мое название, общее с условленным названием, допустимо. Если же то название не расходится с моим названием, здесь нет ничего не допустимого.

[74] Не зная числа людей, которые живут в Поднебесной, [например на юге,] как можно говорить о всеобщей любви к ним?

[74] [Беспредельное] и предельное, бесконечное и конечное [взаимосвязаны]. Если юг имеет предел, то люди могут заселить его до конца. Если юг беспределен, то [люди] не могут заселить его полностью. Но невозможно узнать, пределен или беспределен [юг], поэтому нельзя

знать, заселен ли он полностью или не полностью. Заполнили ли люди [юг] до конца — это не известно. Исчерпывается или не исчерпывается количество людей — это невозможно узнать, поэтому является заблуждением [утверждение] обязательно любить людей, [число которых] неисчерпаемо.

[75] Не знаешь числа людей до конца, без остатка? Может быть, некто выпал из этого числа и ты не испытываешь к нему любви?

[75] Кого я пропустил и не испытываю к нему любви, пусть мой противник назовет его или спросит у меня. Если он будет называть всех людей до конца, то я отвечу, что ко всем людям питаю любовь. Поэтому, если и не знаю числа людей, но ко всем им без исключения питаю любовь, это совсем не трудно.

[78] Польза учения в том, чтобы злословить, [говорят Лао-цзы и Чжуан-цзы].

[78] Учение. По мнению некоторых, люди не знают, что учение не имеет пользы, поэтому [они] говорят об этом людям. Это действие и есть воспитание людей, чтобы они знали, что учение не имеет пользы. Эти ученые противоречат сами себе, так как они тоже проводят учение о том, что учение не имеет пользы.

[79] Возможность и невозможность осуждения чего-либо не зависит от того, много или мало осуждать, а от того, есть или нет причины для этого. Указать на возможность осуждения.

[79] Осуждение. Возможность сделать осуждение чего-то [зависит от того], есть ли для этого основания. Если даже и много осуждать, то оспариваемое суждение будет правильным, если его основания не ложны. Но [с другой стороны,] если и мало осуждать, то оспариваемое ложно, если его основания ложны. Сейчас есть люди, которые считают неправильным много осуждать что-либо. Это подобно тому, как хорошее объявить плохим.

[81] Предметы бывают очень большими, не очень большими. Объясняю это их [отношением].

[81] Предмет считается очень длинным, если нет другого, длиннее этого. Предмет очень короткий, если нет другого, короче этого.

Если этот предмет самый длинный или короткий, то не является таким другой предмет, так как нет другого предмета, длиннее или короче этого предмета.

Небо любит людей меньше, чем совершенномудрый любит людей, однако пользы людям оно дает больше, чем приносит пользы людям совершенномудрый. Большие люди меньше любят маленьких людей, чем маленькие люди любят больших людей, но пользы маленьким людям они приносят больше, чем маленькие люди приносят пользы [большим] людям.

Если [раб] Цзан имеет родителей и любит [только] их — это [не] есть [подлинная] любовь к родителям. Если Цзан имеет родителей и приносит поэтому им пользу, то это не есть [подлинное] принесение пользы его родителям.

Если [создают] музыку для своего сына, с тем чтобы удовлетворить желания сына, то это является [выражением] любви к своему сыну. Если же [создают] музыку, чтобы тем самым принести пользу сыну, когда он требовал этого, то это не [может рассматриваться] как [подлинная] польза для сына.

Если среди предметов провести определение, [какие] тяжелее, [какие] легче, то это называется взвешиванием. Оценка [обстоятельств] не [дает] превращения лжи в истину и не превращает истину в неистину. [Такая] оценка [устанавливает] действительную степень [пользы и зла]. [К примеру], [нужно] отрубить палец, чтобы сохранить руку. [Здесь нужно сделать выбор.] [С точки зрения выгоды] нужно стремиться получить большую выгоду. [В беде нужно] избирать наименьшее зло. В беде сделать предпочтение наименьшему злу не значит избирать зло, а есть выбор пользы. То, что выбирают [в таких обстоятельствах], является [неизбежным] выбором для [любого] человека. Если встретил разбойника и для того, чтобы сохранить жизнь, [предпочтешь дать ему] отрубить себе палец, то это [будет] выгода, но сама встреча с разбойником является бедой. Отрубить палец и отрубить руку по локоть [с точки зрения выгоды] для Поднебесной [также] одинаково, [когда нельзя] сделать выбор. Смерть, жизнь, их выгода — одна и та же тогда, когда нет никакого выбора. Во имя сохранения Поднебесной убить одного человека вовсе не то же, что просто убить одного человека, — [первое] делается для выгоды Поднебесной. Если же пожертвуешь собой во имя сохранения Поднебесной, то это

самопожертвование будет служить на пользу Поднебесной.

В любом деле неизбежно есть важное и неважное. Однако сделать выбор в пользу еще не равно тому, что это дело уже осуществлено.

Из многих зол нужно выбирать наименьшее. Делать выбор наименьшего зла из многих зол — это значит следовать справедливости, но это не означает свершения справедливого дела.

Характер человека определяется небом³³. Если это так, то можно надеяться, что небо сохраняет природой данные ему качества, поэтому непременно родится совершенномудрый. Все привычки людей вызывают определенные поступки. Я поступаю так, потому что другие люди тоже так поступают. [Раньше меня существует] привычка поступать определенным образом, я [подражаю этой привычке и тоже] делаю таким же образом. Но мои поступки не обязательно все основываются на привычке. Если я поступаю не по привычке, то определенные действия для меня самого могут стать привычкой, тогда я могу заразить этой привычкой других людей и стать причиной подобных поступков для других людей. Жестокый человек оказал влияние на меня, и я тоже стал жестоким человеком. А не потому, что природа сделала меня таким и дала мне такие качества. [Люди] как будто не могут верно определить степень истины и неистины, добра и зла, но все же отличают их [в главном]³⁴.

Из выгод [нужно стремиться] выбрать наибольшую. Это отнюдь не определяется безвыходным положением. Из зол нужно выбирать наименьшее — это, однако, является следствием безвыходного положения. То, чего нет, но выбираешь [и достигаешь чего-то] — это и есть способ действовать, когда нужно из [многих] возможных выгод добиться наибольшей. Если имеется нечто, от чего нужно [найти способ] избавиться, то это и есть способ действовать, когда нужно выбрать из многих зол наименьшее.

[Утверждают], что долг [может быть] большим и тогда нужно [проявить] большее усердие [в выполнении долга]. Долг [может быть и] малым, [и] тогда нужно проявлять меньшее усердие [для выполнения долга]. Называют [все это установлением] различия степеней [долга]³⁵. Добродетельные люди, правители, почтенные мужи, близкие родственники — все это те, [при выполнении долга перед ко-

торыми должна быть проявлена] большая степень усердия. Выполнение долга перед людьми почтенного возраста не должно быть большим, чем выполнение долга в отношении младенцев. [Степень долга определяется степенью родства]: в отношении близких родственников — больше, дальних — меньше. [Количество] близких родственников ограничено, [количество] дальних — безгранично. Проявлять высокий долг перед родителями — значит не обсуждать их поступков, но [самим] поступать, подражая им³⁶.

«Совершенномудрый любит других, но не стремится к выгоде» — эти слова [есть лишь отговорка] или слова [хитрого] гостя³⁷.

[Люди] Поднебесной горячо любят Юя³⁸, потому что он для Поднебесной сделал много полезных дел. Поднебесная горячо любит Юя именно потому, что Юй любил [всех] людей. Значит, [люди Поднебесной] горячо любят Юя, потому что он сделал много добрых дел Поднебесной, а не из-за [личности] самого Юя, но любовь ограничивается самим Юем, а не распространяется на всю Поднебесную. Это подобно тому, как человек ненавидит разбойников и его ненависть обща с людьми Поднебесной. Но ненависть к разбойникам не распространяется на Поднебесную.

Любить людей не значит исключать себя. [Любовь к] себе также включает любовь к людям. [Тот, кто питает любовь к людям], также входит в объект любви, поэтому любовь к людям распространяется и на самого любящего людей, [ибо и он тоже человек]. Нужно одинаково любить себя и других людей³⁹.

Совершенномудрый ненавидит болезни и недуги, [так как они мешают приносить пользу людям]. [Но он] не боится трудностей и опасностей, [которые он может встретить, когда он будет стремиться сделать людям пользу]. [Совершенномудрый] сохраняет свое здоровье, чтобы быть способным принести пользу людям, но не потому, что боится человеческих недугов.

Совершенномудрый не делает свое жилище местом, где он укрывается от мира, поэтому он [всегда] имеет укрытие [от опасностей]. Совершенномудрый не делает дел только для пользы своего сына. Во имя пользы Поднебесной забыть о смерти близких — это правило совершенномудрого. Если во имя пользы Поднебесной нужно забыть умершего родственника — это значит выполнить

высший долг перед родственниками. Нужно отдать все силы для принесения пользы [Поднебесной]⁴⁰.

Любовь [к людям] есть только большая, нет маленькой [любви]. Нужно всей Поднебесной одинаково принести пользу и это считать пользой для себя⁴¹.

Раб Цзан любит себя, но я не считаю, что он этим вредит людям, [потому что] большая любовь [к людям] не исключает [любви] к самому себе. Любовь [к людям] не [имеет разделения] на большую и маленькую. Чтобы [заниматься] восхвалением самого себя, не требуется большой мудрости. Справедливость приносит пользу, несправедливость — зло. Определение различия между намерением и результатом [должно быть сделано] путем рассуждения⁴²...

[Приносить] пользу людям — значит делать полезное другим людям. Делать человека богатым не означает делать это только для другого человека. Только тогда другие люди смогут также обогащать [других] людей. Бывает, что духи делают людей богатыми и упорядочивают людей⁴³.

Если награды и похвалы распространяются односторонне на одних людей, то эти награды и похвалы не приносят пользы людям, но нельзя, [однако], и отрицать [значение] наград и похвал для людей.

Если [человек] знает выгоду только своих родителей, это не является [выражением] сыновней почтительности, [он] также не [достигает] знания [принципа]: «Не сделай выгоды себе, но сделай пользу родителям».

Знаю, что в этом мире есть разбойники, но [я] всем [сердцем] люблю этот мир. Знаю, что в этом помещении [среди людей] есть разбойники, тогда я испытываю сдержанную любовь [к людям, находящимся] в этом помещении. Знаю, что [среди этих двух людей] кто-то разбойник, [тогда] испытываю сдержанную ненависть к этим двум людям. Хотя [среди них] один разбойник, но я не знаю, кто конкретно. [Если не знаешь конкретно, кто из них разбойник], то не может быть проявлено полное чувство ненависти.

Все совершенномудрые потому впереди людей, что они стремятся получить [знание] имени и действительности. [Имя есть название действительности.] Действительность сама по себе не нуждается в имени⁴⁴.

Мудрость и понимание [смысла] различны.

Мудрец в глубине постигает глубокую истину, в поверхностном [видит] его поверхность. Увеличивается то, что должно увеличиваться. Соблюдается экономия там, где она должна соблюдаться.

Да, всякое суждение порождается причиной, формулируется, следуя правилам [рассуждения], и применяется согласно родовому сходству.

Высказать суждение, не понимая того, на основании чего оно возникло, — значит впасть в заблуждение. Это подобно тому, когда человек с крепкими ногами отправляется в путь, не зная направления. Он заблудится и вынужден будет стоять и ждать [до тех пор, пока не укажут ему дорогу].

Поэтому суждения следует применять, исходя из родового сходства предметов. Если строить суждение, не устанавливая родового сходства предметов, то это обязательно приведет к заблуждению. Эти три вещи необходимо использовать вместе, только после этого будут налицо полные условия для построения и применения [правильного] суждения⁴⁵.

Любой человек может понять подлинное стремление другого человека из его слов, когда он разоблачает зло. Если человек попал в беду и совершает в это время зло, по его настроению люди не обязательно могут понять, чего хочет [этот человек] добиться.

Ползучие грязные слухи подобны подстрекательству и устрашению⁴⁶.

Совершенномудрый, управляя Поднебесной, в действительности подобен отцу, заблудшего сына возвращающему [на истинный путь].

[Говорят, что] совершенномудрый, воспитывая [людей Поднебесной], смотрит лишь на их человеколюбие и не смотрит на пользу и любовь. Но ведь польза и любовь рождаются в заботе. Прошлая забота не есть нынешняя забота. Прошлая любовь к человеку не есть нынешняя любовь к человеку. Любовь к Хо как любовь к человеку рождается в заботе о пользе для Хо, но это не есть забота о пользе для Цзана. Однако любовь к Цзану как любовь к человеку именно [обща с] любовью к Хо как любовью к человеку.

[Пытаться] отбросить [всеобщую] любовь и [думать] о пользе Поднебесной. [Утверждаю, что для этого] нельзя отбрасывать [всеобщую любовь].

Любовь совершенномудрого не основывается на користи и стремлении достичь выгоды только для себя. Всеобщая любовь — это высшая польза для всех людей. Высшие интересы людей не в односторонней любви, а во всеобщей любви. Но всеобщая любовь, преломляясь в отношении каждого человека, основывается на интересе данного человека, а интересы людей различны, значит, любовь по отношению к каждому отдельному человеку предусматривает оказание ему помощи в различных формах, и любовь, значит, различна, но в целом она обща, сходна, так как это любовь к людям⁴⁷.

Если когда Цзан умрет, [его смерть] нанесет вред Поднебесной, то я в десять тысяч раз буду сильнее заботиться о [здоровье] Цзана, но не оттого, что моя любовь к нему стала больше, [а для того, чтобы уберечь Поднебесную от беды].

Знание о соблюдении экономии в прошлом не есть знание о соблюдении экономии в настоящем.

Благородный является сыном неба, но он приносит пользы людям не больше чем простой конюх. [Это подобно тому], как два сына заботятся о своих родителях; безразлично, какой год, урожайный или неурожайный, но их забота о родителях одинакова. Она не увеличивается от того, [что год урожайный и], не уменьшается от того, [что год плохой]. Внешние обстоятельства не могут повлиять на степень моей заботы о родителях.

Если один человек проживет долгую жизнь, другой — короткую, но они принесут одинаковую пользу Поднебесной, их сходство будет в одинаковой славе.

Однажды увеличу в десять тысяч раз заботу о жизни [одного человека], но любовь к нему не увеличится. Это подобно [стремлению] уничтожить зло [в Поднебесной].

Если [считать, что] любовь [человека] ко многим эпохам сходна с любовью человека к одной эпохе и также сходна со всеобщей любовью к людям [всего] мира, то всеобщая любовь не только к людям нынешнего мира также сходна с любовью к людям прошлых эпох и любовью к людям грядущих эпох, потому что в первом случае мы людей прошлых и грядущих эпох считаем как бы людьми современной эпохи.

Любить три эпохи можно больше или меньше, но любовь к ним является сходной, подобно как сходны взаимопереплетающиеся клеточки рисунка на теле змеи.

Одинаково люблю [двух человек, но во имя интересов Поднебесной] выберу и убью одного из них, [которого ненавидят в Поднебесной]. Это подобно тому, что убивать мышей, живущих вокруг двора⁴⁸.

Польза от деятельности маленьких людей и больших людей одинакова, это подобно [всходам посевов] на одном поле. Любая возникшая польза есть уничтожение зла, это подобно тому, как [получить пользу], если отремонтировать протекающий большой глиняный кувшин⁴⁹.

«Высоко ценить родителей — значит не давать оценки поступкам родителей, а лишь следовать их примеру». Это подобно тому, как [пельзя сравнивать] количество воды в Янцзы и колодце. Это подобно также тому, как человек учится «охотничьей ходьбе», чтобы выступить в состязаниях.

Любить людей не для того, чтобы заслужить славу, — это подобно заботе о дальнем путнике, [остановившемся у тебя на отдых].

Любовь к людям должна быть бескорыстна. Люби родителей других людей, как любишь своих родителей. Это все равно что рассматривать важное государственное дело как свое семейное дело⁵⁰.

Всеобщая любовь по сути своей сходна с личной любовью. Сходство индивидуальной любви подобно тому, как большое суживается и превращается в маленькое⁵¹.

В Поднебесной не должно быть человека, которого бы не рассматривали как равного себе, не питали бы к нему любви, как к себе. Это и есть учение мудреца Мо-цзы, которое продолжает существовать⁵².

Канон слов⁵³ — это [установление] основ [правильного] выражения [мысли].

Если требуют белую лошадь, а обуздали вороную, то это [не означает, что] нет лошади, но [означает], что нет требуемой [лошади]. Умозаключение [«нет лошади»] ошибочно. Если ловить рыбу на дереве, то [не поймать никакой рыбы] — это значит желать того, чего нет.

Некто имеет циньскую лошадь, [можно утверждать], что некто имеет лошадь. Знающий требует лошадь [и получает ее], ибо [циньская лошадь] суть лошадь⁵⁴.

Злой дух не человек. Брат злого духа включается в [понятие] «брат»⁵⁵.

Когда, [находясь] в безвыходном положении, предпочитаешь нечто, то об этом [нельзя сказать], что предпочитаемое суть желанное⁵⁶. [Подобно тому как] хотеть убить [человека по имени] Цзан еще не означает, что Цзан [уже] убит. Когда [показательно] казнят бандита, это не означает, что [все] бандиты казнены.

Круг с малым радиусом и круг с большим радиусом суть однородны. [Большой] квадрат [и малый] квадрат также однородны⁵⁷.

Не дойти до чего-то на один *ли* и не дойти до чего-то на тысячу *ли* — это различные понятия, но общее у них то, [что в обоих случаях] имеется недостижимость цели. [Различные же между ними] подобно [различию] далекого и близкого⁵⁸.

[Драгоценный] нефритовый полудиск — это нефрит⁵⁹. Идея «деревянная колонна» не сводится к идее «дерево», а лишь означает мысль о колонне из дерева. [Подобно этому] идея об этом конкретном человеке не есть мысль о человеке вообще, [подобно тому как] мысль об охоте подразумевает мысль о дичи. Намерение и результат не обязательно совпадают.

Предположим, этот камень белый, растопчем его [в пыль], попытаемся слить его с [понятием] белизны. [Но это невозможно], подобно тому как [понятие] «большой камень» нельзя уподобить понятию «большой». Слово, сказанное о камне, «большой» удобно для описания [свойств] его [камня], [но не однородно ему]⁶⁰.

По [внешней] форме [вещи] называем ее. Когда непременно знаем, что это есть нечто, тогда по названию вещи можем [указать самое] вещь. Имеющее данное название есть именно это нечто. Если невозможно по [внешнему] образу назвать, то это лишь значит, что не знают, что есть [это] нечто. Но познать это нечто можно. А вот названия, [даваемые] по месту жительства или передвижения: если мы находимся в этом месте, то [название места] относится к названию «нечто», если же покидаем [пределы этого места], то уже не относится. [Примерами имен,] даваемых по [названию] места жительства или передвижения, [могут служить названия вещей по названиям местонахождения волостей, деревень]. Например, Ци, Цзинь — это названия уделов. [А примеры-] названия предметов по их форме — гора, холм, дом, храм и все подобное⁶¹.

[О тождестве]. [Имеются:] тождество повторяемости⁶², тождество местонахождения, тождество принадлежности, тождество различия, тождество добавления, тождество одинаковых родов, тождество одинаковых имен, тождество корня, тождество подлинности, тождество сходства.

[О различии]. Имеются: различия полного несходства, различия [частичного] сходства. Для установления различия необходимо тождество. Чтобы определить тождество, [необходимо знать] различие.

Первое называю так: именно потому, что есть [таковое] это, поэтому данное нечто [также] таково⁶³.

Второе называю так: именно потому, что есть [таковое] и что поэтому данное нечто не таково⁶⁴.

Третье — [недопустима] подмена [предмета рассуждения].

Четвертое — [недопустима] натяжка [при выводе]⁶⁵.

Последовательность [вещей] исследуется путем сравнения, вследствие чего выявление многих свойств вещи указывает [ее суть]⁶⁶.

Далее. Исследование [содержания] речи позволяет вычлениить имена [вещей], вследствие чего возвращение к фактам еще раз удостоверяет [соответствие] имен существу.

Сходство высокорослого и низкого человека в том, что они по облику сходны⁶⁷. Однако этот человек и [другой] человек различны, как, например, стройный человек и сутулый человек имеют разные облики, поэтому различны. [Точно так же и с мечом.] Меч в ножнах и обнаженный меч — это разные названия. Меч получает название и в зависимости от способа держания меча. Способ неодинаков — мечи различны.

Тополь и персик как деревья сходны. Их сходство в том, что они относятся к деревьям. Все имена вычлениаются не в результате сопоставления всего количества [сходных и различных вещей]. Если исследовать свойства одной вещи и определить ее, то на другие вещи, [имеющие тождественные свойства], это имя распространяется по сходству. Основание [в том, что называемые вещи имеют] сходство.

Определение особенностей одного человека [как существа, называемого человеком], не ограничивается названием особенностей именно одного человека, а есть

определение общего. Указание особенностей именно этого человека, однако, ограничивается этим индивидом⁶⁸. [Подобно тому как] одну сторону куба нельзя назвать кубом, однако по одной стороне деревянного куба [можно судить] о всем деревянном кубе.

ГЛАВА «МАЛЫЙ ВЫБОР»⁶⁹

Рассуждающий должен ясно различать истину и ложь, тщательно рассмотреть причины порядка и беспорядка, понимать соотношение тождественного и различного, исследовать правила [соотношения] между именем и действительностью, установить [мерило] пользы и вреда, устранить сомнения. Таким образом, [рассуждающий] приблизительно выявляет изначальный облик всего сущего, объясняет постигнутую взаимосвязь множества имен между собой.

С помощью имен [нужно] изображать действительность, с помощью суждений — передавать смысл, разумом — постигать причину. С помощью родового сходства [предметов следует] подбирать [доказательства], также опираясь на родовое сходство, примеры — делать выводы. Не отрицай тех доводов, которые ты считаешь верными для себя, когда их применяют другие люди. Не требуй, чтобы другие считали приемлемым для себя то, что ты считаешь неприемлемым для себя.

[Методы рассуждения существуют следующие:] вероятность, предположение, подражание образцу, сопоставление, сравнение, ссылка на мнение противника, распространение. [Суждение] вероятности потому так называется, что оно не полностью охватывает [истину]. Предположение приводит доводы, которые пока не обоснованы. Подражание сводится к тому, что за образец берутся такие суждения, которые были правильными в похожей обстановке. В этом случае то, что соответствует образцу, истинно, а что не соответствует — ложь. Это и называется подражанием образцу. Сопоставление заключается в том, что данная вещь объясняется путем ощущения другой вещи. Сравнение уподобляет два суждения, понятия и вместе их применяет. Ссылка на мнение противника делается для того, чтобы доказать правильность собственных суждений, при этом говорится: «Если ты мо-

жешь утверждать это, то почему я не могу сделать того же?» Распространение заключается в том, что путем совмещения положений, которые [другой] человек утверждает, с теми положениями, которые он признает, согласие [спорящих сторон] распространяется на все [обсуждаемые] положения. Если обнаруживается сходство высказываний, то говорят: «Ведь это то, что утверждал я». Если же высказывания окажутся различными [по существу], то говорят: «Разве я утверждал это?»

Вещи могут иметь сходство, но [рассуждающий о них] не должен увлекаться аналогиями. Сравнение имеет пределы применения, и человек не должен выходить за эти пределы, если он стремится обрести истинное знание.

То, почему [вещи] таковы, [в каждом случае] определяется своей причиной. Однако то, почему [вещи в итоге] сходны, вызывается для каждой из них причинами, которые также не обязательно совпадают.

Выбор доказательств⁷⁰. То, почему выбираются такие доказательства, а не иные, имеет свои основания. Выбранные доказательства [могут быть] сходны, но основания, по которым выбраны те или иные доказательства, не обязательно тождественны. Поэтому при [применении методов] рассуждения: сопоставления, сравнения, ссылки на мнение противника, распространения — могут возникнуть непредвиденные различия [в выводах]. Изменение метода может привести к опасности⁷¹ отойти от истины. Отклонение, далекое [от первоначально приводимого положения], приводит к ошибке [в выборе], а дальнейшее свободное течение мысли [в этом направлении] приводит к потере основы [рассуждения. Поэтому при выборе метода рассуждения] нельзя не проявлять осмотрительность, нельзя постоянно пользоваться [одними и теми же методами во всех случаях]. Причина в том, что слова многозначны, бывают неодинаковых родов, вызываются различными причинами, поэтому нельзя предвзято [подходить] к выбору методов [рассуждения].

Когда делают вывод о вещах, то [встречаются такие случаи], при которых исходное положение является утвердительным и вывод также утвердительный; бывает, что исходное положение утвердительное, а вывод отрицательный; бывает и так, что исходное положение отрицательное, а вывод все-таки утвердительный; бывает так, что одна часть [суждения] всеобщая, а другая часть

включает ограниченные [понятия]; бывает и так, что одна часть положений правильна, а другая — ошибочна⁷².

Белая лошадь есть лошадь; ехать на белой лошади — значит ехать на лошади. Вороная лошадь есть лошадь; ехать на вороной лошади — значит ехать на лошади. [Человек с фамилией] Хо есть человек. Любить Хо — значит любить человека. [Человек с фамилией] Цзан есть человек. Любить Цзана — значит любить человека. Это пменно и есть [случай рассуждения], когда это есть то, [поэтому оно подобно тому].

Родители⁷³ Хо есть люди; Хо заботится о своих родителях — это не значит, что он заботится о [всех] людях [вообще]. Его младший брат очень красивый человек; любить младшего брата не значит любить красивых людей [вообще]. Повозка деревянная. Ехать на этой повозке не значит ехать на деревяшке.

Лодка деревянная, плыть на лодке не значит плыть на дереве. Вор — человек. [Говорить], что много воров, не значит говорить, что много людей. [Говорить, что нет] воров, не значит говорить, что нет людей.

Как это понять? Не желать, чтобы было много воров, не значит не желать, чтобы было много людей. Желать, чтобы не было воров, не значит хотеть, чтобы не было людей. Эти принципы все люди в мире понимают одинаково. Если в самом деле это так, то не трудно построить такое рассуждение: «Вор есть человек, но любить воров не значит любить людей; не любить воров не значит не любить людей; убивать воров не значит убивать людей».

Следовательно, сказать, что «убить разбойника не значит убить человека», вполне возможно. Это суждение сходно с предыдущими, однако приверженцы других школ, не отрицая правильности предыдущих суждений, отрицают последнее суждение. Они отрицают это суждение последователей Мо-цзы только потому, что замкнулись в узком кругу своих мыслей и не желают прислушиваться к мнению других людей.

Это так называемый случай болезни, одержимости человека одной идеей и невосприимчивости его к миру, когда в сердце нет места для нового учения, так как, имея внутреннее предубежденное мнение, нельзя понять [аргументы другой стороны]. Это именно и есть

случай, когда «это есть то́, но то́ не тождественно этому»⁷⁴.

«Буду читать книгу» не означает того, что уже читаю книгу. Любить читать книги означает любить книги. «Скоро будет бой петухов» не означает того, что уже идет бой петухов. «Любить петушиные бои» означает любить петухов. «Буду спускаться в колодец» не означает того, что уже спустился в колодец. «Запрещено в будущем спускаться в колодец» означает, что запрещено спускаться в колодец [сейчас и в будущем]. «Буду выходить за ворота» не означает, что уже вышел за ворота. «Запрещено в будущем выходить за ворота» означает, что запрещено [сейчас и в будущем] выходить за ворота.

Если это действительно так, то не трудно и построить следующие суждения. «[Сказать, что этот человек] умрет в молодости, не значит, что он уже умер». «Глубокий старик не может быть человеком, который умрет в молодости». «[Говорить], что существует судьба, не значит, что существует судьба». «Отвергать убеждение, что есть судьба, — значит отвергать судьбу». Это суждение и то суждение однородны. Но люди в наше время придерживаются того положения, но сами не могут отличить его [и не выступают против судьбы]. Моцзя⁷⁵ же придерживаются этого положения, но отличают его из массы [суждений] и выступают против [судьбы].

Нет других причин заблуждения, кроме непонимания различия между предположением и реальностью. Это так называемая [болезнь] одержимости человека и невосприимчивости его к миру. Это и есть принцип, когда «не это есть то́»⁷⁶.

Тот человек, который ко всем людям относится с любовью, получает название человека, питающего [всеобщую] любовь к людям. Если человек не имеет чувства всеобщей любви, это не значит, что он не любит всех людей; только любовь его не всеобща, поэтому его называем человеком, не питающим всеобщей любви.

Ехать на лошади не значит ехать на всех тех существах, которые называем лошадьё, после этого только-де и можно сказать, что едешь на лошади. Когда едешь на [одной] какой-либо лошади, говорим: «Едешь на лошади». Если же не едешь ни на одной лошади, если не едешь ни на одном из всех существ, называемых лошадьё, только

тогда можно сказать: «Не едешь на лошади». Это и есть то, что называется: «одно взято в полном объеме, а одно взято не в полном объеме»⁷⁷.

Жить в стране — значит быть жителем этой страны. Иметь жилище в этом государстве не значит иметь государство. Плоды персикового дерева называются персиками⁷⁸.

Плоды терновника не терновник⁷⁹. Спросить о болезни человека — значит спросить человека; ненавидеть болезнь человека не значит ненавидеть человека. Душа человека не равна человеку; душа брата есть брат. Делать жертвоприношения душе [умершего человека] не значит приносить жертвы [живому] человеку; делать жертвоприношения душе [умершего] брата — значит делать жертвоприношения [умершему] брату. У этой лошади косые глаза, значит, говори: «У этой лошади косые глаза». У этой лошади глаза большие, но нельзя говорить: «Эта лошадь большая». У того вол желтая шерсть, поэтому говори: «Этот вол желтый»; у [этого] вол шерсть густая, но нельзя сказать: «Этот вол густой». Одна лошадь — лошадь; две лошади — лошади; «лошадь есть четвероногое», значит, каждая лошадь имеет четыре ноги, но нельзя сказать, что у двух лошадей четыре ноги. Белая лошадь есть лошадь. Сказать «лошадь желательно белую» — «желательно белую» можно сказать, когда есть самое меньшее две лошади; нельзя сказать об одной лошади «желательно белую»⁸⁰.

Это есть именно тот случай, когда «в одном [отношении] это так, а в другом [отношении] это не так».

«ЛИ ЦЗИ»

«Ли цзи» (на русский язык переводится как «Книга установлений», «Книга обрядов», «Трактат о правилах поведения», «Записки о нормах поведения») — одно из основных произведений конфуцианского канона. Уже в Ханьскую эпоху (I в. до н. э.) вместе с «Книгой перемен» («И цзин»), «Книгой истории» («Шу цзин»), «Книгой песен» («Ши цзин») и летописью «Вёсны и осени» («Чуньцю») оно было включено в состав конфуцианского «Пятикнижия» («У цзин»), которое стало тогда основой образования. Без знания «Ли цзи», равно как и других книг «Пятикнижия», невозможно было ни получить какую-либо должность, ни претендовать на звание культурного человека. Позднее, уже в эпоху неоконфуцианства (XII в.), две главы «Ли цзи» — «Великое учение» и «Учение о середине» — вошли в качестве самостоятельных произведений в «Малый канон», «Четверокнижие» («Сышу»), излагавшие основы конфуцианского учения.

Книга «Ли цзи» представляет собой изложение взглядов Конфуция по вопросам ритуала, морали, философии, принадлежащее его ученикам и последователям. Она писалась разными авторами и в разное время (в основном с IV по I в. до н. э.), отсюда ее разностильность, противоречивость, многочисленные повторы. В I в. до н. э. книга была отредактирована ханьским конфуцианцем Дай Шэном (благодаря чему получила свое второе название — «Сяо Дай цзи», т. е. «Записки Дая Малого»). Этот древний текст не сохранился, перестановки же и отдельные изменения в книге продолжались. Современный текст «Ли цзи» содержит 49 глав (что в издании европейского типа вместе с подробнейшим комментарием составляет восемь томов). В этих главах описаны важные древние обряды, в частности траурные церемонии, некоторые древние установления и жизненные правила, излагаются основы конфуцианского обучения, описываются ритуал и музыка в их взаимосвязи, излагаются некоторые политические и философские идеи.

Для настоящего издания отобраны шесть глав, которые представляют наибольший интерес с философской точки зрения. Авторы некоторых из них (как и большей части «Ли цзи») никогда не были известны, другие приписываются традицией кисти тех или иных учеников Конфуция («Учение о середине» — Цзы Сы, «Великое учение» — Цзэн-цзы, «Действенность ритуала» — Янь Янью). Наиболее сложен вопрос об авторстве «Записок о музыке», которые сохранились лишь частично. Как правило, их приписывают Гунсувю

Ниг-цзы, но не известно, был ли он учеником Конфуция или же Сюнь-цзы, который в некоторых источниках также фигурирует в качестве автора «Записок о музыке». Глава «Поведение ученого» некоторыми конфуцианцами вообще не признавалась достоверной, поскольку в переданных там речах Конфуция звучат «гордыня и записчивость перед государем». Однако такая оценка диктовалась положением конфуцианства как официальной идеологии империи. Для нас глава представляет несомненный интерес, так как позволяет познакомиться со взглядами раннего конфуцианства, впоследствии претерпевшими изменения.

Перевод сделан по тексту «Ли цзи чжэн-и» («Книга установленных в правильном истолковании»), отредактированному и прокомментированному в VI в. Кун Ин-да. Глава «Учение о середине» переведена В. Г. Буровым; отрывок из главы «Записки о музыке» — Р. В. Вяткиным; главы «Действенность ритуала», «Записки об учении», «Поведение ученого» — И. С. Лисевичем. Три последние главы издаются на русском языке впервые.

И. С. Лисевич

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. «ДЕЙСТВЕННОСТЬ РИТУАЛА»

Некогда Чжун-ни принимал участие в обряде *чжа*¹. По окончании он вышел прогуляться на смотровую площадку², и невольно у него вырвался вздох. А вздыхал Чжун-ни о [царстве] Лу³. Янь Янь⁴, будучи рядом, спросил: «Почему вы, господин мой, вздыхаете?»

Кун-цзы ответил: «Цю не застал идущих по великому пути и корифеев трех династий⁵, но имеет [к ним] стремление. Когда шли по великому пути, Поднебесная принадлежала всем, [для управления] избирали мудрых и способных, учили верности, совершенствовались в дружелюбни. Поэтому родными человеку были не только его родственники, а детьми — не только его дети. Старцы имели признание, зрелые люди — применение, юные — воспитание. Все бобыли, вдовы, сироты, одинокие, убогие и больные были присмотрены. Своя доля была у мужчины, свое прибежище — у женщины. Нетерпимым [считалось] тогда оставлять добро на земле, но и не должно было копить его у себя; нестерпимо было не дать силам выхода, но и не полагалось [работать] только для себя. По этой причине не возникали [злые] замыслы, не чинились кражи и грабежи, мятежи и смуты, а люди, выходя из дому, не запирали дверей. Это называлось великим единением⁶.

Ныне великий путь скрылся во мраке. Поднебесная стала достоянием [одной] семьи. Теперь родные для каждого только его родственники, а дети только его дети.

Добро и силы [берегут] для себя. У больших людей наследование стало нормой, стены и ограды, рвы и запруды стали [их] крепостью. Путеводными нитями стали ритуал и долг. С их помощью упорядочивают [отношения] государя и подданных, связывают родственными чувствами отцов и детей, дружелюбием братьев, согласием супругов. С их помощью устанавливают порядок, намечают границы полей и общин, возвеличивают мужественных и разумных, наделяют человека заслугами. Их используют в своих замыслах, ради них поднимают оружие. В соответствии с ними избирались [на царство] Юй и Тан, Вэнь-ван и У-ван, Чэн-ван и Чжоу-гун⁷. Среди этих шестерых благородных мужей не было ни одного, кто бы не почитал ритуала. С ним сверяли они свою справедливость, на нем строили свою верность, проверяли вину, узаконивали человеколюбие, учили уступчивости, являя тем самым народу свое постоянство. Если кто не следовал бы ему, он потерял бы свой престол, ибо люди почли бы его сущим бедствием. Все это и называется малым умиротворением».

«Неужто ритуал так важен?» — спросил Янь Янь.

Кун-цзы отвечал: «Благодаря ритуалу прежние государь преемствовали небесный путь, управляли человеческими чувствами. Потому-то утративший его умирал, обретший его — жил. В «Ши цзин» сказано: «Когда у человека нет ритуала, он подобен крысе, у которой [одно только] тело; если у человека нет ритуала, лучше ему скорей умереть!»⁸. Поэтому ритуал должен исходить от неба, но подражать земному, распространяться [даже] на духов и души [умерших]⁹ и касаться траура, жертвоприношений, стрельбы из лука, управления колесницами, инициации, брака, аудиенций и приглашения на службу¹⁰. Совершенномудрые сделали ритуал всеобщим достоянием, так что Поднебесная и ее царства могут употреблять их для наведения порядка».

Янь Янь спросил: «Нельзя ли послушать подробнее, что скажет учитель о ритуале?»

Кун-цзы сказал: «Желая обозреть путь династии Ся, я отправился в царство Ци¹¹, но [и там] свидетельств этого [пути] сохранилось недостаточно — я лишь раздобыл сяские календари. Желая обозреть путь династии Инь, я отправился в царство Сун¹², но [и там] свидетельств сохранилось недостаточно — я лишь обрел «Куйцян¹³». И я

наблюдаю этот [путь] по смыслу [гексограмм] «Куйцянь», по последовательности всякого времени.

Начало обрядности идет от всякой пищи и питья. Когда варили просо и нарезали свинину, когда черпали питье из осклизлых чаш¹⁴, били глиняными колотушками в глиняные же барабаны, [людям] казалось, что всем этим можно выразить свою почтительность духам и душам. Когда же приходила смерть, поднимались на крышу и вопили, говоря: «У-у-у, возвратись!»¹⁵ А после клали [умершему] в рот сырое зерно и совершали поминки вареным мясом¹⁶. Так обращали взгляд к небу, а хоронили в земле. Опуская вниз тело с душой *по*, знали, что дух *ци*¹⁷ наверху. Поэтому голова умершего обращена к северу, а головы живых — к югу¹⁸. Это все изначальное.

Некогда прежние государи не имели дворцов и палат. Зимой они жили в искусственных пещерах¹⁹, летом поселялись в плетеных из веток гнездах. Не было еще огня для улучшения [пищи], а питались плодами деревьев и трав, мясом диких животных и птиц, пили их кровь, пожирали их с шерстью. Не было еще конопли и шелка, а одевались в шкуры и перья²⁰. Потом благодаря деяниям совершенномудрых стали пользоваться благами огня, выплавлять металлы и лепить глину, чтобы делать башни и надстройки на них, дворцы и дома, окна и двери; чтобы варить и жарить, тушить и вялить; чтобы делать вино и закваску. Из конопли и шелковых нитей стали вырабатывать материи. Все это употребляли для поддержания жизни и проводов умерших, для служения духам, душам [покойных] и всевышнему первопредку²¹, и так продолжается до сих пор.

Чтобы призвать высших духов и своих предков, небесное вино²² ставили в жилой комнате, сладкое вино выставляли во дворе, вино из проса — в зале, прозрачное вино — у входа в зал, раскладывали жертвоприношения, приготавливали треножки и жертвенные столы, расставляли цитры, гусли, свирели, литофоны, колокола и барабаны, произносили молитвы и [ответные] благопожелания²³. Тем самым упорядочивались [отношения] государя и подданных, отцы и дети проникались родственными чувствами, а братья — дружелюбием, высшие и низшие сплачивались, а супруги обретали каждый свое место. Это и называлось приятием небесной благодати.

Когда молитва была произнесена, совершали возлияние небесным вином и приносили в жертву кровь и волосы²⁴. Ошпаренные туши [клали на] жертвенные столы²⁵, жарили убоину, расстилали камышовые циновки, накрывая сверху грубым холстом, одевались в крашенные шелка, совершали жертвенные возлияния сладким вином, предлагали [духам] жаренное в масле и на вертеле. Государь с супругой совершали подношения сообща, дабы возрадовать души [предков] *хунь* и *по*. Это и называлось слиянием с небытием. После же, отступив назад, сообща готовили [жертвенную пищу], разделявая [туши] собак, свиней, быков и баранов и опуская их в наполненные бульоном сосуды *фу*, *гуй*, *блюнь* и *доу*²⁶, в жертвенные котлы. Молитва произносилась с сыновней почтительностью, [ответное] благопожелание — с отеческим благоволением. Это называлось великой благодатью. Таково великое завершение обряда».

Кун-цзы сказал: «Увы мне! Я вижу, как Ю-ван и Ли-ван²⁷ нарушили путь Чжоуской династии. Если покину царство Лу, куда еще податься?! Но и луские жертвоприношения в предместьях, и летние жертвоприношения²⁸ не соответствуют ритуалу — это крушение [завещанного] Чжоу-гуном! [Только] цисские жертвоприношения в предместьях идут от Юя и сунские — от Цзе²⁹. Это деяния сыновей неба, и их надлежит хранить. Ведь сыновья неба приносят жертву небу и земле, а правители — божеству Полей и божеству Проса³⁰. Великое дело, когда не осмеливаются менять постоянство и древность молитвы [духам предков] и [их ответного] благопожелания! Не соответствует ритуалу, чтобы слова молитв и [ответных] благопожеланий хранились [где-то] у глав родов, заклинателей, шаманов и писцов; такое государство называли бы невежественным. Не соответствует ритуалу, чтобы перед умершим правителем ставили сосуды династий Инь и Ся³¹; такого правителя называли бы узурпатором. Не соответствует ритуалу, чтобы церемониальные головные уборы и воинские доспехи хранились в частных домах; такого правителя называли бы притесненным. Не соответствует ритуалу, чтобы [в доме] у знатного были все [необходимые] прислужники, чтобы ему не приходилось занимать жертвенной утвари и чтобы у него была [необходимая] музыка; такое государство называли бы мятежным. Поэтому-то служащих правителю именуют

подданными, служащих же в [каком-либо] доме именуют [просто] прислугой. Носящих трехлетний траур и новобрачных до времени к служению не привлекают. Не соответствует ритуалу, чтобы являлись в траурном платье ко двору либо жили и ели вместе с прислугой; такое государство назвали бы страной, где смешались господа и слуги. Поэтому, чтобы приютить своих потомков, у сына неба есть угодыя, у правителей — уделы, а у знати — податные земли, и это именуется установленным порядком. Поэтому, если сын неба посетит удельного правителя, он неизбежно покинет свой храм предков [на произвол судьбы]. Такое посещение не соответствует установлениям ритуала, и про такого сына неба скажут, что он нарушает закон и колеблет устои. Если правитель войдет в дом подданного не с тем, чтобы навестить во время болезни или выразить соболезнование во время траура, то можно сказать, что в этом государстве отношения государя с подданными несерьезны. Так что ритуал — это великое правило государя; [он] помогает разбираться в подозрениях, уяснить сокровенное, служить духам и душам [умерших], устанавливает порядок, разграничивает человеколюбие и справедливость, а тем самым наладить управление и укрепить государя.

Итак, если управление неправильное, государев престол не прочен. Если государев престол не прочен, то крупные вассалы изменяют, а челядь ворует. Если наказания строги, а нравы [все равно] испорчены, то законы не сохраняют постоянства. Если законы не сохраняют постоянства, то ритуал теряет свое значение. Если ритуал теряет свое значение, то служилый люд бездействует. Если наказания строги, а нравы [все равно] испорчены, то народ не [хочет] покориться. Такое государство называют больным. Поэтому [умелое] управление сохраняет государю жизнь. По этой причине правление должно исходить от неба и следовать ему, дабы получить его дарование³². Дарование, ниспосылаемое божеством земли, — это следование земле, ниспосылаемое храмом предков — это человеколюбие и справедливость, ниспосылаемое горами и реками — процветание и деяние, ниспосылаемое пятью духами-хранителями³³ — порядок [в доме]. Все это и есть та крепость, в которой совершенномудрые сберегали свою жизнь.

Совершенномудрые осуществляли [свое] правление, сообразуясь с небом и землей, в единении с духами и душами [умерших]. Следя за всем этим, они смогли придать ритуалу последовательность; снискав любовь народа, смогли его успокоить. Небо рождает время, а земля — богатства, человек же рожден своим отцом и обучен наставником. Если государь правильно использует эти четыре начала, то он, государь, утвердился на почве, где не взрастут неудачи. Ведь это государя почитают, а не он почитает других, это государя кормят, а не он кормит других, государю служат, а не он служит другим. Если бы государь стал почитать других, он совершил бы ошибку; если бы начал кормить других, у него не хватило бы возможностей, а если бы он стал служить другим, то потерял бы престол. Простой же народ почитает государя, дабы самому обрести порядок; кормит его, дабы обрести себе успокоение; служит ему, дабы обрести для себя славу. Так ритуал проникает всюду и утверждается разделение [людей]. Люди же стремятся к [славной] смерти и тяготеют [бесславным] существованием. Следует использовать знания людей, но искоренять их лукавство; использовать человеческую храбрость, но искоренять злобность; использовать людское человеколюбие, но искоренять своекорыстие. Если государство постигает бедствие и государь умирает за божество [своей] земли и божество Проса, то это его долг; если же знатный умирает за собственный, [а не за государев] храм предков, то это уже испорченность³⁴.

Что совершенномудрым удалось сплотить Поднебесную в одну семью, а Срединные царства³⁵ сделать словно бы одним человеком, — это не [пустое] мечтание. Нужно было [только] познать чувства [людей], воззвать к их долгу, понять их пользу, проникнуть в их бедствия, и тогда все стало возможным. Что называется людскими чувствами? Это радость, гнев, скорбь, страх, любовь, отвращение, вождедение. Всем семи чувствам человеку нет нужды учиться. Что называется долгом человека? Отец должен проявлять родительские чувства, а сын — почтительность; старший брат — доброту, а младший — дружелюбие, муж — справедливость, а жена — послушание, старшие — милосердие, а младшие — покорность, государь — человеколюбие, а подданные — преданность. Эти десять качеств и именуется человеческим долгом.

Проповедь верности и миролюбия именуется человеческой пользой. Борьба и взаимные убийства именуется людскими бедствиями. Чем же еще, кроме ритуала, могли совершенномудрые управлять семью человеческими чувствами, совершенствовать десять проявлений долга, настаивать в верности и миролюбии, поощрять скромность и уступчивость и искоренять борьбу?!

Питье, еда, мужчины и женщины — вот главный [предмет] человеческих возделений. Смерть, утраты, бедность, страдание — вот главный предмет человеческого отвращения. Воздержание и отвращение — это великие крайности человеческого сердца. Человек скрывает свое сердце — его ни измерить, ни взвесить. Прекрасное и безобразное — все таится в человеческом сердце, по цвету его не увидишь. Чем еще исчерпаешь его, кроме единственного — ритуала?

Человеку присущи качества земли и неба, в нем совокупаются светлое и темное, сливаются дух и душа, смешиваются совершенные *ци* пяти стихий³⁶.

Небо, владея светлым [началом], поддерживает солнце и звезды; земля, владея темным [началом], источает [его] из рек и гор. Когда пять стихий, распределенные по четырем временам года, обретают гармонию, то рождаются луны. Три пятидневки они округляются, три пятидневки убывают. [Также и] пять стихий, пребывая в движении, поочередно истощаются. Каждая из пяти стихий, четырех времен года, двенадцати лун сменяет другую и становится основой. Каждый из пяти звуков, шести и двенадцати аккордов³⁷ сменяет другой и возвращается к ноте *гун*. Каждое из пяти вкусовых ощущений, шести вкусовых удовольствий и двенадцати видов пищи³⁸ сменяет другой и становится главным. Каждый из пяти цветов, шести узоров, двенадцати видов платья³⁹ сменяет другой и становится главным.

Итак, человек — средостепне земли и неба, в нем — крайность пяти стихий, он живет, ощущая вкус пищи, различая звуки и одеваясь в цветное.

Поэтому совершенномудрые, устанавливая свои принципы, должны были сделать их источником небесное и земное, первопричиной — светлое и темное, сделать времена года правилом, солнце и звезды — путеводной нитью, луну — мериллом, духов и души [умерших] — помощни-

ками, пять стихий — исходным материалом, ритуал и долг — орудиями, чувства человеческие — пашней, четырёх божественных — ручными животными.

Когда же источник — небо и земля, то родится все сущее; когда первопричина — светлое и темное, то чувства становятся понятными; когда времена года — правильно, то начинания успешны; когда солнце и звезды служат путеводной нитью, то начинания обретают последовательность; когда луны — мерило, то успехи есть с чем сравнить⁴⁰; когда духи и души — помощники, то [все] начинания имеют своего блюстителя; когда пять стихий — исходный материал, то все имеет свое повторение⁴¹; когда ритуал и долг — орудия, то дела и поступки венчает успех; когда чувства человеческие — пашня, то человек становится их хозяином; когда четыре божественных становятся ручными, то есть откуда добыть пищу и питье.

Кого называют четырьмя божественными? Ими называют единорога, феникса, [священную] черепаху и дракона⁴². Если приручают дракона, то рыбы не уплывают прочь; если приручают феникса, то птицы не улетают; если приручают единорога, то звери не разбегаются; если же приручают [священную] черепаху, то не растрачиваются человеческие чувства.

Так прежние цари, владея [стеблями] тысячелистника и черепашими [панцирями], учредили обряды жертвоприношений, захоронения жертв и подношения шелка⁴³, сделали общим достоянием слова молить [душам предков] и [ответных] благопожеланий, установили порядок. Так царства обрели ритуал, чиновники — применение, дела — своих блюстителей, а [сам] ритуал — стройность.

Прежние цари опасались, что ритуал не доходит до низших, и, дабы утвердить небесный престол, стали совершать жертвоприношения [верховному] божеству⁴⁴ в предместьях; дабы указать на пользу, [приносимую] землей, стали совершать жертвоприношения божеству Полей в своих царствах; дабы взрастить человеколюбие — жертвоприношения в храмах предков; дабы послужить духам и душам [умерших] — жертвоприношения на горах и реках; дабы взрастить свои начинания — жертвоприношения пяти духам-хранителям. Место главы клана и закливателя было в храме [предков], трех министров — во

дворце, трех старейших — в школе⁴⁵. Маги стояли перед государем, писцы — позади него, гадатели же, прорицатели, музыканты и прислужники — по сторонам. Государь в середине пребывал в недеянии, сохраняя в себе высшую правду⁴⁶. Поэтому когда совершали обряд в предместье, то все духи приступали к своим обязанностям; когда совершали обряд на алтаре земли, то все дары земные рождались в изобилии; когда совершали обряд в храме предков, то проявлялись сыновняя почтительность и родительская любовь; когда совершали обряд [на алтарях] пяти духов-хранителей, то исправлялись законы и порядки. Поэтому в предместьях, у алтарей божества земли, в горах и у рек, у алтарей пяти духов-хранителей [чувство] долга совершенствовалось, а ритуал сохранялся.

Потому-то ритуал должен исходить из великого единого⁴⁷, которое, делясь, образует небо и землю; в своем круговращении являет светлое и темное; изменяясь, даст четыре времени года; расщепляясь, создает души и духов; ниспосланное им именуют дарованием; управляется же оно небом. Так что ритуал должен исходить от неба, но в движениях своих следовать земле, распространяясь повсюду, следовать вещам и явлениям, изменения свои сообразовывать с временами года, быть в согласии с мерой и умением. Жителей тогда [можно] назвать воспитанными. Действие ритуала сказывается в товарах и работе, скромности и уступчивости, пище и питье, в [обрядках] инициации и бракосочетания, похорон и жертвоприношения, в [организации состязаний] по стрельбе из лука и управлению колесницами, в аудиенциях и визитах.

Ритуал и долг суть великие человеческие начала. Наставляя в верности и совершенствуя в дружелюбии, они укрепляют содружество плоти и кожи, прочность костей и сухожилий. Они суть великие пачала, поддерживающие жизнь и сопутствующие в смерти, служащие душам [умерших] и духам. Они суть великие врата, выводящие к небесному пути, дающие выход человеческим чувствам. Только совершенномудрые смогли понять, что ритуал не должен прерываться. Чтобы разрушить царство, погубить клан, извести человека, нужно прежде всего искоренить ритуал.

Ритуал для людей — все равно что закваска для вина. Благородные мужи благодаря ему возрастают, низкие же люди умалются.

Совершенномудрые управляли человеческими чувствами, прибегая к правилу долга и упорядоченности ритуала. Поэтому чувства человеческие были для совершенномудрых правителей пашнею. С помощью ритуала пахали ее; разбрасывая долг, засеивали ее; наставляя в науках, пололи ее; укореняя человеколюбие, убрали ее; посеяв музыку, давали ей отдых. Поэтому ритуал — это [также и] плод долга. Если только он во всем согласуется с долгом, то, даже не будь его у прежних государей, он может быть долгом порожден. Долг же есть часть душевного совершенства, одно из звеньев человеколюбия. Он согласуется с душевным совершенством, наставляет в человеколюбии; силен тот, кто обрел его! Человеколюбие есть корень долга и плоть благоденствия; достоин преклонения тот, кто обрел его! Поэтому управлять государством, не прибегая к ритуалу, — все равно что пахать без сохи. А ритуал, который вырастает не из долга, — все равно что пахота без посева. Долг без наставления в науках — все равно что посев без прополки. Наставление в науках, не согласующееся с человеколюбием, — все равно что прополка без жатвы. Следование человеколюбию, не умиротворенное музыкой, — все равно что жатва без пропитания. А умиротворение музыкой без достижения благоденствия — все равно что еда не впрок!

Если у человека руки-ноги в порядке, а кожа без изъязна, то человек становится упитанным. Если отцы и дети благоволят друг другу, братья дружелюбны, а супруги согласны, то семья богатеет. Если большие вассалы законопослушны, а челядинцы честны, чиновники соблюдают субординацию, а государь и подданные относятся друг к другу правильно, то в царстве изобилие. Если сын неба сделает добродетель своей колесницею, а возницею — музыку, если правители обращаются друг с другом согласно ритуалу, звать соблюдает субординацию согласно закону, служилый люд проверяет друг друга на верность, а простой народ хранит взаимное дружелюбие, то изобилие царит во [всей] Поднебесной. Это называется великим благоденствием. Великое благоденствие есть то постоянство, которое поддерживает живых, сопутствует умершим, служит душам [умерших] и духам.

Тогда начинания громоздятся грудой, но не застаиваются; идут все вместе, но не по ложному пути; следуют узкой стезей, но не терпят потери; они глубоки, но всепроникающи; обильны, но имеют просвет; идут непрерывной чередой, но не находят друг друга; продвигаются, но друг другу не вредят. Это и есть предел благоденствия. Только поняв, в чем заключается благоденствие, можно охранить себя от опасностей.

Хотя ритуал бывает различным, однако он не впадает в излишество и скудость, он поддерживает чувство и усмирняет опасности. Совершенномудрые государи достигали благоденствия, потому что они не селили горцев на реке, не селили прибрежных жителей на Срединной равнине, дабы те не бедствовали. Воду, огонь, металл, дерево, пищу и питье употребляли непременно в свое время, соединяли мужчин и женщин, наделяли должностями и титулами непременно в соответствии с возрастом и добродетелью. Народ использовали непременно в благое [время]. Поэтому не было стихийных бедствий: наводнений, засухи и насекомых, а народ не страдал от неурожая, голода и жестокого мора. Небо не жалело [для людей] своего пути, земля не жалела своих богатств, а люди были щедры на чувства. Тогда небо посылало обильные росы, а земля исторгала сладкие воды, горы являли [людям] Волшебную повозку, а река — знаки, [начертанные на спине] лошади-дракона⁴⁹; фениксы и [священные] единороги кормились близ городских стен, [священные] черепахи и драконы обитали в дворцовых водоемах. Что же до остальных животных и птиц, то стоило только глянуть вниз, чтобы заметить их яйца или детенышей. И все это лишь по той причине, что прежние государи сумели довести до совершенства ритуал, нашли выражение долгу и воплощение верности, тем самым добившись благоденствия. Все это суть плоды благоденствия.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ. «ЗАПИСКИ ОБ УЧЕНИИ»

Издавать [хорошо] продуманные законы и призывать [на службу] добродетельных и достойных достаточно, чтобы снискать известность, но не достаточно, чтобы привести людей в движение. Приблизить мудрых и за-

ботиться о дальних достаточно, чтобы привести людей в движение, но не достаточно, чтобы исправить народ. Если благородный муж желает исправления народных нравов и обычаев, он обязательно должен начинать с просвещения. Пока яшма не отшлифована, она еще не сосуд; пока человек не научился, ему не познать истины. По этой-то причине древние государи в построении государства и в управлении народом ставили просвещение на первое место. В «Толковании судеб»⁵⁰ говорится: «Думай о том, чтобы с начала и до конца постоянно пребывать в учении». Именно таков смысл [нами] сказанного.

Пусть есть превосходные яства, но, не вкусив их, не познаешь их вкуса; пусть есть высшая истина, но, не учившись, не познаешь ее благости. По этой-то причине, только начав учиться, узнаешь о собственном несовершенстве; только начав обучать, узнаешь, что такое трудности. Но, познав свое несовершенство, можно заняться собой; познав трудности, можно себя укрепить. Поэтому и говорят, что учитель и ученик растут вместе. «Толкование судеб» гласит: «Обучение наполовину учение». Именно таков смысл [нами] сказанного.

В древности обучали так: в кланах были школы *шу*, в *данах* — школы *ян*, в областях — школы *сой*, в столицах — школы *сюэ*⁵¹. Поступали в учение каждый год, через год держали экзамен. В первый год проверяли умение читать извлечения из классиков и волю к учению. Через три года проверяли, питает ли ученик почтение к науке, наслаждается ли обществом [своих товарищей]. Через пять лет проверяли широту знаний и близость с наставником; через семь лет проверяли способность рассуждать о науках и выбирать друзей. Это называлось малым становлением. Через девять лет учащийся уже знал аналогии и мог делать умозаключения, твердо стоять [в науке] и не изменять [учению]. Это называлось великим становлением. Потом можно было исправлять народ и улучшать [его] нравы, дабы ближние подчинялись с охотой, а дальние взирали с надеждой. Таков был путь великого учения. В книгах говорится, что «муравей мастерит постоянно»⁵². Именно в этом смысл сказанного [нами].

Начиная великое учение, в парадных меховых одеждах совершали жертвоприношения плодами [земли], высказывая тем свое преклонение перед истиной. [Затем]

читали нараспев три [первые] оды из числа «Малых»⁵³, начиная тем свое служение. Войдя в школу, с ударом барабана открывали котомки [с книгами], являя свое прилежание к наукам. Два дерева — ся и чу⁵⁴ — служили для того, чтобы внушать трепет. До летних жертвоприношений знаний не проверяли, чтобы [ученики] были вольны в своих помыслах. [За ними] постоянно наблюдали, но [ничего] не говорили, чтобы те [работали] спокойно. Младшие лишь внимали, но не [смели] спрашивать, дабы в учении соблюдалась постепенность. Вот каковы были семь великих принципов обучения. Как гласят книги: «В учении чиновник начинает с дела, книжник же — с помыслов!» Именно таков смысл сказанного [нами].

Принципы великого учения таковы: в учебное время должны идти нормальные занятия, в каникулы же следует учиться дома^{54а}. Ведь, не умея играть, не сможешь настроить струну; не зная [простых] папевов, не сможешь взять правильный тон и в стихе, а не научившись различать одежды, не сможешь соблюдать церемониал. Если не вдохновиться этим умением, не сможешь наслаждаться и своими науками. Поэтому благородный муж, в учении накапливая, совершенствуется, а отдыхая, [приобретает знания] в развлечениях. И когда он утвердится в учении, а наставник станет ему родным, когда он будет получать наслаждение [в обществе] своих товарищей и верить в свою правду, он не изменит им, даже разлучившись с наставником и однокашниками. В «Толковании судеб» говорится: «Питай почтение к последовательности, постоянно служи [своему долгу] — и совершенство придет!» Именно таков смысл сказанного [нами].

Нынешние же учителя лишь читают нараспев свои дощечки с письменами, умножая их толкования, стремятся достигнуть продвижения вперед, но не заботятся об утверждении [в главном]. И потому ученики не проявляют рвения, а учителя не раскрывают до конца их таланты. Такие методы ложны, требования неразумны. И в результате ученики [остаются] невежественными в своей науке и ненавидят учителя, страдают от трудностей [учения] и не видят в нем пользы. Пусть даже они закончат свою науку, все равно вскоре же отдалятся от нее. В этом причина неудач просвещения.

Вот принципы Великого учения: пресекать то, что еще не вскрылось, — это называется предупреждением; использовать благоприятный момент — это называется своевременностью; не перескакивать с одного на другое — это называется последовательностью; проверять друг друга, умножая доброе, — это называется чувством локтя. Таковы четыре принципа, благодаря которым образование процветает.

Если же пресекать [дурное], когда оно уже обнаружилось, то [дурное] укоренится и его не одолеть. Если учиться, когда время ушло, то, как ни старайся, не добьешься успехов. Если учиться беспорядочно, не соблюдая последовательности, все перепутается и не будет совершенствования. Если учиться в одиночестве, не имея товарищей, кругозор будет ограничен, а познания скудны. Если не быть осмотрительным с друзьями, можно пойти наперекор наставнику. Если предаться гульбе, можно погубить человека. Таковы шесть причин, из-за которых просвещение приходит в упадок. Только зная причины расцвета и упадка просвещения, благородный муж может стать наставником. Когда благородный муж учит и наставляет, он ведет, но не тянет за собой, побуждает, но не заставляет, открывает [пути], но не доводит [до конца]. Поскольку же он ведет, а не тянет, [между ним и учеником] царит согласие; поскольку побуждает, а не заставляет, [учиться] легко; поскольку лишь открывает путь, но не доводит до конца, [ученик] думает. Согласие [между учеником и учителем], легкость [обучения], [самостоятельные] размышления — вот что называется умелым руководством.

Ученикам бывают свойственны четыре недостатка. В науках люди либо алчут многого, либо довольствуются [слишком] малым, либо относятся к ним несерьезно, либо останавливаются [на полпути]. Недостатков этих четыре, ибо [люди] различны в сердце [своем], и, лишь познав их сердца, можно избавить их от недостатков. Просвещение — это развитие достоинств и избавление от недостатков.

Искусный певец может передать людям свою манеру пения; искусный учитель может передать людям свои помыслы. Если речь сжата и доходчива, глубока и содержательна, скупа на примеры, но понятна, можно сказать, что она передает помыслы.

Только познав, что́ в учении легко и что́ трудно, что́ прекрасно и что́ дурно, благородный муж сможет наставлять во многом. А будучи в состоянии наставлять во многом, он сможет стать наставником. Став наставником, он может стать начальствующим лицом. А лишь будучи начальствующим лицом, можно быть государем. Так что при помощи наставника можно научиться, как быть государем. По этой-то причине следует внимательно выбирать учителей. В книгах говорится: «При трех правителях, при четырех династиях⁵⁵ учителя были всем». Именно в этом смысл сказанного [нами].

Самое трудное в учении — научиться [по-настоящему] почитать учителя. Но, лишь почитая его, преклоняешься перед его истиной. А лишь преклоняясь перед истиной, народ познает почтение к наукам. По этой-то причине только в двух случаях государь не смотрит на своего подданного как на подданного: когда тот замещает покойного⁵⁶ и когда тот является наставником. Согласно этикету великого учения, даже призванный пред лицо сына неба, [его] учитель не совершает поклона в северную сторону⁵⁷ — в этом сказывается уважение к учителю.

Способный ученик, хотя бы наставник и уделял ему меньше внимания, добьется вдвое большего, [чем другие], и все отнесет на счет учителя. Неспособный же, как бы ни старался наставник, постигнет лишь половину и будет за это негодовать на учителя. Умеющий спрашивать словно обтесывает крепкое дерево: сначала выбирает, где полегче, а потом принимается и за сучки; пусть пройдет немало времени, но он все поймет из бесед [с учителем]. С тем, кто спрашивает бестолково, все обстоит наоборот. Умеющий отвечать на вопросы подобен колоколу: коснутся его тихо — прозвучит едва слышно, ударят сильнее — зазвучит громче и умолкнет лишь тогда, когда его перестанут спрашивать. С неумеющим же отвечать все обстоит наоборот. Все это — пути к продвижению в науках.

Заученных знаний недостаточно, чтобы учить людей, — непременно надо прислушиваться к тому, что они спрашивают. Только если [ученик] не умеет задать вопрос, следует говорить самому. Если же сказанного он не усвоил, можно сделать передышку. Ведь сын хорошего кузнеца должен сначала постоять за мехами, сын хорошего мастера-лучника — потрудиться над колчанами, а если

лошадь, которую приучают ходить в оглоблях, упирается, пусть побегаёт [сначала] за повозкой! Из этих трех примеров благородный муж может черпать свою волю к учению.

Ученые древности, сопоставляя вещи и явления, делали умозаключения. [Они видели, что] барабан не то же, что пять звуков, но без него пять звуков не приходят в согласие; вода не то же, что пять цветов, но без нее пять цветов не образуют узора; учеба не то же, что пять министров, но без нее нельзя ими повелевать; учитель не то же, что пять одеяний, но без него не понять, что их роднит [между собой]⁵⁸. И благородные мужи говорили: «Великая добродетель — не для служения: Великая Истина — не орудие, Великую Верность не связывают [клятвой], Великое Время — не единообразно». Познав эти четыре [истины], можно устремиться мыслями к истокам [наук]. Когда три правителя совершали жертвоприношения водам, они всегда начинали с рек, а морями кончали, ибо в первых — исток, во вторых же — окончание. Это и называется потрудиться у истока.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ. «ЗАПИСКИ О МУЗЫКЕ»

Все звуки возникают, рождаясь в сердце человека, а движения человеческого сердца порождаются всеми внешними предметами⁵⁹. Тронутое внешними предметами сердце приходит в движение, и это выражается в звуках. Звуки же, откликаясь друг на друга, порождают различные вариации, а вариации эти, будучи оформленными, называются музыкальными тонами. Когда музыкальные звуки-тона ставят в порядке и исполняют на музыкальных инструментах, [сопровождая их плясками] с применением щитов, боевых топоров, фазаньих перьев и бычьих хвостов, то это называется музыкой [с танцами]⁶⁰.

Музыка — это то, что рождается из звуков. Их основа в чувствах человеческого сердца, пробужденных внешним миром. Вот почему, когда сердце человека потревожено печалью, звуки его музыки порывисты и даже резки; когда в сердце человека веселые чувства, то звуки его музыки широки и мягки; когда в сердце человека чувства радости, то звуки раскатисты и слышны далеко; когда в

сердце человека чувства гнева, то звуки его музыки грубы и свирепы; когда в сердце человека чувства почтения, то звуки его музыки прямы и сдержанны; когда сердце человека исполнено любовных чувств, то звуки его музыки гармоничны и нежны. Эти шесть чувств не от природы человека, это движения сердца человека, порожденные в нем внешними предметами. Поэтому прежние [мудрые] ваны были очень внимательны к тому, что возбуждало чувства людей; в силу этого с помощью норм поведения и обрядов они направляли желания людей; с помощью музыки они приводили в гармонию песни народа; с помощью управления они объединяли действия людей; наказаниями они предупреждали их пороки. Таким образом, обряды, музыка, управление и наказания становились в своих целях едиными, и этим они объединяли сердца народа и вели его по пути должного управления.

Все музыкальные звуки рождаются в сердце человека. Чувства зарождаются внутри человека и воплощаются в виде звуков; когда же эти звуки приобретают законченность, их называют музыкальными тонами. Вот почему в хорошо управляемом обществе музыкальные звуки мирные и тем доставляют людям радость, а управление там гармонично; в неупорядоченном обществе музыкальные звуки злобны и тем вызывают гнев людей, а управление там извращенное; в гибнущем государстве музыкальные звуки печальны и тем вызывают тоску, а его народ в трудном положении. Пути [развития] музыки имеют много общего с управлением страной.

Музыкальная нота *гун* символизирует правителя, музыкальная нота *шан* символизирует чиновников, музыкальная нота *цзюэ* символизирует народ, музыкальная нота *чжи* символизирует дела государства, музыкальная нота *юй* символизирует окружающие предметы. Если эти пять нот гаммы не перепутаны, то нет и негармоничных, фальшивых звуков. Если тон *гун* расстроен, то звуки беспорядочны, [а это значит, что] правитель высокомерен; если тон *шан* расстроен, то звуки грубы, [а это значит, что] чиновники испорчены; если тон *цзюэ* расстроен, то звуки тревожны, [а это значит, что] народ недоволен; если тон *чжи* расстроен, то звуки печальны, [а это значит, что] народ в делах изнурен; если тон *юй* расстроен, то звуки обрывисты, [а это значит, что] богатства государ-

ства оскудели. Когда же все пять тонов гаммы расстроены, они мешают друг другу, и это называется распущенностью. При таком положении дни гибели государства близки⁶¹.

Звуки песен княжеств Чжэн и Вэй — это мелодии неупорядоченного общества, там фактически царила распущенность. Звуки песен из Санцзяни на реке Пушуй — это мелодии гнущего царства, в нем управление было в беспорядке, народ из него бежал, низшие обманывали высших и действовали в своих корыстных интересах, и все это остановить было уже невозможно⁶².

Всякий музыкальный звук рождается в сердце человека, а музыка имеет много общего с законами [вещей] и правилами поведения. Вот почему те, кто знает голоса, но не знает музыкальных звуков, — это дикие звери и птицы; те, кто знает музыкальные звуки, но не знает музыки, — это простой народ; и только совершенный человек в состоянии понимать [настоящую] музыку. Поэтому нужно вникнуть в голоса и звуки, чтобы понять музыкальные тона; нужно вникнуть в музыкальные тона, чтобы понять музыку; нужно вникнуть в музыку, чтобы понять суть управления, и только тогда пути управления государством приобретут законченность. По этой причине с тем, кто не разбирается в голосах, нельзя толковать о музыкальных тонах; с тем, кто не разбирается в музыкальных тонах, нельзя толковать о музыке. Тот же, кто понимает музыку, близок к правильному соблюдению ритуала. Если человек преуспел в обрядах и в музыке, тогда говорят, что он обладает добродетелью. То, что мы называем добродетелью, и означает овладение [обрядами и музыкой].

По этой причине расцвет музыки отнюдь не заключен в крайнем изобилии звуков, а ритуал важных жертв предкам отнюдь не сводится к изысканному вкусу жертвенной пищи. Когда лютня сэ использовалась для исполнения гимнов предкам в храме Цинмяо, то у нее были красные струны и отверстие для резонанса в корпусе; в ходе жертвоприношения один человек пел, а трое других читали, при этом оставались такие мелодии, которые не исполнялись. Когда во время большой жертвы прежним ванам выше всего ставили сосуд с небесным вином, на жертвенный стол клали сырую рыбу, а жидкую мясную похлебку готовили без приправ, то при этом оставались

вкусные вещи, которые не использовались. Вот почему прежние [мудрые] ваны, вырабатывая нормы поведения, обряды и музыку, не основывали их только на удовлетворении желаний рта, желудка, ушей и глаз людей, а направляли обряды и музыку на то, чтобы научить народ соразмерять любовь и ненависть и исправлять тех, кто нарушает истинный путь поведения людей.

Человек рождается чистым, в этом дарованная ему небом натура. Сталкиваясь с окружающим миром, его натура приходит в движение, и в ней рождаются желания. Когда предметы и явления познаются, формируются и чувства любви и ненависти к ним. Если любовь и ненависть не умеряются изнутри, а познания окружающего увлекают его в мир вещей и он не в состоянии справиться с собой, тогда дарованные ему небом качества гибнут. Ведь окружающий мир воздействует на человека бесконечно, а любовь и ненависть человека не имеют предела, и в таком случае окружающий мир подступает к человеку, и он изменяется под его влиянием. Когда же человек изменяется под воздействием окружающего мира, в нем погибают дарованные ему небом качества, и он истощает себя в желаниях. Вот тогда-то рождаются чувства непокорности и бунта, притворства и обмана, творятся всякие непристойные дела и устраиваются беспорядки. Тогда сильные начинают угрожать слабым, многонаселенные царства начинают насильничать над малонаселенными, знающие начинают обманывать неразумных, дерзкие причинять страдания робким, страдающие от эпидемий и болезней не получают ухода, старые и малые, сироты и вдовы не имеют пристанища — все это и есть путь большого беспорядка.

Именно поэтому прежние [мудрые] ваны, вырабатывая правила поведения и нормы музыки, определили четкие рамки для поступков людей: траурные одежды полагалось делать из пеньки, при оплакивании мертвых полагалось лить слезы — этим регулировались траурные церемонии; действиями колоколов и барабанов, щитов и боевых топоров [при песнях и танцах] приводили в гармонию радостные чувства людей и приносили им покой; устанавливали порядок женитьбы и замужества, обряда надевания шапки у мужчин и ношения шпильки у женщин при совершеннолетию, и этим устанавливали правила проведения стрельб из лука, сельских праздников и

пиршеств и приема гостей, чтобы с помощью всего выправлять отношения людей.

Правилами поведения и обрядами вводили в твердые рамки чувства народа, нормами музыки устанавливали гармонию в песнях народа, управлением регулировали действия и поступки народа, наказаниями удерживали народ от нарушений. Когда правила поведения, нормы музыки, наказания и управление — эти четыре устоя — достигают своей цели и не нарушаются, тогда путь древних правителей осуществляется полностью.

ГЛАВЫ ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ, ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ. «УЧЕНИЕ О СЕРЕДИНЕ»

То, что даровано [человеку] небом, называется его природой; [действия], соответствующие этой природе, называются [правильным] путем; упорядочение [этого] пути называется воспитанием. От [правильного] пути и на миг нельзя отойти; то, от чего можно отойти, вовсе не является [правильным] путем. Поэтому благородный муж проявляет осторожность и там, где другие не видят [ничего опасного], проявляет осмотрительность и там, где другие не слышат [ничего опасного]. То, что является скрытым, легко выходит наружу; то, что является малозаметным, легко становится видимым; поэтому благородный муж проявляет осторожность даже тогда, когда он один.

Когда не проявляют удовольствия, гнева, печали и радости, это называется [состоянием] середины. Когда их проявляют в надлежащей степени, это называется [состоянием] гармонии. Середина является наиважнейшей основой [действий людей] в Поднебесной; гармония — это путь, которому должны следовать [люди] в Поднебесной. Когда удастся достигнуть [состояния] середины и гармонии, в природе устанавливается порядок и все сущее расцветает.

Чжун-ни говорил: «Благородный муж [действует в соответствии] с учением о середине, низкий человек [своими действиями] нарушает учение о середине». Благородный муж [действует в соответствии] с учением о середине, потому что он благородный муж и всегда придерживается середины. Низкий человек поступает вопреки учению о

середине, потому что он низкий человек и не проявляет осторожности.

Учитель говорил: «О, как совершенно учение о середине! Но уже давно [существует такое положение, что] очень мало людей в состоянии [следовать ему]»⁶³.

Учитель говорил: «Я знаю, почему этому учению не следуют. Умный — потому что знает слишком много, глупый — потому что не знает ничего. Я знаю, почему не разбираются в этом учении. Мудрый — потому что не стремится познать, недостойный — потому что не в состоянии познать. [Это подобно тому], как среди людей нет ни одного, кто бы не ел и не пил, но среди них мало тех, кто бы разобрался во вкусе [пищи].»

Учитель говорил: «Учение о середине, пожалуй, не осуществимо!»

Учитель говорил: «Шунь⁶⁴ был очень мудрый! Шунь любил спрашивать и любил интересоваться [даже] пустыми словами, [он] не обращал внимания на недостатки [людей], а подчеркивал их достоинства. Овладев [сущностью] двух крайних точек зрения, он находил середину и делал ее достоянием народа. Вот почему он был Шунем!»

Учитель говорил: «Все люди называют себя умными, но когда они попадают в ловушку или западню, они не знают, как из них выбраться. Все люди называют себя умными, однако если [им повезет] нащупать [принципы] учения о середине, они не в состоянии придерживаться их даже в течение месяца».

Учитель говорил: «Такой человек, как Хуэй⁶⁵, следовал учению о середине. Если [он] овладевал чем-либо хорошим, он накрепко запечатлевал это в сердце и больше уже не терял».

Учитель говорил: «В Поднебесной и в государстве может быть наведен порядок; от титулов и содержания можно отказаться; холодное оружие может быть растоптано ногами. Однако нельзя [добиться полного осуществления] учения о середине».

Цзы-лу⁶⁶ спросил о том, что такое сила. Учитель сказал: «[Вы спрашиваете] о силе [людей] с Юга, о силе [людей] с Севера или о той силе, [к которой стремитесь вы]? Учить [людей], проявляя великодушие, не мстить за несправедливость — в этом состоит сила [людей] с Юга. Благородный муж поступает так же. Постоянно быть

при оружии, встречать смерть без сожаления — в этом состоит сила [людей] с Севера. Люди, [хвастающиеся] своей силой, поступают так же. Поэтому благородный муж проявляет мягкость, но не приспособливается. Именно в этом и состоит подлинная сила! [Он строго] придерживается середины и не склоняется ни в одну сторону. Именно в этом и состоит подлинная сила! Когда в государстве царит порядок, [он] не отказывается от того поведения, [какое у него было раньше]. Именно в этом и состоит подлинная сила! Когда в государстве отсутствует порядок, [он] не изменяет [своим принципам] до самой смерти. Именно в этом и состоит подлинная сила!»

Учитель сказал: «Жить в уединении и совершать странные поступки, с тем чтобы быть замеченными в последующие эпохи, — это то, чего я не делаю. Благородный муж действует в соответствии с [правильным] путем. Отбросить его на полдороге — это то, чего я не в состоянии сделать. Благородный муж [должен] всегда следовать учению о середине. Жить вдали от мира, быть неизвестным людям и не испытывать из-за этого сожаления — на это способен только совершенномудрый».

Путь благородного мужа [в одно и то же время] и ясен [для всех], и скрыт [от них]. Мужчины и женщины, даже невежественные, могут познать этот путь, хотя его глубинные [принципы] не в состоянии постигнуть даже совершенномудрый. Мужчины и женщины, даже не получившие воспитания, могут осуществлять этот путь, хотя его глубинные [принципы] не в состоянии осуществить даже совершенномудрый. Природа [настолько] велика, что люди не могут не чувствовать огорчения [в связи с некоторыми ее явлениями]. Поэтому, если говорить о [пути] благородного мужа в целом, [никто] в Поднебесной не в состоянии охватить его; если говорить о нем в подробностях, [никто] не в состоянии докопаться до них.

В «Ши цзин» говорится:

Ястреб парит в небе,
Рыба скрывается в глубинах вод⁶⁷.

Это означает, что [путь благородного мужа] существует повсюду. Путь благородного мужа начинается среди [обычных] мужчин и женщин, но его глубинные [принципы] существуют в природе.

Учитель говорил: «[Правильный] путь не существует в отрыве от людей. Когда пытаются осуществить путь в отрыве от людей, его уже нельзя считать [правильным] путем». В «Ши цзин» говорится:

Когда топором рубят топорнице,
То мерка находится перед глазами⁶⁸.

Когда топором рубят топорнице и смотрят косым взглядом, то кажется, что [мерка] находится далеко. Поэтому благородный муж управляет людьми [в соответствии с теми принципами, которым] они [следуют]. [И как только] они исправляются, он останавливается. [Следовать принципу] взаимности — [значит] приближаться к [правильному] пути. То, что вы не желаете, чтобы делали по отношению к вам, не делайте по отношению к другим. Путь благородного мужа [содержит] четыре принципа, ни один из которых [до сих пор] не могу осуществить: проявлять к отцу такое же отношение, какого я требую к себе от своего сына, — этого [я] не в состоянии [осуществить]; проявлять к государю такое же отношение, какого я требую к себе от своих подданных, — этого [я] не в состоянии [осуществить]; проявлять к старшему брату такое же отношение, какого я требую к себе от своего младшего брата, — этого [я] не в состоянии [осуществить]; проявлять к друзьям такое же отношение, какого я требую к себе от своих друзей, — этого [я] не в состоянии [осуществить]. [Необходимо быть серьезным] при осуществлении [всех] обычных дел, [необходимо] быть внимательным в обычном разговоре. Если [при осуществлении какого-либо дела] что-то недоделано, следует [вновь] напрячь усилия. Если сказано уже многое, не следует больше говорить. Слова должны соответствовать поступкам, а поступки должны соответствовать словам. И как же благородный муж может быть неискренним?

Благородный муж поступает в соответствии с положением, [в котором он находится]. [Он] не желает [заниматься делами, которые] к нему не относятся. Когда он находится в положении богатого человека, он поступает, как богатый человек; когда он находится в положении бедного человека, он поступает, как бедный человек; когда он находится среди варваров, он ведет себя, как варвар; когда он находится в трудном положении, он поступает так, [как необходимо поступать] в трудном положе-

нии. В каком бы положении ни был благородный муж, он всегда найдет себя. Занимая высокое положение, [он] не относится с презрением к тем, кто находится внизу. Занимая низкое положение, [он] не ищет расположения тех, кто находится наверху. Занимаясь самоусовершенствованием, [он] не обращается к другим, поэтому у него не возникает [чувство] ненависти [к кому-либо]. Вверху он не ропщет на небо; внизу он не питает злобы к людям. Поэтому благородный муж со спокойным сердцем ожидает повелений неба, а низкий человек, презрев опасность, ищет счастливый случай. Учитель говорил: «В стрельбе есть кое-что похожее на [путь] благородного мужа. Когда [стрелок] не попадает в центр мишени, [он] оглядывается назад и ищет ошибки у себя». Путь благородного мужа [можно] сравнить с длинной дорогой: она начинается с близкого места; [его можно] сравнить с восхождением на гору: оно начинается у подножия. В «Ши цзин» говорится:

Любовь детей и наших жен,
Как гуслей с цитрой общий звук;
И если с братом дружен брат —
Им радость будет вечный друг.
Когда в порядке держишь дом —
Среди домашних радость в нем⁶⁹.

Учитель говорил: «[При таком положении сердца] родителей преисполнены радости».

Учитель говорил: «О как щедры духи!⁷⁰ Смотришь на них и не видишь их, слушаешь их и не слышишь их. Они наполняют все вещи, и без них ничего не существует». [Благодаря им] люди Поднебесной очищают себя, облачаются в богатые одежды, чтобы принять участие в жертвоприношении. [Они] находятся как будто бы над головами [людей], слева и справа от них. В «Ши цзин» говорится:

Приход духов предвидеть нельзя,
И как можно относиться к ним безразлично?⁷¹

Мало заметное станет видимым, искренние [чувства] невозможно скрыть.

Так будет и [с духами]!

Учитель говорил: «Шунь обладал великой почитательностью по отношению к родителям! [У него] была добродетель совершенномудрого, [он] имел титул сына неба и владел богатствами в пределах четырех морей. [Был

сооружен] храм для осуществления жертвоприношений [в его честь], и его потомки навсегда сохранили [этот обычай]». Поэтому человек, обладающий великой добродетелью, непременно займет высокое место, непременно станет обладателем богатств, его имя непременно прославится, и его будет непременно ожидать долгая жизнь. Поэтому небо, создавая вещи, поступает в соответствии с их качествами. Поэтому то, что растет, поддерживается, а то, что готово упасть, вырывается. В «Ши-цзин» говорится:

Счастлив наш государь, прекрасен он,
Достоинством высоким одарен.
Ведя, как подобает, свой народ,
От неба принял множество щедрот,
И волей неба верно он храним,
И милость неба непрерывно с ним ⁷².

Поэтому [люди], обладающие великой добродетелью, обязательно добьются расположения ⁷³ неба!

Учитель говорил: «Только Вэнь-ван может не испытывать печали! Ван-цзи был его отцом, У-ван был его сыном. Отец заложил основы, а сын развил их. У-ван продолжил дело Тай-вана ⁷⁴, Ван-цзи и Вэнь-вана. [Он] совершил карательный поход и овладел Поднебесной ⁷⁵. В течение всей его жизни его имя в Поднебесной было окружено славой, [он] имел титул сына неба, владел богатствами в пределах четырех морей; [был сооружен] храм для осуществления жертвоприношений [в его честь], и его потомки навсегда сохранили [этот обычай]. У-ван [только] в последние годы жизни получил повеление [на то, чтобы стать сыном неба]. Чжоу-гун завершил славные дела, [начатые] Вэнь[-ваном] и У[-ваном]. [Он] присвоил посмертно [титул] вана Тай-вану и Ван-цзи и всем своим предкам стал устраивать жертвоприношения как сынам неба. Этот порядок он распространил на *чжоуху*, *дафу*, служилых людей и простолюдинов. Если отец был *дафу*, а сын — служилым человеком, то похороны [устраивали] по разряду служилых людей, а жертвоприношения — по разряду *дафу*. Соблюдать траур в течение года мог [лишь] *дафу*, в течение трех лет — [лишь] сын неба; что же касается траура по родителям, то здесь не было различий между знатными и незнатными».

Учитель говорил: «У-ван и Чжоу-гун обладали великой почтительностью по отношению к родителям! Почтительность по отношению к родителям состоит в умелом

наследовании желаний предков и в умелом завершении их деяний. Весной и осенью они приводили в порядок кумирни, расставляли жертвенные сосуды, выставляли одежды, [оставшиеся от предков], и преподносили в зависимости от сезона пищу. [Последовательность] осуществлений церемоний [жертвоприношения] в храме предков государя устанавливалась в соответствии [с правилом] *чжаому*⁷⁶. [Участники церемоний располагались] в соответствии с рангом, с тем чтобы можно было отделить знатных от незнатных. Порядок участия в самом жертвоприношении определялся в соответствии с должностью, с тем чтобы можно было выделить способных. Когда [в конце церемонии] все пьют вино, нижестоящие подают чаши вышестоящим, с тем чтобы и незнатные могли принять участие [в церемонии]. На празднестве [после церемонии] места распределяются [в зависимости от цвета] волос, и так устанавливается возраст. [У-ван и Чжоу-гун], заняв места своих предков, осуществляли их церемонии и исполняли их музыку. Они относились с почтением к тем, кого они уважали; проявляли любовь к тем, к кому чувствовали расположение; служили мертвым [предкам] точно так же, как и при жизни; служили умершим так, словно они еще находились среди них. Это и есть наивысшее проявление почтительности по отношению к родителям. Осуществляя жертвоприношения небу и земле, они служили высшему существу⁷⁷. Жертвоприношения в храме предков приносились предкам. Для того, кто понял [смысл] жертвоприношений небу и земле и значение «Великого» жертвоприношения и осеннего жертвоприношения⁷⁸, так же легко управлять государством, как смотреть на свою ладонь.

Ай-гун⁷⁹ спросил [учителя] об управлении государством. Учитель сказал: «[Принципы] управления государством Вэнь[-вана] и У[-вана] изложены на деревянных и бамбуковых дощечках. Но для того чтобы эти принципы осуществить, необходимы люди, без них они [могут] исчезнуть. [С помощью] сил человека можно оказать воздействие на управление государством [с помощью] сил земли можно оказать воздействие на рост деревьев. Управление государством [можно сравнить] с быстрорастущим тростником⁸⁰. Поэтому управление государством зависит от [подбора мудрых] людей. Для [подбора мудрых] людей необходимо обратиться к собственному харак-

теру. Совершенствоваться [правитель может, лишь] следуя правильному пути. Следовать правильному пути можно, [лишь] опираясь на человеколюбие. Человеколюбие — это [любовь к] людям; высшим [его проявлением] является любовь к близким. Долг — это соответствие [поступков тому, как должно быть]. Высшим [его проявлением] является проявление почтительности к мудрым. Существует различие в любви к близким и градация проявления почтительности к мудрым. В этом и состоит причина появления ритуала. Если те, кто находится наверху, не испытывают доверия к тем, кто находится внизу, невозможно управлять народом⁸¹. Поэтому благородный муж не может не самосовершенствоваться; желая самосовершенствоваться, [он] не может не служить своим родителям; желая служить своим родителям, он не может не познавать людей; желая познавать людей, он не может не познавать небо. Повсюду в Поднебесной существует пять отношений и три принципа, посредством которых они осуществляются. Отношения между правителями и подданными, отцом и сыном, мужем и женой, старшими и младшими братьями, между друзьями — эти пять [отношений] и есть отношения, существующие повсюду в Поднебесной. Знание, человеколюбие, сила — эти три [вещи] и есть правственные принципы, существующие повсюду в Поднебесной. Для того чтобы следовать им [в жизни], необходима одна искренность. Некоторые от рождения обладают знанием [пяти отношений и трех принципов], другие приобретают [это знание] посредством изучения; третьи — через трудности. Однако знания, полученные ими, у всех них одинаковы. Для некоторых [выполнение пяти отношений и использование трех принципов] не составляет труда, другие [выполняют и используют их, лишь] если это им выгодно; третьи напрягают для этого большие усилия. Однако результат у всех одинаков».

Учитель говорил: «Когда изучаешь [что-либо] с любовью, то приближаешься к знанию; когда, осуществляя [что-либо], проявляешь усердие, то приближаешься к человеколюбию; когда обладаешь чувством стыда, то приближаешься к силе. [Тот, кто] знает все это, знает, как осуществлять самосовершенствование. [Тот, кто] знает, как осуществлять самосовершенствование, знает, как управлять [другими] людьми. [Тот, кто] знает, как управ-

лять [другими] людьми, знает, как управлять Поднебесной и государством».

Всего существует девять принципов управления Поднебесной и государством, а именно: самосовершенствование, проявление почтительности к мудрым, любовь к близким, почитание сановников, проявление внимания ко всем чиновникам, забота о народе, поощрение всех видов ремесел⁸², любезное обращение с людьми издалека, благорасположение к *чжухоу*⁸³. Самосовершенствование приводит к утверждению [правильного] пути; проявление почтительности к мудрым избавляет от проявления сомнений; любовь к близким приводит к тому, что среди дядей и братьев не возникает ненависти; почитание сановников избавляет от ошибок в делах; проявление внимания ко всем чиновникам приводит к тому, что чиновники платят за это большей благодарностью; забота о народе окрыляет [его]; поощрение всех видов ремесел увеличивает богатства [страны]; любезное обращение с людьми издалека обратит на сторону [правителя] людей отовсюду; благорасположение к *чжухоу* приведет к тому, что [вся] Поднебесная будет почитать его. Осуществлять самоочищение, носить строгую одежду, действовать только в соответствии с ритуалом — в этом состоит [путь] самоусовершенствований. [Избавляться от] клеветников, держать себя подалеке от женской красоты; не придавать значения вещам, ценить добродетель — в этом состоит [путь] поощрения мудрых. Предоставлять высокие должности, увеличивать их содержание, разделять их симпатии и антипатии — в этом состоит [путь] возбуждения любви к близким. Предоставлять [больше] возможностей [для осуществления дел] многочисленным чиновникам⁸⁴ — в этом состоит [путь] поощрения сановников. Проявлять доверие и увеличивать содержание — в этом состоит [путь] поощрения служилых людей⁸⁵. Использовать их тогда, [когда они свободны от сельскохозяйственных работ], [взнимать] незначительный налог — в этом состоит [путь] поощрения простых людей. Осуществлять ежедневные проверки и проводить месячные испытания, устанавливать содержание в соответствии с затрачиваемыми усилиями — в этом состоит [путь] поощрения всех видов ремесел. Устраивать проводы при отъезде и встречу при приезде, хвалить [то] хорошее, [что им присуще], и проявлять сочувствие [по поводу того, что они в чем-то]

неспособны, — в этом состоит [пусть] любезного обращения с людьми издалека. Восстанавливать фамилии, [у которых] прерваны [линии наследования], возрождать погибшие государства, наводить порядок [там, где] существует беспорядок; оказывать помощь [тем, кто] находится в опасности; устранять приемы и принимать приглашения в соответствии с [определенными] сроками; посылать [богатые] дары, приветствовать скромные [подношения] — в этом состоит [пусть] благорасположения к *чжухоу*.

Хотя существует девять принципов управления Поднебесной и государством, для их осуществления [нужна лишь] искренность. Все дела заканчиваются успехом, если приведена [предварительная] подготовка; если ее не было, они обречены на неудачу. Если то, что [должно быть] сказано, заранее обдуманно, в [рассуждениях] не будет путаницы. Если [какое-либо] дело заранее обдуманно, [при его осуществлении] не будет трудностей. Если поступок заранее обдуман, его [осуществление не вызывает] сожаления. Если принципы [учения] заранее обдуманы, [их можно осуществлять] непрерывно. Если те, кто находится внизу, не в состоянии заслужить доверие тех, кто находится наверху, они не могут управлять народом. Есть путь, как заслужить [доверие] тех, кто находится наверху; когда нет доверия со стороны друзей, [нельзя] заслужить [доверие] тех, кто находится наверху. Есть путь, как заслужить доверие со стороны друзей; когда не проявляют послушания по отношению к родителям, [нельзя заслужить] доверия со стороны друзей. Есть путь, как стать послушным по отношению к родителям; когда, заглядывая внутрь своей [сущности], [обнаруживают] отсутствие у себя искренности, [нельзя] стать послушным по отношению к родителям. Есть путь, как приобрести искренность; когда не понимают, что такое хорошее, нельзя приобрести искренность.

Искренность — это путь неба. Приобретение искренности — это путь человека. Обладающий [полученной от неба] искренностью не затрачивает усилий, но [у него все получается так], как надо; не напрягает свой ум, но [во всем разбирается надлежащим образом] и находится в естественном единении с [правильным] путем. [Такой человек] является совершенномудрым. Приобретающий искренность — это человек, который выбирает хорошее и твердо придерживается его. [Для того чтобы выбрать

хорошее], необходимо всесторонне изучать, детально исследовать, серьезно размышлять, четко различать и надлежащим образом осуществлять. Есть что-то, чего не изучали, его [начинают] изучать, но не могут [постичь его смысл] — усилий [все равно] не прекращают. Есть что-то, чего не исследовали, его [начинают] исследовать, но не могут разобраться в нем — усилий [все равно] не прекращают. Есть что-то, над чем не размышляли, над ним [начинают] размышлять, но не могут прийти к [определенным] выводам — усилий [все равно] не прекращают. Есть что-то, чего не различали, его [начинают] различать, но не могут получить ясное [представление] — усилий [все равно] не прекращают. Есть что-то, чего не осуществляли, его [начинают] осуществлять, но не могут добиться надлежащих [результатов] — усилий [все равно] не прекращают. Там, где другому достаточно одного усилия, тебе необходимо сто; там, где другому достаточно десяти усилий, тебе необходима тысяча усилий. Если следовать таким путем, то даже тупой человек сможет разобраться [во всем], а слабый человек приобретает силу.

Когда [во всем] разбираются благодаря искренности, это называется [небесной] природой. Когда в результате умственных [усилий] приобретают искренность, это называется воспитанием. Когда есть искренность, [можно] добиться понимания [всего]; когда есть понимание [всего], [можно приобрести] искренность. Только [тот, кто] обладает наибольшей искренностью в Поднебесной, в состоянии полностью развить свою природу. [Тот, кто] в состоянии полностью развить свою природу, в состоянии полностью развить природу [всех] людей. [Тот, кто] в состоянии полностью развить природу [всех] людей, в состоянии полностью развить природу [всех] вещей. [Тот, кто] в состоянии полностью развить природу [всех] вещей, в состоянии помочь превращению и развитию [сил] неба и земли. Тот, кто в состоянии помочь превращению и развитию [сил] неба и земли, в состоянии составить с небом и землей триединство. Далее, о приложении усилий к второстепенным делам. [Прилагая усилия] к второстепенным делам, [также] можно приобрести искренность⁸⁶. Когда обладаешь искренностью, [она обязательно] проявится; проявляясь, искренность становится очевидной [для всех]; когда она становится очевидной [для всех], она излучает свет; излучая свет, она возбуждает [людей];

возбуждая [людей], она [заставляет их] изменяться; изменяясь, они развивают [сущее]⁸⁷. Только [тот, кто] обладает наибольшей искренностью в Поднебесной, в состоянии развивать [сущее].

[Опираясь на] путь наибольшей искренности, можно заранее знать все. Если государство ожидает расцвет, то [заранее] непременно будет иметь место счастливое предзнаменование; если государство ожидает гибель, то [заранее] непременно случится страшное бедствие. [Эти предзнаменования] проявляются на [стеблях] тысячелистника и панцирях черепахи и в [подозрительных] перемещениях людей⁸⁸. О приходе бедствия или счастья непременно знает хороший [человек] и непременно знает [плохой] человек. Поэтому наивысшая искренность подобна душе.

Искренность — это то, [посредством чего человек] завершает создание себя как человека. Путь — это то, посредством чего [человек вступает] на правильный путь. Искренность — это начало и конец [всех] вещей; без искренности вещи не [могут] существовать. Именно поэтому благородный муж высоко ценит искренность. Искренность — это не только то, посредством чего получает свое завершение человек, и на этом [ее значение исчерпывается]; с ее помощью получают свое завершение [все] вещи. Когда свое завершение получает человек, это [свидетельствует] о человеколюбии. Когда свое завершение получают вещи, это [свидетельствует] о знании. [И человеколюбие, и знание] являются природными добродетелями и принципами, объединяющими воедино внешнее и внутреннее⁸⁹. Поэтому искренность пригодна всегда.

Поэтому наивысшая искренность никогда не исчезает. Если [она] не исчезает, [она] постоянна; если [она] постоянна, [она может] выдерживать проверку; если [она может] выдержать проверку, [сфера] ее действия огромна; если [сфера] ее действия огромна, [она] всеобъемлюща и устойчива; если [она] всеобъемлюща и устойчива, [она] высока и ярка. [Она] всеобъемлюща и устойчива и поэтому может содержать [все] вещи; [она] высока и ярка и поэтому может придавать вещам твердость; [сфера] ее действия огромна, и [она] постоянна и поэтому может совершенствоваться [все] вещи. [Она] всеобъемлюща и устойчива, [ее] можно уподобить земле; [она] высока и ярка, [ее] можно уподобить небу; [сфера] ее действия огромна, и [она] постоянна, поэтому [она] безгранична.

Поскольку [природа наивысшей искренности] такова, [она] не выставляет [себя напоказ], но естественно проявляется; не совершает движения, но [вызывает] изменения; [она] ничего не делает, но добивается успеха.

Путь неба и земли может быть полностью выражен в одной фразе: так как он лишен двойственности, то поэтому невозможно постичь, как он создает вещи. О пути неба и земли [можно лишь говорить], что [он] всеобъемлющ, устойчив, высок, ярок, что [сфера его действия] огромна и что [он] постоянен. Смотришь на небо — как будто бы маленькое сверкающее пятно, но если подойти к нему [с точки зрения] его безграничных [просторов], то в нем висят солнце, луна, звезды и созвездия, и оно накрывает собой [все] вещи. Смотришь на землю — как будто бы небольшой кусок земли, но если подойти к ней [с точки зрения] ее ширины и толщины, то она выдерживает Хуашань⁹⁰, не считая ее за тяжесть; содержит реки и моря, [не давая] им утечь; несет на себе многочисленные вещи. Смотришь на гору — как будто бы маленький камень, но, если подойти к ней [с точки зрения] ее величины, на ней растут травы и деревья, живут птицы и животные, имеются ископаемые богатства. Смотришь на воду — как будто бы она уместится в один ковш, но, если подойти к ней [с точки зрения] ее [непостижимой] глубины, в ней рождаются морские черепахи, кайманы, водяные драконы⁹¹, рыбы и сухопутные черепахи, и в ней находятся [различные] полезные вещи. В «Ши цзин» говорится:

Только небесное повеление безгранично и никогда не прерывается⁹².

Это означает, что именно здесь заключена [причина] того, почему небо является небом. [В «Ши цзин» еще говорится]:

О как блестит! Настолько чиста добродетель Вэнь-вана!⁹³

Это означает, что [причина] того, почему Вэнь-ван стал Вэнем⁹⁴, заключается в [его] безграничной чистоте.

Поистине велик путь совершенномудрого! Обладая неимоверной силой, он возвращает все вещи и достигает [в своем величии] неба. Поистине великое из великих! [Он содержит] триста церемоний и три тысячи правил поведения. Однако [необходимо] ждать достойных людей,

чтобы их осуществлять. Поэтому говорят: «Если нет людей с совершенной добродетелью, совершенный путь нигде не может быть реализован». Поэтому благородный муж чтит [присущую ему] добродетель и [одновременно] учится у других; [стремится] охватить большое и [одновременно настойчиво] постигает сокровенное; [стремится] к высоким помыслам и [одновременно] осуществляет учение о середине; повторяет то, [что изучено] раньше, и познает новое; проявляет искренние усилия в почитании ритуала. Именно поэтому, занимая высокое положение, [он] не зазнается; занимая низкое положение, [он] не проявляет непокорности. Когда в государстве царит порядок, его слова способствуют процветанию; когда в государстве нет порядка, его молчание помогает ему сохранить себя. В «Ши цзин» говорится:

Разума ясность и мудрость ему помогла
И самому оградиться от всякого зла⁹⁵.

Это имеет тот же смысл.

Учитель говорил: «Тупой любит полагаться на себя; низкий [по рангу] человек любит считаться [со своим мнением]; родившийся в настоящую эпоху думает вернуться к пути древних. Такие люди [обязательно] навлекут на себя беду». Тот, кто не является сыном неба, не входит в обсуждение ритуалов, не устанавливает законов и не выдумывает письменности. Сейчас в Поднебесной [все] повозки имеют одинаковую колею, [все] книги пишутся одинаковыми иероглифами, [все] действия следуют одинаковым принципам. Если тот, кто находится на троне⁹⁶, не обладает надлежащей добродетелью, [он] не осмеливается создавать ритуалы и музыку. Если тот, кто обладает надлежащей добродетелью, не находится на троне, [он] также не осмеливается создавать ритуалы и музыку. Учитель говорил: «Я [могу] рассказать о ритуале [династии] Ся, [но не могу] рассказать о ритуале государства] Ци, так как недостаточно свидетельств. Я изучаю ритуал [династии] Инь, [он] сохранился [лишь в государстве] Сун⁹⁷. Я изучаю ритуал [династии] Чжоу, его осуществляют в настоящее время, и я следую [ритуалу династии] Чжоу».

Когда тот, кто правит Поднебесной, [надлежащим образом] занимается тремя важными [делами]⁹⁸, [у него будет] мало ошибок [в управлении]. Как бы ни были

хороши [установления] прежних [династий], о них нет свидетельств. Раз нет свидетельств, не может быть доверия [к ним]. Раз не может быть доверия, народ не будет следовать им. Как бы ни были хороши [установления] последующих эпох, [их автор] не занимал почетного положения⁹⁹. Раз [он] не занимал почетного положения, к нему не было доверия. Раз к нему не было доверия, народ не следовал [его установлениям]. Поэтому путь благородного мужа имеет свои истоки в его природе, а проходит проверку у народа. [Благородный муж] сравнивает его с [установлениями] трех ванов¹⁰⁰ и не допускает оплошность; [он] воздвигает его посреди неба и земли и не нарушает их волю; [он] представляет себя [на суд] духов и не испытывает сомнения; он ожидает появления через сто эпох совершенномудрого и не проявляет заблуждений. Представляя себя [на суд] духов и не испытывая сомнений, [можно] познать небо. Ожидая появления через сто эпох совершенномудрого и не проявляя заблуждений, [можно] познать людей. Именно поэтому действия благородного мужа становились на века примером для Поднебесной; начинания [его] становились на века законом для Поднебесной; суждения [его] становились на века образцом для Поднебесной. Те, кто отстоит от него далеко, смотрят на него с надеждой; те, кто находится близко, не чувствуют пресыщения. В «Ши цзин» говорится:

Там на них нет гнева.
Здесь они никому не наскучили.
Если так будет с утра до вечера,
Они обретут вечную славу¹⁰¹.

Благородные мужи [прошлого] поступали именно так и рано прославились в Поднебесной.

Чжун-пи унаследовал [нравственность] Яо¹⁰² и Шуня и взял за образец установления Вэнь[-вана] и У[-вана]. Вверху он следовал [последовательности] сезонов, внизу [он] соотносился с [законами] воды и земли. Его [можно] сравнить с небом и землей, для которых нет ничего, что бы они не могли выдержать, и нет ничего, что бы они не могли покрыть; [его можно] сравнить с последовательной сменой четырех сезонов, с чередующимся сиянием солнца и луны. [Все] вещи развиваются вместе и не препятствуют друг другу; [все] принципы осуществляются вместе и не вступают в противоречие

друг с другом. Маленькая добродетель подобна течению реки, великая добродетель проявляется в значительных изменениях. Именно в этом величие неба и земли. Только тот, кто является наисовершенномудрым в Поднебесной, может быть мудрым и знающим, и этого достаточно для наблюдения [за всем]; великодушным и мягким, и этого достаточно [для того, чтобы] быть терпимым; сильным и твердым, и этого достаточно, чтобы проявлять упорство; серьезным и прямым, и этого достаточно, чтобы заслужить почтение; образованным и постигающим [сокровенное], и этого достаточно, чтобы отделять [правильное от неправильного]. [Он] всеобъемлющ и огромен и [подобно] роднику источает постоянно [свою добродетель]. [Он] всеобъемлющ, как небо, глубокий, как пучина. [Когда его] видят, то народ не может не чувствовать к нему почтение; [когда он] говорит, народ не может не проявлять радость. Поэтому его слава широко распространилась по всему Китаю и достигла племен, живущих на севере и юге. Куда бы ни добирались повозки и лодки, где бы ни прилагали люди своих усилий, где бы небо ни покрывало [сущее] и где бы земля ни носила на себе [сущее], где бы ни светили солнце и луна, где бы ни выпадали иней и роса — всюду, где есть живые существа, не могут не уважать и не любить [его]. Поэтому говорят: «Он равен небу».

Только тот, кто обладает в Поднебесной совершенной искренностью, может приводить в порядок великие принципы взаимоотношений с Поднебесной; устапавливать великие основы нравственности в Поднебесной; постигать [принципы] изменения и развития неба и земли. И разве он будет от чего-нибудь зависеть? Искренность подобна человеколюбию: она глубока, как бездна; она велика, как небо. Если такой человек не является действительно мудрым, не обладает знанием совершенномудрого и не [может] постигать добродетель неба, то кто в состоянии овладеть [всем] этим.

В «Ши цзин» говорится:

Виден узорный наряд под одеждою из полотна¹⁰³,

[что выражает] недовольство по поводу [явного] проявления [пристрастия] к яркости. Поэтому путь благородного мужа [вначале] как будто бы не виден, но по прошествии времени становится заметным. Путь низкого

человека [обладает лишь] внешним блеском и по прошествии времени приходит в упадок. Путь благородного мужа бесстрастен, и поэтому [следовать ему] не надоедает, безыскусен и красочен, обладает мягкостью и рациональностью. Он знает, что дальше начинается с близкого; знает, откуда происходит ветер; знает, как малозаметное становится видимым. И так можно войти в [пределы] нравственности.

В «Ши цзин» говорится:

Они всегда видны в воде,
Пусть хоть на дно они уйдут ¹⁰⁴.

Поэтому благородный муж, обращаясь к своему сердцу, не обнаруживает в нем ошибок и не испытывает [угрызений] совести. [Причина], почему невозможно сравниться с благородным мужем, заключена в том, что недоступно [обычным] людям.

В «Ши цзин» говорится:

В своем доме смотри за собой.
Перед отверстием в крыше своей не стыдись ¹⁰⁵.

Поэтому благородный муж, даже не двигаясь, обладает чувством почтения, даже не говоря, обладает доверием [к людям].

В «Ши цзин» говорится:

[Церемония] жертвоприношения [происходит] в молчании,
во время ее нет споров ¹⁰⁶.

Поэтому благородный муж не прибегает к наградам, но народ чувствует воодушевление; не проявляет гнева, но народ чувствует страх больше, чем [при наказании] мечом и секирой.

В «Ши цзин» говорится:

Только добродетели нет необходимости выставлять себя
[напоказ]
Сотни правителей подражают ей ¹⁰⁷.

Поэтому, если благородный муж действительно [усерден] в почтении, в Поднебесной наступает спокойствие.

В «Ши цзин» говорится:

Я преполнен уважения к твоей светлой добродетели.
Ибо она не проявляется в громких звуках и [ярком] блеске ¹⁰⁸.

Учитель говорил: «Прибегать к звукам и блеску для того, чтобы изменить людей, — это мелочь».

В «Ши цзин» говорится:

Добродетель легка, словно волос ¹⁰⁹.
Но волос все же имеет величину.

В «Ши цзин» говорится:

Деяниям небес не присущи ни звук, ни запах ¹¹⁰.
[Это] и есть самое высшее!

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ. «ПОВЕДЕНИЕ УЧЕНОГО» ¹¹¹

Луский правитель Ай-гун спросил Кун-цзы: «Платье, которое на вас, учитель, это, [наверное], одеяние ученого?» ¹¹²

Кун-цзы ответил ему так: «Цю в молодости жил в [царстве] Лу и потому носит платье с широкими рукавами, в зрелые годы жил в [царстве] Сун и потому носит головной убор светлого мужа ¹¹³. Цю слышал, что ученость благородного мужа должна быть обширной, платье же должно быть таким, какое носят другие жители. Цю не знает, что это такое — одеяние ученого».

Ай-гун сказал: «Осмелюсь ли спросить о поступках ученого?»

Кун-цзы отвечал так: «Если перечислять их мимоходом, мы многое упустим; если говорить подробно, задержимся слишком долго. Сменится стража ¹¹⁴, а мы все еще не закончим!»

Тогда Ай-гун приказал [принести Кун-цзы] циновку. Усевшись, Кун-цзы сказал: «Ученый предлагает древние жемчужины [мысли и добродетели], ожидая приглашения [на службу]; с утра до ночи отдает все силы учению, ожидая, что к нему обратятся за советом; хранит верность и преданность, ожидая выдвижения; упорно идет [по пути совершенствования], ожидая, что ему найдут применение. Вот каково самонастроение ученого!»

Платье и шапка ученого скромны, действия осмотрительны. С важным поручением он словно бы не торопится, незначительное словно бы считает за пустяк. Перед великим он как бы робеет, малого — как бы сте-

сняется. Он с трудом поступает [на службу], но [в отставку] уходит с легкостью. Он скромен, словно нет у него способностей. Таков внешний облик ученого.

Живет ученый в чрезвычайной бедности, сидит и поднимается с места учтиво. В речах обязательно начинает с выражения преданности, в поступках непременно следует среднему и правильному. На дорогах не вступает в спор за более легкий путь, летом и зимой не оспаривает [у других] места гармонии *инь* и *ян*¹¹⁵. Бережет себя от смерти, ожидая применения, пестует свое тело, дабы иметь возможность свершений. Такова предусмотрительность ученого.

Ученый не дорожит золотом и драгоценными камнями, ибо его сокровище — преданность и верность. Он не молится [богу] земли, ибо утверждает свои стопы на долге и справедливости. Он не молится о накоплении богатств, ибо своим богатством он полагает обилие учености. Его трудно привлечь, но легко вознаградить; легко вознаградить, но трудно удержать. Ведь в дурные времена он скрывается — вот и трудно его привлечь [на службу]. С неверными долгу он не соединяется — вот и трудно его сохранить. Сначала он трудится и лишь потом [требует] вознаграждения — вот и легко его вознаградить! Так-то ученый сближается с людьми.

Если доверить ученому товары и богатство, если погрузить его в соблазны, — он не изменит долгу перед лицом выгоды; если напасть на ученого многочисленной [ратью], если угрожать ему оружием, — он не изменит своим принципам и перед лицом смерти.

Вступая в борьбу с хищными тварями, он не взвешивает [вначале] своего мужества; влача тяжкий тренажник, не взвешивает своих сил. Об ушедшем он не сожалеет, грядущее не старается предугадать. Ложных речей он не повторяет, толкам и клевете не придает значения. Он не роняет своего достоинства, не меняет своего решения. Такова самостоятельность ученого.

С ученым можно обращаться как с родственником, но нельзя ему угрожать; с ним можно сблизиться, но нельзя его принудить; его можно убить, но нельзя опозорить. Жилище его не роскошно, еда и питье не обильны. О его ошибках и недостатках можно сказать ему в мягких выражениях, но нельзя бранить его в лицо. Таковы твердость и непреклонность ученого.

Верность и преданность [государю] — вот кольчуга и шлем ученого; ритуал и справедливость — вот его малый и большой щиты. В путь он выступает, увенчав себя гуманностью; [дома] пребывает в объятиях долга ¹¹⁶. Даже при жестоком правлении он не изменяет тому, на чем стоит. Такова независимость ученого.

[Весь] двор ученого — величиной в один *му* ¹¹⁷, окружает его жилище глинобитная стена, ворота бамбуковые, калитка камышовая, окна без рам. [Домашние его] выходят за ворота, передавая друг другу [единственное выходное] платье, едят же не каждый день. Когда он находит отклик у государя, он не позволит себе сомневаться; когда он не находит отклика, он не позволит себе льстить [ради достижения цели]. Таков ученый на службе.

Ученый живет со своими современниками, но сверяет [свои поступки] с древними; путь, проложенный им в нынешний век, послужит ступенью для булущих поколений. Когда наступает лихолетье и государь не оказывает [ему] поддержки, а подданные не выдвигают, тогда лстивая и клеветущая чернь сообща старается погубить его. Однако можно погубить тело, но нельзя победить волю. И даже пребывая в пучине несчастий, он остается верен своим устремлениям, ни на минуту не забывая о бедствиях народа. Такова глубина помыслов ученого.

Расширяя свои познания, ученый не знает предела; идя честным путем, не знает усталости; когда он живет в уединении, для него не существует роскоши; когда его приближает [к себе] государь, для него не существует трудностей. В ритуале для ученого всего драгоценнее гармония [между людьми]. Он восхваляет верных и преданных, подражает невозмутимым и восхищается мудрыми. Будучи снисходительным к людям обыкновенным, он старается к ним приспособиться, не выставляя своих достоинств. Такова широта души ученого.

Когда ученый выдвигает [достоинных], то среди близких себе он не избегает родственников, среди посторонних не пренебрегает теми, кого недолюбливает. Взвесив заслуги, накопив факты, он выдвигает мудрого, помогая ему достигнуть [самого верха], и не ожидает за это воздаяния. Лишь бы был человек по нраву государю, лишь бы принес пользу государству — самому же ученому не нужно ни богатства, ни чинов! Так ученый выдвигает мудрых и поддерживает талантливых.

Узнав нечто благое, ученые делятся друг с другом; увидав нечто прекрасное, друг другу показывают. На служебной лестнице пропускают друг друга вперед; попав в беду, друг за друга умирают. Если другому долго [не везет], ждут вместе; если друг — в захолустье, вызывают его [к себе.] Так ученый верен другу и способствует его продвижению.

Омыв свое тело, ученый [мыслями] погружается в сущность вещей. Представив свои соображения, [он скромно] отступает [в тень]. Своего государя он поправляет неназойливо. Если государь чего-то не знает, он осторожно подсказывает ему, но и здесь не спешит с действиями. Среди низких ученых не выказывает своей возвышенности, [свершенную им] малость не выдает за много. В умиротворенный век не бывает беспечным, в смутное время не впадает в отчаяние. С единомышленниками не вступает в сговор, пнакомыслящих не отвергает. Такова независимость ученого, и таков его особый путь.

[Если говорить о] высочайших, то ученый не подданный даже для сына пеба; [если сказать о более] низких, то ученый не работает и на правителей. Внимательный и спокойный, он превыше всего ставит широту [души]. Стойкий и непреклонный, он не идет на поводу у других, однако, обладая большой ученостью, он знает и что такое почтительность. Прикинув к литературным сочинениям, он трудолюбиво оттачивает на их точиле свою скромность и бескорыстие. Даже получив в удел царские земли, он не ставит это ни в грош. Не подданный он и не служилый. Таковы принципы ученого.

Если помыслы [у двоих] согласны, а устремления сходны, если путь и пристанища на нем одни, то стоять рядом с таким человеком — наслаждение, находиться же у него в подчинении не досадно. Долгое время не видя [друга, ученый] не верит порочащей его молве. [В дружбе] он прям и справедлив. С мыслящими одинаково он сходится, чуждых же себе избегает. Таков ученый в дружбе.

Мягкость и благодать — это корни гуманности. Уважение и внимательность — это почва, [на которой она произрастает]. Широта души — это образ действий гуманности. Последовательность и постепенность — это ее искусство. Ритуал и обряды — это обличье гуманности. Речь и беседы — это ее украшение. Песни и музыка — это

благозвучие гуманности. Раздача накопленного [другим людям] — это дары гуманности. Однако, даже обладая всеми этими [качествами], ученый не решится сказать, что он [обладает] гуманностью. Таковы почтительность и уступчивость ученого.

Ученый не погибнет в бедности и бесчестье. Не согнется под [бременем] богатства и знатности. Его не опозорит государь, не вовлекут [в свои интриги] старшие и вышестоящие, не приручат властимушье. Вот что значит «ученый». Сколь нелепо, что в наше время людей обыкновенных называют учеными! [Оттого] и само имя «ученый» стало зачастую служить лишь для насмешки.

Вот какие речи услышал Ай-гун, когда он принял Кун-цзы, вернувшегося в свое пристанище. Речь эти были убедительны, поведение же [Кун-цзы] — верным долгом. «До скончания своего века не решусь [больше] насмеяться над учеными», — [сказал Ай-гун].

СЮНЬ-ЦЗЫ

Сочинения Сюнь-цзы (ок. 313 — ок. 238 гг. до н. э.) занимают важное место в истории философской и общественно-политической мысли Китая. Его учение, охватывающее важнейшие области философии и идеологии китайского общества конца эпохи «Сражающихся царств», завершает собой ранний, «классический» этап развития древнекитайской философии. Взгляды Сюнь-цзы представляют по существу синтез философских и общественно-политических идей Древнего Китая: с одной стороны, это критически осмысленный итог развития атеистических и наивно-материалистических тенденций в китайской философии того времени и, с другой — философски переработанное в соответствии с новыми социально-экономическими и политическими явлениями жизни китайского общества этико-политическое учение Конфуция. Поэтому взгляды Сюнь-цзы оказали большое влияние как на последующее развитие материалистического направления в китайской философии, так и на развитие и упрочение этико-политической доктрины ортодоксального конфуцианства.

Энциклопедичность взглядов Сюнь-цзы, их обобщающий, критический характер объясняют тот факт, что труды мыслителя стали важным источником изучения древнекитайской философии.

Материалов, рассказывающих о жизни и деятельности Сюнь-цзы, сохранилось крайне мало. Они содержатся в основном в «Исторических записках» («Ши цзи») Сыма Цяня (II в. до н. э.), предисловии к сочинениям Сюнь-цзы известного ханьского текстолога Лю Сяна (80—9 гг. до н. э.) и в самом памятнике «Сюнь-цзы». Краткость этих сведений и их противоречивость вызвали впоследствии среди китайских комментаторов памятника «Сюнь-цзы» длительные споры о годах жизни мыслителя и датировке тех событий, которые упоминаются в «Исторических записках» и сочинениях Сюнь-цзы. В настоящее время благодаря исследованиям китайского ученого Ло Гэнь-цзэ (*Ло Гэнь-цзе*. Чжу цзы каосо (Исследования философских трактатов). Пекин, 1958, стр. 361—376) стало возможным восстановить общую хронологию основных фактов жизни Сюнь-цзы. Сюнь-цзы, по имени Куан, имевший прозвище Цин, родился примерно в 313 г. до н. э. в царстве Чжао. В 264 г. до н. э. Сюнь-цзы приезжает в царство Ци, где начинает проповедовать свои взгляды в знаменитой древней академии «Цзинся». Вскоре он получает титул «первого сановника» (*ле дафу*) и становится признанным главой ученых в царстве Ци. Затем, спустя примерно

десять лет, он приезжает в царство Чу, где первый министр Хуан Се — правитель области Чуньшэи — назначает его начальником уезда Ланьлин. В 238 г. до н. э., после убийства Хуан Се, Сюнь-цзы вынужден был оставить службу и заняться исключительно творческой деятельностью: вместе с учениками он пишет труд, названный впоследствии именем автора, — «Сюнь-цзы». Спустя несколько лет он умирает в Ланьлине.

Дошедшие до нас данные о жизни Сюнь-цзы позволяют лишь предположить, что он происходил из состоятельной семьи, принадлежавшей к господствующему классу, что дало ему возможность получить блестящее образование, стать выдающимся эрудитом своего времени и открыло доступ ко дворам правителей царств и в академию «Цзися».

Памятник «Сюнь-цзы» дошел до нас полностью, по крайней мере в том составе, который указан в предисловии первого редактора его сочинений — Лю Сяна (I в. до н. э.). Он представляет собой 32 главы-трактата, из которых 23 принадлежат самому Сюнь-цзы, три написаны им совместно с учениками и шесть — учениками Сюнь-цзы уже после смерти последнего.

Первые переводы памятника «Сюнь-цзы» на другие языки появляются в 20-х годах XX в. (имеются в виду более или менее полные переводы памятника в целом, а не отдельных фрагментов, что имело место и ранее). В 1920, а затем в 1922 г. «Сюнь-цзы» переводится на японский язык соответственно Сасакава Римпю (1920) и Хаттори Унокити (1922). В 1928 г. выходит английский перевод сочинений Сюнь-цзы (правда, не полный), осуществленный английским синологом Г. Дабсом. В последнее десятилетие памятник «Сюнь-цзы» переводится полностью на немецкий язык Х. Кёстером и на японский — Канаёя Осаму. Часть глав переведена американским синологом Б. Уотсоном.

На русском языке до настоящего времени печатались лишь фрагменты или отдельные главы из сочинений Сюнь-цзы.

Осуществленный в настоящем издании перевод девяти глав-трактатов Сюнь-цзы является наиболее полной публикацией сочинений мыслителя на русском языке и включает в себя важнейший материал памятника, характеризующий философские и общественно-политические взгляды Сюнь-цзы. Переводы выполнены В. Ф. Феоктистовым по изданию «Чжудзы цзинчэн» («Сборник классических текстов», т. II, Шанхай, 1935); однако при работе над ним учтены и последние комментарии к памятнику «Сюнь-цзы» проф. Лян Ци-сюна (*Лян Ци-сюн. Сюнь-цзы цзинь ши*. Пекин, 1956).

В. Ф. Феоктистов

ГЛАВА ПЕРВАЯ. «НАСТАВЛЕНИЯ К УЧЕБЕ»

Совершенный человек¹ говорит: «В учении нельзя останавливаться!» Вот синяя краска: получают ее из травы индиго, но синий цвет темнее, чем [цвет травы] индиго. Лед образуется из воды, но холоднее ее. Дерево может быть настолько прямым, что составит одну линию

с [отвесно висящей] веревкой. Однако, если дерево согнуть и сделать из него колесо [для телеги], оно примет форму правильного круга. И как бы потом ни сушили это колесо, оно не сможет восстановить своей первоначальной прямой формы. Это происходит потому, что дерево согнули и сделали таким. Отсюда видно, что дерево может быть прямым, если его [обтесать] по плотничьему шнуру, металл может быть острым, если его отточить. Когда совершенный человек обладает большими знаниями да к тому же ежедневно проверяет себя и анализирует свое поведение, тогда он мудр и не совершает ошибок.

Поэтому, не поднявшись на высокую гору, не узнаешь высоты неба. Не взглянув в глубокое ущелье в горах, не узнаешь толщины земли. Не услышав заветов ванопредков, не узнаешь величия учености! Новорожденные везде плачут одинаково: и у *гань*, и у *юэ*, и у *и*, и у *хэ*². Когда же они вырастают, у них оказываются неодишаковые привычки. Это результат воспитания!

В «Ши цзин» сказано:

О правители! Забудьте
Безмятежный, тихий отдых,
Добросовестно служите,
Долг свой честно выполняйте.
Будьте искренни, правдивы,
Эти качества храните,
Правильно дела вершите,
Справедливость соблюдайте.
О, послушайте совета,
О, внемлите этой песне —
И тогда великим счастьем
Будет ваш отмечен путь!³

В чудесном нет ничего более великого, чем стать на правильный путь, в счастье нет ничего лучшего, чем избавиться от бед и несчастий!

Я пробовал целый день размышлять, но не получил и того, что дало бы даже кратковременное учение. Я пробовал глядеть вдаль, поднявшись на дыпочки, но не увидел того простора, который видно с высоты. Когда стоишь на высоком месте и зовешь кого-либо рукой, рука не становится от этого длиннее, однако ее видно издалека. Если крикнуть по направлению ветра, голос не станет от этого сильнее, однако слушающий слышит его очень отчетливо. Если ехать в повозке, запряженной лошадьми, ноги не станут от этого быстрее, однако можно преодолеть рас-

стояние в тысячу ли. Если плыть в лодке, от этого не станешь лучше плавать, однако можно переплыть большие и малые реки. При рождении совершенный человек не отличается от других. [Он отличается от остальных тем, что] умеет опираться на вещи...

Орхидея сама по себе ароматна, но если опустить ее в мочу, то совершенный человек не подойдет к ней, а простые люди не будут носить ее на поясе! Это объясняется не тем, что орхидея по своим качествам нехороша — отвратительна моча, в которую ее опустили. Поэтому совершенный человек предпочитает жить в хорошем месте, а дружбу заводит лишь среди людей образованных. Все это он делает для того, чтобы оградить себя от лжи и подлости и сблизиться с честными, прямыми людьми.

Появление различных категорий вещей непременно имело свое начало. Слава и презрение, [окружающие человека], обязательно связаны с его хорошими [или дурными] моральными качествами. Если мясо тухнет — в нем появляются черви; когда высыхает рыба — в ней заводятся личинки насекомых. Беды приходят тогда, когда люди в своей лени забывают заботиться о себе. Если будешь поступать слишком жестоко, тебя постигнет неудача; если же будешь действовать слишком мягко, сам окажешься в оковах. Дурные качества и поступки человека зависят от него самого; именно они являются источником, вызывающим гнев и ропот. Если сложить вместе [сухой и сырой] хворост и поджечь его, то огонь устремится [к сухому хворосту]; если [сухое и мокрое] место расположены на одном уровне, то вода непременно устремится [к мокрому месту]. Трава и деревья всегда растут однородными группами, птицы и звери всегда живут [однородными] стаями и стадами. [Это происходит потому, что] все вещи стремятся к себе подобным. Когда расставлены мишени для стрельбы из лука, появляются лук и стрелы; когда лес становится слишком густым, в лес приходит топор; когда [крона] деревьев пышно разрастается и, [смыкаясь], закрывает солнце, [в тенистых местах] появляются и размножаются стаи птиц; туда, где есть укус, слетаются москиты. Очевидно, что люди иногда сами своими словами накликают на себя беду, а поступками покрывают себя позором. Поэтому совершенный человек осторожен в выборе своего места.

Когда накапливается земля, образуется гора, откуда берут свое начало ветры и дожди. Когда скопляется вода, образуется поток, в котором рождается водяной дракон. Когда совершение добрых поступков входит в привычку, рождается добродетельность, а отсюда естественно приходят чудесная мудрость и духовное совершенство! Поэтому, не накапливая в пути по полшага, не преодолеешь расстояния в тысячу ли; если мелкие ручьи не сольются вместе, не образуются ни реки, ни моря... Поэтому тот, кто не имеет глубоко скрытых желаний, не сможет обладать блестящей мудростью; тот, кто не отдается целиком делу, не будет иметь блестящих успехов. [Пешеход], блуждающий взад и вперед по двум дорогам, не достигнет цели. [Чиновник], служащий одновременно двум правителям, нетерпим. Глаза не могут, одновременно смотря на два предмета, отчетливо видеть их. Уши не могут одновременно слышать два звука и различать их. Летучий змей не имеет ног, зато он может летать; медведка обладает пятью способностями⁴ и тем не менее бедствует. В «Ши цзин» сказано:

На ветвях большого тута
Вижу горлицы гнездо.
Семерых птенцов-малюток
Кормит целый день она.
Кто хорош и совершенен —
Тот, как горлица, настойчив:
У него одно желанье,
Перед ним большая цель;
Мысли, действия, манеры —
Все одним стремленьем дышит,
Непреклонна его воля,
Непреклонна и тверда!⁵

Поэтому совершенный человек целеустремлен.

...С чего начинать учение? Чем его заканчивать? Отвечаю: если говорить о последовательности [предметов], то начинать учение надо с заучивания канонов, а заканчивать — чтением «Обрядовых книг»⁶. Если говорить о моральных целях учения, то вначале следует стремиться стать ученым, а к концу — совершенномудрым. Seriously накапливать знания, быть упорным и долго [учиться] — только так можно стать [образованным человеком]! Учиться надо всю жизнь, до последнего дыхания! Поэтому хотя в последовательности [предметов] учение имеет конечный пункт, однако моральные [цели учения] не позволяют

бросать его ни на один миг. Тот, кто поступает так, — тот человек; кто же бросает [учиться] — тот зверь. Нужно помнить, что «Шу цзин» — это исторические записки о политических делах, «Ши цзин» — место средоточения гармонии в звуках, «Обрядовые книги» — свод основных законов и обычаев. Поэтому учение кончается лишь тогда, когда изучишь «Обрядовые книги». Вот что называется достичь вершины нравственности. Та почтительность и культурность, [о которой говорится] в «Обрядовых книгах»; та беспристрастность и гармоничность, [которым учит] «Юэ цзин»; те обширные знания, [которые дают] «Ши цзин» и «Шу цзин»; та иносказательность, [которая отличает книгу] «Чунь-цю», — это и есть все то, что нужно знать о земле и небе.

Совершенный человек учится так: все, что воспринимает его слух, он откладывает в сердце⁷, и это затем, распределившись по телу, выявляется в его манерах и поведении: он сдержан в разговоре, осторожен в поступках. Все это может служить примером для других. Ничтожный человек учится так: все, что воспринимает его слух, — все это у него тут же на языке. Но расстойние от рта до ушей всего четыре *цуня*! Разве так можно выразить всю красоту человеческого тела в семь *чи*⁸? В древности люди учились для того, чтобы самоусовершенствоваться; сейчас же люди учатся лишь напоказ! Совершенный человек через учебу стремится сделать себя прекрасным, ничтожный человек учится ради бахвальства перед другими, [словно он делает им одолжение]. Поэтому, когда рассказываешь [людям] о том, о чем тебя совсем не спрашивают, — это называется торопливостью. Когда спрашивают лишь об одном [деле], а ты рассказываешь о двух, — это называется назойливостью. Как назойливость, так и торопливость являются дурными качествами. Ответы же совершенного человека походят на отклик эха!..

Совершенный человек знает, что, когда [предмет] изучают не целиком и не в совершенстве, это не может быть названо хорошим [методом приобретения знаний]. Поэтому он заучивает книги, чтобы полностью проникнуть в их содержание, обдумывает [заученное], чтобы постигнуть [его смысл]; исследуя [все это], он ставит себя на место другого; [он] отбрасывает все вредное и постоянно воспитывает себя. Его цель — не стремиться увидеть ничего дру-

гого, кроме того, что относится к такому [учению]; не стремиться услышать ничего другого, кроме того, что относится к такому [учению]; не стремиться говорить или думать ни о чем другом, кроме того, что относится к такому [учению]. Когда он достигнет совершенства в любви к такому [методу учения], он будет любить его так же, как глаза любят пять цветов, уши — пять звуков, уста — пять вкусовых ощущений, сердце любит извлекать выгоду из [богатств] Поднебесной. И тогда [никакая сила] не сможет поколебать его: ни власть, ни народ, ни Поднебесная! Как жить, так и умереть нужно, следуя этому [пути], — вот что называется добродетельностью и благопристойностью. Только обладая добродетельностью и благопристойностью, можно воспитать в себе твердость; только воспитав в себе твердость, можно соответствовать [вещам]. Когда [человек] обладает твердостью и в то же время может соответствовать [вещам], только тогда он может считаться успешно завершившим [образование]. Небо являет свой свет, земля — свои просторы, совершенный же человек ценен своим полным совершенством!

ГЛАВА ШЕСТАЯ. «ПРОТИВ ДВЕНАДЦАТИ МЫСЛИТЕЛЕЙ»

Ныне в мире появились люди, которые приукрашивают коварные учения и порочные высказывания, [стремятся] с их помощью посеять смуту в Поднебесной и хитроумными, ловкими увертками затуманить [головы людей] в Поднебесной, чтобы они не знали, где правда, где ложь, где порядок и где смута.

[Они] распущены в своих чувствах, спокойно творят произвол, поступают, как звери, что противоречит культуре и порядку; однако их теории имеют основания, высказывания содержат доводы, что может ввести в заблуждение и обмануть народ. Такими были То Сяо и Вэй Моу⁹.

[Они], сдерживая свои чувства, стремятся идти отличным [от других], порочным путем, пытаются любыми средствами выделиться из общей массы и поэтому не в состоянии быть в согласии со всей массой [людей], не понимают великого различия [между ними]; однако их взгляды имеют основания, высказывания содержат доводы, что может ввести в заблуждение и обмануть народ. Такими были Чэнь Чжун и Ши Цю¹⁰.

[Они] не понимают значения объединения Поднебесной и создания [единого] государства, почитают [лишь] заслуги, проявляют излишнее [усердие] в умеренности и ограничении желаний и пренебрегают различиями и рангами, в результате чего осуществление этих различий и разницы между правителем и подданным становится невозможным; однако их взгляды имеют основания, высказывания содержат доводы, что может ввести в заблуждение и обмануть народ. Такими были Мо Ди и Сун Цзянь ¹¹.

[Они] почитают законы, но [сами] не обладают ими, [они] не следуют [старым установлениям] и предпочитают создавать [свой], наверху стремятся прислушаться к правителю, внизу — следовать обычаям; речи, которые [они] произносят] с утра до вечера, составляют целые сборники, однако если попытаться внимательно вникнуть в них, то они окажутся расплывчатыми и не содержащими ничего подлежащего заимствованию; [с их помощью] нельзя управлять государством и утвердить различия [между людьми]; однако их взгляды имеют основания, высказывания содержат доводы, что может ввести в заблуждение и обмануть народ. Такими были Шэнь Дао и Тянь Пянь ¹².

[Они] не подражают ванам-предкам, не одобряют ритуала и чувства долга, любят создавать странные учения и забавляются необычными выражениями; хотя их [высказывания] и содержат глубокие исследования, однако они не нужны [людям]; хотя [они] искусны в споре, однако спор их бесполезен; хотя они тратят [на эти споры] много сил, однако результат [от них] небольшой; [их учение] не может составить основу для управления государством. Однако их взгляды имеют основания, высказывания содержат доводы, что может ввести в заблуждение и обмануть народ. Такими были Хуэй Ши и Дэн Си ¹³.

[Они] в общем подражают ванам-предкам, но не знают их принципов; тем не менее [они обладают] высокими талантами и большими устремлениями, их осведомленность обширна и разнообразна; ссылаясь на прошлое, [они] создают [свое] учение и называют его [учением] о пяти ступнях. [Оно] необычное и не имеющее образца, скрытое и невыразимое, краткое и необъяснимое. Приукрашивая свои слова ссылками [на прошлое], они возвеличивают их и говорят: «Это слова истинно совершенного

человека прошлого»¹⁴. Цзы-сы выдвинул это учение, Мэн Кэ на все лады кричит о нем, не сознавая его ложности; восприняв [это учение], они распространяют его, считая, что Чжун-ни и Цзы-ю почитаются потомками [именно] за это [учение]. В этом вина Цзы-сы и Мэн Кэ¹⁵.

Когда же [люди способны] привести в систему методы управления, упорядочить слова и действия, сделать едиными принципы и положения, а затем собрать вместе всех талаптливых и выдающихся [людей] Поднебесной и наставлять их [рассказами] о великой древности, воспитывать [на примерах] искреннего следования [ей], — тогда, не выходя за пределы помещения и не вставая с циновки, [можно почувствовать, как] возрождаются во всей пышности культурность совершенномудрых ванов и правы века спокойствия. И тогда не будет места шести учениям, а двенадцать философов не смогут [казаться] близкими. И пусть даже [такие люди] не находятся на высоком месте, ваны и гуны не могут сравниться с ними в славе. [Хотя] они и занимают [невысокое] положение сановников, ни один правитель, ни одно государство не может заменить их и восполнить их [отсутствия]; когда слава их равна [славе] *чжухоу*¹⁶, нет ни одного *чжухоу*, который бы не хотел иметь их в качестве подданных. Таковы совершенномудрые, не обладающие властью. Именно такими были Чжун-ни и Цзы-гун¹⁷.

Объединить Поднебесную, совершенствовать вещи, [в результате чего] народ может жить и получать средства для своего существования, а Поднебесная — извлекать выгоду, люди со всех сторон беспрекословно подчиняются, шесть учений исчезают, а двенадцать философов изменяют [свои взгляды] — таковы совершенномудрые, обладающие властью; такими были Шупь и Юй.

А теперь посмотрим, как [должны] поступать те, кто человеколюбив.

[Процветая] наверху, они [должны] подражать системе [правления] Шуя и Юя; [бедствуя] внизу, они [должны] подражать выполнению долга Чжун-ни и Цзы-гуном; они [должны] стремиться покончить с учениями двенадцати философов. И тогда исчезнут беды в Поднебесной, человеколюбивые смогут полностью выполнять свои обязанности и дела совершенномудрых ванов будут очевидны всем...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. «ПРАВЛЕНИЕ ВАНА»

Спрашивают: как осуществлять управление [государством]?

Отвечаю: мудрых и способных людей нужно выдвигать [на должности] независимо от их положения¹⁸; ленивых и неспособных людей нужно немедленно отстранять [от должности]; главных злодеев нужно казнить, не дожидаясь их перевоспитания; обычных, средних людей нужно воспитывать, не дожидаясь, когда к ним придется применить меры [наказания]. Когда различия [в должностях] еще не установлены, нужно придерживаться их [самим], различая людей, как различают четные и нечетные таблички предков. Если сын или внук *вана*, *гуна*, ученого *ши* или *дафу*¹⁹ не соблюдает норм ритуала и не обладает чувством долга, его следует поставить в один ряд с простолюдными. Если же сын или внук простолюдина упорно накапливает знания в литературе, правильно ведет себя, соблюдает нормы ритуала и обладает чувством долга, его можно поставить в один ряд с *цином*, *сяном*²⁰, *ши* или *дафу*. Всем тем, кто произносит коварные речи, совершает дурные поступки, обладает дурными наклонностями, бродяжничает и вызывает волнения, — всем им следует дать запятые и затем воспитывать их, дать время [для исправления], поощрять их путем наград и предостерегать с помощью законов об уголовных наказаниях и штрафах.

Того, кто [сумеет] спокойно заниматься делом, следует привлекать; того же, кто не хочет заниматься делом, следует изгонять.

Людей, страдающих пятью физическими недостатками²¹, верхи должны привлекать к себе и содержать, дать им занятие [в соответствии с] их возможностями, использовать их [на работе], кормить и одевать; необходимо повсеместно заботиться о каждом из них, без исключения. Тех же, кто хотя и обладает талантами, но в своих поступках идет наперекор времени, надо безжалостно убивать. Вот что называется небесной добродетельностью, вот что составляет правление вана.

Великий долг в управлении делами [государства] состоит в следующем: того, кто приходит с добрыми намерениями, следует встречать в соответствии с нормами ритуала; того же, кто приходит не с добрыми намерениями, следует встречать законами об уголовных наказаниях. Ко-

гда так различают эти два [типа] людей, талантливые и бесталанные люди не могут быть смешаны, а правда и ложь не могут быть перепутаны. Когда талантливые и бесталанные не смешиваются, выдающиеся и талантливые личности получают возможность выдвигаться вперед; когда правда и ложь не путаются, в государстве [воцаряется] порядок. В этом случае слава [вана] растет с каждым днем, люди в Поднебесной охотно [следуют за ним], его приказы и запреты выполняются — и дела вана [успешно] вершатся.

Если в управлении [государством] прибегать лишь к угрозам, запугиванию и жестокостям и не стремиться великодушно вести за собой людей, низы будут напуганы, не осмелятся сблизиться [с правителем], будут скрытны и не посмеют открыть ему [истинную картину дел в стране]. В этом случае большие дела [в государстве] будут запущены, а малые — погублены.

Если проявлять [к народу] лишь терпимость и снисхождение, вести его за собой [только с помощью] великодушия и не пресекать его [дурные поступки], тогда коварные речи будут звучать повсюду, странные слова, как острый нож, будут резать [слух]. Таким образом возникнет множество запутанных дел, что будет лишь вредить [управлению страной].

Отсюда видно, что, когда есть закон, но нет обсуждений²², те [дела], которые [прямо] законом не затрагиваются, приходят в упадок; когда должность [получена], но [получивший ее] не обладает широкими [знаниями], дела, которые не входят в его [прямые] служебные обязанности, гибнут. Поэтому, когда есть закон и есть обсуждения, когда получивший должность обладает широкими [знаниями], [люди] не скрывают своих намерений, добрые дела не упускаются, во всех делах не допускают ошибок, и все это под силу лишь совершенному человеку. Поэтому справедливость и мир — это мерило правления, середина и согласие — его правила. Те дела, которые предусмотрены законом, нужно вести согласно закону; те дела, которые законом [прямо] не предусмотрены, нужно совершать по аналогии — вот что значит полностью осуществлять управление [государством].

Если же быть эгоистичным и пристрастным и не применять правильные методы, правление также будет пристрастным. Поэтому бывают случаи, когда [методы] прав-

ления прекрасны, а в стране — смута; но с древности и до наших дней не было слышно, чтобы смута существовала при совершенном [правителе]. Предание гласит: «Порядок рождается благодаря совершенным людям, смуту вызывают люди ничтожные».

Если распределение [будет] равным, тогда не хватит на всех; если уравнивать власть, станет невозможным единство; если все будут равны, никого не заставишь [работать]. [Подобно тому как] существуют небо и земля, существуют различия между теми, кто наверху, и теми, кто внизу. Как только мудрые ваны²³ вступили на престол и стали управлять государством, они ввели эту систему. Ведь два знатных человека не могут заменить в делах один другого, два низких человека не могут заставить [работать] один другого — это естественный закон. Когда могущество [людей] равно [по силе], а то, что они желают или ненавидят, одинаково, вещей для удовлетворения [их желаний] оказывается недостаточно, и в этом случае неизбежно возникает соперничество. Когда возникает соперничество, это неизбежно приводит к смуте; когда возникает смута, это неизбежно приводит к нехватке [вещей]. Ваны-предки питали отвращение к смуте и потому выработали нормы ритуала и долга, чтобы [с их помощью] различать [людей], и установили для них ранги, [отличающие] бедного от богатого и знатного от низкого, что позволило им осуществлять всеобщий контроль; таковы основы поддержания жизни [людей] Поднебесной. В «Шу цзин» по этому поводу сказано так: «Чтобы достичь равенства, нужно неравенство».

Когда лошадь, везущая экипаж, шарахается от испуга, правитель не может [спокойно] ехать в экипаже; когда народ испытывает страх перед приказами [правителя], тот не может спокойно управлять [государством]. Когда лошадь, везущая экипаж, шарахается от испуга, нет ничего лучше, как успокоить ее; когда народ испытывает страх перед приказами [правителя], нет ничего лучше, как проявить к нему великодушие. Отбирать [на службу] мудрых и прекрасных [людей], выдвигать честных и заслуживающих уважения, проповедовать почитание родителей и старших братьев, поддерживать сирот и вдов, помогать бедным и нищим — и тогда народ будет спокойно [следовать] приказам [правителя]. А когда народ спокойно [следует] приказам [правителя], то и правитель может спо-

койно управлять [государством]. Предание гласит: «Правителя [можно сравнить] с лодкой, а народ — с водой: вода может нести лодку, а может ее и опрокинуть». Здесь имеется в виду именно то, о чем говорилось [выше]. Поэтому, если правитель стремится к спокойствию, то, [чтобы достичь его], нет ничего лучше, как издавать справедливые приказы и любить народ; если правитель стремится к славе, то, [чтобы добиться ее], нет ничего лучше, как почитать ритуал и уважать ученых; если [правитель] стремится утвердить свои заслуги, — для этого нет ничего лучше, как почитать мудрых и привлекать способных людей. Вот что [составляет] главные звенья в правлении монарха. Если [эти] три звена [используются] правильно, то и все остальные дела вершатся правильно; если три звена [используются] неправильно, то пусть даже все остальные дела частично и будут вершиться правильно, это не принесет пользы. Кун-цзы сказал: «Когда [правитель] правильно ведет и большие и малые [дела], — это правитель высшего порядка; когда [правитель] прав в больших делах, но бывает и прав и не прав в малых, — это правитель среднего порядка; когда [правитель] неправильно ведет большие дела, то пусть он будет и прав в малых делах — я не захочу даже взглянуть на его деяния!»

[Вэйские правители] Чэи-хоу и Сы-гун взимали [с населения] непомерные налоги и хорошо умели считать, однако они не смогли добиться [расположения] народа. Цзычань²⁴ сумел добиться [расположения] народа, однако он не смог осуществить свои планы управления [Поднебесной]. Гуань Чжун²⁵ сумел осуществить свои планы управления [Поднебесной], однако он не смог воспитать [себя] в духе ритуала. Поэтому тот, кто придерживается ритуала, управляет Поднебесной, как ван; тот, кто осуществляет свои планы управления, делает [государство] сильным; тот, кто добивается [расположения] народа, приносит [в Поднебесную] спокойствие; тот же, кто взимает [с населения] непомерные налоги, приводит [государство] к гибели. Поэтому [правитель], следующий по пути вана, [делает] зажиточным народ; [правитель], следующий по пути гегемона, делает зажиточными латников; в государстве, где только поддерживаются устои, все богатство [находится в руках] сановников; в государстве, которое гибнет, все богатство находится в корзинах и коробах [правителя] и наполняет дворцовые склады. Когда корзины

и коробы [правителя] и дворцовые склады наполнены богатством, народ нищает, — вот что называется «быть полным наверху и истощиться внизу». [В этом случае] государство будет не в состоянии ни обороняться от наступающих, ни само вести наступательное сражение, и можно лишь ожидать, что [такое государство] будет опрокинуто и погибнет.

Поэтому, когда я непомерными налогами привожу [государство] к гибели, этим пользуется враг, который получает [богатство моей страны] и становится от этого более могущественным. Таким образом, взимание [с населения] непомерных налогов — это путь, вызывающий разбой, обогащающий врага, приводящий к гибели государство и самого себя, — вот почему мудрый правитель не идет этим путем. [Правитель, следующий по пути] вана, стремится завоевать народ, [правитель]-гегемон стремится завоевать соседние государства; [правитель], стремящийся сделать [государство] сильным, завоевывает земли. Тот, кто завоевывает народ, подчиняет себе *чжухоу*; тот, кто завоевывает соседние государства, становится другом *чжухоу*; тот, кто завоевывает земли, становится врагом *чжухоу*. Тот, кто подчиняет себе *чжухоу*, может править [Поднебесной], как ван; тот, кто становится другом *чжухоу*, может править [Поднебесной], как гегемон; тому, кто становится врагом *чжухоу*, грозит опасность.

Когда [я] полагаюсь лишь на силу, я в любом случае стремлюсь победить [другой] народ лишь с помощью силы, независимо от того, обороняет ли он свои стены или выступил против меня первым; в этом случае ущерб, причиненный народу другого [царства], будет велик. Если же ущерб, причиненный народу другого [царства], будет велик, ненависть народа этого [царства] ко мне будет [также] велика; а раз ненависть этого народа ко мне будет велика, он будет постоянно помышлять о войне против меня. Когда я стремлюсь победить другой народ лишь с помощью силы, независимо от того, обороняет он свои стены или выступил против меня первым, ущерб, причиняемый в этом случае народу моей страны, будет также велик. Если же ущерб, причиненный народу моей страны, будет велик, ненависть народа ко мне будет [также] велика; а раз ненависть ко мне народа моей страны будет велика, он не будет изъявлять желание воевать за меня. Когда народ другого [царства] постоянно помышляет о войне

против меня, а народ моей страны не желает воевать за меня, — это и составляет причину того, что сильное [царство] становится слабым. Когда земли прибавляется, но народ покидает [меня], когда забот много, а славных дел мало, когда территория [царства] расширяется, но народ, который должен ее охранять, уменьшается, — это и составляет причину того, что обширное [царство] становится маленьким. *Чжухоу* не могут не испытывать чувства мести и обиды [к такому правителю], они не забудут своего противника, будут высматривать для себя малейшую лазейку и желать лишь гибели этого сильного и обширного [царства]. Вот что такое время опасностей для сильного, обширного [царства].

Тот, кто понимает правильный путь усиления [государства], не будет полагаться лишь на силу. Он будет стремиться [достичь этой цели] путем приказов вана, которые [должны] обеспечить ему могущество и утвердить его авторитет. Когда его могущество обеспечено — *чжухоу* не смогут ослабить его; когда его авторитет утвержден — *чжухоу* не смогут уменьшить его. И если [в это время] в Поднебесной нет верховной власти вана или гегемона — он добьется этого. Таков тот, кто понимает правильный путь усиления [государства]...

...Люди вана — это те, кто направляет свои действия с помощью ритуала и чувства долга, кто в делах поступает в соответствии с их родом, кто способен ясно видеть даже самое незначительное [в делах], чьи мероприятия отвечают изменениям [в мире] и не приводят к нищете, — таких людей можно назвать достигшими основы управления, они и являются людьми вана.

Режим вана [предполагает, что] путь управления [государством] не отходит от [пути] трех династий²⁶, а законы [управления] не отличаются от [законов] последующих ванов; путь [вана], который отходит от пути трех династий, называется путем разврата; законы, отличающиеся от законов последующих ванов, называются несправедливыми законами. Одежда имеет определенные образцы, дворцы и комнаты имеют определенную систему [постройки], воины составляют определенное количество, утварь для совершения похоронных обрядов и жертвоприношений имеет каждая свою определенную категорию. Звук, которые не соответствуют классическим [образцам], следует отбросить; цвета, которые не соответствуют

традиционным узорам, следует отвергнуть; [ритуальную] утварь, которая не соответствует традиционным образцам, следует уничтожать. Вот что называется возвратом к древности, вот в чем состоит режим вана.

Принципы вана [состоят в том, чтобы] не ценить тех, кто не обладает добродетельностью; не предоставлять чиновничьих должностей тем, кто не обладает способностями; не поощрять тех, кто не имеет заслуг; не подвергать наказаниям тех, кто не совершил преступления. При дворе [правителя] не должно быть места везению, среди народа не должны существовать [ленивые] удачники ²⁷.

[Следует] почитать мудрых и использовать способных, предоставляя каждому соответствующие [его талантам] должность и ранг; пресекать коварство и жестокость, соблюдая, однако, меру в назначении наказания. Тогда народ поймет и будет знать, что тот, кто творит добро в своем доме, будет удостоен награды и при дворе, а тот, кто тайно творит зло, будет наказан открыто [при народе]. Вот что называется устоявшимися принципами, вот что составляет принципы вана.

Законы вана [предполагают следующее]: он устанавливает разряды обложений, правильно ведет дела, совершенствует вещи и тем самым содержит народ. Земельный налог составляет [урожай с] одной десятой земли; на заставах и рынках лишь проводят досмотр [товаров], но не взимают [сборов]; в зависимости от времени года лишь запрещают или разрешают [охоту] в горах и лесах и [рыболовство] в озерах и запрудах, но не облагают [эти промыслы] налогом. Установлены различные категории [земельного] налога в зависимости от [качества] земли; установлены различные пошлины [на товары] в зависимости от величины [продланного ими] пути; без ограничений обращаются товары и продукты, хлеб и рис, в результате чего продукты из различных мест могут свободно передвигаться, словно люди, живущие между четырьмя морями, [которые] составляют одну семью. Поэтому тот, кто находится близко ²⁸, не скрывает своих способностей, а тот, кто находится далеко, не жалуется на то, что ему приходится тяжело трудиться. И нет такого уединенного и далекого государства, которое не поспешило бы направить к [такому вану] посла, испытывая при этом радость и спокойствие. Вот что называется [быть] старшим над людьми, вот что такое законы вана...

Исходя из подобного, судят о различном, исходя из единичного, судят о множественном; начало является концом, а конец — началом, и это походит на круг, не имеющий ни начала, ни конца. Если отбросить это, то Поднебесная погибнет.

Небо и земля — начало [всего] живого; ритуал и чувство долга — начало порядка; совершенный человек — начало ритуала и чувства долга. Полное соблюдение ритуала и последовательное выполнение долга, неуклонное совершенствование этих качеств и превращение их в высшую степень преклонения составляют начало совершенного человека. Поэтому когда небо и земля рождают совершенного человека, он приводит в порядок [все, что находится] между небом и землей; совершенный человек [правильно понимает] свое место по отношению к небу и земле, он является повелителем вещей и отцом и матерью народа. Когда же нет совершенного человека, [все, что находится] между небом и землей, не упорядочено, ритуал и долг не систематизированы, наверху не существует ни правителя, ни наставника, внизу не существует ни отца, ни сына, — вот что называется крайней степенью беспорядка. Когда [различаются] правитель и подданный, отец и сын, старший и младший брат, муж и жена, когда это начало является концом, а конец — началом и оно управляется едиными с небом и землей принципами так же вечно, как десять тысяч поколений, — это называется великой основой. Поэтому похоронные обряды, приглашения наставников ко двору — все это едино для всех. То, что [один] является знатным, [другой] — низким, [одного] убивают, [другой] рождается, [одному] дают, [от другого] отнимают, — все это составляет единую для всех [основу]. Правитель [должен быть] правителем, подданный — подданным, отец — отцом, сын — сыном, старший брат — старшим братом, младший — младшим — все это составляет единую для всех [основу]. Земледелец [должен быть] земледельцем, ученый — ученым, ремесленник — ремесленником, торговец — торговцем — все это составляет единую для всех [основу].

Вода и огонь обладают *ци*²⁹, но не имеют жизни; трава и деревья обладают жизнью, но не имеют [способности] познавать; птицы и звери обладают [способностью] познавать, но лишены чувства долга; человек обладает *ци*,

обладает жизнью, способен познавать и к тому же обладает чувством долга, поэтому он самое дорогое в Поднебесной. [Человек] в силе уступает быку, [в способности] бегать уступает лошади, однако он заставляет служить себе и быка и лошадь. Почему это происходит? Отвечаю: благодаря способности [людей] жить сообща, в то время как бык и лошадь не обладают этой способностью. Благодаря чему [люди] могут жить сообща? Отвечаю: благодаря разделению [обязанностей]. Благодаря чему возможно это разделение? Отвечаю: благодаря чувству долга. Поэтому, когда в соответствии с чувством долга осуществляется разделение, это приводит к согласию; когда [среди людей] царит согласие, это приводит к единству; единство же приводит к умножению сил, а умножение сил приводит к могуществу; могущество приводит к победе над вещами. Отсюда [человек] обретает покой и в своих жилищах. Поэтому то, что [человек] оказывается способным соответствовать [в своих делах] четырем временам года, управлять вещами и извлекать [из этого] выгоду для всех в Поднебесной, объясняется не какой-либо другой причиной, а лишь тем, что [люди] умеют разделять [обязанности] и обладают чувством долга.

Отсюда видно, что люди, живя в мире, не могут не жить сообща; если же они живут сообща, но [при этом] не осуществляют разделения [обязанностей], тогда возникает соперничество. Когда возникает соперничество, это приводит к беспорядку; когда возникает беспорядок, это приводит к тому, что [люди] покидают [свои жилища]; когда [люди] покидают [свои жилища], это приводит к ослаблению [государства]; ослабление же [государства] приводит к тому, что [люди] не могут побеждать вещи. В этом случае, даже имея жилища, [люди] не могут спокойно жить в них. [Отсюда видно, что] человек ни на миг не может отбрасывать ритуал и чувство долга.

Когда благодаря [соблюдению ритуала и чувству долга] человек способен почитать родителей, — это называется сыновней почтительностью; когда благодаря [соблюдению ритуала и чувству долга] человек способен почитать старшего брата, — это называется почтительностью младшего брата к старшему; когда благодаря [соблюдению ритуала и чувству долга] человек способен почитать тех, кто находится наверху, — это называется послушанием;

когда благодаря [соблюдению ритуала и чувству долга] человек способен заставить служить себе тех, кто находится внизу, — это называется быть правителем. «Быть правителем» — значит уметь [заставить людей] жить сообща. Когда путь людей в совместной жизни правилен, все вещи находят каждая свое место, домашние животные растут и умножаются, все живое получает возможность существовать. Поэтому, когда домашних животных кормят своевременно, они [быстро] растут; когда траву и лес косят и рубят своевременно, они пышно произрастают. Когда приказы своевременны, народ един, а мудрые и талантливые [люди] охотно им подчиняются.

Поэтому режим совершенномудрого вана [предполагает следующее]: в то время когда растения цветут и наливаются соками, рубка их [не разрешается] и [людей] с топорами не пускают в леса на склонах гор, чтобы не дать погибнуть молодым растениям или не прервать их роста; в то время когда большая морская черепаха, аллигатор, съедобная черепаха, разные рыбы, голец, осетр откладывают яйца или мечут икру, запрещается забрасывать в озера сети и бросать отраву, чтобы не дать погибнуть молодежи или не прервать ее роста; весенняя пахота, летняя прополка, осенний сбор урожая и его зимнее хранение — все это делается вовремя, поэтому пять видов хлебов не переводятся и у народа остаются излишки продовольствия.

Болота, пруды, озера, реки и [другие] водоемы строго охраняются, поэтому рыбы и черепахи [водятся там] в изобилии и у народа остаются их излишки. Вырубка и выращивание лесов в горах производятся в нужное время, поэтому горы не стоят голыми и простым людям хватает леса с избытком.

Предназначение совершенномудрого вана состоит [в следующем]: наверху [нужно] наблюдать за небом, внизу — извлекать [пользу] из земли; тогда успех [вана] в мире будет полный и распространится на вещи. Непонятное [он делает] ясным, короткое — длинным, узкое — широким. Чудесно прозорливый и мудрый, он остается простым. Поэтому и говорят: единое [наверху] приводит к единому [внизу]³⁰. Того, кто поступает так, называют совершенномудрым!..

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. «ОБОГАЩЕНИЕ ГОСУДАРСТВА»

Все вещи существуют вместе в одном мире, однако они отличаются по внешнему виду; хотя вещи сами по себе не обладают определенной пригодностью, однако [все они] используются людьми. Таков [естественный] путь!

Люди живут вместе в [определенном] порядке, они выдвигают одинаковые требования, однако добиваются их [осуществления] разными путями; [люди] обладают одинаковыми желаниями, однако отличаются в познании [этих желаний]. Таково врожденное качество человека!

Каждый человек что-то считает правильным — это одинаково свойственно и мудрому и глупому. Однако то, что они считают правильным, отлично [одно от другого]; в этом и состоит различие между мудрым и глупым. Люди обладают одинаковыми возможностями, однако они отличаются [друг от друга] в познании [вещей]. Если в делах исходить [только] из личных интересов и это не будет иметь плохих последствий, если дать волю желаниям и не ограничивать их, это вызовет волнения в сердце народа, и его невозможно будет успокоить. И тогда даже мудрецы и те не смогут управлять государством; если же мудрецы не смогут управлять государством, не будет ни заслуг, ни почетных обязанностей; если не будет ни заслуг, ни почетных обязанностей, люди не будут разъединены. Если же люди не будут разъединены, не будет различия между положением правителя и подданного. Если не будет правителя, который бы управлял своими подданными, тогда [те, кто] наверху, не будут управлять [теми, кто] внизу, и [из-за того, что] люди дадут волю своим желаниям, в Поднебесной возникнут несчастья. Ведь люди любят и ненавидят одни и те же вещи, [но] желающих много, а вещей мало. Поскольку [вещей] мало, это неизбежно приводит к соперничеству. Нужно знать, что вещи, которыми наслаждается один человек, создаются искусством многих людей. Как бы талантлив ни был один человек, он не может одновременно владеть искусством всех [ремесел]; один человек не в состоянии одновременно занимать должности многих чиновников. Поэтому, если люди будут жить отдельно друг от друга и не опираться друг на друга, это приведет к нищете; но, если даже они и будут жить вместе, но между ними не будет разделения

[обязанностей] — возникнут раздоры. Нищета — это несчастье, раздоры — это бедствие. [Чтобы] избавиться от [этого] несчастья и покончить с [этим] бедствием, нет ничего лучше, как [заставить] людей жить вместе и разделить [обязанности]. Когда сильный притесняет слабого, умный запугивает глупого, когда народ и низы поступают наперекор верхам, молодые притесняют старших, когда в основе правления не лежит добродетельность — в этом случае у старых и слабых возникает боязнь остаться [без тех, кто] их содержит и кормит, и даже здоровые, крепкие люди и те испытывают несчастье быть раздираемыми соперничеством. Заниматься делом — это то, что ненавидят люди; заслуги и власть — это то, что они любят. Если должности и дела среди людей не разделены, возникает несчастье: люди стремятся делать лишь то, что им выгодно, и борются за заслуги. Когда в [вопросах] соответствия мужчины и женщины, различия между мужем и женой, женитьбы, замужества, сватовства, выкупа, доставки [невесты в дом жениха] и встречи [ее] не соблюдают ритуала, — в таком случае у людей возникает опасение неправильного соответствия [супружеской пары] и их постигает несчастье: они ссорятся из-за любви. Поэтому мудрецы и создали различия [между людьми].

Путь к богатству страны [состоит в] экономном расходовании [вещей] и [обеспечении] достатка народу; кроме того, нужно уметь сохранять излишки [вещей]. Экономное расходование [вещей] должно определяться ритуалом, достаток народу должен быть [обеспечен] путем правильного управления [государством]. Если народ [живет] в достатке, тогда будут и большие излишки [вещей]. Если обеспечить народу достаток, он будет богат; если народ будет богат, поля станут плодородными и их легко будет обрабатывать. Если поля будут плодородными и хорошо обработанными, производство вещей увеличится в сто раз. Если верхи будут, следуя закону, взимать налоги, а низы, следуя ритуалу, экономно расходовать [вещи], то излишки будут накапливаться, возвышаясь холмами и горами, для их хранения будет нехватать места, и время от времени их даже, возможно, придется уничтожать. Тогда правителям незачем будет сетовать на отсутствие излишков [вещей]. Поэтому [там, где] знают экономное расходование [вещей] и обеспечение достатка народу, там [люди] непременно приобретают известность, как человеколюбивые,

соблюдающие свой долг, мудрые и достойные, а богатства [государства] накапливаются, возвышаясь холмами и горами. Это происходит не по какой-либо другой причине, а лишь благодаря тому, что там экономно расходуют [вещи] и обеспечивают достаток народу. Там же, где не знают экономного расходования [вещей] и обеспечения достатка народу, народ нищенствует. Когда же народ нищенствует, поля истощаются и зарастают сорняками. Когда же поля истощаются и зарастают сорняками, не соберешь и половины урожая. [В этом случае], хотя верхи и стремятся взять [от народа] побольше и жестоко собирают его, они получают очень мало; если к тому же [люди] не расходуют [вещи] экономно, согласно ритуалу, они непременно получают известность как [люди] алчные и собирающие [народ], а [государство] пустеет и нищает. Это происходит не по какой-либо другой причине, а лишь из-за того, что не знают экономного расходования [вещей] и не обеспечивают народу достатка. В [главе] «Кан гао»³¹ об этом сказано так: «[Когда] обилие [на земле] подобно небу и [страной правят] в соответствии с добродетельностью, то, [обогащая народ], обогащаешь и себя!» Ритуал [предполагает] ранги, [различающие] знатных и низких [людей], различия между старшим и младшим [по возрасту], соответствие этим рангам и различиям в бедности и богатстве, почитании и презрении. Поэтому сын неба носит красное парадное платье и ритуальную шапку, *чжухоу* носят темное платье и ритуальную шапку, *дафу* носят одежду [более] низких [людей] и чиновничью шапку, ученые носят шапку из оленьего меха и простую одежду. Моральные качества [людей] и их должности должны соответствовать друг другу, должности людей и их жалованья должны соответствовать друг другу, жалованья людей и их полезность должны соответствовать друг другу. [Положение] людей от ученого и выше нужно регулировать с помощью ритуала и музыки; [если же говорить о] простых людях, народе, то управлять им нужно с помощью законов. [Необходимо] измерить землю, чтобы основать государство, вычислить [источники] доходов, чтобы кормить народ, учесть силы людей, чтобы распределить дела; нужно добиться того, чтобы народ успешно справлялся со своими делами, чтобы дела непременно приносили доход, доходы же [должны быть] достаточны для поддержания жизни народа; все это должно уравновесить расходы людей на

одежду, питание и другие нужды и их доходы; необходимо [также] своевременно оставлять излишки; вот что называется соответствием [доходов и расходов]. Поэтому все, начиная от сына неба и кончая простолюдинами, должны относиться к делам — будь они большими или малыми, будь их много или мало, — исходя именно из этого [принципа]. Поэтому говорю: «При дворе [правителя] не должно быть места везению, среди народа не должны существовать [ленивые] удачники». Здесь имеется в виду именно то, [о чем говорилось выше].

Облегчить налоги, взимаемые с полей, уничтожить поборы на заставах и рынках, сократить число торговцев, уменьшить трудовые повинности, не отнимать у крестьян время [в страду] — только так можно сделать государство богатым! Вот что называется, управляя страной, обеспечить народу достаток. Люди не могут не [жить] сообща. Если же они живут сообща и среди них нет разделения [обязанностей], это приводит к раздорам; раздоры же вызывают беспорядок; беспорядок ведет к нищете. Отсюда можно видеть, что отсутствие разделения [обязанностей] — это великое бедствие для людей! Когда же [обязанности] разделены — это [источник] великой пользы для Поднебесной! Правитель — главный управляющий разделением [обязанностей]. Поэтому возвеличивание правителя есть основа возвеличивания Поднебесной, утверждение [положения] правителя есть основа утверждения Поднебесной, уважение к правителю есть основа уважения к Поднебесной! В древности ваны-предки разъединили людей и [ввели] ранги для их различия, в результате чего одни [люди] стали жить лучше, другие — хуже, одни стали богаче, другие — беднее, одни пребывают в праздности, другие упорно трудятся. Но это совсем не значит, что [ваны-предки] специально стремились вызвать распущенность, высокомерие, роскошь и великолепие [одних]: они хотели через разделение [обязанностей людей] выявить красоту человеколюбия и последовательно осуществить его [принципы]. Поэтому изготовление резных и полированных [изделий] из драгоценных камней, резных изделий из металла, вышивок на платье и красивых узоров должно было лишь помочь различать знатных и низких людей, а не служить предметом показного любования. Создание гонга, барабана, флейты, каменного гонга, лютни, гуслей, свирели *юй*, свирели *шэн* должно было лишь помочь различать радость

и несчастье, приносить веселье и согласие — здесь также не следует стремиться к излишеству! Строительство дворцов, комнат, башен и павильонов должно было лишь дать возможность укрываться от зноя и сырости, охранять добродетель и различать благородных и презираемых, и не следует стремиться перейти эти границы. В «Ши цзин» об этом сказано так:

Украшенья, статуэтки,
Их прекрасные узоры
Блеском яшмы и металла
Красоту свою являют.
О мой ван! О мой правитель!
Ты трудом своим упорным
Земли всех сторон Вселенной
Собери в свое правленье ³².

Когда [человека] одевают в одежды благородного, прекрасного цвета, когда его щедро кормят прекрасной на вкус пищей, когда ему доверяют в управление большие богатства и народ всей Поднебесной признает его своим монархом, — все это делается не для того, чтобы он стал распущенным и высокомерным; это значит, что нет никого лучше этого человека, нет никого более человеколюбивого, чем он, чтобы править Поднебесной, приводить в порядок все изменения, управлять вещами, поддерживать существование народа и объединять Поднебесную! Очевидно, что он обладает достаточной мудростью, чтобы управлять всем народом в Поднебесной; достаточным человеколюбием и великодушием, чтобы успокоить его; достаточной добродетельностью и хорошей репутацией, чтобы воспитывать его. Когда народ получает такого правителя, в Поднебесной царит порядок; когда народ теряет его, возникает смута. Поскольку простые люди действительно опираются на его мудрость, они, сменяя друг друга, выполняют за него тяжелую физическую работу, чтобы он мог сберечь для себя время и умножать свою мудрость. [Простые люди] искренне восхваляют его великодушие, поэтому они готовы принести себя в жертву, чтобы спасти его, и тем самым поддерживают его великодушие. [Простые люди] искренне прославляют его добродетельность; поэтому они изготавливают для него резные и полированные изделия из драгоценных камней, резные изделия из металла, выпивки и красивые узоры, чтобы украшать его и поддержать его добродетельность. Отсюда видно, что,

если тот, кто стоит наверху, человеколюбив, простые люди почитают его, как бога, любят его, как родителей, и готовы с радостью пожертвовать ради него своей жизнью. Это объясняется не какой-либо другой причиной, а тем, что то, что правитель считает правильным, действительно является хорошим, результаты, которых он добивается, действительно велики, а полезных дел, которые он совершает [ради народа], действительно много. В «Ши цзин» об этом сказано так:

Один несет поклажу,
Другой телегу тащит,
Один упряжкой правит,
Другой идет за волом.
Кончается работа —
Подходит управитель
И объявляет громко:
«Теперь все по домам!»³³

Поэтому и говорю: [удел] правителя — быть добродетельным, [удел] простых людей — заниматься физическим трудом. Физический труд — это то, что служит добродетели. Труд простых людей лишь тогда успешен, когда он направляется добродетельным правителем; совместная жизнь простых людей лишь тогда спокойна, когда она направляется добродетельным правителем; имущество простых людей лишь тогда накапливается, когда [это накопление] направляется добродетельным правителем; способности простых людей лишь тогда находят правильное применение, когда они направляются добродетельным правителем; жизнь простых людей лишь тогда становится долгой, когда она направляется добродетельным правителем. Если [в отношениях] между отцом и сыном нет [направляющего влияния] добродетельного правителя, эти отношения не могут быть родственными; если [в отношениях] между братьями нет [направляющего влияния] добродетельного правителя, между ними не может быть согласия; если [в отношениях] между мужчиной и женщиной нет [направляющего влияния] добродетельного правителя, эти отношения не могут быть радостными. Благодаря такой добродетели дети вырастают, а старики поддерживают свою жизнь. Поэтому говорят: «Небо и земля рождают [вещи], а совершенномудрые их совершенствуют». Здесь имеется в виду именно то, о чем говорилось выше. Сейчас дела обстоят не так: стремятся накапливать больше денег

и тем самым отнимают [у народа] его имущество; увеличивают налоги с полей и тем самым отнимают [у народа] пищу; взимают непомерные поборы на заставах и рынках и тем самым тормозят обмен [товаров]. Мало того: [народ] отрывают от его дел, поощряют [совершать] ошибки, поджидают, когда он совершит преступление, и обманывают его; с помощью интриг разрушают замыслы народа, путают правду с неправдой, чтобы опрокинуть народ и сломить его. Простые люди ясно представляют себе, что жадность, распущенность, волнения и беспорядки, порождаемые такими правителями, несут с собой большую опасность и смерть. Поэтому подданные убивают своих правителей, низы — тех, кто стоит над ними, они сдают города, отбрасывают [установленные] правителями нормы [поведения] и не желают отдавать свою жизнь за их дело. И все это объясняется не чем иным, как делами самих правителей. В «Ши цзин» об этом сказано так:

Нет речей таких на свете,
Что не вызвали бы отклик.
Добротельность приносит
Нам всегда свои плоды³⁴.

Путь к обеспечению достатка в Поднебесной состоит в понимании необходимости разделения [обязанностей]. Содержать в порядке гряды на полях, чтобы отчетливо различать межи; уничтожать дикие травы, чтобы выращивать злаки; больше удобрять поля навозом, чтобы сделать их плодородными, — таковы обязанности крестьян и простого народа! В соответствии со временем года заставлять народ трудиться, двигать вперед дела, умножать успехи, умиротворять простых людей и наводить среди них порядок, с тем чтобы они не стремились любыми средствами обеспечить себе спокойствие, — таковы обязанности полководцев! Избавлять земли, расположенные высоко, от засухи, низины — от наводнений, регулировать и приводить в соответствие морозы и жару и обеспечивать своевременное созревание всех пяти злаков — такова деятельность неба. Что же касается того, чтобы покровительствовать народу, охранять его, управлять им, не дать ему испытать несчастье умирать от холода или голода, если урожай погибнет от наводнения или засухи, то это составляет обязанность совершенномудрых правителей и талантливых *сянов*...³⁵

Движение неба обладает постоянством. [Это постоянство] существует не благодаря Яо и не умирает из-за Цзе³⁶. Когда люди, стремясь соответствовать этому постоянству, соблюдают порядок, они счастливы; когда же в этом стремлении они допускают беспорядок, их постигает несчастье. Если [человек] старательно занимается сельским хозяйством и бережет добро, то небо не в силах свергнуть его в нищету. Когда человек обеспечивает себя всем необходимым для своего существования и действует своевременно, небо не может сделать его больным. Если человек соблюдает [естественное] *дао*³⁷ и не совершает ошибок, небо не в состоянии навлечь на него беду. В этих случаях ни наводнение, ни засуха не могут заставить человека страдать от голода и жажды; холод и зной не могут принести ему болезни; «нечистая сила» не может причинить ему несчастье. Того же, кто запустил свое хозяйство и не бережет добро, небо не может сделать богатым. Если человек не обеспечивает себя всем необходимым для своего существования и действует несвоевременно, небо не в силах помочь ему. Когда люди нарушают [естественное] *дао* и творят произвол, небо не может сделать их счастливыми. В этих случаях человек голодает, хотя не было ни наводнения, ни засухи; болеет, но не от холода и зноя и бывает несчастным, но не по вине «нечистой силы».

Поскольку естественные условия, в которых сейчас живет человек, одинаковы с теми, какие были в эпоху мира и порядка, однако в отличие от тех времен приходят беды и несчастья, не ропщи на небо: это плоды действий самого человека. Поэтому только тот может быть назван достигшим высшей [мудрости], кто понимает разницу между человеком и небом.

То, что совершается без участия труда человека, и то, что он получает помимо своих желаний, составляет деятельность неба. В этом случае совершенный человек, обладая глубокими мыслями, не затрачивает их на размышление там, где действует небо; располагая большими способностями, не прилагает их к этой деятельности и, будучи способным тщательно наблюдать, не делает этого там, где действует небо. Вот что называется не пытаться оспаривать у неба его деятельность. Небу дано сменять

четыре времени года, земле — нести в себе богатства, человеку — правильно использовать все это. Вот что называется умением занять свое место. Когда человек отказывается делать то, что ему предназначено, и ждет, что небо сделает все за него, он заблуждается.

Одна за другой совершают звезды полный круг [по небу]; свет луны сменяет сияние солнца; сменяют друг друга четыре времени года; силы *инь* и *ян* вызывают великие изменения; повсюду дуют ветры и выпадают дожди; через гармонию этих сил рождаются вещи, они получают [от неба] все необходимое, чтобы существовать и совершенствоваться. Человек не видит совершаемого [внутри], он видит лишь его результат и поэтому называет его «происходящим от духа». Человек знает лишь то, чего достигают вещи в своем совершенствовании, и не представляет себе самих этих невидимых изменений, поэтому он называет их «небесными». Лишь совершенно мудрый, действуя, не стремится познать [это] «небесное».

Когда деятельность неба осуществлена и результат достигнут, рождается человек: сначала плоть, а затем дух. Человек [от рождения] обладает [способностью] любить и ненавидеть, радоваться и испытывать чувство гнева, грустить и веселиться — это называется «небесными чувствами». Уши, глаза, нос, рот и кожа человека дают ему возможность соприкоснуться с вещами, причем каждый [из этих органов чувств] обладает своими пределами [соприкосновения] и они не могут заменить друг друга, — вот что называется «небесными органами чувств» [человека]. Сердце занимает центральное место в организме человека и управляет пятью органами чувств — оно называется «небесным повелителем». Человек получает все необходимое ему для жизни от не себе подобных³⁸ — это называется «небесным путем существования человека». Когда человек обеспечивает свое существование именно таким путем, это приводит к благополучию; когда человек поддерживает свое существование другими способами, это вызывает несчастья. Вот что называется «небесным порядком». Когда человек приводит в смятение своего «небесного повелителя», когда он неправильно использует свои «небесные органы чувств», когда он не следует «небесному пути существования человека», нарушает «небесный порядок» и неумерен в своих «небесных чувствах», в результате чего гибнут плоды деятельности

неба, — это называется «великим несчастьем». Совершенно мудрый же содержит в ясности своего «небесного повелителя», правильно использует свои «небесные органы чувств», обеспечивает себя всем необходимым согласно «небесному пути существования», следует «небесному порядку», воспитывает свои «небесные чувства», благодаря чему полностью сохраняются плоды деятельности неба. Таким образом он познает, что следует делать и чего не нужно делать, и в результате подчиняет себе небо и землю и заставляет служить себе вещи. Когда в своих действиях человек целиком поступает правильно, когда он полностью и надлежащим образом обеспечивает себя всем необходимым для своего существования и не причиняет себе вреда, — это называется «познать небо».

Поэтому великое умение заключается в том, чтобы не стремиться подменить собой [деятельность неба], а великая мудрость — в том, чтобы не думать [о нем]. Что касается того, что нужно знать о небе, то людям достаточно запечатлеть отдельные небесные явления — и они смогут узнать последовательность движений небесных тел. Что касается того, что нужно знать о земле, то достаточно запечатлеть данные о ее пригодности — и люди будут возделывать эту землю в соответствии с ее условиями. Что касается того, что нужно знать о четырех временах года, то достаточно зафиксировать последовательность изменений [в природе] в течение четырех времен года — и люди будут поступать в соответствии со временем года. Что касается того, что нужно знать о силах *инь* и *ян*, то достаточно зафиксировать данные об их гармонии — и люди смогут правильно вести свои дела. Управляя людьми, надо следовать естественному закону [неба], а самим идти правильным путем.

[Спрашивают]: небо ли паводит порядок и приносит смуту в государстве? Отвечаю: и при Юе, и при Цзе счет времени вели по солнцу, луне, звездам, но во времена Юя в Поднебесной был порядок, а во времена Цзе — смута. Отсюда видно, что порядок и смута не зависят от неба. Спрашивают о временах года: не от них ли зависят порядок и смута в Поднебесной? Отвечаю: растения и животные размножаются весной, пышно растут и тучнеют летом, закрома наполняют осенью, урожай хранят зимой — так было и при Юе, и при Цзе. Но во времена Юя был порядок, а во времена Цзе — смута. Отсюда можно ви-

деть, что порядок и смута не зависят от времени года. Спрашивают о земле: не от нее ли зависят порядок и смута? Отвечаю: при Юе и при Цзе для всего живого было так: есть земля — есть и жизнь, лишился земли — приходит смута. Но во времена Юя был порядок, а во времена Цзе — смута. Отсюда видно, что порядок и смута не зависят от земли. В «Ши цзин» об этом сказано так:

Небо воздвигло высокие горы,
Имя которым — Цишань.
Славный правитель Тай-ван их возделал,
А благородный Вэнь-ван
Мудро продолжил благие деянья —
Горы в сады превратил³⁹.

Зима в природе не исчезнет из-за того, что люди ненавидят холод; земля не станет менее обширной из-за того, что люди не любят больших расстояний; совершенный человек не перестанет совершать добрые дела, что бы ни кричали ничтожные люди. Небо имеет постоянный путь своего движения; земля обладает определенными размерами; совершенный человек постояен в своих поступках и верен своему пути; ничтожный же человек всегда стремится лишь к славе и личной выгоде. В «Ши цзин» об этом сказано так:

Коль не делаешь ошибок,
Долг свой честно выполняешь,
Соблюдаешь ритуал,
То к чему тогда бояться
Слов людских и пересудов? ⁴⁰

Когда чуский ван выезжал, за ним следовала тысяча колесниц. Но это совсем не говорит о мудрости чуского вана. Совершенный человек ест грубую пищу и пьет пустой кипяток, но это совсем не говорит о его лени. Все это объясняется обстоятельствами и вполне естественно. Что же касается того, чтобы воспитывать в себе волю, углублять добродетель, просветлять разум и, живя в настоящем, не забывать о прошлом, то все это зависит от меня самого! Поэтому совершенный человек преклоняется перед тем, что заключено в нем самом, а не уповает на то, что относится к небесным явлениям, поэтому в своем развитии совершенный человек постоянно движется вперед. Ничтожный же человек отбрасывает то, что заключено в нем самом, а уповает на то, что относится

к небесным явлениям, поэтому ничтожный человек постоянно идет назад! Происходит это оттого, что один надеется на себя, другой — на небо! В этом и заключается отличие совершенного человека от человека ничтожного!

Падение звезд и шум деревьев внушают людям страх. Спрашивают: что это такое? Отвечаю: ничего особенного. Это изменения, происходящие на небе и на земле. Они вызваны сменой сил *инь* и *ян*. Такие явления бывают редко. Удивляться им можно, но бояться их не следует. Например, происходящие изредка затмения солнца и луны, нерегулярность дождей и ветров, неожиданные появления странных звезд — все эти явления постоянно наблюдаются в любую эпоху. Если правитель мудр и правит в интересах справедливости, то, пусть даже за тридцать лет возникнет [несколько таких явлений], они не принесут вреда! И наоборот, если правитель невежествен и коварен в правлении, то, пусть даже за время его правления не будет ни одного из этих явлений, это не принесет никакой пользы! Поэтому падения звезд и шум деревьев — это всего лишь изменения, происходящие на небе и на земле, вызванные сменой сил *инь* и *ян* и наблюдаемые весьма редко; удивляться им можно, но бояться их не следует.

Из тех [необычных] вещей [и явлений], которые действительно имеют место, можно [но-настоящему] опасаться лишь «людской нечисти». Например, грубая обработка земли наносит вред посевам; если не произвести своевременно прополки сорняков, поле зарастет ими; жестокое и коварное правление государством приводит к тому, что правитель теряет [расположение] народа. Когда поля зарастают сорняками, посевы чахнут, цены на зерно становятся высокими, народ голодает и на дорогах можно найти людей, умерших от голода, — вот что называется «людской нечистью». Когда приказы [правителя] не мудры, когда трудовые повинности назначаются и отменяются не вовремя, когда земледелие пребывает в беспорядке, — все это называется «людской нечистью». Несоблюдение принципов ритуала и долга; [нежелание] различать то, что находится у себя [в доме], от того, что находится за [его] пределами; непристойные отношения между мужчиной и женщиной; взаимное недоверие между отцом и сыном; стремление верхов и низов отдалиться друг от друга; разбой, сопровождаемый несчастьями, —

вот что называется «людской нечистью». Вся «нечисть» происходит от беспорядка [у людей]. Когда все три вида «людской нечисти» существуют, переплетаясь между собой, в государстве нет спокойствия. Такое определение кажется неглубоким, однако само несчастье очень губительно. Когда [люди] трудятся не в соответствии со временем года, тогда корова может родить лошадь, лошадь может родить вола и среди скота может возникнуть «нечистая сила». Удивляться этому можно, но бояться этого не следует. Предание гласит: «В канонических [книгах] ничего не говорится о необычном среди вещей. Поэтому нужно отбросить бесполезные рассуждения и ненужные исследования». Если же говорить о долге правителя и его подчиненных, об отношениях между отцом и сыном, различиях между мужем и женой, то все это следует изучать, неустанно отщипывать, а не отбрасывать в сторону.

[Спрашивают]: когда возносят молитвы о дожде и он приходит — что это значит? Отвечаю: ничего не значит. Это значит то же самое, когда идет дождь, о приходе которого не просили [в молитвах]. То, что при затмениях солнца и луны люди стремятся спастись от них, при засухе молят о дожде и решения по важным делам принимают только после гадания, — все это совсем не говорит о том, что, вознося [молитвы и гадая], действительно можно добиться [цели]. Это всего лишь внешние украшения [дел правителя]. Поэтому совершенный человек считает это украшением, а для простых людей в этом заключено «божественное». Когда это считают украшением, это приносит счастье; когда же все это обожествляют, это [ведет к] несчастьям!

На небе нет ничего ярче солнца и луны, на земле нет ничего ярче воды и огня, среди вещей нет ничего ярче жемчуга и яшмы; среди людей нет ничего ярче ритуала и чувства долга. Если солнце и луна поднимутся невысоко, их сияние не будет ярким; если не накопится много воды и огня, их влага и блеск не распространятся широко; если жемчуг и яшма [не будут иметь возможности] показать свой блеск, ваны и гуны не смогут узнать, что это драгоценные вещи; если ритуал и долг не будут повсеместно проводиться в жизнь в государстве, заслуги и слава правителей не будут очевидными. Поэтому судьба человека зависит от [правильного отношения к] небу, судьба государства зависит от [правильного соблюдения]

ритуала. Когда государь высоко чтит ритуал и цепит талантливых людей, он правит [Поднебесной], как [совершенный] ван; когда государь высоко чтит законы и любит народ, он правит [Поднебесной], как гегемон; если же государь алчен и лжив, ему грозит опасность; если он коварен, плетет интриги и замышляет козни, он неизбежно погибнет.

Вместо того чтобы возвельчивать небо и размышлять о нем, не лучше ли, самим умножая вещи, подчинить себе небо?! Вместо того чтобы служить небу и воспевать его, не лучше ли, преодолевая небесную судьбу⁴¹, самим использовать небо в своих интересах? Чем [только] надеяться на время года и ожидать, что тебе принесет [небо], не лучше ли самим в соответствии со временем года добиться всего этого?! Чем ожидать самоумпощения вещей, не лучше ли, используя возможности [человека], самим изменить вещи? Вместо того чтобы только думать о вещах и их использовании, не лучше ли привести в порядок имеющиеся вещи и не допустить, чтобы что-нибудь было упущено?! Чем только желать, чтобы вещи рождались так, как [нам того] хочется, не лучше ли самим заставить их совершенствоваться согласно [нашим] желаниям?! Отсюда видно, что, если отбросить дела, которые должны совершать люди, и думать только о небе, это значит потерять чувство вещей⁴².

То, что осталось неизменным на протяжении правления всех ванов, может считаться постоянным *дао*. Хотя это *дао* то отбрасывалось, то возрождалось вновь, тем не менее, если его привести в соответствие [с определенным периодом времени] и соблюдать постоянно, оно станет всеобщим [путем], и тогда не будет смут. [Тот, кто] не познал это постоянное [*дао*], тот не знает, как соответствовать изменившимся [условиям]. Важная сущность этого постоянного [*дао*] никогда не умирала. Смута порождается неправильным следованием этому *дао*, мир и спокойствие возникают, когда это *дао* полностью [соблюдается]. Поэтому умение [применять] принципы состоит в правильном следовании им; следовать принципам превратно недопустимо; неправильное же следование принципам приводит к великому заблуждению. Когда человек плывет в воде, ему нужно указать глубокие места; если же эти отметки будут не ясны, человек утонет. Тот, кто управляет народом, должен ясно указать ему принципы

[поведения], а если это указание будет неясным, в Поднебесной воцарится хаос. Ритуал как раз и является таким указателем [поведения]; когда нарушают ритуал, наступают мрачные времена, мрачные же времена — это великий хаос. Поэтому принципы [поведения] не могут быть неясными; внешние и внутренние вещи имеют различные [друг от друга] показатели. [Временами они] затемняются, [временами] становятся ясными, но [в целом они] постоянны. Только таким образом народ может избежать [гибели].

Все вещи — это одна сторона [естественного] *дао*. Одна вещь составляет одну сторону всех вещей; глупость — это одна сторона одного явления, и, хотя глупцы сами считают, что познали [естественное] *дао*, [на самом деле они] не знают его. Шэнь-цзы видел лишь то, что находится сзади, и не видел того, что находится впереди⁴³. Лао-цзы признавал лишь принижение и отвергал возвышение⁴⁴. Мо-цзы признавал лишь равенство и не видел отклонений [от него]⁴⁵. Сун-цзы признавал лишь малое, не видя большого⁴⁶. Если [исходить лишь] из того, что находится сзади, и не видеть того, что находится впереди, то для народа не будет возможности [выдвинуться]; если [исходить лишь] из принижения и отвергать возвышение, то нельзя будет различать знатного человека и низкого; если [исходить лишь] из равенства и не видеть отклонений [от него], то нельзя будет проводить в жизнь приказы правителей; если [исходить лишь] из малого и не видеть большого, то народ не сможет изменяться к лучшему. В «Шу цзин» об этом сказано так: «Нельзя считать хорошим лишь то, что любишь сам, — нужно следовать великому пути ванов-предков; нельзя считать плохим лишь то, что ненавидишь сам, — нужно следовать великому пути ванов-предков»⁴⁷.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ. «О РИТУАЛЕ»

Как появился ритуал? Отвечаю: человек от рождения обладает желаниями; когда эти желания не удовлетворяются, неизбежно возникает стремление добиться [их удовлетворения]; когда в этом стремлении [человек] не знает границ и пределов, неизбежно возникает соперни-

чество. Когда возникает соперничество, это приводит к смуте, а смута приводит к нищете. Вань-предки питали отвращение к смутам, поэтому они создали [нормы ритуала] и долга, чтобы [в соответствии с ними] разделять [людей,] удовлетворять их желания и стремления. Добиться того, чтобы желания не превосходили [возможности] вещей [их удовлетворять], а вещей всегда было бы достаточно для удовлетворения желаний, когда и желания, и вещи соответствуют друг другу и взаимно растут, — такова причина появления ритуала.

Отсюда видно, что ритуал служит [целям] удовлетворения [желаний]⁴⁸.

Рот [человека] питают домашний скот, рис, просо, гармония пяти вкусов; нос — аромат перца и орхидей; глаза — прекрасные резные изделия из яшмы и металла, тонкие узоры и вышивки; уши — [звуки] колокола, барабана, флейты, гонга, лютни, гуслей, свирели *юй* и свирели *шэн*; тело — просторный дом и спокойные комнаты с мягкими циновками, спальными подстилками и циновками для сидения. Вот почему ритуал служит удовлетворению желаний.

Хотя совершенный человек и стремится к удовлетворению желаний, однако он выступает и за различия [в их удовлетворении]. Что значат эти различия? Отвечаю: знатный и низкий должны различаться по рангам; старший и младший должны иметь различия; бедный и богатый, презираемый и уважаемый — все должны соответствовать своим названиям. Поэтому сын неба восседает на мягких циновках в большой колеснице — это услаждает его тело; на поясе он носит ароматные травы — это услаждает его обоняние; передок [его колесницы] ярко раскрашен — это услаждает его взор; звук колокольчика [на колеснице] ритмичен: когда [колесница] движется медленно, он соответствует музыке *у* и танцам *сян*⁴⁹, когда [она] движется быстрее, он соответствует музыке *шао* и *ху*⁵⁰ — так услаждают его слух; его знамя с драконом колышется девятью полотнищами — так [люди] узнают, [что перед ними сын неба]; на колесах [его колесницы] изображены лежащий носорог и приготовившийся к прыжку тигр, подпруги [у лошадей] сделаны из акульей кожи, покрывало [колесницы] — из шелка, бока — в виде золотых драконов, и все это для того, чтобы [показать] величие [сына неба]. Лошади, везущие его колесницу, вы-

дрессированы и смиренны — так обеспечивается безопасность [его выездов].

Кто знает, что готовность пожертвовать собой ради выполнения долга есть основа поддержания жизни?! Кто знает, что готовность тратить [деньги] питает богатство?! Кто знает, что любовь и уважение [к людям], уступчивость и покладистость составляют основу спокойствия?! Кто знает, что [соблюдение] ритуала и [выполнение] долга умиротворяют чувства [людей]?! Поэтому, когда [человек] видит лишь жизнь и стремится сохранить ее любой ценой, он непременно умрет; когда [человек] видит лишь выгоду и стремится получить ее любой ценой, он непременно понесет ущерб; когда [человек] ради своего спокойствия ленился и трусит, он непременно попадет в опасное [положение]; когда [человек] ради своего удовольствия дает волю чувствам, он непременно погибнет. Поэтому тот, кто сосредоточивается на соблюдении ритуала и выполнении долга, добивается двух [результатов]⁵¹; тот же, кто сосредоточивается на своих чувствах, теряет [и то и другое]. Поэтому конфуцианцы стремятся к тому, чтобы человек добился двух результатов, а монахи хотят, чтобы он потерял и то и другое, — в этом и состоит разница между конфуцианством и [учением] Мо-цзы.

Ритуал имеет три основы: небо и земля — основа существования, предки — основа рода, правитель-наставник — основа порядка. [Действительно], если бы не было неба и земли, как бы было возможно существование? Если бы не было предков, откуда бы тогда [люди] вели свое происхождение? Если бы не было правителя-наставника, кто бы приводил в порядок [Поднебесную]? Недостаток любой из трех [основ] делает невозможной спокойную [жизнь] людей. Отсюда видно, что ритуал [предполагает] следование небу наверху, земле внизу, почитание предков и уважение к правителю-наставнику. Таковы три основы ритуала.

Ваны [почитают] Великого предка как небо, и *чжухоу* не смеют осквернить его кумирни⁵²; ученые и сановники [также] имеют своих неизменных [на протяжении поколений] великих предков — таким образом поклоняются началу. А поклонение началу есть основа [утверждения] добродетели. [Право совершать] жертвоприношения небу принадлежит лишь сыну неба, жертвоприношение на алтарь земли могут совершать лишь *чжухоу*,

носить траур [по умершим] — лишь ученые и саповники; таким образом достигаются различия, при которых достойные уважения уважаются, достойные презрения презираются, большое остается большим, а маленькое — маленьким. Поэтому правитель всей Поднебесной поклоняется семи поколениям [предков], правитель одного царства — пяти, [сановник] — владелец земли, с которой поставляются пять боевых колесниц, — трем, владелец земли, с которой поставляются три боевые колесницы, — двум⁵³; тот же, кто кормится [физическим] трудом, не должен иметь своих храмов предков. Таким образом, достигается различие в степени заслуг: когда они обширны, приносимые ими милости велики; когда они незначительны, приносимые ими милости малы.

Во время великого жертвоприношения на высокое место ставят сосуд с чистой водой, на жертвенный стол — сырую рыбу, а впереди всего — [пресный] суп из мяса: в этом проявляется уважение к первоначальной пище. Во время сезонного жертвоприношения на высокое место ставят сосуд с чистой водой, однако [потом] употребляют вино и спиртные [напитки], впереди всего кладут [метелки] гаоляна и клейкого проса, однако [потом] едят рис и просо. Во время ежемесячных жертвоприношений⁵⁴ суп из мяса только пробуют, но деликатесы уже едят — так воздают должное первооснове и в то же время приближаются к обычному употреблению [пищи].

Уважение к первооснове называется украшением, приближение к обычному употреблению [пищи] называется [разумным] принципом; когда оба они соединяются в единую «культурность» и таким образом достигается возврат к Великому единению [древности], это называется высшей степенью соблюдения [ритуала]. Поэтому, когда на высокое место ставят сосуд с чистой водой, на жертвенный стол — сырую рыбу, а впереди всего — [пресный] суп из мяса, все это значит одно: [уважение к первоначальной пище]. Когда [представляющий предка] не выпивает до конца [вина], преподносимого ему слугой, после оплакивания не пробует пищу, стоящую на жертвенном столе, и, получив пищу от трех слуг, больше не ест, все это значит одно: [окончание церемонии]. Когда во время большого свадебного обряда [отец] не вручает еще [жениху] кубок с вином и не посылает его встретить [невесту], когда во время жертвоприношения в храме предков [представ-

ляющий] предка еще не вошел в кумирню, когда [человек] только умер и еще не приступили к [обряду] одевания покойника, — все это значит одно: [церемония еще не началась]. То, что во время выезда [на обряд жертвоприношения небу] колесница сына неба покрыта белым шелковым покрывалом, а на голове [у правителя] полотняная шапка; то, что траурная одежда начинается с пенькового пояса, — все это значит одно: [уважение к простоте]. Трехлетний траур, пронзительные возгласы плача [по покойнику], исполнение гимна «Храм Спокойствия»⁵⁵, когда один человек поет, а три вторят под легкие, шуршащие звуки подвешенного колокола и неторопливое звучание гуслей, — все это значит одно: [следование древним обычаям].

Начало церемоний — простое, совершение их — красочное, конец — радостный. Поэтому, когда церемонии соблюдаются в совершенной, полной форме, чувства [человека] и характер церемонии достигают полного соответствия; когда церемония соблюдается [хорошо, но] несовершенно, либо чувства преобладают над церемониями, либо церемонии — над чувствами. Когда же церемонии соблюдаются в низшей форме, все сводится к чувствам и возвращается к великой простоте [древности]. Благодаря ритуалу небо и земля приходят в согласие, солнце и луна ярко светят, четыре времени года следуют одно за другим, звезды и созвездия движутся [по небесному своду], реки и речки [плавно] несут свои воды и все вещи процветают; [благодаря ритуалу] любовь и ненависть получают правильное [направление], радость и гнев — правильное [выражение]; [благодаря ритуалу] низы послушны, а верхи мудры и изменения всех вещей приходят в порядок. Отход же от ритуала приводит к гибели. Разве не [говорит это о] величии ритуала?! Если установлена совершенная [система] ритуала и она является высшей [мерой вещей и событий], тогда [никто] в Поднебесной не может ни отнять, ни прибавить что-либо [к ритуалу], основные работы и побочные промыслы взаимно согласуются, начало и конец соответствуют друг другу, существуют различия [между знатыми и низкими] во внешнем виде, [истина и ложь] в суждениях подробно объясняются. Когда [люди] в Поднебесной следуют [такой системе] ритуала, [в стране] царит порядок; когда они не следуют

ритуалу, наступает беспорядок; когда они следуют ритуалу, их жизнь спокойна; когда не следуют, их жизнь в опасности; когда они следуют ритуалу, они существуют; когда не следуют, они гибнут.

Это то, чего не может понять ничтожный человек.

Принципы ритуала поистине глубоки: если с его положениями подойти к высказываниям о «белой лошади» и «сходстве — различии»⁵⁶, то они утонут [в его доводах]. Принципы ритуала поистине велики: если с его положениями подойти к произвольно создаваемым установлениям и вульгарным учениям, то они утратят [свою силу]. Принципы ритуала поистине высоки: если с его положениями подойти к жестоким и распущенным людям, высокомерно презирающим обычай и считающим себя высоко нравственными, то они будут повержены. Поэтому, если есть настоящий плотничный шнур, нельзя обмануть в определении прямизны [вещи]; если есть правильный безмен, нельзя обмануть в определении веса [вещи]; если есть циркуль и угомер, которыми правильно пользуются, нельзя обмануть в определении формы [вещи]; если [есть] совершенный человек, который постиг [смысл] ритуала, его нельзя ввести в заблуждение лживыми [поступками]. Поэтому плотничный шнур — это высшая [мера] прямизны; безмен — высшая [мера] веса; циркуль и угомер — высшая [мера] формы; ритуал — высшая [мера] поведения людей. Тот, кто не соблюдает ритуала и не признает его, может быть назван безнравственным человеком; тот, кто соблюдает ритуал и уважает его, может быть назван высоко нравственным ученым. Того, кто обладает способностью размышлять в рамках ритуала, можно назвать способным к размышлению; того, кто обладает способностью не менять [своей решимости] следовать ритуалу, можно назвать способным быть твердым. Тот же, кто обладает способностью размышлять, способностью быть твердым и к тому же любит ритуал, является совершенномудрым человеком. Небо — высшая мера высоты; земля — высшая мера низких [вещей]; беспредельность — высшая мера обширности; совершенномудрый человек — высшая мера нравственности. Поэтому в учении необходимо твердо учиться у совершенномудрых людей, а не стремиться следовать безнравственным людям.

[Соблюдение] ритуала состоит в [правильном] пользовании богатством, в [пользовании] украшениями по сте-

пени знатности, в различных размеров [имущества], в правильном соответствии пышности и скромности. Многочисленность церемоний и простота чувств — [проявление] пышного соблюдения ритуала; простота церемоний и обилие чувств — [проявление] скромного соблюдения ритуала. Когда внутреннее [содержание] и внешнее [проявление] церемоний и чувств соответствуют [одно другому], следуют рядом и [взаимно] согласуются — это составляет средний путь [в соблюдении ритуала]. Поэтому совершенный человек пышно соблюдает высший [ритуал], скромен в соблюдении низшего и сохраняет середину в соблюдении среднего [пути]. Когда в своих действиях — медленных или стремительных — человек не выходит за эти [рамки] — это и есть то самоограничение, [которым отличается] совершенный человек. Тот, кто обладает этим [качеством], — совершенный ученый, кто не обладает им — простой человек; тот, кто способен в рамках ритуала привести в порядок и поставить на свое место все, что заполняет собой [Поднебесную], — совершенномудрый человек. Совершенномудрый человек потому великодушен, что пакапливает [знания] ритуала; потому велик, что широко распространяет [его действие]; потому достоин уважения, что почитает ритуал; потому пронизателен, что соблюдает его до конца. В «Ши цзин» об этом сказано так:

Там, где ритуал в почете,
Где все нормы соблюдают,
Там и смех повсюду слышен,
Радость в голосах звучит ⁵⁷.

[Соблюдение] ритуала состоит во внимательном отношении к жизни и смерти. Рождение — начало человека, смерть — его конец. Если от начала и до конца [жизни] человек сумел сохранить добродетельность, он полностью осуществил свой путь человека. Поэтому совершенный человек почтительно [относится] к началу [жизни] и внимательно — к [ее] концу. От начала и до конца быть одним и тем же — таков путь совершенного человека, таково проявление ритуала и чувства долга. Если все внимание уделяют жизни и не заботятся о смерти, если уважают [человека, лишь когда он жив и] обладает сознанием, и невнимательны к нему, когда он [мертв и] ничего не сознает, — это путь безправственного человека, измена в мыслях человеческим чувствам. Если совершенный человек испытывает стыд, даже когда с такими мыслями он подхо-

дит к рабу, то что же тогда говорить об отношении к уважаемым родителям! Смерть наступает один раз, [человек] не возвращается; потому подданный и почитает правителя, а сын — отца, что в этом они выражают свои чувства до конца. Поэтому, когда в служении живым людям не проявляют искренности, великодушия и не соблюдают приличий, это называется дикостью; когда во время похорон родителей не проявляют искренности, великодушия и не соблюдают приличий, это называется оскорблением [их памяти]; совершенный человек презирает дикость и стыдится оскорбления, поэтому и существуют семь видов гробов и саркофагов для сына неба, пять видов — для *чжухоу*, три вида — для сановников, два вида — для ученых; [поэтому и существует] несколько видов неодинаковых саванов — богатых и скромных, а узоры на гробах и покрывалах различны в соответствии с рангом [умершего]; это делается для того, чтобы проявить почтительность и внимание к умершему и тем самым выразить одинаковое [отношение] к жизни и смерти, началу и концу; это делается для того, чтобы полностью удовлетворить желания людей. Таков путь ванов-предков, таково высшее проявление преданности подданного [правителю] и сыновней почтительности [к родителям]...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ. «ОСВОБОДИТЬСЯ ОТ ЗАБЛУЖДЕНИЙ»⁵⁸

Люди обычно страдают от заблуждений, [вызываемых] односторонним рассмотрением [явлений], при котором они не имеют [полного] представления об их сущности. Если покончить с односторонностью, то можно снова встать на обычный правильный путь. Если же [допустить, чтобы] одна сторона приравнивалась к целому и ставилась на его место, возникнет путаница.

Поднебесная не может иметь двух правильных путей, совершенномудрый не может иметь двух [способов] мышления. Однако сейчас *чжухоу* управляют страной каждый по-своему, сто школ имеют свое, отличное от другого, учение. Среди этих [методов] правления и учений непременно одни правильны, другие неправильны, одни приводят к порядку, другие — к смуте. Если обратиться к сокровенным думам и желаниям всех тех правителей, которые

приводят свою страну к смуте, и всех тех ученых, которые вносят путаницу в учение, то среди них нет ни одного, кто не стремился бы к правильному пути и не пытался бы сделать этот правильный путь основой своих собственных действий. Однако они пристрастно относятся к [выбору] правильного пути и потому заблуждаются; в результате этого другие люди, воспользовавшись близкими их сердцу желаниями, совращают их. Они [односторонне] цепляются за то, к чему привыкли, и боятся услышать от других, что эти привычки плохи; они пристрастно относятся к другим путям, подходя к ним со своих личных позиций, и боятся услышать о преимуществах других путей. Поэтому их путь расходится с путем порядка, но они считают себя правыми и не желают остановиться. Разве это не значит заблуждаться, однобоко рассматривая [явления], и утратить правильные стремления?! Если не подчинить [этому стремлению] мышление, тогда глаза не отличат белое от черного, хотя оно и будет находиться прямо перед тобой; уши не услышат громких звуков барабана, хотя они и будут звучать рядом; что же тогда говорить о [человеке, который] заблуждается?! Человека, вставшего на правильный путь, наверху порицают правители, приведшие свою страну к смуте, внизу — ученые, внесшие путаницу в [то или иное] учение. Разве это не больно видеть?

Что может быть названо заблуждением? [Ограничиваться лишь] желаниями есть заблуждение, [ограничиваться лишь] ненавистью — заблуждение, [видеть лишь] начало вещей — заблуждение, [видеть лишь] их конец — заблуждение, [видеть лишь] далекое — заблуждение, [видеть лишь] близкое — заблуждение, [исходить лишь из] обширности — заблуждение, [видеть лишь] скудость — заблуждение, [углубляться лишь] в древность — заблуждение, жить [только] настоящим — заблуждение. Все вещи отличаются друг от друга, и поэтому [при взгляде на них по отдельности] непременно возникают заблуждения. Это общая болезнь в мышлении людей!

...Среди ученых — гостей *чжухоу*⁵⁹ заблуждениями страдали те, кто вносил путаницу в [ту или иную] школу. Мо-цзы пристрастно видел лишь использование [вещей] и не знал культурности⁶⁰; Сун-цзы пристрастно видел лишь желание [малого] и не знал [стремления] получать⁶¹; Шэнь [Дао] пристрастно видел лишь законы и не знал мудро-

сти; Шэнь [Бу-хай] пристрастно видел лишь силу и не знал мудрости; Хуэй-цзы⁶² пристрастно видел лишь слова и не знал фактов; Чжуан-цзы пристрастно видел лишь небо и не знал [человеческой] деятельности⁶³. Поэтому, если исходить из использования [вещей] и называть это [полным выражением] *дао*⁶⁴, тогда *дао* целиком превратится в стремление к выгоде! Если исходить из желания [малого] и называть это [полным выражением] *дао*, тогда *дао* целиком превратится в стремление удовлетворять [лишь свои желания]! Если исходить из законов и называть это [полным выражением] *дао*, тогда *дао* целиком превратится в свод [правил и законов]! Если исходить из силы и называть это [полным выражением] *дао*, тогда *дао* целиком превратится в свободу действий [тех, на чьей стороне сила]! Если исходить из слов и называть это [полным выражением] *дао*, тогда *дао* целиком превратится в споры! Если исходить из неба и называть это [полным выражением] *дао*, тогда *дао* целиком превратится в стремление [во всем] полагаться [лишь на небо]! Все эти учения на самом деле выражают [всего лишь] одну сторону *дао*. *Дао* — это то, что в своей сущности постоянно и [в то же время] полностью изменяется; любая одна сторона [*дао*] не может заменить всего [*дао*]. Те люди, кто однобоко познают [вещи], видят лишь одну сторону [*дао*] и не в состоянии познать [его целиком]. [Однако] сами они считают, что этого достаточно, и [тем самым] приукрашивают [свои знания]. В результате же они [не только] вносят смуту в свое [сердце], [но и] вводят в заблуждение других людей! Те, кто наверху, вводят в заблуждение тех, кто внизу, и те, кто внизу, вводят в заблуждение тех, кто наверху, — вот к какому несчастью приводят заблуждения, когда они преграждают путь [разуму].

Кун-цзы [отличался] человеколюбием, мудростью и к тому же не [страдал] от заблуждений; поэтому он изучил различные пути управления [страной], смог стать в один ряд с ванами-предками. [Только] одна [его] школа обрела [знание] всеобщего правильного пути и смогла применить его. Это [произошло потому], что он не был введен в заблуждение привычками своего времени. Поэтому в своей добродетельности Кун-цзы равен Чжоу-гуну, его слава равна славе трех ванов⁶⁵. Вот к какому счастью приводит [сердце], когда оно не страдает от заблуждений.

Совершенномудрый знает болезни мышления, видит

несчастья, к которым приводит [сердце], когда путь ему преграждают заблуждения; поэтому он не [страдает такими видами заблуждений, как пристрастие к] желаниям или ненависти, началу или концу, близкому или далекому, широте или скудости, уходу в древность или жизни только в настоящем; он расставляет все вещи [по порядку] и надлежащим образом оценивает их. Поэтому различия множества вещей не вводят его в заблуждения, благодаря чему не нарушаются их соотношения.

Что [позволяет] оценивать [вещи]? Отвечаю: *дао*⁶⁶. Поэтому сердце не может не знать *дао*. Если же сердце не знает *дао*, тогда оно может не считать приемлемым правильный путь, а, наоборот, может считать приемлемым неправильный путь. Если дать человеку свободу в осуществлении его желаний, то кто же тогда захочет настаивать на том, что он считает неприемлемым, и запрещать [делать то], что он считает приемлемым? Если при отборе людей считать неприемлемым правильный путь, это непременно будет соответствовать желаниям людей, идущих по неправильному пути, и не соответствовать желаниям людей, вставших на правильный путь. Когда правильный путь считают неприемлемым, но [в то же время] вместе с теми, кто идет по неправильному пути, критикуют людей, вставших на правильный путь, — это и есть источник беспорядка! Как же тогда узнать [правильный путь]?!

Поэтому говорю: когда [сердце] познает *дао*, только после этого можно правильно определить свой путь; правильно определив свой путь, можно настаивать [именно на этом] пути и выступать против [другого], неправильного пути. Если при отборе людей считать приемлемым правильный путь, это будет соответствовать желаниям людей, вставших на правильный путь, и не будет соответствовать желаниям людей, сошедших с этого пути. Когда в мыслях правильный путь считают приемлемым и вместе с людьми, вставшими на правильный путь, критикуют людей, сошедших с этого пути, — это и есть основа порядка! К чему тогда опасаться, что не узнаешь *дао*?! Поэтому основа порядка [в государстве] — в познании *дао*. Каким образом люди познают *дао*? Отвечаю: с помощью сердца. Каким путем сердце познает [*дао*]? Отвечаю: с помощью «пустоты», «сосредоточенности» и «покоя». Сердце постоянно накапливает [знания], и все же

оно обладает тем, что называют пустотой. Сердце постоянно раздваивается, и все же оно обладает тем, что называют сосредоточенностью. Сердце постоянно находится в действии, и все же оно обладает тем, что называют покоем. Человек от рождения наделен способностью познавать; быть способным познавать [вещи] — значит запоминать их; а запоминать — значит откладывать [в сердце]. И между тем [сердце] обладает тем, что называют пустотой. Когда [знания], уже накопленные сердцем, не мешают дальнейшему восприятию [вещей], — это и называется пустотой. Сердце [человека] от рождения наделено способностью познавать. Быть способным познавать [вещи] — значит [уметь] различать их. Различать [вещи] — значит одновременно познавать несколько [вещей]. Одновременно познавать вещи — значит раздваиваться. И между тем [сердце] обладает тем, что называют целеустремленностью. Когда [познание] одной [вещи] не мешает [познанию] другой — это и называется сосредоточенностью. Когда [человек] спит, сердце [приносит ему] сны; когда [человек] бодрствует, [сердце] начинает свободно действовать; если заставить служить себе сердце, оно будет размышлять. Поэтому сердце постоянно находится в действии, и между тем оно обладает тем, что называют покоем. Когда сновидения и мелкие заботы не мешают [сердцу] познавать — это называется покоем. Тому, кто пока еще не встал на правильный путь, но стремится к этому, пужко разъяснить смысл [понятий] «пустота», «сосредоточенность» и «покой». Чтобы осуществить это, нужно: добиться такой «пустоты», какой обладает тот, кто стремится к правильному пути, — тогда можно постигнуть смысл [правильного пути]; добиться «сосредоточенности», которой обладает тот, кто идет по правильному пути, — тогда можно всесторонне познать [вещи]; добиться «покоя», которым обладает тот, кто размышляет над правильным путем, — тогда можно обрести способность глубоко проникать [в сущность вещей]. Познать *дао* — это значит, размышляя, глубоко вникнуть [в его сущность] и, действуя, претворять в жизнь. «Пустота», «сосредоточенность» и «покой» приводят [человека] к великой ясности и мудрости⁶⁷.

Среди вещей нет таких, которые имели бы тело и были бы невидимы, были бы видимы и о них ничего нельзя было бы сказать; [среди вещей нет таких], о которых

можно говорить, и они утратили бы [присущее им] место. Сидя в комнате, видеть [просторы] четырех морей; находясь в настоящем, говорить о далеком прошлом и будущем; наблюдая вещи, знать их состояние; рассматривая и исследуя [эпохи] порядка и смуты, понимать периоды [истории]; привести в порядок небо и землю и тем самым управлять вещами; подчинить себе великую сущность [природы] — и тогда Вселенная придет в систему! Когда [человек] беспредельно широк, кто тогда может знать его пределы?! Когда он необычайно великодушен, кто тогда может знать [всю силу] его добродетельности?! Когда он подвижен и постоянно меняется, кто тогда может знать его состояние?! Его блеск озаряет [землю] наравне с блеском солнца и луны, его величие проникает во все стороны [Поднебесной], такой человек называется великим человеком. Могут ли у него быть заблуждения?!

Сердце — господин тела и повелитель мудрости. Оно отдает приказы [телу], а не принимает их: оно само запрягает, заставляет двигаться, захватывать, брать, действовать и останавливаться. Поэтому рот можно заставить замолчать или говорить; тело можно заставить согнуться или выпрямиться; сердце же нельзя запугать и заставить изменить свое намерение. Сердце принимает то, что оно считает правильным, и отвергает то, что оно считает неправильным. Поэтому говорю: состояние сердца таково: когда сердце выбирает, его ничто не сдерживает и оно непременно проявляет себя; [хотя] то, что оно вбирает в себя, сложно и обширно, однако высшая сосредоточенность не позволяет ему отвлекаться. В «Ши цзин» сказано:

Хожу, собираю грибы я,
Грибы, что зовут *цзюаньэр*.
Хоть мелкую взял я корзину,
А все не наполню никак.
Увы! Полон дум беспокойных
О мудром одном человеке:
Хочу, чтобы место он занял
Среди управителей царских ⁶⁸.

Мелкую корзину легко наполнить [грибами], а грибы *цзюаньэр* легко собирать — дело не в этом: нельзя, [собирая грибы], отвлекаться [и думать об] устройстве [кого-то] при дворе. Поэтому говорю: если сердце [походит на] ветви дерева, оно не в состоянии познать [вещи]; если [сердце] пристрастно, оно не может сосредоточиться; ко-

гда [сердце] отвлекается, возникают сомнения и путаница. Если исследовать [вещи], сосредоточив все внимание на *дао*, тогда все вещи смогут быть познаны.

Когда человек полностью выполняет свои дела, он прекрасен. Познавая однородные [вещи], нельзя раздваиваться. Поэтому мудрый человек избирает один путь и целеустремленно [следует ему]. Крестьянин все свои силы сосредоточивает на работе в поле, однако он не может быть управителем полей; торговец все свои силы сосредоточивает на торговле, однако он не может быть управителем рынка; ремесленник все свои силы сосредоточивает на производстве инструмента, однако он не может быть управителем этого производства. А есть другие люди: они не обладают навыками трех [последних], но им можно позволить управлять и крестьянами, и торговцами, и ремесленниками. Это происходит потому, что они сосредоточили все свое внимание на *дао*, а не на вещах. Тот, кто все свое внимание сосредоточивает на вещах, способен управлять лишь одной категорией вещей, [в то время как] человек, сосредоточивший все свое внимание на *дао*, способен одновременно управлять всеми категориями вещей⁶⁹. Поэтому совершенный человек всецело сосредоточивается на *дао* и таким путем исследует вещи. [Кто] всецело сосредоточивается на *дао*, тот правильно мыслит; кто исследует вещи, [исходя из *дао*, тот] прозорлив в делах; когда мыслят правильно и поступают согласно этим мыслям, все вещи служат [человеку] каждая на своем месте. В прошлые времена Юй, управляя Поднебесной, не оповещал о делах в указах, однако все они завершались успехом. Юй был целеустремлен и проявлял большую осторожность, поэтому со всех сторон его окружала слава! Он обладал скрытым стремлением постоянно совершенствовать свою целеустремленность и достиг здесь славы, хотя [сам и] не осознавал этого. Поэтому в «Каноне о *дао*»⁷⁰ сказано: «Осторожность, которую человек [проявляет в] мыслях, и есть та скрытность, которая соответствует правильному мышлению». Однако осторожность и скрытность может обнаружить и познать лишь совершенномудрый человек!

Поэтому сердце человека можно сравнить с водой в миске: когда она находится в ней в горизонтальном положении без движения, грязь оседает, а чистая вода оказывается наверху; таким образом, в этой воде можно уви-

деть усы и брови, в ней можно увидеть [даже] узоры на коже! Но когда на воду в миске подует сильный ветер, грязь на дне приходит в движение и чистая вода наверху делается мутной. В такой воде не различишь точные очертания [предметов]. Таково и сердце человека. Если направлять его с помощью принципов, воспитывать при помощи спокойствия, тогда вещи не смогут увести его в сторону [от правильного пути]. В этом случае сердце [человека] может определить, что правильно и что неправильно, и распознать сомнительные [вещи]. Если же сердце уведет за собой ничтожные вещи, тогда под их воздействием предметы изменяют для него свой правильный вид, а вслед за этим внутри искажаются и мысли. В этом случае [сердце] не в состоянии определить даже простую истину...

Если, наблюдая вещи, [человек] страдает ограниченностью, то его сердце не может определять их [правильно]; в этом случае [познание] внешних вещей не может быть ясным. Когда мои мысли не ясны, я не могу определить, правильно [это] или нет. Когда человек в темноте идет по дороге и видит лежащий поперек дороги камень, он принимает его за лежащего тигра, а деревья или лес ему кажутся стоящими у него за спиной людьми. Это значит, что темнота одурманила его [способность] различать [вещи]. Пьяный человек может захотеть перепрыгнуть ров [шириною] в 100 шагов, поскольку он кажется ему маленькой канавкой [шириною] в полшага; он проходит через городские ворота, наклонив голову, поскольку они кажутся ему маленькими дверцами. Это происходит потому, что вино привело в беспорядок его дух. Если придавить пальцами глаза и так смотреть [на вещи], то один предмет покажется двумя. Если прикрыть рукой уши и так слушать, то тишина покажется человеку шумом. Все это происходит потому, что человек своими действиями нарушил [работу] органов чувств. Поэтому, если с горы смотреть вниз на корову, она покажется бараном, однако человек, ищущий барана, не пойдет к подножию, чтобы увести эту корову. Это происходит потому, что он понимает, что расстояние искажает величину [вещей]. Если с подножия горы смотреть вверх на деревья, [растущие на горе], то деревья высотой в 10 *жэней* покажутся величиною с палочку для еды, однако человек, ищущий палочку для еды, не поднимется на гору, чтобы сломать

эти деревья. Это происходит потому, [что он понимает], что высота может исказить величину деревьев! Если вода придет в движение, то [вслед за этим] заколеблются и отражения в воде, однако человек отнюдь не будет судить по ним о красоте самих [вещей]. Это происходит потому, [что он понимает], что вода может ввести его в заблуждение. Подняв голову, слепой все равно не увидит звезд [на небе], однако люди отнюдь не будут решать вопрос о том, есть или нет [звезды на небе], исходя из его «наблюдений». Это происходит потому, что человек [знает, что] слепой своими глазами может ввести лишь в заблуждение. Если предположить, что найдется человек, который возьмется определять вещи при [перечисленных выше] обстоятельствах, — это будет тупица из тупиц! При определении вещей тупицы решают вопрос о сомнительных вещах, будучи сами ограниченными, в таком случае решение будет обязательно неправильным. А если они решают неправильно, то разве здесь можно обойтись без ошибки?!

Способность познавать [вещи] — врожденное свойство человека; возможность быть познанными — закономерность вещей. Если с помощью свойства человека познавать [вещи] стремиться постигнуть закономерности всех вещей, которые могут быть познаны, и при этом никак не ограничивать это стремление, то за всю жизнь до самой смерти так и не сможешь узнать всего! Если даже какой-либо человек постигнет закономерности бесчисленного множества [вещей], то и тогда в конечном счете он не сможет узнать закономерности всех [вещей] и их изменений и в результате окажется похожим на глупца. И пусть даже он будет изучать [вещи] до глубокой старости и за это время вырастут его дети, он все равно будет походить на глупца, если не поймет [необходимости] отбросить [такой бесполезный метод изучения]. Такие люди [могут быть] названы безрассудными людьми! Поэтому метод учения по сути дела состоит в [умении] определить его рамки. Как определить рамки учения? Отвечаю: этими рамками является [изучение того], что составляет высшую степень удовлетворения. Что называется «высшей степенью удовлетворения»? Отвечаю: совершенная мудрость [человека] и совершенство вана. Совершенная мудрость человека — это [умение] полностью постичь принципы [поведения людей]; совершенство вана — это [уме-

ние] создать совершенный строй. Если обе эти стороны совершенны, тогда они могут служить высшим образцом для Поднебесной! Поэтому в учении за образец нужно брать совершенномудрых ванов, а отсюда в законах следовать системе правления совершенномудрых ванов, перенять их законы и тем самым получить общий свод законов. Поступая таким образом, непременно станешь похожим на совершенномудрого вана...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ. «ИСПРАВЛЕНИЕ ИМЕН»

Последующие поколения ванов⁷¹ определяли имена следующим образом: названия законов об уголовных наказаниях взяты ими из эпохи Шан, названия титулов — из эпохи Чжоу, имя «культурность» — из ритуала [эпохи Чжоу]. Разнообразные имена, применяемые к вещам, представляют собой общеупотребительные, повсеместно понятные и ставшие привычными для всех живущих в Чжуся⁷² имена. Именно благодаря этому в отдаленных уголках и районах с неодинаковыми обычаями люди могут общаться между собой, используя эти имена как средство передачи мыслей.

Разнообразные имена, применяемые к людям, — это следующие: то, что носит врожденный, естественный характер, называется природными свойствами; то, что представляет собой [результат] соответствия природных свойств человека и вещей — когда духовное [в человеке] соприкасается с вещами, реагирует [на их раздражения], и это происходит без постороннего вмешательства, естественно, — называется психическими свойствами. Любовь и ненависть, умиротворенность и гнев, скорбь и радость как [проявления] психических свойств называются чувствами. Когда сердце помогает этим естественным чувствам отличать [истину от лжи], это называется размышлением. Когда человек размышляет, а его способности претворяют эти мысли в дела, это называется человеческой деятельностью. Когда человек накапливает мысли, привыкает применять свои способности, в результате чего добивается успеха, это называется [плодотворной] деятельностью. Когда человек в своих действиях, стремясь к выгоде, идет правильным путем, это называется [правиль-

ным] ведением дел. Когда в своих действиях человек утверждает правильный путь, то есть честен и справедлив, это называется добродетельностью. То, при помощи чего человек способен познавать [вещи], называется [способностью к] познанию. Когда [способность к] познанию отвечает состоянию вещей, это называется знанием. То, насколько человек способен познавать вещи, называется способностями. Когда способности отвечают состоянию [вещей], это называется талантом. Когда природным свойствам человека наносится рана, это называется болезнью. То, с чем сталкивается человек, называется его судьбой. Таковы разнообразные имена, применимые к людям; таковы имена, определенные последующими поколениями ванов.

Поэтому ваны следующим образом создавали имена: определялись имена — и различались реальные [вещи]; распространялись закономерности [определения имен] — и желания людей становились понятными всем; благодаря этому ваны смогли правильно руководить народом и сделать едиными имена⁷³. Когда люди странным образом различают имена и самовольно создают новые имена, с тем чтобы внести беспорядок в исправление имен, это вызывает в народе сомнения, путаницу и приводит к многочисленным спорам и тяжбам. Подобные действия называются великим коварством, и это преступление равносильно подделке мандатов и мер. Поэтому среди народов, которыми правили [мудрые] ваны, никто не осмеливался создавать имена и вносить путаницу в исправление имен⁷⁴. Благодаря этому народ стал искренним, прямым, его стало легко использовать в делах, и это [обеспечило ванам] успех. Поскольку никто не осмеливался создавать странные имена и вносить путаницу в исправление имен, народ во всем следовал законам и строго соблюдал приказы. Таким образом, деятельность этих ванов надолго оставила после себя след! Надолго оставить после себя след и добиться успеха — вот высшая точка мира и спокойствия! Таковы плоды строгого следования установленным именам.

Сейчас, когда не стало совершенномудрых ванов, люди неохотно придерживаются установившихся имен, появились странные слова, что привело к беспорядку в именах и вещах и сделало неясным определение правды и лжи. Таким образом, пусть даже будет соблюдающий

законы чиновник или заучивший каноны конфуцианец, все равно останется беспорядок. Если появится новый [совершенный] ван, он должен будет при определении имен следовать старым именам и в то же время создавать новые имена. В таком случае необходимость имен нельзя рассматривать отдельно от тех причин, которые привели к сходству и различию имен, и от главного в определении имен.

[Если отсутствуют определенные имена], то когда различные образы от одного человека передаются другому, они превращаются в нечто путаное и смутное; смешиваются имена различных по содержанию вещей. [Без соответствующих имен] невозможно различать знатных и низких, сходное и несходное. В этом случае при передаче своих желаний другим людям человек непременно будет испытывать страдания от невозможности ясно передать свои мысли, при совершении дел непременно возникнут несчастья: будут трудности и неудачи. Поэтому мудрый человек дает различным вещам различные имена, с тем чтобы различать реальные [вещи]; наверху — имена, помогающие различать знатных и низких, внизу — имена, помогающие различать сходное и несходное. Когда различают знатных и низких, сходное и несходное, люди не страдают от невозможности передать свои мысли, а при совершении дел не возникают несчастья: нет ни трудностей, ни неудач. Вот почему имена необходимы!

В таком случае каким путем достигается различие и сходство имен? Отвечаю: с помощью небесных органов чувств. Небесные органы чувств всех одинаковых, равноценных людей обладают одинаковой способностью оценивать вещи. Поэтому, сопоставив вещи и найдя среди них сходные, люди дают им общее [имя]. Вот почему люди дают вещам общие имена и благодаря этому понимают друг друга!

С помощью глаз [люди] различают внешний вид и цвета вещей, с помощью ушей они различают хороший и дурной голос, различают гармонию; с помощью рта люди различают сладкое и горькое, соленое и пресное, кислое и терпкое; с помощью носа люди различают аромат и зловоние, благоуханные запахи трав и запах гнильи, запах сырого мяса и скота; с помощью тела человек различает боль и зуд, холод и жару, гладкую и шероховатую поверхность, легкое и тяжелое. С помощью сердца люди

различают радость и гнев, скорбь и веселье, любовь и ненависть. Сердце обладает [способностью], соприкасаясь [с вещами], воспринимать [их]; обладая этой способностью, сердце через уши может познавать звуки, через глаза познавать внешний вид вещей. Отсюда видно, что способность [сердца], соприкасаясь [с вещами], воспринимать [их] может проявить себя только после того, как небесные органы чувств соприкоснутся [каждый] с тем родом вещей, на который он [реагирует]. Когда органы чувств соприкасаются с вещами, но не [в состоянии] познать их, когда сердце воспринимает вещи, но не в состоянии выразить [это] в словах, в таком случае люди всегда говорят: «непознаваемое». Таким путем достигается сходство и различие имен.

Вслед за этим⁷⁵ вещам даются имена: одинаковым вещам даются одинаковые имена, различным вещам — различные. Когда для выражения [смысла] достаточно единичного имени, употребляется единичное имя; если же для выражения [смысла] единичного имени недостаточно, употребляется сложное имя. В тех случаях, когда единичное и сложное имя не исключают друг друга, употребляется общее имя. Хотя это имя и общее, это не идет во вред [смыслу]. Когда люди знают, что неодинаковые по реальному [содержанию] вещи должны иметь и неодинаковые имена, тогда неодинаковые реальные [вещи] всегда будут различаться по именам и не возникнет путаницы! И это равносильно тому, как если бы все одинаковые реальные [вещи] всегда имели одинаковые имена! Поэтому хотя вещей и огромное множество, однако иногда люди стремятся назвать все вещи сразу, и тогда они дают им название «вещь». «Вещь» — это большое общее имя. Распространяясь, оно обобщает вещи, обобщает их группу за группой, затем снова обобщает — и так вплоть до того момента, когда делать это дальше становится уже невозможно. Иногда же люди, наоборот, стремятся выделить часть вещей, тогда они говорят, например, «животные». «Животные» — это большое различительное имя. Выделяя, оно различает вещи, различает их группу за группой, затем снова различает — и так вплоть до того момента, когда делать это дальше становится уже невозможно.

Имя само по себе не обладает определенной пригодностью, оно дается [людьми] по договоренности между собой. Когда [люди] договариваются между собой и употребе-

ние [данного имени] станет привычным, только тогда [это имя] может быть признано подходящим. [Те же имена, которые] отличаются от общепринятых [имен], считаются неподходящими. Имя само по себе не обладает заранее данным реальным [содержанием], [содержание] дается именам людьми по договоренности. Когда люди договорятся между собой, когда [данное содержание имени] станет привычным, только тогда это имя называют реальным именем. Среди имен есть такие, которые сами по себе являются прекрасными: они легки для понимания и не вызывают сомнений. Такие имена называются прекрасными именами. Среди вещей одни одинаковы по внешнему виду, но находятся в различных местах, другие неодинаковы по внешнему виду, но находятся в одинаковых местах, это можно различить! Хотя две вещи, одинаковые по своему виду, но находящиеся в различных местах, и могут называться одним именем, однако в действительности о них следует говорить как о двух реальных [вещах]. Когда изменяется внешний вид вещи, но по своему реальному [содержанию] эта вещь остается прежней, не рождая новой, отличной от нее вещи, это называется изменением. Когда изменяется [внешний вид вещи], но ее [содержание] остается прежним, следует говорить об одной и той же реальной [вещи]. Вот почему необходимо учитывать реальность при определении количества вещей. Это главное в определении имен, это то, чего не могли не учитывать последующие поколения вафов при выработке имен.

«Быть оскорбленным не значит быть опозоренным»⁷⁶, «мудрец не любит себя»⁷⁷, «убить разбойника не значит убить человека»⁷⁸ — все эти выражения представляют собой произвольное употребление слов, направленное на то, чтобы внести путаницу в имена. Проанализируйте причины появления [этих] имен, а затем взгляните, какие из них могут быть употребимы, — и [с внесением путаницы в имена] будет покончено. «Высокая гора и глубокая бездна находятся на одном уровне»⁷⁹, «человек в своих желаниях стремится к малому»⁸⁰, «мясо домашних животных невкусно», «звук большого колокола не доставляет удовольствия»⁸¹ — все это выражения, в которых произвольно используются реальные [вещи], чтобы внести путаницу в имена! Проанализируйте, каким путем достигается различие и сходство, а затем посмотрите, какие

[реальные вещи] и какие [имена] соответствуют друг другу, — и тогда [с подобными выражениями] будет покончено. «[Вещи] исключают друг друга и в то же время вмещают одна другую»⁸², «корова плюс лошадь не значит лошадь»⁸³ — все это выражения, в которых произвольно употребляются имена, чтобы запутать [понимание] реальных [вещей]! Проанализируйте точное определение имен, поставьте взамен тех имен, которые должны быть отброшены, имена, которые могут быть приемлемы, — и [с подобными выражениями] будет покончено. Все странные, необычные слова и выражения, в которых отходят от правильного пути и которые создаются произвольно, — всех их охватывают [эти] три категории путаных фраз! Поэтому просвещенный правитель знает границы имен и не станет даже спорить [по поводу этих выражений].

Народ легко заставить быть единым в своих стремлениях, если использовать для этого правильный путь, но нельзя совместно с ним выяснять необходимость [этого]. Поэтому мудрый правитель воздействует на народ с помощью власти, ведет его за собой, указывая ему правильный путь, извещает его [о своих решениях] с помощью приказов; давая пужную оценку, поощряет достойных и с помощью уголовных наказаний пресекает [недостойные действия]. Таким образом, народ, которым правит просвещенный правитель, изменяется и идет по правильному пути так, как будто он наделен чудесной силой! Разве есть здесь о чем спорить?

Однако сейчас уже нет совершенномудрых ванов, в Поднебесной царит беспорядок, появились вредные высказывания, а правители не имеют власти, чтобы справиться с этим, не имеют законов об уголовных наказаниях, чтобы пресечь эти вредные слова. Поэтому и становится необходимым спор! Когда люди не знают вещи, они прежде всего дают ей имя; если и после этого вещь непонятна, подбирают слова, описывающие ее; когда и после этого отдельные места остались непонятными, появляется необходимость подробного пояснения; если и после такого подробного пояснения все еще остаются неясные места, тогда появляется необходимость спорить и доказывать. Поэтому подбор слов, определение имен, споры и подробные пояснения есть лучший способ употребления слов и основное начало деятельности вана. Услышать имя [вещи] и тут же понять, о какой вещи идет речь, — вот в чем

состоит правильное употребление имен! Когда накапливаются имена и образуются фразы,— в этом и состоит сочетание имен! Когда использование имен и их сочетание осуществляются правильно, это называется «постичь имена»! Имена даются людьми для того, чтобы различать реальные [вещи]! Фраза соединяет имена различных реальных [вещей], чтобы выразить одну мысль. Спор представляет собой доказательство истины, касающееся одного и того же имени реальной [вещи]. Подбор слов [для понимания вещи] и определение имен происходят во время споров. Спор есть отражение *дао* в сердце. Сердце — повелитель *дао*, *дао* — это основные принципы правильного управления [государством].

Когда сердце соответствует *дао*, речь соответствует сердцу, а фразы — [смыслу] речи, когда имена установлены правильно и соответствуют вещам, — тогда легко понять и сущность [вещей]! Когда различают отличные [друг от друга вещи], не совершают ошибок; когда выделяют однородные [вещи], то не нарушают законов! Когда [умеют] слушать [других], это есть соблюдение приличий. Спорить — значит [стремиться] до конца выяснить причину. Если правильным путем выявлять коварство, так же как с помощью веревки определять кривизну или прямизну [вещей], то коварные выражения не смогут создать путаницу и не найдут себе места ни в одной из школ ученых. Обладать способностью одновременно слушать [многих] и при этом не кичиться и не зазнаваться; обладать ученостью, позволяющей одновременно знать [все школы и учения], и не иметь манеры самому приукрашивать [свою добродетельность]; когда учение осуществляется, в Поднебесной царит порядок; если же учение не проводится в жизнь, [надо уметь] объяснить его принципы и удалиться в укромное место — так выглядит спор совершенномудрых! В «Ши цзин» об этом сказано так:

Кто добродетелен и сдержан,
Чьи помыслы к высокому стремятся —
Тот может быть подобен яшме
Иль скипетру из белого нефрита.
О повелитель с легким сердцем,
Что радость людям источает!
Тебя во всех концах Вселенной
Главой считать готовы люди!⁸⁴

...Врожденные свойства [человека] даны ему небом; чувства— это то, что присуще врожденным свойствам;

желания — следственные чувств. Считать, что все желаемое доступно, и стремиться добиться этого — это то, что трудно избежать человеку в своих чувствах. Считать свои желания правильными и стремиться удовлетворить их — таков непререкаемый путь размышлений [даже] мудрого человека! Поэтому, пусть будет даже ничтожный карательный, ему не избавиться от желаний, поскольку желания — это то, что присуще природе человека! Пусть будет даже сын неба, его желания все равно не могут быть удовлетворены полностью! Хотя желания и не могут быть полностью удовлетворены, однако к этому можно приблизиться! Хотя желания и не могут исчезнуть, однако стремления к их удовлетворению можно ограничить. Хотя желания и не могут быть полностью удовлетворены, однако люди, стремящиеся удовлетворить свои желания, все-таки могут приблизиться к этому. Хотя желания и не могут исчезнуть, однако, когда они не получают своего полного удовлетворения, стремящийся удовлетворить их человек, естественно, думает над тем, как бы умерить свои желания. Правильный путь состоит в том, чтобы стремиться получить сполна, когда дают, и уметь умерить свои желания, когда приходится отказываться от чего-либо. Во всей Поднебесной ничто не может сравниться [с таким умением получать и отказываться].

Обычные люди всегда делают то, что сами они считают правильным, и отказываются делать то, что они считают неправильным. В признании правильного пути ничто не может сравниться с подобной силой убежденности! Людей, которые бы не захотели идти по пути, признанному ими правильным, не бывает. Например, если человеку нравится идти на юг, то, как бы длинен ни был туда путь, он все равно будет идти на юг; если человек не хочет идти на север, то, как бы короток ни был туда путь, он не пойдет на север. Тем более не стоит и думать о том, что он вместо юга пойдет на север только из-за того, что путь на юг не может быть пройден им до конца. Как бы велико ни было то, чего желают люди, они все равно будут желать его; как бы мало ни было то, что они ненавидят, они все равно будут ненавидеть его. Тем более не стоит и думать о том, что люди станут ненавидеть то, что они желают, из-за того, что это желание не может быть удовлетворено полностью! Поэтому, если желания разумны, им нужно следовать, и тогда невозможен беспорядок.

док, даже если этих желаний и будет много. Если желания неразумны, их нужно оставить: разве в этом случае возможно добиться мира и спокойствия, даже если этих желаний будет и немного?! Поэтому мудрый человек говорит лишь о разумности желаний — и только! А все другие теории бездарных ученых, которые они сами считали драгоценными, — все они обречены на гибель.

Когда люди добиваются вещей, то не всегда то, что они получают, полностью соответствует их желаниям; когда люди избавляются от вещей, то не всегда то, что они отбрасывают, полностью ненавистно им. Поэтому в любых своих действиях человек не может обойтись без точного взвешивания. Если безмен не верен, тогда более тяжелая вещь окажется наверху и люди ошибочно примут ее за более легкую; и, наоборот, более легкую вещь, оказавшуюся внизу, они ошибочно сочтут более тяжелой. В этом причина того, что люди часто путают «легкое» и «тяжелое». Если неправильно взвешивать события, то несчастье, заключенное в [данном] желании, ошибочно будет приниматься за счастье; и, наоборот, счастье, заключенное в [данном] отвращении [к чему-либо], ошибочно будет приниматься за несчастье. В этом причина того, что люди часто путают «несчастье» и «счастье». То, что называют *дао*, есть правильное взвешивание событий древности и современности. Когда люди оставляют *дао* и сами, по своему усмотрению решают, что правда и что ложь, они оказываются не в состоянии распознать несчастье и счастье!..

Я глубоко изучил [следующие] скрытые, трудно распознаваемые принципы. [Людей, которые] в глубине своих мыслей пренебрегали бы основами [*дао*] и не придавали бы значения вещам, не бывает! [Людей, которые] придавали бы значение вещам и при этом не испытывали бы внутреннего беспокойства, не бывает! [Людей, которые] оставили бы в своих поступках основы [*дао*] и которым не грозила бы после этого опасность, не бывает! [Людей, которым] грозила бы опасность и которые не испытывали бы от этого внутреннего страха, не бывает! Если сердце в смятении и беспокойстве, то, пусть даже во рту будет мясо домашнего животного, человек не почувствует его прекрасного вкуса; пусть даже его уши услышат звуки колокола, они не в состоянии будут познать всю прелесть его звука; пусть даже глаза увидят платье с вышитыми узорами, они не познают его красоты; пусть даже на че-

ловеке будет надета легкая и теплая одежда, а перед ним постлана мягкая циновка, тело человека все равно не почувствует их удобства. Поэтому, хотя [такой человек] и будет пользоваться красотой вещей, он не сможет полностью насладиться ею. Если, предположим, он вдруг [на какое-то время] и почувствует наслаждение от этой [красоты], его сердце по-прежнему будет находиться [в смятении]. Таким образом, хотя [человек] и будет пользоваться красотой вещей, однако [сердце] его будет полно смятения; хотя будут [ясно видны] все выгоды, получаемые от вещей, однако [мысли человека] будут целиком занимать одни несчастья. Когда так добиваются вещей, то [спрашивается]: что это — поддержание своей жизни [с помощью вещей] или принесение ее в жертву [вещам]? Совершенно очевидно, что когда [человек], стремясь удовлетворить свои желания, приводит в смятение свои чувства; стремясь поддерживать свое существование, наносит вред своему телу; стремясь поддерживать в себе радость, причиняет боль своему сердцу; стремясь поддерживать свою славу, вносит беспорядок в свои действия, то в этом случае, будь даже он пожалован наделом, как *хоу*, или званием *цзюнь*⁸⁵, он ничем не отличается от разбойника; пусть даже он ездит в парадной коляске сановника и носит шапку чиновника, он ничем не отличается от [бедняка, которому] не хватает [средств на жизнь]. Такой человек может быть назван рабом вещей!

Когда сердце человека спокойно и находится в радостном состоянии, то, пусть даже цвета не достигли своего обычного вида, они все равно смогут ласкать глаз [человека]; пусть даже звуки не достигли своего обычного состояния, они все равно смогут ласкать слух [человека]; грубая пища и овощная похлебка все равно смогут оставить во рту [человека] ощущение прекрасного вкуса; одежда, сделанная из грубой материи, и обувь, сплетенная из грубой веревки, все равно смогут ласкать тело [человека]; тесная комната с тростниковыми занавесками и соломенной подстилкой все равно будет приятна для тела [человека]. Поэтому, пусть даже не будет прекрасных образцов вещей, [человек] все равно сможет быть радостным; пусть даже [у человека] и не будет определенного знатного титула, [он] все равно сможет добиться славы. Если такому [человеку] дать высокий пост в Поднебесной, он непременно принесет ей много [пользы], не ища

при этом больших удовольствий для себя лично. Такого [человека] можно назвать [человеком], ценящим себя и подчинившим себе вещи.

К словам, которые нельзя проверить; к действиям, которых не было раньше; к замыслам, о которых ранее ничего не было слышно, — ко [всему] этому совершенный человек относится осторожно.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ. «О ЗЛОЙ ПРИРОДЕ ЧЕЛОВЕКА»

Человек по своей природе зол, его добродетельность порождается [практической] деятельностью! Ныне человек рождается с инстинктивным желанием наживы; когда он следует этому желанию, то в результате появляется стремление оспаривать и грабить, исчезает желание уступать. Человек рождается завистливым и злобным; когда он следует этим качествам, то в результате рождаются жестокость и вероломство, исчезают верность и искренность. Человек рождается с ушами и глазами, его влекут звуки и красота; когда он следует этим желаниям, рождается распушенность, исчезают нравственность и культурность. Таким образом, из природы человека и его стремления удовлетворить свои чувства рождается желание оспаривать и грабить, совершать то, что идет вразрез с его долгом, нарушаются все принципы, что ведет к беспорядку. Поэтому необходимо воздействие на человека с помощью воспитания и закона, нужно заставить его соблюдать нормы ритуала и выполнять свой долг, только тогда у человека появится уступчивость и он станет культурным, что приведет к порядку. Если с этой точки зрения рассматривать природу человека, тогда становится очевидным, что человек по своей природе зол и что его добродетельность порождается [практической] деятельностью!

Поэтому, так же как кривой кусок дерева нуждается в зажиме для выпрямления, причем его нужно подогреть и выправить, и только после этого он сможет стать прямым; так же как тупой кусок металла нуждается в ковке и точке и только после этого сможет стать острым, так и человек, который по своей природе зол, нуждается в воспитании и законах и только после этого сможет встать на правильный путь; на него необходимо воздействие норм ритуала и чувства долга, только тогда он сможет соблю-

дать законы. Сейчас, если человека не воспитывать и не воздействовать на него с помощью законов, он становится несправедливым, коварным и идет по неправильному пути. Если на человека не воздействовать с помощью норм ритуала и чувства долга, он нарушает [законы], поднимает смуту и не поддается умиротворению. В древние времена совершенномудрые правители, понимая, что человек по своей природе зол, видели в этом причину несправедливости и коварства человека, в результате чего он становится на неправильный путь, а также причину того, что человек нарушает [законы], поднимает смуту и в результате не поддается умиротворению. Поэтому они ввели ритуал и [понятие] чувства долга и создали систему законов, с тем чтобы дисциплинировать и воспитать чувства и характер человека, направив их по правильному пути, соответствующему *дао*. Тот из современных людей, кто изменяется под воздействием воспитания и законов, кто накапливает знания, соблюдает нормы ритуала и выполняет свой долг, является совершенным человеком. Тот же, кто невоздержан в своих чувствах, потворствует им, нарушает нормы ритуала и не выполняет своего долга, является ничтожным человеком. Если с этой точки зрения рассматривать природу человека, тогда становится очевидным, что человек по своей природе зол и что его добродетельность порождается [практической] деятельностью.

Мэн-цзы говорил: «Способность человека к учебе объясняется тем, что он по своей природе добр»⁸⁶. Я говорю, что это не так. [Мэн-цзы] был не настолько [мудр], чтобы познать природу человека; кроме того, он никогда не исследовал разницы между тем, что дано человеку от природы, и тем, что составляет его [практическую] деятельность. Все, что дано человеку от природы, — это плоды [деятельности] неба, которых нельзя добиться через учебу и невозможно получить самому. Нормы ритуала и долга созданы совершенномудрыми; человек может [научиться соблюдать их] через учение и обрести это в практической деятельности. То, что не может [быть получено] через учебу или практическую деятельность, но заключено в человеке, называется его природой. То в человеке, что может быть получено через учебу и практическую деятельность, называется приобретенными чертами. Таково различие между тем, что в человеке от природы, и тем, что в нем является приобретенным! От природы человек имеет

глаза, с помощью которых он может видеть, уши, с помощью которых он может слышать; таким образом, способность видеть неотделима от глаз человека, способность слышать — от его ушей. Ясно, что способность видеть и способность слышать нельзя получить через учебу. У Мэн-цзы сказано: «Человек по своей природе добр; то, что в нем есть злого, — это результат потери человеком своих врожденных качеств». Я утверждаю, что это неправильно. Если говорить о природе человека, то уже с рождения он теряет свою простоту и лишается [природных] качеств — только в этом смысле можно говорить об утере человеком своей [сущности]. Если с этой точки зрения рассматривать природу человека, тогда становится очевидным, что человек по своей природе зол.

[Учение], толкующее о «природной добродетельности человека», [предполагает], что [человек], не теряя своей простоты и своих [природных] качеств, способен сам стать прекрасным. [Оно предполагает, что] природные данные человека в их простоте сами становятся прекрасными, что его сердце в своих стремлениях само достигает добродетельности, подобно тому как способность видеть неотделима от глаз, а способность слышать неотделима от ушей, почему и говорят: «Глаза видят, уши слышат!» [Но это не так]⁸⁷: следуя своей природе, человек стремится поесть досыта, когда он голоден; быть в тепле, когда ему холодно; отдохнуть, когда он устал от тяжелой работы. Таковы [естественные] чувства человека! Когда человек голоден, но, видя рядом старшего, не осмеливается есть первым, — это значит [лишь], что он уступает [это право старшему]. Когда человек устал от работы, но не осмеливается просить об отдыхе, — это значит [лишь], что он стремится работать за старших. То, что сын уступает отцу, младший брат — старшему, и то, что сын работает за отца, а младший брат — за старшего, — эти два [вида] поведения человека противоречат его природе, идут вразрез с его чувствами. Между тем именно таков путь почтения сыном родителей, именно в этом состоит культурность, рождающаяся из соблюдения норм ритуала и выполнения своего долга. Поэтому, когда человек следует своей природе, он невежлив и неуступчив; [и, наоборот], когда человек вежлив и уступчив, это противоречит его природе! Если с этой точки зрения рассматривать природу человека, тогда становится очевидным, что человек

по своей природе зол и что его добродетельность порождается [практической] деятельностью!

Спрашивают: если человек по своей природе зол, то как появились ритуал и чувство долга? Отвечаю: все нормы ритуала и долга появились как результат деятельности совершенномудрых, а не из врожденных качеств человека. Например, гончар с помощью формочек изготавливает из глины гончарные изделия; в этом случае гончарные изделия представляют собой [результат] труда человека, а не его врожденных качеств. Рабочий, обтесывая дерево, изготавливает из него деревянные изделия; в этом случае деревянные изделия представляют собой результат труда рабочего, а не его врожденных качеств. Совершенномудрые после долгих размышлений и изучения действий людей ввели нормы ритуала и [понятие] чувства долга и создали систему законов. Таким образом, нормы ритуала, долг и законы появились как [результат] деятельности совершенномудрых, а не врожденных качеств человека! Если говорить о том, что глаза [человека] любят красоту, уши — музыку, рот — [приятный] вкус, что в мыслях [человек] стремится к наживе, что кожа на его теле любит негу, то это исходит от природы человека! Все это проявляется естественно как результат восприятия [человеком вещей], а не как результат деятельности человека. Все то, что воспринимает [человек], но что не может так [само], естественно [проявиться], а для этого необходима деятельность человека, — все это называется результатом [человеческой] деятельности. Таковы источники возникновения «природы» и «деятельности» [человека]; таковы различающие их признаки. Поэтому совершенномудрые изменили свою природу [человека] и стали первыми заниматься [практической] деятельностью; после того как появилась [практическая] деятельность, родились ритуал и долг; после того как родились ритуал и долг, были выработаны законы. Таким образом, ритуал, долг, законы — все это результат [деятельности] совершенномудрых! Поэтому совершенномудрые не отличаются от других людей по своей природе, но отличаются от них своими действиями. Таким образом, стремление к наживе и алчность — это врожденные качества человека! Если предположить, что среди братьев происходит раздел имущества и при этом следуют природе человека — его стремлению к наживе и алчности, то в этом случае между

братьями неизбежно возникнут взаимная борьба и стремление ограбить [друг друга]. Если же воздействовать на них путем воспитания в духе культурности и соблюдения норм ритуала и долга, то они станут уступчивыми даже по отношению ко [всем] людям страны! Отсюда видно, что, если следовать природе человека, это приводит к борьбе между братьями; если же воздействовать на них путем воспитания в духе соблюдения норм ритуала и долга, они станут уступчивыми даже по отношению ко [всем] людям страны!

Люди именно потому стремятся стать добродетельными, что человек по своей природе зол! Слабый хочет быть великодушным, безобразный — прекрасным, ограниченный — [человеком] с широкими взглядами, бедный — богатым, низкий — знатным. Если люди не находят чего-либо в себе, они непременно стремятся найти это вне себя. Поэтому, когда богатый не завидует богатству [другого], а знатный — могуществу [другого], значит, у них самих уже есть это и им не к чему искать его вне себя. Если так рассматривать [вопрос], то [очевидно], что люди именно потому стремятся стать добродетельными, что человек по своей природе зол! Действительно, человек по своей природе не наделен ни культурностью, ни чувством долга; поэтому он усиленно стремится через учебу приобрести эти качества! Человек по своей природе не знает ни ритуала, ни чувства долга, поэтому он путем размышлений стремится познать эти качества! Отсюда видно, что если полагаться лишь на природные данные [человека], то человек не будет обладать ни культурностью, ни чувством долга и не будет знать, что такое ритуал и чувство долга. Отсутствие у людей культурности и чувства долга приводит к хаосу, а незнание культурности и чувства долга — к нарушению [законов]. Отсюда видно, что, если полагаться лишь на природные данные [человека], это [ни к чему хорошему не приведет]: стремления к беспорядку и нарушению [законов] заложены в нас самих. Если так рассматривать природу [человека], тогда становится очевидным, что человек по своей природе зол и что его добродетельность порождается [практической] деятельностью!

Мэн-цзы говорил: «Человек по своей природе добр». Я говорю, что это неправильно. Когда говорят о добродетельном в Поднебесной в древние времена и сейчас, то имеют в виду правильное соблюдение всех принципов,

мир и порядок. Когда говорят о злом, имеют в виду отклонение от всех принципов и беспорядок.

В этом и состоит отличие добродетельного от злого. Если бы человек по своей природе действительно правильно соблюдал все принципы и стремился к миру и порядку, тогда зачем бы нужны были совершенномудрые ваны, нормы ритуала и чувство долга?! Пусть даже были бы совершенномудрые ваны, нормы ритуала и чувство долга — что бы [в этом случае] они могли добавить к правильному соблюдению [людьми] всех принципов, [их] стремлению к миру и порядку? Однако в действительности не так: человек по своей природе зол. В древние времена совершенномудрыс, видя, что человек по своей природе зол, и зная, что он распущен, идет по неправильному пути, стремится к беспорядку и не поддается умиротворению, именно поэтому и создали власть правителя, чтобы следить за людьми; разъяснили основы ритуала и долга, чтобы воспитывать людей; выработали законы и систему управления, чтобы господствовать над людьми; ввели наказания, чтобы пресекать [преступные действия] людей. Все это привело к тому, что все [люди] в Поднебесной смогли соблюдать порядок и стать добродетельными. Таково было правление совершенномудрых правителей и влияние норм ритуала и чувства долга! Если же сейчас попробовать отбросить власть правителя, не воспитывать [в людях] культурность и чувство долга, отбросить господство [над людьми] с помощью законов и системы управления, не пресекать [их преступные действия] с помощью наказаний и наблюдать со стороны за отношениями между людьми в Поднебесной, это приведет к тому, что сильный будет притеснять и грабить слабого, большинство — жестоко обращаться с меньшинством и вносить в него раскол. Вслед за этим в Поднебесной немедленно воцарится хаос и одно за другим последуют разрушения! Если так рассматривать природу [человека], тогда становится очевидным, что человек по своей природе зол и что его добродетельность порождается [практической] деятельностью.

Поэтому тот, кто искусно говорит о древности, должен подтверждать [свои слова примерами] из настоящего; тот, кто искусно говорит о небе, должен подтверждать [свои слова примерами] из жизни людей. Ценность всех учений зависит от приводимых в них различающих и суммирую-

щих [суждений] и отвечающих фактам [доказательств]. Поэтому тот, кто сидя выдвигает какую-либо теорию, должен встать, развернуть [перед слушателями] все положения своей теории и затем суметь провести ее в жизнь. Мэн-цзы говорил: «Человек по своей природе добр». В этом учении отсутствуют различающие и суммирующие [суждения] и отвечающие фактам [доказательства]. [Мэн-цзы] говорил об этом сидя, но, встав, не смог развернуть всех положений своего учения и провести их в жизнь. Разве это не серьезная ошибка? Отсюда видно: если считать, что человек по своей природе добр, то можно отбросить совершенномудрых ванов и отказаться от ритуала и чувства долга! Если же полагать, что человек по своей природе зол, тогда необходимо повиноваться совершенномудрым ванам и ценить ритуал и чувство долга! Очевидно, что появление зажима для выпрямления дерева вызвано существованием кривого дерева. Появление плотничьего шнура вызвано существованием не прямых вещей. Учреждение [власти] правителя среди людей и разъяснение им норм ритуала и чувства долга были вызваны тем, что человек по своей природе зол! Если так рассматривать природу [человека], тогда становится очевидным, что человек по своей природе зол и что его добродетельность порождается [практической] деятельностью!

Прямое дерево не нуждается в зажиме для его выпрямления; это происходит потому, что это дерево по своей природе прямое. Кривое дерево непременно должно быть подвергнуто обработке с помощью зажима и тепла, и только после этого оно сможет стать прямым; это происходит потому, что это дерево по своей природе кривое. Поскольку человек по своей природе зол, он непременно нуждается в управлении со стороны совершенномудрых ванов и в воспитании с помощью норм ритуала и чувства долга — только так можно добиться того, что все люди будут соблюдать порядок и отвечать [нормам] добродетельности. Если так рассматривать природу [человека], тогда становится очевидным, что человек по своей природе зол и что его добродетельность порождается [практической] деятельностью!

Мне говорят: «Культурность и чувство долга как результат накопления [практической] деятельности — все это врожденные качества человека. Поэтому-то совершен-

номудрые и смогли вызвать их к жизни!» Отвечаю: это неправильно. Когда гончар с помощью формочек изготавливает из глины гончарные изделия, разве эти изделия и глина составляют врожденные качества гончара?! Когда столяр, обтесывая дерево, изготавливает из него изделия, разве эти изделия и дерево составляют врожденные качества столяра?! Что касается того, какое отношение имеют совершенномудрые к ритуалу и чувству долга, то здесь такое же [положение, как и с] гончаром, который с помощью формочек изготавливает из глины гончарные изделия! В таком случае как же можно говорить, что культурность и чувство долга как результат [накопления] практической деятельности являются врожденными качествами человека?! По своим врожденным качествам Яо и Шунь не отличаются от Цзе и Чжи, а совершенный человек — от человека ничтожного. Если же считать, что культурность и чувство долга как результат накопления практической деятельности составляют врожденные качества человека, тогда к чему ценить Яо и Шуня, к чему ценить совершенного человека?! Яо и Шуня как совершенных людей ценят потому, что они смогли изменить свои врожденные качества, смогли положить начало практической деятельности людей, в результате чего появились ритуал и чувство долга. В таком случае совершенномудрые имеют такое же отношение к ритуалу и чувству долга, которые явились результатом накопления [ими практической] деятельности, как гончар к изготовленным им из глины гончарным изделиям! Если так рассматривать [вопрос], то разве культурность и чувство долга как результат накопления практической деятельности являются врожденными качествами человека?! Цзе и Чжи как ничтожных людей презирают потому, что они следовали своим врожденным качествам и чувствам, были распущенны и своевольны и в результате пошли по пути жадности, наживы и грабежа. Отсюда становится очевидным, что человек по своей природе зол и что его добродетельность порождается [практической] деятельностью!

Цзэн Цан, Минь Цзы-цян и Сяо И не потому были отличными от других людей, что небо питало к ним пристрастие! Тогда в чем же причина того, что только Цзэн Цан, Минь Цзы-цян и Сяо И одни смогли действительно проявить искреннюю почтительность к родителям и заслужить славу в высшей степени почтительных людей?

Это явилось следствием их усилий, направленных на соблюдение норм ритуала и выполнение своего долга! Люди из царства Цинь не потому были отличными от жителей царств Ци и Лу, что небо питало к ним страсти! Тогда в чем же причина того, что в вопросе соблюдения своего долга отцом и сыном и различий между мужем и женой люди из царства Цинь были не так почтительны и не так культурны, как жители царств Ци и Лу? Это было вызвано тем, что люди из царства Цинь следовали своим чувствам, были распушенны, своевольны и пренебрегали культурностью и чувством долга! Разве здесь дело в отличии их природных данных?!

...Некоторые говорят: «Накапливая [практическую деятельность], можно стать совершенномудрым. Тогда почему же все люди, поступаая так, не становятся ими?» Отвечаю: можно, по собственной инициативе накапливая [практическую деятельность], стать совершенномудрым, но нельзя [стать им] насильно!

Поэтому ничтожный человек может стать совершенным, но не хочет [сделать это]; совершенный человек может стать ничтожным, но не хочет [сделать это]. Ничтожный человек и совершенный человек всегда могут поменяться местами, однако не делают [этого]! Хотя они и могут [так поступить], но нельзя заставить их [это сделать]! Поэтому [говорить], что обычный человек с улицы может стать Юем, будет правильным, но [говорить], что все обычные люди с улицы способны стать Юем, едва ли будет верным. Хотя не все способны стать Юем, однако это отнюдь не меняет [того положения, что] они могут им стать. [Человек] может обойти на ногах всю Поднебесную, однако никто никогда не был способен сделать это. Мастеровой, столяр, крестьянин и торговец всегда могут поменяться занятиями, но никогда не были способны сделать это. Если так рассматривать [вопрос], то ясно, что «возможность стать» [кем-то] еще не обязательно означает «способность» сделать это! «Неспособность» сделать что-то не меняет [того положения], что это «можно сделать»! Отсюда видно, что между «способностью» и «неспособностью» и «возможностью» и «невозможностью» имеется большая разница! В таком случае вполне очевидно, что они не могут заменить одна другую...

Есть смелость высшего [порядка], смелость среднего [порядка] и смелость низшего [порядка]. Смело встать на

путь середины, по которому [должна] идти Поднебесная; смело следовать принципам, которых придерживались ваны-предки; наверху не следовать тем монархам, которые вносят смуту и беспорядок; внизу не следовать людям, которые сеют смуту; там, где есть человеколюбие, не [говорить о] бедности; там, где человеколюбие исчезло, не [говорить о] богатстве; когда люди в Поднебесной понимают тебя, делить с ними радость и горе; если же люди в Поднебесной не поняли тебя, одиноко и независимо оставаться на своем месте в мире и не испытывать чувства страха — такова смелость высшего [порядка]! Почитать ритуал и быть сдержанным в своих помыслах, серьезным, искренним и пренебрегать богатством; смело выдвигать талантливых людей и продвигать их по службе; смело сдерживать неспособных людей и увольнять их — такова смелость среднего [порядка]! Пренебрегать собственным здоровьем, но ценить богатство; спокойно взирать на несчастья, но пространно объяснять, как избавиться [от них]; не желать считаться с правдой, ложью, правильным и неправильным в делах, а лишь стремиться к тому, чтобы победить [в споре] других, — такова смелость низшего [порядка]!

...Пусть даже человек от природы и обладает прекрасными свойствами и мудростью, он должен еще получить мудрого учителя и следовать ему [во всем], он должен выбирать себе в друзья хороших людей и дружить с ними.

Когда человек получает мудрого учителя и следует ему во всем, он слышит лишь о поступках Яо, Шуня, Юя и Тана! Когда человек имеет хороших друзей и дружит с ними, он видит лишь искренность, верность, почтительность и уступчивость! Если человек день ото дня все больше проникается человеколюбием и чувством долга, хотя сам еще и не осознал этого, — это результат его общения с [хорошими] людьми. Когда человек находится вместе с плохими людьми, он слышит лишь клевету и ложь, видит лишь разнузданность, разврат, алчность и жажду наживы! Если человек [своими поступками] обрекает себя на казнь, хотя сам и не осознает этого, — это результат его общения с [плохими] людьми! Предание гласит: «Если не знаешь, каковы твои дети, посмотри на их друзей. Если не знаешь, каков твой правитель, посмотри на тех, кто его окружает». Все это — [результат] общения [с людьми]!

«ШАН ЦЗЮНЬ ШУ»

«Шан цзюнь шу» («Книга правителя области Шан») — фило-софско-политический трактат школы *фацзя* — «законников». Памятник составлен в IV—III вв. до н. э. последователями известного теоретика легизма и государственного деятеля Гунсунь Яна (390—338 гг. до н. э.), известного в истории под именем Шан Яна — правителя области Шан, пожалованной ему циньским правителем Сюнгуном (361—338 гг. до н. э.). Трактат состоял из 26 глав, вторая глава («Указ об обработке пустующих земель») и девятнадцатая («В пределах границ») написаны самим Шан Яном, в остальных воспроизводятся его речи и высказывания. С IV—III вв. до н. э. и до середины XIII в. трактат распространялся в рукописных списках. В результате многочисленных переписок появились ошибки, перестановки в тексте, порой какой-нибудь иероглиф заменялся созвучным ему, но уже с другим значением. Все это затрудняло чтение текста, поэтому памятник постепенно обрастал многочисленной комментаторской литературой. Несмотря на усилия десятков комментаторов, им не удалось уточнить все неясные места. Не случайно китайские исследователи, работавшие над текстом уже в середине 30-х годов нашего века, называли трактат «древней книгой, которая с трудом поддается прочтению». Первое печатное издание было подготовлено и осуществлено Чжэ Цаем в середине XIII в. Это издание насчитывало 26 глав; в период правления монгольской династии Юань (1280—1368 гг.) были утеряны еще две главы (16-я и 21-я), которые отсутствуют во всех последующих изданиях. В XIV—XVII вв. развернулось оживленное изучение «Шан цзюнь шу». Интерес к этому памятнику был не случаен: после свержения монгольского господства, в период правления династии Мин, перед страной встал ряд важнейших задач: необходимо было в кратчайший срок восстановить разрушенное войной хозяйство, восстановить централизованное управление. Естественно, что многие мыслители тогдашнего Китая обратились за советом к Шан Яну, которого они по праву считали одним из идеологов централизованного бюрократического государства. В XIV—XVII вв. было опубликовано шесть отдельных изданий памятника с обширными комментариями известных ученых-текстологов: У Минь-сюэ, Фэн Цзиня, Чэн Юна, Гуй Ю-гуаня, Чэн Жэнь-си и Мян Мян-гэ. Большой интерес к памятнику был проявлен и в XVIII—XIX вв. Многие известные историки и текстологи того времени, такие, как Янь Вань-ли (Янь Кэ-цзюнь), Сунь Син-янь, Юй Юэ, Сунь И-жан,

Цянь Си-цзю, Сунь Фэн и другие, работали над исправлением и комментированием этого трудного памятника. К началу XX в. в Китае существовало около 25 различных изданий трактата с текстологическими комментариями. Одним из лучших и наиболее заслуживающих доверия изданий считается публикация Янь Вань-ли (1762—1843). В настоящее время наиболее полным является издание Чжу Ши-чэ, опубликованное в Пекине в 1956 г. под названием «Шан цзюнь шу цзе гу динбэнь» — «Аутентичный текст «Шан цзюнь шу» с текстологическим комментарием». Свыше сорока лет три поколения семьи Чжу кропотливо трудились над изучением этого сложного памятника, снимая позднейшие наслоения, разъясняя непонятные места, так часто встречающиеся в тексте. Особенно большую работу по реконструкции текста провели Чжу Шао-бинь и его сын Чжу Ши-чэ. Им удалось сопоставить все многочисленные издания памятника, сохранившиеся к началу XX в., и составить свой критический текст, в основу которого было положено издание Янь Вань-ли.

На европейские языки памятник переводился дважды: в 1928 г. — голландским синологом Я. Дайвендаком и в 1968 г. — на русский язык Л. С. Переломовым. Русский перевод был выполнен с издания Чжу Ши-чэ с учетом некоторых более ранних публикаций. Для настоящего издания взят перевод Л. С. Переломова.

«Книгу правителя области Шан» можно по праву назвать основным канонем легистской школы, сыгравшей большую роль в формировании императорско-бюрократической системы управления и оказавшей значительное влияние на превращение конфуцианства в официальную идеологию правящего класса Китая. В этом трактате впервые в истории Китая сформулирован целый ряд концепций и институтов, вошедших в качестве несущих конструкций в императорско-бюрократическую систему. К их числу можно отнести следующие институты: государственное регулирование экономических процессов в стране; формирование института бюрократии; система круговой поруки; институт рангов знатности; законодательная система; равные возможности при выдвижении на административные посты; личная ответственность чиновника; унификация мышления чиновничества; институт цензорского надзора. Представленные в данном томе главы «Книги правителя области Шан» отражают некоторые основные положения легистского учения.

Л. С. Переломов

ГЛАВА ПЕРВАЯ. «ИЗМЕНЕНИЕ ЗАКОНОВ»

Сяо-гуя¹ обсуждал планы [управления государством]. Три сановника в ранге *дафу* — Гунсунь Ян, Ган Лун и Ду Чжи² — находились при государе. Они размышляли о переменах, происходивших в их век, рассуждали о сущности исправления законов и изыскивали способ, [как искуснее] повелевать народом. Государь молвил: «Взойдя на престол, не забывать об алтарях духов земли и проса —

таков путь правителя. Проводить в жизнь законы и заботиться о том, чтобы [всем] были ясны достоинства правителя, — таков долг сановника. Ныне я хочу изменить законы, дабы добиться образцового правления; изменить ритуал, дабы [по-иному] наставлять народ, но опасаясь, что Поднебесная осудит меня». Гупсунь Ян ответил: «Я слышал, что тот, кто колеблется, [не зная], как поступить, ничего не достигает, а тот, кто нерешителен в делах, не добьется успеха. Государь, скорее утвердитесь в мысли об изменении законов и вам не следует обращать внимания на то, что Поднебесная может осудить это. Ведь тот, кому свойственны поступки выдающегося человека, неизбежно испытает противодействие со стороны [заурядных людей] своего века; тот, кому свойственны размышления [человека] независимого ума, непременно будет осужден людьми. Есть пословица: «Глупый не понимает [сути] дела, даже когда оно уже выполнено; умный же постигает [суть дела] еще до того, как появятся его первые признаки». [Поэтому] негоже обсуждать с народом свои начинания, но можно вместе с ним наслаждаться завершением [дел]. В законе Го Яня³ говорится: «Тот, кто рассуждает о высшей добродетели, не станет согласовывать [своего мнения] с ходячими представлениями; тот, кто добивается великого успеха, не должен советоваться с толпой». Закон — это выражение любви к народу; ритуал — это то, что благоприятствует [заведенному течению] дел. Поэтому если совершенномудрый может при помощи законов сделать сплывшим [свое] государство, то он берет за образец [порядки] древности, и если он может благодаря [законам] принести пользу народу, то не следует ритуалу».

Сяо-гун воскликнул: «Прекрасно!»

Гап Лун сказал: «Нет, это не так. Я слышал, что совершенномудрый наставляет народ, не изменяя [обычаев], умный [добивается] хорошего управления, не изменяя законов. Тем, кто наставляет народ, сообразуясь с его желаниями, успех будет достигнут без труда; у того, кто [добивается] хорошего управления, придерживаясь [установившихся] законов, чиновники опытные, а народ пребывает в спокойствии. Ныне, если вы измените законы и не будете следовать старым [порядкам] Циньского государства, измените ритуал и станете [по-иному] наставлять народ, я опасаясь, что Поднебесная осудит вас, государь. Хочу, чтобы вы разобрались в этом».

Гунсунь Ян ответил: «Вы высказали мнение, широко распространенное в наш век. Действительно, простые люди привыкли к старым обычаям, а образованные погрязли в том, что они знают [о древности]. Эти две категории людей [способны] лишь занимать должности и блюсти законы, однако они не способны обсуждать [вопросы], выходящие за рамки старых законов. Три династии⁴ достигли верховенства в Поднебесной, [придерживаясь] различных ритуалов, а пять гегемонов⁵ добились господства, [применяя] различные законы. Поэтому мудрый творит законы, а глупый ограничен ими; одаренный изменяет ритуал, а никчемный связан ритуалом. С человеком, который связан ритуалом, не стоит говорить о делах; с человеком, который ограничен [старыми] законами, не стоит говорить о переменах. Государь! Вам не следует колебаться».

Ду Чжи сказал: «Я слышал, что, если выгода не будет стократной, законов не меняют; если успех не будет десятикратным, не меняют орудия. Я слышал, что, когда подражают древности, не совершают ошибок; когда придерживаются ритуала, не бывает нарушений. Государь должен стремиться к этому».

Гунсунь Ян ответил: «Прошлые поколения [правителей] наставляли [народ] по-разному, какой же древности [они] подражали? Императоры и цари не повторяли друг друга, каких же [старых] ритуалов они придерживались? Фу Си и Шэнь Нун⁶ наставляли, но не карали; Хуан-ди, Яо и Шунь⁷ карали, но не многих. Что же касается Таювана и У-вана⁸, то каждый из них устанавливал свои законы, учитывая [нужды] времени, и определял ритуал, сообразуясь с обстоятельствами. Так как ритуал и законы создавали, исходя из [нужд] времени, распоряжения и приказы соответствовали тому, что было нужно, оружие и орудия труда отвечали своему назначению. Поэтому я заявляю: чтобы достичь хорошего управления [людьми] своего века, существует не один путь; для того чтобы принести пользу государству, не обязательно подражать древности. Тан-[ван] и У-[ван], став царями, возвысились благодаря тому, что не следовали древности; династии Инь и Ся были уничтожены из-за того, что не изменили старых ритуалов. А если так, то воистину тот, кто идет наперекор древности, не обязательно заслуживает осуждения,

тот, кто следует ритуалу, не обязательно достоин похвалы. Государь! Не надо колебаться».

Сяо-гун произнес: «Прекрасно! Я слышал, что в бедных кварталах селений многие недоумевают над [моими нововведениями], а в захолустных школах среди образованных идут горячие споры. Что для глупого смех, над тем скорбит умный; что для безумца радость, над тем печалится мудрый. Не стоит считаться с осуждением [людей нашего века], я не сомневаюсь [в успехе своего начинания]».

Затем [государь] издал указ об освоении пустующих земель.

ГЛАВА ПЯТАЯ. «РАССУЖДЕНИЕ О НАРОДЕ»

Красноречие и острый ум способствуют беспорядкам; ритуал и музыка способствуют распущенности правов; доброты и человеколюбие — мать проступков; назначение и выдвижение на должности [добродетельных людей] — источник порока. Если потворствуют беспорядкам, они разрастаются; если потворствуют распущенности нравов, она распространяется; если у проступков есть мать, они будут плодиться; если существует источник, порождающий порок, порок никогда не исчезнет. Там, где одновременно существуют все эти восемь [паразитов]⁹, народ сильнее своих властей; в стране же, где отсутствуют эти восемь [паразитов], власти сильнее своего народа. Когда народ сильнее своих властей, государство слабое; когда власти сильнее своего народа, армия могущественна. Поэтому, если в государстве существуют все эти восемь [паразитов], правитель не в состоянии заставить народ оборонять страну или вести наступление, и тогда государство непременно будет расчленено и погибнет. Если же в стране не будет этих восьми [паразитов], правитель всегда сможет заставить народ оборонять страну или вести наступление, и тогда [государство] непременно станет процветать и [правитель] достигнет владычества в Поднебесной.

Если [управлять] людьми как добродетельными, они будут любить своих близких; если же [управлять] людьми как порочными, они полюбят эти порядки. Сплоченность [людей] и взаимная поддержка [проистекают оттого, что ими] управляют как добродетельными; разобщенность лю-

дей и взаимная слежка [проистекают оттого, что ими] управляют словно порочными. Там, где [к людям относятся] как к добродетельным, проступки скрываются; там же, где [к людям относятся] как к порочным, преступления жестоко караются. Когда проступки скрываются — народ победил закон; когда же преступления строго наказуются — закон победил народ. Когда народ побеждает закон, в стране воцаряется беспорядок; когда закон побеждает народ, армия усиливается. Поэтому-то и сказано: «Если управлять людьми как добродетельными, то неизбежна смута и страна погибнет; если управлять людьми как порочными, то всегда утверждается образцовый порядок и страна достигает могущества».

Если государство, на которое трудно напасть, выступает в поход один раз, оно извлекает десятикратную выгоду; если же страна, на которую легко напасть, выступает в поход десять раз, ее потери будут стократны. О государстве, почитающем силу, говорят, что на него трудно напасть; о государстве, почитающем [пустые] речи, говорят, что на него легко напасть. Если народ любит [пустые] речи, его трудно использовать на [войне]. Страна, где народ боится государственных законов и послушен в войне, нападает с помощью силы; выступая в поход один раз, она извлекает десятикратную выгоду. Страна, где народ не страшится государственных законов и не послушен в войне, нападает с помощью [пустых] речей; выступая в поход десять раз, она несет стократные потери.

Кары [должны быть] суровыми, а ранги знатности почетными, награды незначительными, а наказания — вселяющими трепет. Когда ранги знатности почетны, это значит, правитель любит народ; когда наказания вселяют трепет, народ пойдет на смерть за правителя. Поэтому, если процветающее государство применяет наказания, народ будет в выигрыше; если оно применяет награды, возрастает влияние правителя.

Когда законы [разработаны] подробно, число наказаний увеличивается; когда законы кратки, число наказаний сокращается. Народ стремится к порядку, но своими действиями вызывает беспорядок; если в стране [уже] возникла смута и [правитель] хочет навести порядок, он лишь усилит беспорядок. Поэтому наводить порядок в стране следует еще до того, как вспыхнут беспорядки, тогда в стране сохранится порядок; если же порядок будет наводиться,

когда беспорядки уже вспыхнули, в стране останется беспорядок.

Люди по своей сути стремятся к порядку, однако действия их порождают беспорядок. Поэтому там, где людей сурово карают за мелкие проступки, проступки исчезают, а тяжким [преступлениям] просто неоткуда взяться. Это и называется «наводить порядок еще до того, как вспыхнут беспорядки». Там, где людей сурово карают за тяжкие преступления и мягко наказывают за мелкие проступки, не только нельзя будет пресечь тяжкие преступления, но и невозможно будет предотвратить мелкие проступки. Это и называется «наводить порядок, когда в стране уже вспыхнули беспорядки». Поэтому, если сурово карать за мелкие проступки, исчезнут сами наказания, дела в стране будут развиваться успешно, и государство станет сильным. Если же сурово карать за тяжкие преступления и мягко наказывать за мелкие проступки, то, наоборот, возрастет число наказаний, возникнут неурядицы и государство будет расчленено.

Храбрых людей надо награждать тем, к чему они сами стремятся; трусливых следует наказывать тем, что они больше всего ненавидят, — смертью. Тогда трусливый люд, подстрекаемый наказаниями, превратится в храбрый, а храбрый народ, вдохновляемый наградами, будет биться до самой смерти. Когда трусливый люд станет храбрым, а храбрый народ будет сражаться не жалея жизни, страна не будет иметь себе равных и непременно добьется владычества [в Поднебесной].

Если люди бедны, они слабы; если государство богато, то [в нем] царит распушенность, а там, где царит распушенность, появляются паразиты, а когда в государстве появляются паразиты, оно слабеет. Поэтому если беднякам приносить выгоду наказаниями, то они станут богатыми; если богатым наносить ущерб наградами, то они станут бедными¹⁰. Когда, управляя страной, придают большое значение тому, чтобы [при выдвижении] на должности бедных делали богатыми, а богатых — бедными, бедный станет богатым, а богатый — бедным и государство будет сильным.

Там, где три основные функции государства не [страдаются] от паразитов, оно надолго сохраняет свою мощь; государство, в котором нет паразитов, непременно добьется владычества [в Поднебесной].

Наказания порождают силу, сила порождает могущество, могущество порождает величие, вселяющее трепет, а величие, вселяющее трепет, порождает добродетель. Итак, добродетель ведет свое происхождение от наказания. Поэтому если наказаний много, то награды весомы, если наград мало, то наказания весомы. Есть вещи, к которым люди стремятся, и есть вещи, которые они ненавидят. То, к чему люди стремятся, — это шесть видов распушенности; то, что они ненавидят, — это четыре трудности¹¹. Если в стране распространятся все эти шесть видов распушенности, то государство ослабеет. Если же в стране распространятся четыре трудности, армия станет могущественной. Поэтому в стране, достигшей господства [в Поднебесной], на каждые девять наказаний приходится одна награда. Когда наказывают в девяти случаях [из десяти], будут пресечены все шесть видов распушенности; а когда награждают в одном случае [из десяти], распространятся четыре трудности. Если исчезнут все шесть [видов] распушенности, то в стране исчезнут пороки; если распространятся четыре трудности, армия не будет иметь равной себе.

Желания людей неисчислимы, но возможность для достижения выгоды [кроется] лишь в едином¹², и, пока люди не обратятся к единому, у них не будет пути для достижения своих желаний. Поэтому надо сосредоточить стремления народа на едином. Когда единое будет достигнуто, [правитель] сможет сосредоточить в своих руках все силы людей, а когда все силы людей будут сосредоточены в руках правителя, страна станет могущественной, и, если могущественная страна будет [правильно] использовать эти силы, она станет вдвойне могущественнее. Поэтому государство, способное вызывать к жизни силы [людей] и обуздывать их, называют «государством, атакующим врага», оно непременно станет могущественным. Оно закрывает частные пути осуществления желаний и открывает лишь одни ворота¹³ для достижения желаний. Тогда люди ради достижения своих целей прежде всего будут делать даже то, что им ненавистно, и тогда у государства будет много силы. Когда у государства много силы, но [она] не используется [правильно], стремления людей осуществляются. Если стремления людей осуществляются, то появляется корысть, а если появляется корысть, то появляется и слабость¹⁴. Поэтому [государство], способное вызвать к жизни

силы [людей], но не способное обуздать их, именуют «государством, атакующим себя», и оно непременно будет расчленено. О государстве, добившемся владычества [в Поднебесной], говорят: «Оно не накапливает силы, а семьи там не накапливают [дóма] зерна». [Слова] «государство не накапливает силы» значат: [силы] подданных используются [правильно]; [а слова] «семьи не накапливают [дóма] зерна» значат: правитель хранит зерно [в житницах].

Если порядок в государстве покоится на суждениях семьи, [оно] достигнет владычества [в Поднебесной]; если порядок [в государстве] покоится на суждениях чиновников, оно будет могущественным; если порядок в государстве покоится только на суждениях правителя, оно ослабеет. Если карать за мелкие проступки, как за тяжкие [преступления], то наказания будут упразднены; если сделать постоянными правила назначения на должности, то воцарится хорошее управление. Надлежит сократить количество наказаний и ввести [систему] взаимной ответственности. При награждении нельзя изменять данному слову. Если люди стали неукоснительно доносить о совершенных преступлениях, [это значит, что] они сами стали выносить суждения в душе.

Когда правитель издает указы, люди знают, как осуществлять их. Успешное осуществление закона зависит от отношения к нему семьи, чиновники же только применяют его. Это как раз и означает, что суждения о делах выносит семья. Поэтому у того, кто добился владычества [в Поднебесной], решения о наказаниях и наградах покоятся на суждениях людей в душе, а решения об использовании закона покоятся на суждениях семьи. Если [принципы] управления страной ясны, то [суждения правителя и подданных] едины; если [принципы] правления неясны, то [суждения правителя и подданных] различны. Если [суждения] едины, то [дела] осуществляются, а если [суждения] различны, то [дела] не осуществляются. Если [дела] осуществляются, то в стране царит порядок; если же [дела] не осуществляются, то в стране царит смута. Если [в стране] порядок, это значит, что он покоится на суждениях семьи; если же [в стране] смута, это значит, что дела решаются лишь одним правителем.

Тот, кто управляет страной, дорожит суждениями подданных. Поэтому [государство], где дела решаются на основании суждения [каждых] десяти общин, — слабое;

[государство], где дела решаются на основании суждения [каждых] пяти общин, — могущественное. Когда дела решаются на основании суждения одной семьи, остается свободное [время]. Поэтому и говорят: «[Государство], где порядок устанавливают за один день, добьется владычества в Поднебесной». Когда дела решаются на основании суждений чиновников, не хватает времени, поэтому и говорят: «[Государство], где порядок устанавливают за [день и] ночь, будет сильным». Когда дела решаются на основании суждения правителя, возникает смута, и в таких случаях говорят: «[Государство], которое медлит с наведением порядка, будет расчленено». Поэтому в государстве, идущем истинным путем, [чиновники] осуществляют хорошее управление, не слушая правителя, а народ не следует за чиновниками, [а следует закону].

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. «ОТКРЫТЫЕ И ЗАКРЫТЫЕ ПУТИ»

В те времена, когда возникли небо и земля и появились люди, люди знали своих матерей, но не знали своих отцов. Любовь к родственникам и корыстолюбие — таков был их путь. Так как они любили только своих родственников, то стали отделять [своих от чужих], а корыстолюбие породило варварство. Люди множились, но так как они были охвачены стремлением отделять своих от чужих и корыстолюбием, то среди них воцарилась смута. В те времена люди уже стремились к превосходству над другими и пытались подчинить друг друга силой. Стремление к превосходству порождало ссоры, а попытки подчинения силой порождали споры. Были споры, но не было меры [их разрешения], поэтому никто уже не мог жить [спокойно]. И тогда мудрые установили справедливые меры и привили бескорыстие, так что народ проникся человеколюбием. В эти времена была отвергнута любовь к родственникам, установилось почитание мудрых. Путь человеколюбивых — любовь, а путь мудрых — стремление превзойти друг друга.

Люди множились, но не было узаконений, а так как [они] шли по пути человеколюбия и стремились превзойти друг друга, возникла смута. Поэтому, когда совершенномудрый принял правление, он первым делом установил

разграничения, касающиеся земли, имущества, мужчин и женщин. Когда было проведено разграничение, невозможно было обойтись без узаконений, поэтому [совершенномудрый] ввел запреты. Когда же были введены запреты, невозможно было обойтись без тех, кто ведал бы их осуществлением, поэтому он утвердил должности чиновников. Когда были учреждены должности чиновников, невозможно было обойтись без того, кто бы объединил их всех, поэтому [совершенномудрый] поставил [над всеми] государя. Когда же был поставлен государь, то было отвергнуто почитание мудрых и установилось почитание тех, кто занимает высокое положение.

Итак, в древние века любили своих родственников и почитали корысть; в средние века почитали мудрых и радовались человеколюбию, а в позднейшие века стали ценить тех, кто занимает высокое положение, и почитать должности. Почитание мудрых означает, что истинным путем считается стремление превзойти друг друга [достоинствами], но, когда появляется государь, исчезает нужда в мудрых. Любовь к родственникам означает, что корысть считается истинным путем, но, когда установлены справедливые меры, они препятствуют распространению корысти. [Поведение людей] в эти три [периода] не было противоречивым. Люди исчерпали свой путь — надлежало изменить его. Вслед за изменениями, происходившими в веках, необходимо изменять и сам путь. Поэтому и говорят: «Путь правителя должен иметь единое мерило». Разумеется, путь правителя исходит из одного, а путь саповников — из другого. Пути эти имеют отличие, но их связывает стремление иметь единое [мерило]. Поэтому и говорят: [«Когда люди глупы, можно царствовать над ними при помощи ума; [люди] нашего века умны, и царствовать над ними можно только с помощью силы». Когда люди глупы, то силы у них в избытке, а ума не хватает; когда люди умны, то ум у них в избытке, а силы не хватает. Люди от природы таковы: когда они лишены знаний, стремятся к учебе; когда у них иссякают силы, их легко подчинить.

Шэнь Нун смог обучить народ земледелию и достичь владычества в Поднебесной, потому что он наставлял при помощи своих знаний; Тан и У смогли стать могущественными и разбить правителей, потому что они подчинили их при помощи силы. Итак, глупый люд не имеет знаний и

стремится к учебе; в наш век умные [люди] не имеют избытка силы, и их легко подчинить. Поэтому тот, кто хочет добиться владычества в Поднебесной [любовью], должен искоренить наказания; а тот, кто стремится подчинить правителей силой, отдаляет добродетель.

Совершенномудрый не подражает слепо древности, но и не следует современности. Если он будет подражать во всем древности, он отстанет от [своего] времени; если же станет подражать во всем современности, [наткнется] на препятствия, созданные обстоятельствами. Династия Чжоу не подражала [слепо] Шан, а Ся не подражала [правлению] Юя¹⁵; все три действовали при различных обстоятельствах, однако все три достигли владычества [в Поднебесной].

Итак, путь к владычеству [в Поднебесной] известен, но удерживается оно различными способами. Например, У-ван захватил власть незаконным путем, но сам он ценил подчинение [закону]; он сражался за Поднебесную, но ценил уступчивость; он захватил власть силой, но удерживал ее справедливостью. В нынешний век могущественные государства стремятся объединить [Поднебесную силой], а слабые напрягают все силы, стремясь сохранить [свои земли]. Это означает, что ныне дела обстоят совсем не так, как в глубокой древности, во времена Шуня и [династии] Ся, что сейчас уже нельзя следовать [пути] Тана и У. Так как [путь] Тана и У ныне уже закрыт, то среди государств, имеющих десятки тысяч [боевых] колесниц, нет ни одного, которое бы не вело войны; а среди государств, имеющих тысячи [боевых] колесниц, нет ни одного, которое бы не оборонялось. Этот путь, [который прежде избрали Тан и У], давно закрыт, но из правителей нашего века не найдется ни одного, который бы осмелился отказаться от него. Поэтому ныне к трем династиям не может добавиться четвертая.

Только умный правитель способен постичь все, что я здесь излагаю. Сегодня [государи] хотят открыть путь Шуня и [династии] Ся, подражая [древности]. Но в древности люди были просты и поэтому честны; ныне же люди хитры и поэтому нечестны. Поэтому если следовать древности, то в делах управления надлежит исходить прежде всего из добродетели; если же следовать современности, необходимо прежде всего иметь законы о наказаниях. Однако обычно это вызывает сомнения. Справед-

ливым в наш век называют такое положение, когда потворствуют тому, что люди любят, и устраняют ненавистное им; под несправедливым понимаю такое положение, когда потворствуют тому, что люди ненавидят, и устраняют любимое ими. Слова, которыми выражена [мысль], одинаковы, но суть различна. Надлежит продумать следующее: если потворствовать тому, что люди любят, люди будут страдать от того, что ненавидят; если же потворствовать тому, что люди ненавидят, они будут довольны, получив то, что любят. Откуда я знаю, что дела будут обстоять именно так? Когда люди печалятся, они задумываются, а когда они задумываются, то начинают следовать закону. Когда люди наслаждаются, они развращаются, а когда люди развращаются, рождается лень. Поэтому, если управлять людьми путем наказаний, они станут боязливы, а когда они станут боязливы, не осмелятся творить злодеяния, когда же люди не будут творить злодеяния, то они будут довольны тем, что они любят. Если же наставлять людей с помощью справедливости, они избалуются, а когда люди избалованы, рушится порядок, а там, где нет порядка, люди страдают от того, что они ненавидят. То, что я называю наказаниями, есть основа справедливости; то, что в наш век называют справедливостью,— это путь к насилию. Действительно, тот, кто стремится исправить людей, используя то, что они ненавидят, непременно добьется того, что они любят; тот же, кто стремится исправить людей, используя то, что они любят, непременно вызовет к жизни то, что они ненавидят.

В образцово управляемом государстве много наказаний и мало наград. [В государстве же, где отсутствует какой-либо порядок, много наград и мало наказаний]. Поэтому в государствах, стремящихся к владычеству в Поднебесной, каждым девяти наказаниям соответствует одна награда, а в [государствах, обреченных на] расчленение, каждым девяти наградам соответствует одно наказание.

Ныне в зависимости от тяжести проступков применяются мягкие и суровые наказания и, судя по заслугам, даются щедрые и скромные награды. Эти [два метода наказаний и поощрений] широко применяются в наш век. Если наказания будут применяться уже после того, как преступление совершено, невозможно искоренить злодеяния; если люди будут награждаться лишь за то, что считается справедливым, проступки не исчезнут. А там, где

наказаниями невозможно пресечь злодеяния, а наградами проступки, неизбежна смута. Поэтому стремящийся к владычеству в Поднебесной должен наказывать еще до того, как совершен проступок, тогда исчезнут и тяжкие преступления. Когда станут награждать людей, сообщивших о злодеяниях, то не ускользнут даже самые малейшие проступки. Если, управляя народом, можно будет достичь такого положения, когда исчезнут тяжкие преступления, а мельчайшие проступки не будут оставаться незамеченными, то в государстве будет царить порядок, а коль в государстве порядок, оно непременно будет могучим. Если этот метод будет осуществлен лишь в одном государстве, порядок будет лишь внутри границ этого царства; если два государства станут осуществлять этот [метод], то войска могут немного отдохнуть; когда же этот метод будет распространен на всю Поднебесную, то будет восстановлена добродетель. Таков мой [метод] возврата к добродетели путем смертных казней и примирения справедливости с насиллем.

В древности люди жили все вместе и у них не было никакого порядка, поэтому-то они и запросили себе верховного правителя. Конечно, Поднебесная была довольна появлением верховного правителя, так как он навел порядок в стране. Пыне же имеем правителей, но нет законов. От этого проистекает зло такое же, как от отсутствия правителя. Но иметь законы и в то же время не иметь возможности покончить с беспорядком — все равно что не иметь законов. [Жители] Поднебесной отнюдь не рады тому, что нет правителя, но они радуются, когда оказываются сильнее закона, однако считать так в наш век было бы заблуждением. Действительно, нет большей выгоды для жителей [Поднебесной], нежели порядок, и нет более твердого порядка, нежели порядок, установленный самим правителем. Путь, благодаря которому можно стать правителем, — всемерное возвеличивание закона. Для того чтобы сделать закон всемогущим, нет более насущной задачи, нежели искоренение преступлений, а для искоренения преступлений нет более глубокой основы, нежели суровые наказания. Поэтому стремящиеся к владычеству [в Поднебесной] запрещают наградами и поощряют наказаниями, выискивают проступки и не ищут хороших деяний, применяют наказания для искоренения наказаний.

«ХАНЬ ФЭЙ-ЦЗЫ»

В книге «Хань Фэй-цзы» изложены взгляды одного из крупнейших теоретиков легистской школы — Хань Фэя (ум. в 233 г. до н. э.). Хань Фэй был ярким сторонником создания централизованного государства и укрепления власти правителя. Хань Фэй и его сторонники выступали против конфуцианских правил этикета и моральных догм, которые сковывали людей и защищали привилегии старой знати. Им Хань Фэй противопоставлял новую мораль, которая выше всего ценила интересы государства, игравшего в то время прогрессивную роль. Большое значение имела выдвинутая Хань Фэем теория поступательного, прогрессивного развития общества.

В современном тексте книги «Хань Фэй-цзы» 55 глав. Далеко не все из них можно признать аутентичными, т. е. принадлежащими либо самому Хань Фэю, либо его ученикам. Для настоящего издания отобраны главы, подлинность которых не вызывает особых сомнений.

На протяжении долгих веков трактат «Хань Фэй-цзы» подвергался многочисленным искажениям. Работу по восстановлению текста трактата до сих пор нельзя считать полностью законченной.

Для настоящего перевода использованы три издания книги «Хань Фэй-цзы»: *Чэнь Ци-ю.* Хань Фэй-цзы цзини, т. I—II. Шанхай, 1958; *Лян Ци-сюн.* Хань-цзы цянъцзе, т. I—II. Пекин, 1961; *Ван Хуань-бяо.* Хань Фэй-цзы сюань. Шанхай, 1965.

Перевод выполнен Е. П. Спирным (гл. 8, 11, 12, 43, 49, 50) и В. С. Спирным (гл. 20).

Е. П. Спирны

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. «ВОЗВЫШЕНИЕ СКИПЕТРА»

Небо имеет свой великий закон, и человек имеет свой великий закон. Прекрасный запах и нежный вкус, крепкое вино и жирное мясо приятны для рта, но приводят к болезням; изящная кожа и белые зубы радуют чувство, но приводят к упадку сил. Потому-то и удаляют неумеренность и излишества, и тогда телу ничто не вредит.

Скипетр [правителя] не должен быть на виду, а должен пребывать в недеянии. Дела делаются во всех концах [государства], но ключ от них находится в центре. Совершенномудрый держит ключ в своих руках, и во всех концах [чиновники] усердно служат [ему]; [государь] пребывает в спокойствии и ожидает их, а они сами показывают свое [усердие]. Поскольку [дела] во всех концах [государства] скрыты [от государя], он [должен] выявить [их], как бы из тени на свет. Назначив левого и правого [помощников], он открывает ворота [для приема чиновников с докладами], и все идет своим порядком. Он не меняет [великих законов неба и человека], а действует в соответствии с тем и другим, и так он действует постоянно, это и называется правильным подходом [к управлению]. Ведь каждая вещь имеет свое применение и каждая [человеческая] способность используется по-своему, всему следует занимать должное место, поэтому-то государь и может пребывать в недеянии. Если поручить петуху быть стражем ночи, а кошку заставить ловить мышей, то оба они используют свои возможности и их хозяину нечего будет делать. Если же государь обладает превосходством [над чиновниками], то дело не пойдет. Если он тщеславен и любит кичиться своими [исполнительскими] способностями, то он будет обманут нижестоящими; если он выставляет напоказ свое красноречие и ум, то нижестоящие будут пользоваться этим его качеством, [чтобы снискать расположение]. А если верхи и низы поменяются местами, то государство не будет управляться как следует. Путь к использованию единого состоит в том, чтобы на первое место ставить наименования [должностей]. Если наименования правильны, то и обязанности [чиновников] определены. Если наименования неправильны, то и обязанности [чиновников] запутанны. Поэтому совершенномудрый, овладев единым, пребывает в покое, дает наименованиям [возможность] самим подтвердить свой смысл, а делам — решаться самим по себе. Он не проявляет своего блеска, поэтому нижестоящие бесхитростны и прямодушны. Он назначает на должности по способностям каждого, и они несут службу самостоятельно; он дает каждому задания по его суждениям, и они сами приступают к выполнению заданий; он правильно расставляет их и дает им всем самостоятельно выполнять свои обязанности. Государь отдает приказания, исходя из наименования [долж-

ности чиновника], а если наименование неизвестно, то его само устанавливают на основе обязанностей [данного чиновника]. Если обязанности чиновника и наименование его должности совпадают, то это приносит свои плоды. Если эти две вещи действительно верны, то нижестоящие выражают [государю] свои [подлинные] чувства. Кто осторожно ведет дела, тот следует закону неба; кто не выпускает ключа из своих рук, тот становится совершенномудрым. Путь совершенномудрого таков, что он изживает в себе умствование и хитрость. Если умствование и хитрость не изжиты, то трудно сохранить постоянную [линию в управлении]. Когда народ проявляет [умствование и хитрость], он сталкивается с многочисленными несчастьями; когда их проявляет правитель, его государство попадает в опасность и погибает. Сообразовывайся с путем неба, поступай в соответствии с сущностью вещей, рассматривай, сопоставляй и испытывай их, а дойдешь до конца — возвращайся к началу. В спокойствии и молчании держись позади, никогда не ставь себя в роль [исполнителя]. Беда для государя, если он занят тем же, что и чиновники. Когда [государь] доверяет [чиновникам], но [их дела] не сливаются, народ следует за ним, как один человек.

Ведь *дао* огромно и не имеет формы, *дэ* действует через *ли*¹ и присутствует всюду. Все живые существа должны сообразно применять их, и тогда мириады вещей обретают свое завершение, но [*дао* и *дэ*] не успокаиваются вместе с ними. *Дао* внизу охватывает все то, что в соответствии с небесным законом в должное время рождается и умирает. Имена отличаются друг от друга, вещи разнятся между собой, но все они пронизаны единым и им присущи общие признаки. Поэтому и говорится: *дао* — это не то же самое, что и все вещи; *дэ* — это не то же самое, что силы *инь* и *ян*; весы — это не то же самое, что вес; отбойный шнур — это не то же самое, что кривизна; свирель — это не то же самое, что сухость или влажность [воздуха]; государь — это не то же самое, что чиновники. Во всех этих шести вещах проявляется *дао*. *Дао* не имеет пары, потому и называется единым. Поэтому просвещенный государь ценит единый принцип. Государь и чиновники идут разными путями, нижестоящие обращаются [к государю] согласно наименованиям [своих должностей]; государь держит в своих руках наименования [должностей]; чиновники достигают успеха в своих служебных

обязанностях. Если [служебные] обязанности и наименования [должностей] совпадают, то верхи и низы находятся в гармонии.

Выслушивать [мнения чиновников] следует так: исходя из того, что выскажут [чиновники], требовать, чтобы их деяния соответствовали их речам. Поэтому следует разобратся в наименованиях [должностей] и в соответствии с ними делать назначения; уяснить разницу [в их обязанностях] и в соответствии с этим распределять их по родам. Метод слушания дел [государем] состоит в том, чтобы напустить на себя вид пьяного: я не раскрою рта первым, и моя речь будет все невнятной, пусть тот сам заговорит, и я таким образом узнаю его [подлинные мысли]. Будь то правда или неправда, государь все равно не выражает своего мнения. Отрешенность, спокойствие, недеяние — такова сущность *дао*; многократно сопоставлять разные вещи и приводить их в порядок — такова форма каждого дела. Многократно следует сопоставлять все дела и согласовывать их с принципами отрешенности. Если корень дерева и его ствол не повреждены, то и колебля не испортить [дерева]. Побуждая [чиновников] к действию, [государь] воздействует на них недеянием. Если государь радуется, то чиновники переусердствуют; если государь гневается, то чиновники будут роптать. Поэтому следует отбросить проявления радости и гнева и сделать свое отрешенное сердце вместилищем *дао*. Государь не принимает участия [в делах] вместе с [чиновниками], и народ за это уважает его; государь не помогает своим мнением чиновникам, позволяя им вести дела самостоятельно. Государь крепко замыкается в себе и [словно бы] из комнаты смотрит во двор, и так осуществляются и большое и малое, и каждое занимает должное место. Кого следует награждать — награждают, кого следует наказать — наказывают. Это делается исходя из деяний [людей], чтобы каждый отвечал за себя. Хорошее и дурное непременно воздается, так кто же посмеет быть неискренним? Если в квадрате один угол вымерен правильно, то и остальные три угла тоже правильны.

Если правитель не окружен таинственностью, подданные будут иметь возможность подладиться к нему; если дела у него идут не так, как должно, то подданные будут менять его установления. Государь должен быть справедливым, как небо и земля. Если государь подобен небу

и земле, то как же у него могут быть близкие и дальние? Тот, кто в состоянии стать подобным небу и земле, тот совершенномудрый. Когда ему нужно управлять делами своего двора, он ставит на должности [чиновников], но не делает их фаворитами; когда ему нужно управлять делами своего государства, то на каждый пост назначается лишь одно ответственное лицо, чтобы не дать чиновникам своевольничать. Как же тут могут быть случаи превышения власти? [Что же касается] крупного чиновника, то опасно, когда в его доме множество людей. Вообще идеал правления — это когда подданные не могут постичь [тайны управления]. Когда наименование [должности] и служебные обязанности согласованы, то народ спокойно занимается своими делами. Но если этот принцип будет отброшен и повяжутся иные требования, то это называется великим заблуждением. Скверных людей будет становиться все больше, и государь отовсюду будет слышать коварные речи. Поэтому и говорит: «Не обогащай людей, а то сам будешь просить у них займы; не возноси людей высоко, а то они сами будут тебя теснить; не полагайся целиком на кого-то одного, а то потеряешь и столицу и государство». Когда нога у икры толще, чем у бедра, то трудно идти быстро. Если государь потеряет свою таинственность, то тигр будет идти за ним по пятам. Если государь не распознает его, тигр прикинется собакой. Если государь сразу же не пресечет их, таких собак будет все больше. Когда тигров наберется стая, они погубят правителя. Но если быть государем без чиновников, то как же владеть государством? Правитель применяет свои законы, и большой тигр в страхе; правитель применяет свои наказания, и большой тигр покоряется сам. Если законы и наказания строго соблюдены, тигры превращаются в людей и принимают свой прежний облик [чиновников].

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. «РОПОТ ОДИНОКОГО»

Человек умный и сведущий в искусстве управления непременно должен быть дальновидным и ясно разбираться в делах, а если он не разбирается ясно в делах, он не сможет распознать своекорыстие [других]. Человек способный и сведущий в законах непременно должен быть

решительным и непреклонным, а если он не непреклонен, он не сможет преодолеть коварство других. Подданный следует повелениям [государя] и поступает в соответствии с ними, смотрит на закон и исполняет службу в соответствии с ним, и он не называется самовластным. Самовластный — это тот, кто не обращает внимания на повеления [государя] и своевольноничает, преступает законы ради собственной пользы, вредит государству ради выгоды своего дома, оказывается в состоянии силой влиять на своего государя, вот кто действительно самовластный.

Человек умный и сведущий в искусстве управления ясно разбирается в делах, и если прислушиваться [к нему] и использовать [его на службе], то можно распознать затаенные чувства самовластного [чиновника]. Человек способный и сведущий в законах непреклонен, и если прислушиваться [к нему] и использовать [его на службе], то можно преодолеть коварные деяния самовластного [чиновника]. Поэтому если использовать людей умных и сведущих в искусстве управления, способных и сведущих в законах, то чиновники знатные и самовластные непременно окажутся вне рамок [закона]. Это значит, что умные и сведущие в законах люди и распоряжающиеся властью узурпаторы являются непримиримыми врагами.

Когда самовластный узурпатор захватывает в свои руки бразды правления, то вне двора и внутри его все служит ему. Поэтому если [соседние] правители не следуют за ним, то дела их не идут на лад, поэтому враждебные государства воспевают его; если чиновники не следуют за ним, то их карьера не движется, поэтому массы чиновников используются им; если придворные не следуют за ним, то им невозможно связаться с государем, поэтому все окружающие скрывают его [злые деяния]; если ученые не следуют за ним, то их жалованье становится ничтожным и они не находят должного почета [от государя], поэтому и ученые прославляют его. Эти четыре категории помощников [узурпатора] существуют, чтобы зловерные чиновники могли приукрашивать себя. Самовластный узурпатор не может быть верным государю и продвигать [по службе] своих врагов; государь не может избавиться от этих четырех [категорий] помощников [узурпатора] и разоблачить этого [самовластного] чиновника. Поэтому государь все слабеет, а крупные чиновники становятся все могущественнее.

Редко бывает так, чтобы узурпировавший власть не пользовался бы доверием и любовью государя, который к тому же давно знаком с ним. Доходит до того, что такой человек подлаживается к настроениям государя, поддакивая ему и в хорошем, и в плохом. Используя все это, он и делает карьеру. Должности и звания [такого человека] почетны и важны, сообщников у него толпы, и все государство воспеваает его. А когда к государю хочет обратиться человек, сведущий в законах и в искусстве управления, то он не находит у государя ни доверчивого и любовного отношения, ни давнего прочного знакомства. Когда он хочет речами о законе и об искусстве управления выправить заблуждения государя, то оказывается, что его [взгляды] противоречат [настроениям] государя. [Такой человек] занимает низкое положение, влияние его ничтожно, у него нет сторонников, и он одинок. Ведь когда [человек], далекий [государю], вступает в борьбу с тем, кто близок [государю] и пользуется его любовью и доверием, победы ему не видать; когда пришелец вступает в борьбу со старожилом, победы ему не видать; когда [человек], противоречащий государю, вступает в борьбу с единомышленником [государя], победы ему не видать; когда низкий и ничтожный вступает в борьбу со знатным и влиятельным, победы ему не видать; когда одиночка вступает в борьбу с целым государством, победы ему не видать. Сведущий в законах и в искусстве управления, не будучи в силах одержать победу по этим пяти причинам, может ждать долгие годы, но так и не пробиться к очам государя; а узурпировавший власть, одержавший победу по этим же пяти причинам может обращаться к государю хоть каждый день. Если так, то как же сведущий в законах и в искусстве управления [человек] может выдвинуться и когда же государь сможет прозреть? Значит, может ли [человек], сведущий в законах и в искусстве управления, избежать опасности, когда ему не видать победы и нельзя сосуществовать [с узурпатором]? [Узурпатор] может клеветнически обвинить его в преступлении и казнить по государственным законам, а если нет возможности приписать ему преступления, можно прикончить его исподтишка ударом кинжала. Таким образом, [человек], ясно разбирающийся в законах и в искусстве управления, по возражающий государю, если даже избежит казни, непременно погибнет от тайного удара кинжала.

Приятели и сообщники [узурпатора] окружают государя и вводят его в заблуждение; те, кто лукавыми речами преследуют личные цели, непременно встречают доверие у самовластного узурпатора. Если тот может приписать им заслуги, то возвышает их путем предоставления придворных должностей; если тот может приписать им славу, то использует их на важных постах вне столицы. Вот почему тот, кто вводит в заблуждение государя и заискивает перед частными лицами, если даже не займет высокую должность при дворе, то непременно получит повышение в должности вне столицы. Ныне государь прибегает к казням, не проводя соответствующего расследования; раздают чины и награды, не рассматривая заслуг. Так как же человек, сведущий в законах и искусстве управления, может выступить со своими речами, пренебрегая смертью? Как же коварный чиновник может согласиться отказаться от собственной выгоды и уйти? Поэтому государь падает все ниже, а частные лица все более в почете...

Для [государства] с десятью тысячами колесниц главная беда тогда, когда крупные чиновники захватывают слишком большую власть; для [государства] с тысячью колесниц главная беда тогда, когда окружающие [государя чиновники] пользуются слишком большим доверием [у государя]; это общие беды для [всех] государей. К тому же если чиновники совершают тяжкие преступления, то это значит, что государь допустил большие упущения, ибо выгоды чиновников и государя противоположны. Как это понять? Отвечаю: выгода государя в том, чтобы иметь способных [подданных] и назначать их на должности, а выгода чиновников в том, чтобы, не имея способностей, распорядиться делами; выгода государя в том, чтобы иметь заслуженных [подданных] и вознаграждать их; выгода чиновников в том, чтобы, не имея заслуг, быть богатыми и знатными; выгода государя в том, чтобы выдающиеся люди служили ему по своим способностям; выгода чиновников в том, чтобы использовать в личных целях своих друзей и сторонников. Поэтому территория государства все урезается, а частные дома все богатеют; государь падает все ниже, а крупные чиновники становятся все могущественнее. Таким образом, государь теряет силу, а чиновники завладевают государством; государь опускается до положения подчиненного чиновника, а первый министр

начинает распоряжаться [раздачей] чиновничьих верительных бирок. Так чиновники морочат государя ради личных выгод. Поэтому в наш век из десяти влиятельных чиновников не наберется и двух-трех, которые бы при смене государя неизменно оставались бы в числе фаворитов. В чем же тут причина? В том, что преступления чиновников тяжки. Чиновник, совершивший тяжкое преступление, своим деянием обманул государя, и преступление его заслуживает смерти. Разумный человек, который дальновиден и боится смерти, ни за что не пойдет за самовластным узурпатором; мудрец, который совершенствуется в бескорыстии и стыдится обманывать своего государя заодно с коварными чиновниками, ни за что не пойдет за самовластным узурпатором. Что же касается тех, кто плетется за узурпатором, то, коли это не глупцы, не принимающие опасности, так это непременно низменные [личности], не удерживающиеся от коварных [деяний]. Крупные чиновники поддерживают этих глупых и низменных людей, они, с одной стороны, вместе с ними обманывают государя, с другой стороны, вместе с ними грабят [народ] ради собственной выгоды, сколачивают вокруг себя друзей и сообщников, сообща в один голос дурачат государя, разрушают закон и этим вносят смуту в [среду] служивых и в народ, несут вред царствующему дому, ставят государя в тяжелое и унижительное положение — это все тяжкие преступления. Если чиновник совершает тяжкое преступление, а государь не пресечет его, то это крупная ошибка. Если позволять, чтобы наверху крупные ошибки допускал государь, внизу тяжкие преступления совершали чиновники, да еще требовать при всем этом, чтобы государство не погибло, то это недостижимо,

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. «ТРУДНОСТЬ УБЕЖДАТЬ»

Трудность убеждать обычно состоит не в том, что трудно убедить [собеседника] из-за [недостатка] моих знаний; не в том, что мне трудно своими доводами сделать ясными свои мысли; не в том, что я не смею высказать все до конца из-за недостатка красноречия. Трудность убеждать обычно состоит в том, чтобы уяснить помыслы убеждаемого и суметь нацелить на них свои убеждения.

Если тот, кого [я] убеждаю, стремится к славе, а [я] убеждаю его стремиться к выгоде, то он будет смотреть на меня как на [человека] с низкими стремлениями, [я встречу с его стороны] презрение и пренебрежение, и [он] непременно прогонит [меня] подальше. Если тот, кого [я] убеждаю, стремится к выгоде, а [я] убеждаю его стремиться к славе, то он будет смотреть на меня как на безмозглого и далекого от жизни [человека] и ни за что не примет [моих советов]. Если тот, кого [я] убеждаю, втайне стремится к выгоде, но делает вид, что стремится к славе, а [я] убеждаю его стремиться к славе, то он внешне примет меня, но на самом деле отдалит; если же [я] буду убеждать его стремиться к выгоде, то он втайне использует мои советы, но ради [соблюдения] видимости самого меня изгонит. Этого нельзя не учитывать.

Всё [всякое] дело завершается успехом при сохранении тайны и заканчивается провалом при разглашении тайны. Не обязательно, чтобы ее разгласил лично сам [советчик], но если он в разговоре хотя бы [невзначай] коснется секретных дел, то ему лично будет грозить беда. Если государь делает что-либо явно, но это [явное] служит лишь прикрытием для чего-то другого, а советчик разузнает не только о том, что на виду, но и о том, зачем это делается, то ему лично будет грозить беда. Если [государь] затеял какое-то необычное дело и [советчик] с ним согласен, но посторонние умники догадались о нем и [дело] обнаружилось, то [государь] непременно решит, что это сделал сам [советчик], и ему лично будет грозить беда. Если [советчик] не слишком близок [к государю], а речи его весьма разумны, то, если его совет осуществили и это принесло успех, его заслугу забудут; если же совет не осуществили и это принесло неудачу, то в нем [все равно] усомнятся и ему лично будет грозить беда. Если знатный человек допустит ошибку, а советчик открыто выскажет хорошее предложение, но при этом вскроет пороки [знатного], то ему лично будет грозить беда. Если знатный человек в каком-либо случае удачно осуществит свой замысел и захочет [всю] заслугу приписать себе, а советчик тоже участвовал в этом деле, то ему лично будет грозить беда. Если советчик требует [от государя] делать то, чего тот не может, или препятствует ему делать то, что он хочет, то ему лично будет грозить беда.

Если толковать [с государем] о крупных людях, то [государь] решит, что его хотят поссорить с ними; если толковать [с государем] о мелких людях, то [государь] решит, что покушаются на его права; если толковать о том, что [государь] любит, то [государь] решит, что к нему подлаживаются; если толковать о том, что [государь] ненавидит, то [государь] решит, что его испытывают. Если [советчик] говорит просто и коротко, его считают неумным и прогоняют; если [советчик] говорит подробно и красноречиво, его считают многословным и болтливym; если большой смысл заключен в кратких словах [советчика], то это считают трусостью и боязнью высказаться до конца; если [советчик говорит] свободно и без стеснения, это считают грубостью и надменностью. Это все трудности убеждать, и нельзя не знать их.

Задача всякого советчика состоит в том, чтобы знать, как приукрасить то, чем [государь] гордится, и прикрыть то, чего он стыдится. Если у него есть личные пристрастия, непременно следует представить их как общественный долг и тем подкрепить их. Если у него есть изменные желания, но сам он не в силах от них воздержаться, советчик должен приукрасить их и преуменьшить их недопустимость. Если устремления [государя] возвышенны, но на самом деле недостижимы, советчик должен обратить его внимание на их недостатки и пояснить их плохие черты, поощряя отказаться от них. Если государь желает показать [в каком-либо вопросе] ум и способности, пужно поставить перед ним подобный вопрос, дать ему побольше соответствующих данных и подсказать от себя главные идеи, а самому прикинуться незнающим, чтобы помочь ему проявить свой ум. Если [советчик] хочет всеобщего спокойствия, следует непременно представить [государю] это желание прекрасным и ненароком дать понять, что это соответствует и его личной выгоде. Если [советчик] хочет предостеречь от [чего-либо] опасного, следует открыто [сказать], что [государь] получит дурную славу, и ненароком дать понять, что это грозит бедой и ему лично. Следует восхвалять людей, чьи поступки совпадали бы с поступками [государя], и ставить в образец дела, которые совпадали бы с планами государя. Пороки, одинаковые с пороками [государя], надлежит непременно сильно приукрашивать как безвредные; неудачи, одинаковые с неудачами государя, надлежит непременно сильно приук-

рашивать как не представляющие никакой потери. Если государь преувеличивает свои силы, не надо поправлять его ссылкой на трудности; если он смело принимает решения, не надо гневать его указанием на его ошибки; если он считает свои планы разумными, не надо затруднять его ссылкой на неудачные примеры. Не перечь [государю], когда он в сильном гневе; не противоречь [государю], когда он несет ерунду; а после этого превозноси его ум и красноречие². На этом пути ты будешь по-родственному близок государю, станешь вне всяких подозрений и сможешь раскрыться перед ним до конца.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ. «РАЗЪЯСНЕНИЕ [ПОЛОЖЕНИЙ] ЛАО-ЦЗЫ»

Дэ — это внутреннее; полученное — это внешнее. [фраза] «[Человек] с высшим *дэ* не осуществляет добрые дела»³ говорит о том, что его душа не соблазняется внешним. Если душа не соблазняется внешним, то тело цело; если тело цело, это называется *дэ*. [Таким образом], *дэ* — это приобретение тела. Любое *дэ* оформляется посредством недеяния; создается посредством отсутствия желаний, [вызванных вещами]; становится спокойным посредством того, что не [прибегают] к размышлениям; делается твердым посредством того, что не [прибегают] к использованию. Если [осуществляются какие-либо] деяния, [проявляют какие-либо] желания, то для *дэ* нет пристанища, а раз для *дэ* нет пристанища, то не сохраняется целостность [тела]. Если прибегают к использованию [чего-либо] и размышлениям [над чем-либо], то [*дэ*] не бывает твердым, а раз [*дэ*] не бывает твердым, то успех не достигается⁴. Поскольку не сохраняется целостность [тела] и успех не достигается, то жизнь приобретает [собственное] *дэ*⁵.

[Таким образом], [стремление] к приобретению [чего-либо] есть отсутствие *дэ*, а отсутствие [стремления] к приобретению [чего-либо] есть [наличие] *дэ*. Поэтому говорится: «[Человек] с высшим *дэ* не осуществляет добрые дела, поэтому он является добродетельным»⁶.

Поэтому недеяние и отсутствие мыслей расцениваются как пустота, потому что здесь имеется в виду, что [разум] ничем не ограничен; не обладающие искусством [*дао*] на-

меренно недеяние и отсутствие мыслей принимают за пустоту; те, кто намеренно недеяние и отсутствие мыслей принимают за пустоту, постоянно помнят о пустоте и поэтому испытывают в своих деяниях ограничение [со стороны] пустоты. Под «пустотой» имеется в виду [состояние], когда разум не испытывает [никаких] ограничений; сейчас же испытывают ограничение со стороны пустоты, поэтому это не пустота; сам человек обладает пустотой, значит, он осуществляет деяние и не принимает недеяние за нечто постоянное. Если недеяние не принимается за нечто постоянное, то осуществляется пустота; раз осуществляется пустота, то *дэ* становится [все более] совершенным; когда *дэ* становится [все более] совершенным, его называют высшим *дэ*. Поэтому говорится: «[Человек] с высшим *дэ* бездеятелен и в то же время деятелен»⁷.

«Человеколюбием» называют [такое состояние человека], когда в сердце у него содержится радостная любовь к [другим] людям; когда он радуется счастьем [других] людей и питает отвращение к их несчастью; когда он дает полное проявление тому, что находится в его сердце, не рассчитывая на вознаграждение [со стороны других людей].

Поэтому говорится: «[Человек], обладающий высшим человеколюбием, действует, осуществляя недеяние»⁸.

Долг — это отношения государя и подданных, высших и низших; различие отца и сына, знатных и незнатных; взаимоотношения знакомых и друзей; разделение близких и дальних [родственников], своих и чужих. Подданный [должен] служить государю надлежащим образом; низшие [должны] покоряться высшим надлежащим образом; сын [должен] служить отцу надлежащим образом; незнатный [должен] уважать знатного надлежащим образом; знакомые, друзья [должны] помогать друг другу тоже надлежащим образом; к близким [которые находятся] рядом с тобой, и к дальним, [которые находятся] далеко от тебя, [необходимо относиться] надлежащим образом. Под «долгом» имеется в виду, что необходимо [должны] относиться надлежащим образом, [все] делается надлежащим образом. Поэтому говорится: «Человек высшего долга деятелен, и его действия нарочиты»⁹.

Ритуал — это то, чем создают [внешнюю] видимость [внутреннего] умонастроения; это [как бы] роспись в дета-

лях многообразных видов долга; это связь государя с подданными, отца с сыновьями; это то, чем отличается знатный от незнатного, достойный от никчемного.

В сердце питают покорность, но [о ней другому] неизвестно, поэтому стремительной походкой, почтительным сложением рук делают [ее] ясной; сердце наполнено любовью, но [о ней другому] неизвестно, поэтому ласковыми словами, красивыми выражениями уверяют в ней [другого]; ритуал — это внешнее украшение, с помощью которого выражают внутреннее. Поэтому и говорится: «Ритуал служит для создания [внешней] видимости [внутреннего] умонастроения».

Вообще, когда человек под влиянием внешних вещей совершает действие, [он] не знает, соответствует ли его поведение ритуалу; обычные люди соблюдают ритуал [лишь] из-за почтения к другим людям; поэтому они то по-настоящему [соблюдают его], то кое-как; благородный муж соблюдает ритуал для того, чтобы ограничить себя; раз для того, чтобы ограничить себя, то он всеми помыслами [сосредоточен] на достижении высшего ритуала; [для достижения] высшего ритуала необходимо сосредоточить все помыслы, но обычные люди проявляют неискренность, поэтому [отношения тех и других к соблюдению ритуала] не могут соответствовать друг другу. Раз не могут соответствовать друг другу, то поэтому говорится: «Человек высшего долга деятелен, но ему [никто] не отвечает [соответствующим образом]».

Хотя обычные люди проявляют неискренность [в отношении ритуала], совершенномудрый вновь и вновь выражает почтение и уважение, [и, таким образом, получается, что] ритуал, проявляющийся в действии членов¹⁰, [у всех людей] не ослабевает.

Поэтому говорится: «Засучив рукава, побуждает»¹¹.

Дао накапливается, а накопление дает результат¹². *Дэ* — это результат *дао*. Результат имеет реальное воплощение, а реальное воплощение обладает блеском; человеколюбие — это блеск *дэ*. Блеск обладает яркостью, а яркость выражается в делах; долг — это выражение человеколюбивых дел. Дела связаны с [соблюдением] ритуала, а ритуалу присуща красочность; ритуал — это красочность долга.

Поэтому говорится: «*Дэ* появляется только после

утраты *дао*; человеколюбие — после утраты *дэ*; долг — после утраты человеколюбия; ритуал — после утраты долга»¹³.

Ритуал придает [внутреннему] умонастроению [внешнюю] видимость; красочность служит для приукрашивания природного; ведь благородный муж предпочитает [внутреннее] умонастроение и отбрасывает [внешнюю] видимость; ценя природное, отвергает украшения.

Ведь у того, [внутреннее] умонастроение которого опирается на [внешнюю] видимость, [само внутреннее] умонастроение нехорошее; у того, кто приукрашивает свою [природную] сущность, сама [природная] сущность испорчена. Откуда это видно?

[Знаменитая] яшма Хэ Ши не была украшена узорами всех пяти цветов; [знаменитая] жемчужина Суй Хоу¹⁴ не была украшена драгоценными металлами. Их сущность была в высшей степени прекрасной. Вещи приукрашиваются оттого, что достаточно [хороши]. У вещей, которые принимаются в расчет лишь после украшения, собственная сущность не является прекрасной. На этом основании ритуал [отношений] между отцом и сыновьями прост и не требует пояснения.

Поэтому говорится: «Ритуал безыскусен».

Все вещи не могут одновременно процветать — это *инь* или *ян*; [любая] норма [отношений], по которой происходит взаимное отнятие [у одного] и прибавление [к другому], — это есть [проявление] морали или насилия¹⁵; [явление, в котором] содержание отличается полнотой, а [внешняя] видимость бедностью, — это правила поведения в отношениях между отцом и детьми.

Отсюда видно, что усложнение ритуала есть проявление слабости разума; а если так, то тот, кто следует [в деяниях] ритуалу, озабочен тем, чтобы проникнуть в простой разум людей. Обычные люди следуют [в деяниях] ритуалу; [при этом], если [другие] люди отвечают [им], им легко и радостно; если им не отвечают, [они] порицают и таят обиду.

Ныне следующие в деяниях ритуалу озабочены тем, чтобы проникнуть в простой разум людей; но, когда появляется повод для взаимных упреков, разве возможно не враждовать! Раз есть вражда, есть и смута.

Поэтому говорится: «Ритуал — это [проявление] ослабления преданности и доверия, начало смуты».

Действие, происходящее раньше [появления] вещей; поступок, совершаемый раньше [выявления] *ли* [в вещах], называют опережающим знанием. Опережающее знание — это предположение, не имеющее оснований¹⁶.

Откуда это видно? [Однажды] Дань Хэ, сидя дома, вел беседу. Ученики были рядом. За воротами промывала какая-то корова. Ученик сказал: «Это черная корова с белым [пятном] на лбу». Дань Хэ сказал: «Верно, это черная корова, но белое у нее на рогах». Послали человека посмотреть. Действительно, оказалась черная корова, а рога ее были обмотаны [белой] холстиной.

Методом Дань Хэ опутывают сердца простых людей, [и этот] прием опасен.

Поэтому говорится: «Это цветок *дао*».

[Если] попробовать провести проверку созерцания Дань Хэ, то, послав малого несмышленного ребенка посмотреть, узнают, что [это] черная корова, а рога обмотаны холстом. Поэтому созерцанием по Дань Хэ причиняют страдания сердцу, вредят душе, а впоследствии результат оказывается такой же, как у малого несмышленного ребенка. На этом основании говорят: «Это начало глупости».

Поэтому говорится: «Опережающее знание — это цветок *дао* и начало глупости»¹⁷.

Выражение «большой муж» говорит о том, кто очень мудр. Выражение «берет существенное и оставляет ничтожное» означает, что [большой муж] выражает в поступках реальное содержание [внутренних] умонастроений и устраивает [внешнюю] видимость ритуала.

Выражение «берут плод и отбрасывают цветок» означает, что обязательно опираются на *ли* [в вещах], а не занимаются предположениями, лишены [оснований в *ли*].

Выражение «отказываются от второго и предпочитают первое» означает, что отказываются от [внешней] видимости и использования догадок, предпочитают опираться на *ли* и ценить реальное содержание умонастроения. Поэтому говорится: «Отказываются от того, предпочитают это»¹⁸.

Если человек в несчастье, то сердце его насторожено и объято страхом. Раз сердце насторожено и объято страхом, то действия [его] точны и прямы. Раз действия точны и прямы, то мысль [его] находит [нужные] решения.

Раз мысль находит [нужные] решения, то постигается *ли* в делах.

Если действия точны и прямы, то не бывает несчастий и вреда. Раз нет несчастий и вреда, то исчерпывают все годы [жизни, данные] небом.

Если постигается *ли* в делах, непременно добьются успеха.

Если исчерпывают все годы [жизни, данные] небом, то могут сохранить ее целостность и долголетие. Если [дела] всегда совершают успешно, то становятся богатыми и знатными. Целостность и долголетие, богатство и знатность называют счастьем. Но счастье имеет корень в том, что приносит несчастье.

Поэтому говорится: «О несчастье! [Оно] является опорой счастья», — и таким образом приходит [счастье].

Если человек обладает счастьем, то приходят богатство и знатность. Раз приходят богатство и знатность, то [его] одежда и питание становятся прекрасными. Раз одежда и питание прекрасны, то появляется гордыня.

Если появляется гордыня, то его действия порочны, а поступки противоречат *ли*. Раз действия порочны, то жизни [человека] грозит опасность и смерть. Раз поступки [человека] противоречат *ли*, то не бывает успешных свершений. Когда дело таит в себе опасность и смерть и человек лишен успехов и славы — это большое несчастье. Но несчастье имеет корень в том, что [приносит] счастье.

Поэтому говорится: «О счастье! В нем заключено несчастье»¹⁹.

Те, кто ведет дела, руководствуясь *дао* и *ли*, в любом случае способны совершать [их]. Способные в любом случае совершать [дела] в большом смогут достичь почета и авторитета сына неба, а в малом легко получить жалование и награды, подобающие первому министру и командующему войсками. Те же, кто произвольно предпринимает действия, отбрасывая *дао* и *ли*, даже если [они] обладают авторитетом и почетом сына неба или *чжухоу*²⁰ или имеют богатство, как у И Дуня, Тао Чжу²¹ или Бу Чжу — гадателя, чтеца [во время жертвоприношения], пожалуй, потеряют свой народ и лишатся своих ценностей и средств. Обычные люди, которые, пренебрежительно отбрасывая *дао* и *ли*, с легкостью идут на произвольные действия, не знают глубины и величия [связей]

счастья и несчастья и [насколько] далеко и всеобъемлюще *дао*. Поэтому [человек], давший пояснение, сказал: «Кто знает их границы?»²²

Никто из людей не может не желать богатства, знатности, целостности [жизни], долголетия, но еще не случилось, чтобы [они] оказались способными избежать таких несчастий, как бедность, положение незнатного, захирение и смерть. Сердце желает богатства, знатности, целостности [жизни] и долголетия, а получается бедность, положение незнатного, захирение, смерть, — это значит не способны достичь того, чего желают. О любом из тех, кто теряет дорогу к желаемому и бродит как попало, говорят: «Заблудился». Раз заблудился, то не сможет достичь того, чего желает. В настоящее время обычные люди неспособны достичь того, чего желают, поэтому говорится: «Заблуждение». Люди толпы не способны достичь того, чего желают, со времени разделения неба и земли и вплоть до настоящего времени, поэтому говорится: «Человек уже давно находится в заблуждении»²³.

Выражение «гармоничный» означает соответствие внутреннего и внешнего, совпадение слов и действий. Выражение «бескорыстный» означает восприятие жизни и смерти как неизбежного предопределения [судьбы], пренебрежение и равнодушие к богатствам и ценностям. Выражение «правдивый» означает, что понимание долга всегда правильное и что сердце не питает пристрастий. Выражение «светлый» указывает на почетную должность и титул, прекрасную и впечатляющую одежду.

Теперь представим, что есть служилый, овладевший *дао*, хотя [сам он] обладает внутренней убежденностью и в своей деятельности следует [ей, он] не использует этого для того, чтобы клеймить изворотливых и порицать опустившихся. Хотя [сам он] готов умереть, когда это нужно, [во имя принципов] и пренебрегает богатством, [он] не прибегает к посрамлению отступников и оскорблению корыстолюбивых. Хотя [сам он] имеет правильное представление о долге и не питает пристрастий, [он] не прибегает к отстранению [находящихся в плену] извращенных [представлений] и для осуждения [преследующих] частные [интересы]. Хотя положение [его] почетно, а одежда прекрасна, [он] не использует это для хвастовства перед незнатными и обмана бедных.

Какова причина этого? [Это делается] для того, чтобы потерявший дорогу захотел послушать опытного, спросить знающего, чтобы не заблудиться. Ныне обычные люди, желая успешно свершать дела, напротив, терпят поражения потому, что [они] не знают *дао* и *ли* и не хотят спрашивать у знающих и слушать способных. Когда обычные люди не желают спрашивать у знающих, слушать способных, а совершенномуудрый порицает [их за это], настойчиво [указывая на причины] их несчастий и поражений, тогда возникает недовольство. Обычных людей много, а совершенномуудрых [мало]. В силу численности одинокий не одолеет толпы. Предпринимая действия, становиться в позицию противопоставления [себя] всей Поднебесной — это не есть путь сохранения себя и prolongation жизни. Поэтому действие должно совершаться, не выходя из колен [*дао* и *ли*].

Поэтому говорится: «[Совершенномуудрый] справедлив и не отнимает ничего у другого; бескорыстен и не вредит другим; правдив и не делает ничего плохого; светел и не желает блеснуть»²⁴.

Тонкость [слуха], ясность [зрения], пронзительность [ума], [способность] постижения [порождены] небом. Движение и покой, размышление, обдумывание — человеческие действия.

Человеческие действия — это означает то, что [человек] смотрит, опираясь на [рожденную] небом ясность [зрения]; слушает, опираясь на [рожденную] небом тонкость [слуха]; размышляет и обдумывает, опираясь на [рожденный] небом ум.

Поэтому если созерцание сопровождается напряжением, то глаза не [в состоянии] увидеть [что-либо]; если чрезмерно вслушиваются, то уши не [в состоянии] услышать [что-либо]; если размышления и обдумывание совершаются слишком усердно, то в знаниях появляется хаос.

Если глаза не [в состоянии] увидеть [что-либо], то [они] не могут различить белое и черное; если уши не [в состоянии] услышать [что-либо], [они] не могут отделить чистые звуки от засоренных; если в знаниях появляется хаос, то [разум] не может разобраться в том, что приводит к упущениям и что к достижениям.

Если глаза не могут различать белый и черный цвета, то это называют слепотой; если уши не могут отделять

чистые звуки от засоренных, то это называют глухотой; если сердце не может выяснять, что приводит к упущениям и что к достижениям, то это называют безумием.

В случае слепоты нельзя избежать опасностей и средь бела дня; в случае глухоты нельзя знать о беде, оповещаемой громом; в случае безумия нельзя избежать несчастий, которыми грозят действующие среди людей установления и приказы.

«Управлять людьми», о чем говорится в книге [Лао-цзы], означает приведение в порядок отношений между движением и покоем, уменьшение сил, [затрачиваемых] на размышление и обдумывание.

«Служить небу», о чем говорится [там же], не означает использование до предела сил ясности [зрения] и тонкости [слуха], истощение до конца возможностей знаний²⁵.

Если же ясность [зрения] и тонкость [слуха] используются до предела, [а возможности знания] истощаются до конца, то расходуется много душевных [сил]. А раз расходуется много душевных [сил], то приходят несчастья, вызываемые слепотой, глухотой, безумием.

На этом основании экономят [душевные силы]. Экономия [душевных сил] означает любовь к душе, экономю ее знаний.

Поэтому говорится: «Управляя людьми и служа небу, лучше всего экономить [душевные силы]»²⁶.

Обычные люди используют душевные [силы] легкомысленно. Раз легкомысленно, то [происходит] большая трата сил. О большой трате говорится — расточительство. Совершенномудрый использует душевные [силы] спокойно. Раз спокойно, то [происходит] небольшая трата [сил]. О небольшой трате говорится — экономия. Экономией называется метод, порожденный [знанием] *дао* и *ли*. Ведь способный к экономии — это тот, кто следует *дао* и подчиняется *ли*.

Обычные люди, когда сталкиваются с несчастьем или попадают в беду, все равно не зная, как выйти [из создавшегося положения], не следуют *дао* и не подчиняются *ли*.

Совершенномудрый даже тогда, когда несчастье или беда еще не видны, опустошившись²⁷, подчиняется *дао* и следует *ли*, — [это] именуется «[подчинение] заранее».

Поэтому говорится: «Чтобы осуществлять экономию, следует подчиниться заранее».

Тот, кто знает, как управлять людьми, спокойно размышляет и обдумывает. У того, кто знает, как служить небу, связывающие его с миром поры пусты²⁸. Если размышляют и обдумывают спокойно, *дэ* не теряется. Если поры пусты, то *ци* гармонии каждый день проникает [в человека]. Поэтому говорят: «Увеличивается и накапливается *дэ*».

Тот, кто способен не утратить имеющиеся *дэ* и вызывать ежедневный приход нового *ци* гармонии, тот и является заранее подчиняющимся [*дао* и *ли*]. Поэтому говорится: «Подчинение [*дао* и *ли*] заранее означает увеличение и накопление *дэ*».

После накопления *дэ* душа успокаивается; после того как душа успокаивается, приходит обилие [*ци*] гармонии; после того как пришло обилие [*ци*] гармонии, расчеты дают результаты; после того как расчеты дали результаты, [люди] становятся способными управлять множеством вещей. Если способны управлять множеством вещей, то в войне легко одолевают врага. Если в войне легко одолевают врага, то рассуждения непременно покоряют мир. Рассуждения непременно покоряют мир, поэтому говорится: «Нет ничего непреодолимого».

Отсутствие чего-либо непреодолимого коренится в накоплении *дэ*. Поэтому говорится: «Если [происходит] накопление *дэ*, то нет ничего непреодолимого».

Если в войне легко одолевают врага, то захватывают [всю] Поднебесную. Если рассуждения непременно покоряют мир, то [все] люди следуют [им]. С одной стороны, захватывают [всю] Поднебесную, а с другой стороны, побуждают следовать [своему мнению всех] людей²⁹. Такое искусство простирается далеко, и никто из обычных людей не видит ни [его] начала, ни [его] конца — на этом основании никто не знает его предела.

Поэтому говорится: «Если нет ничего непреодолимого, то никто не знает его предела»³⁰.

В любом случае, когда [кто-либо], вначале обладая царством, затем теряет его, а обладая телом, затем преждевременно губит его, нельзя сказать, что [он] способен обладать своим царством, способен сохранять свое тело.

Ведь раз способен обладать своим царством, то, следовательно, обязательно способен успокоить духов земли и злаков; раз способен сохранять свое тело, то, следовательно, обязательно способен дожить до конца лет, предопределенных небом; только после [выполнения этого условия] можно сказать, что [он действительно] является способным обладать своим государством, способным сохранять свое тело.

Тот, кто [действительно] является способным обладать своим государством, сохранять свое тело, обязательно к тому же в конкретном воплощает *дао*³¹. Если в конкретном воплощает *дао*, то его мудрость глубока. Раз его мудрость глубока, то его [способности] к постижению простираются далеко. Его [способности] к постижению простираются далеко — из обычных людей толпы никто не способен увидеть предела для него. Способен сделать так, что другие не видят предела его дел. Тот, кто не показывает предела дел, является способным сохранить свое тело, обладать своим царством. Поэтому говорится: «Никто не знает его предела. Если никто не знает его предела, то [он] может обладать царством»³².

В выражении «начало обладания царством» начало есть начало *дао*. *Дао* рождается от искусства, посредством которого обладают царством. Поскольку есть искусство, посредством которого обладают царством, о нем говорится: «Начало обладания царством».

Тот, кто с помощью *дао* возвращается вместе с миром³³, утверждает жизнь длительную, сохраняет благополучие долго. Поэтому говорится: «Начало обладания царством долговечно».

У растущего дерева есть мягкие [раскидистые] корни и есть прямой [вертикальный] корень. Прямой корень — это то, что в книге [Лао-цзы] называется основой. Основа — это то, чем утверждается жизнь дерева, а мягкие корни — это то, чем поддерживается жизнь дерева. *До* — это то, чем утверждается жизнь человека. Благополучие — это то, чем поддерживается жизнь человека.

Если теперь основываться [в жизни] на *ли*, то благополучие сохраняется долго. Поэтому говорится: «Углубляет свои корни».

Кто в конкретном воплощает *дао*, дни жизни продолжают долго. Поэтому говорится: «Укрепляет свою основу».

Если основа крепкая, то жизнь длинная; если корень глубокий, [его способность] к видению долговечная. Поэтому говорится: «То, что углубляет корни и укрепляет основу, — это и есть вечно существующее *дао*»³⁴.

Если занимающиеся [ремеслом] много раз меняют занятие, [они ни в чем] не достигают успехов. Если работающие [на полях]³⁵ много раз снимаются [со своих мест] и перемещаются, то [они] губят результаты [своего труда]. Если трудится один человек и за день у него пропадает полдня, то за десять дней пропадает результат [труда] пяти человек. Если трудятся 10 000 человек и за день пропадает полдня, то за десять дней пропадает результат [труда] 50 000 человек. Итак, чем больше людей много раз меняют занятия, тем больше потери.

Всегда, когда меняются приказы, изменяются и условия полезного и вредного; если же изменяются условия полезного и вредного, то меняются дела, [которыми] занимаются простолюдины³⁶; о перемене дел, [которыми занимаются] простолюдины, говорится: «Перемена занятий».

Поэтому если подойти к этому, взяв [за основу] *ли*, [то окажется]: когда, используя вместе большую массу людей, много раз перемещают их с места на место, то успехи будут незначительными.

Если при наполнении большого сосуда многократно передвигать его, то будут большие повреждения; если при приготовлении блюда из мелкой рыбы часто мешают ее, то отнимают ее вкусовые качества; если при управлении большим царством часто меняют законные [установления], то народ страдает от этого.

На этом основании правитель, овладевший *дао*, ценит спокойствие и считает важным [вопрос] о перемене [установлений]. Поэтому говорится: «Управление большим царством напоминает приготовление блюда из мелкой рыбы»³⁷.

Если человек болен, то ценит лекаря; если [с ним] случается несчастье, то страшится злых духов.

Если у власти находится совершенномудрый, то народ умеряет [свои] желания; если же народ умеряет [свои] желания, то кровь и дух [его] упорядочены и [он] действует надлежащим образом. А если [он] действует надле-

жащим образом, то становится меньше вреда и несчастья.

Очень пренебрежительно относятся к злым духам те, кто внутри свободен от страданий, причиняемых мелкими опухолями, нарывами, фурункулами, желтухой, геморроем, а вовне избавлен от таких несчастий, как наказания, осуждения, приказы, казни.

Поэтому говорится: «[Когда] в соответствии с *дао* управляют Поднебесной, [тогда] ее злые духи не творят чудес»³⁸.

Когда страна умиротворена, народ и злые духи не причиняют страданий друг другу. Поэтому говорится: «Не только злые духи не творят чудес, они не вредят людям».

Когда злые духи посылают наваждение, [они] приносят болезнь человеку. Об этом говорят: «Злые духи вредят человеку». Человек затем изгоняет их, [об этом] говорят: «Человек вредит злым духам». Народ нарушает установления и приказы, [об этом] говорят: «Народ вредит высшему»³⁹. Высший применяет телесные наказания и казни к народу, [об этом] говорят: «Высший вредит народу». Если же народ не нарушает установлений, то высший тоже не применяет телесных наказаний. Высший не применяет телесных наказаний, [об этом] говорят: «Высший не вредит народу». Поэтому говорится: «Совершенномудрый тоже не вредит народу».

Когда высший и народ не причиняют страданий друг другу, а люди и злые духи не вредят друг другу, то говорят: «[Оба] не вредят друг другу»⁴⁰.

Если народ не осмеливается нарушать установлений, то высший внутри не использует телесных наказаний и осуждений, а вовне не стремится получить выгоду от своих заповестей. Если высший внутри не использует телесных наказаний и осуждений, а вовне не стремится к получению выгоды от своих заповестей, то народ размножается и процветает. Народ размножается и богатеет все больше. Народ размножается и богатеет, а накоплений становится все больше, [об этом] говорится: «Налицо *дэ*».

Каждое, так сказать, наваждение означает, что как светлая, так и темная душа [человека] ушли прочь, а тончайшая душа⁴¹ пришла в смятение. Если тончайшая душа пришла в смятение, то *дэ* отсутствует. Если злые духи не осуществляют наваждение на человека, то светлая

и темная души не уходят прочь. Если светлая и темная души не уходят прочь, то тончайшая душа не приходит в смятение. Тончайшая душа не пришла в смятение, об этом говорится: «Дэ налицо».

Если высший увеличивает количество запасов, а злые духи не приводят в смятение его тончайшую душу, то *дэ* всегда находится в народе. Поэтому говорится: «Раз в обоих случаях [оба] не приносят вреда друг другу, то их [дэ] соединяются»⁴². Это означает, что *дэ* высших и низших, соединяясь, процветают и оба возвращаются к народу⁴³.

Правитель, овладевший *дао*, вовне не питает вражды и зависти к соперникам-соседям, а внутри [его] *дэ* изливается на народ. Тот, кто вовне не питает ненависти и зависти к соперникам-соседям, относится к *чжухоу* согласно ритуалу и долгу. А тот, у кого внутри *дэ* изливается на народ, управляя делами людей, обращает внимание на основное⁴⁴. Если относиться к *чжухоу* согласно ритуалу и долгу, то войн бывает мало. Если управляют делами людей, направляя внимание на основное, то распутство и расточительство прекращаются.

Вообще лошади находят широкое применение, потому что вовне [с их помощью] обеспечиваются латники, а внутри — [удовлетворяются] запросы, вызванные распутством и расточительством. Теперь есть овладевшие *дао* правители, которые вовне редко пускают в дело латников, а внутри пресекают распутство и расточительство. Высший не пускает в дело лошадей в боях или для преследования отступающих [на север]⁴⁵, а народ не использует лошадей для дальних перевозок предметов распутства. Силы сосредоточиваются только на возделывании полей. Раз силы сосредоточиваются на возделывании полей, то, следовательно, обязательно пользуются и поливом с удобрением навозом. Поэтому говорится: «Когда в Поднебесной есть *дао*, лошади уваживают землю»⁴⁶.

Если правитель не владеет *дао*, то внутри [он] жесток и бесчеловечен по отношению к своему народу, а вовне агрессивен и коварен по отношению к соседним царствам. Если внутри [он] жесток и бесчеловечен, то народ прекращает [занятие] производством. Если вовне [он] агрессивен и коварен, то происходят многочисленные сраже-

ния. Если народ прекращает [заниматься] производством, то меньше рождается скота. Если происходят многочисленные сражения, то гибнут все солдаты и офицеры. Если скота рождается меньше, то боевых коней недостаточно. Если гибнут солдаты и офицеры, то войска [подвергаются] смертельной опасности. Если боевых коней недостаточно, то [в войска] выставляются кобылы⁴⁷. Если войска подвергаются смертельной опасности, то к воинской повинности привлекаются близкие [правителю] сановники. Кони — это важнейшее средство, применяемое войском. Окрестности означают [места], близкие [к столице]. Ныне войска предоставляют кобыл и близких сановников, поэтому говорится: «Когда в Поднебесной отсутствует *дао*, то боевые кони пасутся в окрестностях»⁴⁸.

Если у человека [много] желаний, то [его] расчеты теряют стройность. Когда расчеты теряют стройность, желаний становится больше. Когда желаний становится больше, то лукавство одерживает победу. Когда лукавство одерживает победу, [нормальный] ход дел прекращается. Когда [нормальный] ход дел прекращается, появляются несчастья и затруднения. Отсюда видно: несчастья и затруднения появляются от лукавства, а лукавство порождено [тем, что] может [вызывать] желания. То, что может [вызывать] желания, с одной стороны, научает и хороший народ творить безобразия, с другой стороны, делает и добрых людей несчастными. Если возникают безобразия, то наверху наносится ущерб государю. Если наступают несчастья, то народ много страдает. Итак, то, что может вызывать желания, наверху наносит ущерб государю, а внизу причиняет страдания людям. Наверху наносить ущерб государю, а внизу причинять страдания людям — это великое преступление. Поэтому и говорится: «Нет большего несчастья, чем то, что вызывает желания»⁴⁹.

На этом основании совершенномудрый не соблазняется многообразием красок, не совращается звучной музыкой, а ясно понимающий государь пренебрегает забавами, устраняется от совращающих красот.

У человека нет ни шкуры, ни перьев. Если [он] не будет одеваться, то не сможет успешно бороться с холодом. Сверху [он] не относится к небесным [явлениям], внизу

[он] не относится к земле⁵⁰. Кишки и желудок являются [у него] основой. Если [он] не будет есть, то не сможет жить. На этом основании [у него] не могут не появляться мысли, представляющие собой желания выгоды [для себя]. [То, что] мысли, представляющие собой желания полезного [для себя], неустранимы, является источником забот его жизни. Поэтому если одежды достаточно для того, чтобы успешно бороться с холодом, а еды достаточно, чтобы утолить голод, то совершенно-мудрый уже [больше ни о чем] не заботится. Не таковы обычные люди. Максимум [для них] — стать *чжухоу*, минимум — лишняя тысяча золотых. Их заботы, вызванные желанием получить [это], неустранимы. Арестанты, бывает, убегают; осужденные на смерть преступники иногда остаются жить. Однако от забот, вызванных незнанием границ своих желаний, ныне до конца дней не освобождаются. Поэтому и говорится: «Нет большего несчастья, чем незнание границ своих желаний».

Поэтому чрезмерное желание выгоды [для себя] приводит к заботам. Если есть заботы, то появляется недомогание. Появляется недомогание, и [действенность] мудрости ослабевает. Если [действенность] мудрости ослабевает, то теряется чувство меры. Если теряется чувство меры, то действия предпринимаются беспорядочно. Если действия предпринимаются беспорядочно, то приходят несчастья и страдания. Приходят несчастья и страдания, и недомогание охватывает все плечо [человека]. Если же недомогание охватывает все плечо, то приводит к страданиям. Несчастье вообще человека вызывает горести. Если страдание и боли проникают в кишки и желудок, то [они] жестоко ранят человека, [вызывая] мучительную боль. Если жестоко [ранят], то [человек], отступив [перед болью], сам себя корит. [Таким образом], отступление и укор самого себя порождены желанием выгоды [для себя]. Поэтому говорится: «Нет большей опасности, чем желание выгоды [для себя]»⁵¹.

Дао — это то, что делает тьму вещей такими, [какие они есть], что делает тьму *ли* [такими, какие они есть]. *Ли* — это рисунок, делающий вещь [вещью]. *Дао* — это то, посредством чего создается тьма вещей. Поэтому говорится: «*Дао* выражается в принципах»⁵². [Все] вещи

имеют свое *ли* и не могут замещать друг друга. [Поскольку все] вещи имеют [свое] *ли* и не могут замещать друг друга, постольку *ли* становится определяющим [началом] для вещей.

Для каждой из тьмы вещей есть различное *ли*. Раз для каждой из тьмы вещей есть различное *ли*, то *дао* полностью исчерпывается [в них]. [*Дао*] — это [то, что] сделало *ли* тьмы вещей [такowymi, каковы они есть], что не может не видоизменяться.

[Оно] не может не видоизменяться, поэтому [у него] нет постоянного образа действия.

[У него] нет постоянного образа действия, и поэтому [оно живет] одним дыханием со смертью и жизнью, наполняется тьмой мудрости, сопутствует и гибели и расцвету тьмы дел.

Небо получило [*дао*] и посредством этого стало высоким, земля получила его и посредством этого стала вместительной⁵³. Связующий ковш получил его, и посредством этого создавался его авторитет⁵⁴; солнце и луна получили его, и посредством этого стало неизменным их сияние. Пять постоянных [начал] получили его, и посредством этого стало постоянным их положение⁵⁵; ряды звезд получили его, и посредством этого стало точным их [вращение]; четыре времени [года] получили его, и посредством этого стали управляемыми сопровождающие их перемены воздуха. [Родившийся в] Сюаньюань получил его и посредством этого стал единственным господином над четырьмя странами света; Чи-сун⁵⁶ получил его и посредством этого связался с небом и землей; совершенномудрый получил его и посредством этого создал письменность⁵⁷.

Яо и Шунь⁵⁸ овладели *дао* и стали мудрыми. Цзэюй⁵⁹ овладел *дао* и стал безумным. Цзе и Чжоу овладели им и погибли; Тан и У⁶⁰ овладели им и добились процветания.

Разве сочтешь [его] близким! — [оно] простирается до четырех пределов; разве сочтешь [его] далеким! — [оно] всегда сбоку рядом со мной. Разве сочтешь [его] темным! — его лучи ослепительны; разве сочтешь [его] светлым! — [эта] вещь темным-темна.

И в результате [его] усилий [были] созданы небо и земля; оно упорядочивает и видоизменяет громы и молнии.

Вещи внутри Вселенной основываются на нем и посредством этого становятся.

Любое состояние *дао* не есть насилие над вещами; [оно], будучи гибким и мягким, следует периодам времени; [оно] соответствует принципам. Тьма вещей получает его и посредством [этого] гибнет, получает его и посредством [этого] живет; тьма дел получает его и благодаря [этому] не приносит успехов, получает его и посредством этого свершается. *Дао*, [если его] сравнить [с чем-либо], подобно воде: тонуций много выпивает ее — и гибнет, мучимый жаждой в соответствующем количестве выпивает ее — и живет. [Если его] сравнивать, [оно как] оружие: если глупец посредством его выражает гнев, то наступает несчастье; если совершенномудрый посредством его карает жестокость, то свершается счастье. Поэтому «получают его и посредством этого гибнут; получают его и посредством этого живут; получают его и посредством этого терпят крах; получают его и посредством этого происходит свершение».

Человек редко видит живых слонов, но, обретя кости мертвого слона, на основании его рисунка представляет его живым. Поэтому о всем, что представляется людьми в сознании, говорится: «Образы»⁶¹. Ныне, хотя *дао* нельзя усвоить на слух и зрением, совершенномудрый фиксирует его видимые результаты и с помощью этого по частям видит его очертания. Поэтому говорится: «Форма без форм, образ без существа»⁶².

Всякое *ли* — это разделение на квадратное — круглое, короткое — длинное, грубое — тонкое, твердое — хрупкое⁶³. Поэтому лишь после того, как *ли* установилось, вещи смогут обрести *дао*. Поэтому это установившееся *ли* проявляется в существовании и гибели, смерти и рождении, процветании и увядании.

О вещи, которая то существует, то гибнет, то умирает, то рождается, вначале процветает, а затем увядает, нельзя сказать, что она постоянная.⁶⁴ Только о том, что рождается вместе с разделением неба и земли и не умирает и не приходит в упадок даже при рассеивании неба и земли, можно говорить, что оно постоянное. Постоянное не подвержено глубоким изменениям, не имеет опре-

деленного *ли*. Не имеющее определенного *ли* находится в постоянстве. Поэтому его нельзя выразить словами.

Совершенномудрый, наблюдая его сокровенную пустоту и исходя из его кругового движения, произвольно придал ему имя, назвав *дао*. Так и стали возможны [обобщающие] рассуждения. Поэтому говорится: «*Дао*, которое может быть выражено словами, не есть *дао*»⁶⁵.

Кто любит ребенка, охвачен заботой о нем; кто ценит жизнь, охвачен заботой о теле; кто почитает успех, охвачен заботой о деле. Охваченная заботой о слабом ребенке, мать беспокоится о достижении счастья для него. Раз беспокоится о достижении счастья для него, то занята устранением его несчастий. Раз занята устранением его несчастий, то размышляет и зрело обдумывает. Раз размышления и обдумывания зрелы, то постигается *ли* в делах. Раз постигается *ли* в делах, то, следовательно, обязательно [будет] успех. Раз обязательно [будет] успех, то и ее действия лишены колебаний. Об отсутствии колебаний говорится: «Смелость». Совершенномудрый обдумывает всю тьму дел точно так же, как охваченная заботой мать делает [это] ради слабого ребенка. Поэтому [он] видит принцип действия, которое необходимо осуществить. Раз видит принцип действия, которое необходимо осуществить, он ведет дела без колебаний. О [ведении дел] без колебаний говорится: «Смелость». [Осуществление] без колебаний рождается из заботливости, поэтому говорится: «Заботливый, поэтому способен быть смелым»⁶⁶.

Чжоу-гун⁶⁷ сказал: «Если в зимние дни пепенящий мороз не так крепок, то и весной и летом у деревьев и трав не растет пышных веток». Даже небо и земля не способны к постоянному мотовству, постоянному расточительству. Тем более человек! Поэтому для всей тьмы вещей обязательно существуют периоды процветания и упадка; вся тьма дел обязательно то развивается, то сворачивается; в государстве обязательно есть занимающиеся и военным делом, и делами культуры; в делах управления обязательно есть и награды и осуждения. На этом основании если мудрый служилый бережливо расходует свои богатства, то семья богатеет; если совершенномудрый с любовью бережет свою душу, то топчайшее

[в ней] процветает; если государь серьезно относится к использованию в войне своих воинов, то народ множится. Раз народ множится, то государство расширяется. На этом основании выдвигают [такое соображение] и говорят: «Бережливый, поэтому способен к расширению»⁶⁸.

Всякая вещь, обладающая формой, легко прирачивается [и] легко урезается. Почему так можно рассуждать? Если есть форма, то есть короткое — длинное; если есть короткое — длинное, то есть и маленькое — большое; если есть маленькое — большое, то есть и квадратное — круглое; если есть квадратное — круглое, то есть и твердое — хрупкое; если есть твердое — хрупкое, то есть и легкое — тяжелое; если есть легкое — тяжелое, то есть и белое — черное. О коротком — длинном, большом — малом, квадратном — круглом, твердом — хрупком, легком — тяжелом, белом — черном говорится: «Это *ли*»⁶⁹.

Когда принципы установлены, то вещи легко урезаются. Поэтому решение [принимает] в большом дворе⁷⁰ и затем высказывают, в результате устанавливаются [принципы], и это становится известным тем служилым, которые отвечают [за выполнение] решения⁷¹. Поэтому если, желая создать квадрат или круг, следуют циркулю и угольнику, то успех во всей тьме дел будет явственным. Но для каждой из тьмы вещей есть [свои] циркуль и угольник.

Служилые, обсуждающие решения, [исходят] в своих планах из циркулей и угольников. Совершенномузрый следует циркулям и угольникам тьмы вещей. Поэтому говорится: «Не смею быть впереди раньше Поднебесной»⁷².

Если не осмеливаются быть впереди Поднебесной, то любое дело делается, любой успех достигается и решения обязательно покоряют мир. Можно ли достичь этого, не желая занимать поста великого сановника? О занятии поста великого сановника говорится: «Является старшим в свершении дел». На этом основании говорится: «Не смеет быть впереди Поднебесной, поэтому может являться старшим в свершении дел»⁷³.

Тот, кто охвачен заботой о ребенке, не посмеет пренебречь одеждой и пищей [для него]; тот, кто охвачен заботой о теле, не посмеет отойти от [установленных в обществе] правил; тот, кто охвачен заботой о круге или квадрате, не посмеет отбросить циркуль и угольник. Поэтому если, возглавляя войска, охвачены заботой о сол-

датах и офицерах, то в бою побеждают врага, если же охвачены заботой об орудиях и приспособлениях [для обороны], то стены [города] будут твердыми и прочными. Поэтому говорится: «Если охвачены заботой о сражающихся, то побеждают; если [заботятся] о сохранении имеющегося, то достигается прочность»⁷⁴.

Тот, кто способен сам сохранить свою целостность и всегда следовать *ли* тьмы вещей, обязательно вместе с тем будет иметь порождаемое небом [начало]. То, что небо порождает, — это разум⁷⁵ жизни. Поэтому *дао* Поднебесной суть порождение всего без исключения⁷⁶; [как нечто такое], что как бы заботой охраняет ее.

Если [человек] охвачен заботами, то дела [у него] во всех случаях обязательно полностью совершаются, а все начинания идут как надо, — это называется сокровищем. Поэтому говорится: «Я имею три сокровища, держу и храню их»⁷⁷.

То, о чем в книге⁷⁸ сказано: «Великое *дао*», — это правильное *дао*. То, о чем сказано: «Проявление отклонения», — это ложное *дао*. То, о чем сказано: «*Дао* — кратчайшая [тропинка]», — это цветистое [*дао*]. Цветистое [*дао*] — это часть ложного *дао*.

«Двор отличается алчностью»⁷⁹, — значит, тяжб и споров много. Если тяжб и споров много, то поля запускаются. Если поля запускаются, то кладовые и амбары пустеют. Если кладовые правителя пустеют, то государство беднеет. Государство беднеет, а народ привыкает к распутству и расточительности. Если народ привыкает к распутству и расточительности, то производство еды и одежды прекращается. А если производство еды и одежды прекращается, то народ не может обойтись без обмана. Если же прикрываются обманом, то прибегают к [пустым] украшениям. Когда прибегают к [пустым] украшениям, об [этом] говорится: «Одеваются в роскошные ткани»⁸⁰.

Если тяжб и споров много, кладовые и амбары пусты, а, кроме того, распутство и расточительность становятся привычными, то государству наносится ущерб так, словно острым мечом колят его. Поэтому говорится: «Носят острые мечи»⁸¹.

У тех мужей, которые, прикрываясь хитроумной ложью, доходят даже до нанесения ран государству, собственные семьи обязательно богатеют. Собственные семьи

богатеют, поэтому говорится: «Накапливаются излишние богатства»⁸².

Если в государстве дела обстоят так, то глупый народ не может не прибегнуть ко [всем] средствам, чтобы подражать этому. А раз [стремятся] подражать этому, то появляются малые разбойники. Отсюда видно, что если большие преступники выступают активно, то малые разбойники идут следом; если большие преступники запевают, то малые разбойники соответственно подпевают. Флейта — это старший в музыке. Поэтому если флейта начинает, то [музыкальные] колокола и гусли следуют [за ней], если флейта запекает, то все музыкальные инструменты подпевают соответственно. Ныне если большие преступники выступают активно, то [следующие дурным] привычкам люди⁸³ запевают. Если же [следующие дурным] привычкам люди запевают, то малые разбойники обязательно подпевают соответственно. Поэтому те, кто одевается в роскошные ткани, не удовлетворяются обычной пищей и накапливают излишние богатства, и называются главарями разбойников⁸⁴.

Как глупый, так и мудрый человек обладают [природными] пристрастиями и неприятиями. Когда [разум] бесстрастен и спокоен, каждый знает, откуда приходят счастье и несчастье. [Человек] не свободен от желания или отвращения, попадает под власть развращающих вещей, разрушает все хорошее у себя. Происходит это оттого, что [он] возбужден внешними вещами, приведен в смятение ничтожными желаниями.

Когда [человек] бесстрастен, [он] знает, [чему] следовать и [что] отбросить; когда [человек] спокоен, [он] познает, как складываются счастье и несчастье. И вот теперь ничтожные желания преобразуют его, внешние вещи возбуждают его. Возбуждая, уводят прочь, поэтому говорят: «Опрокидывают».

Что касается совершенномудрого, то он не таков: [он] однажды устанавливает свои пристрастия и неприятия, и даже вещи, встреча с которыми желанна, не способны возбудить [его]. Не способны возбудить, об этом говорится: «Нельзя опрокинуть». [Он] один [и тот же] в своих [внутренних] умонастроениях, и, пусть даже есть нечто, могущее вызвать желание, душа [его] непоколебима. Душа непоколебима, об этом говорится: «Нельзя свалить».

Когда дети и внуки кого-либо следуют в своих деяниях этим правилам и, таким образом, сохраняют родовой храм предков от уничтожения, об этом говорится: «Жертвоприношения не прерываются»⁸⁵.

Для человека *дэ* — это накопление тончайших [ци], для семьи *дэ* — это богатство; для деревни, государства, Поднебесной — для всех них *дэ* — это народ.

И вот приводят в порядок человека так, что внешние вещи не могут привести в смятение его души. Поэтому и говорится: «При совершенствовании человека его *дэ* становится искренним». Искренность — это укрепление *дэ*.

Если при приведении в порядок [дел] в семье бесполезные вещи не могут поколебать ее расчетов, тогда средств будет в излишке. Поэтому и говорится: «При совершенствовании семьи ее *дэ* становится обильным»⁸⁶. Если тот, кто приводит в порядок деревню, следует этим правилам, то семей, которые обладают излишками, будет все больше. Поэтому говорится: «При совершенствовании деревни ее *дэ* становится обширным»⁸⁷. Если тот, кто приводит в порядок государство, следует этим правилам, то деревень, обладающих *дэ*, будет все больше. Поэтому говорится: «При совершенствовании государства его *дэ* становится обильным»⁸⁸.

Если тот, кто печется о всей Поднебесной, следует этим правилам, то каждый живущий народ будет пользоваться его благостью. Поэтому говорится: «При совершенствовании Поднебесной ее *дэ* становится всеобщим»⁸⁹.

Тот, кто занимается совершенствованием человека с помощью этого [правила], отделяет благородного мужа от низкого человека. Если те, кто приводит в порядок деревни, приводит в порядок государства, печется о Поднебесной, каждый в своей области будут проводить должное изучение роста и уменьшения [соответствующих *дэ*], то в тьме случаев не ошибутся ни разу. Поэтому и говорится: «По себе можно познать других; по одной семье можно познать другие; по одной деревне можно познать остальные; по одному царству можно познать другие; по одному государству можно познать Поднебесную. Каким образом я узнаю, что Поднебесная такова? Благодаря этому»⁹⁰.

Некто спросил: «Что более насущно необходимо для государства — утверждения Шэнь Бу-хая⁹¹ или Гунсунь Яна⁹²?»

На это следует ответить: «Их невозможно сравнивать. Если человек не имеет еды десять дней, он умирает; в сильный мороз без одежды он также умирает. Можно ли спрашивать, еда или одежда нужнее для человека? Так что нельзя отказаться от чего-то одного: обе эти вещи необходимы для поддержания жизни. Ныне Шэнь Бу-хай толкует об искусстве управления, а Гунсунь Ян настаивает на использовании [принципа] закона. Искусство управления состоит в том, чтобы на чиновничьи должности назначать по способностям, требовать [от чиновника] исполнительности в соответствии с наименованием [его должности], держать в руках рукоятку жизни и смерти, изучать возможности чиновничества — все это держат в руках государи. А [принцип] закона состоит в том, что уложения и указы издаются государственными учреждениями, а народ в своем сердце крепко помнит о наказаниях, награды выдаются тем, кто остерегается закона, кары падают на тех, кто нарушает указы, — это руководство для подданных. Если государь не владеет искусством управления, то в верхах возникают злоупотребления; если подданные не следуют закону, то низы приходят к смуте, и тут нельзя отказаться от чего-то одного, обе эти вещи необходимы для царей».

Некто спросил: «Почему же нельзя придерживаться искусства управления, но обходиться без закона или придерживаться закона, но обходиться без искусства управления?»

Отвечаю: «Шэнь Бу-хай был помощником ханьского Чжао-хоу⁹³. А Хань отделилось от государства Цзинь⁹⁴. Старые законы Цзинь еще не утратили силы, как появились новые законы Хань; указы прежних государей не были отменены, а уже были изданы указы новых государей. Шэнь Бу-хай не проводил этих законов в жизнь и не объединил эти уложения и указы, поэтому было много дурного. Оттого-то те, кому были выгодны старые законы и прежние указы, следовали им, а кому были выгодны новые законы и последующие указы, следовали

им. Выгоды от старых и новых [законов] были противоположны, [повеления] прежних и последующих [государей] были противоречивы. И Шэнь Бу-хай хоть десять раз мог помогать Чжао-хоу искусством управления, но зловердные подданные все-таки искажали его слова. Поэтому хотя ему было на семнадцать лет доверено мощное государство Хань, имеющее десять тысяч колесниц, но оно не смогло стать гегемоном; эта беда случилась оттого, что, хотя верхи применяли искусство управления, государственные учреждения не исправили законов.

А Гунсунь Ян управлял государством Цинь так: была учреждена система взаимной ответственности, чтобы собирать сведения о происходящем; были составлены «десятки» и «пятерки», которые подвергались совместным [наградам и] наказаниям: награды были обильными и вызывали доверие, наказания были тяжелыми и неотвратимыми. Поэтому [там] народ трудился изо всех сил, но не просил передышки; преследуя врага, он пренебрегал опасностью, но не отступал; оттого-то это государство стало богатым, а войско сильным; таким образом, и без искусства управления там знали о зловердных, но его богатство и сила все же пошли на пользу только подданным. Когда умерли Сяо-гун и господин Шан, на престол вступил Хуэй-ван⁹⁵ и циньские законы не были разрушены, но Чжан И⁹⁶ жертвовал [интересами] Цинь ради [получения личных выгод от союза Цинь с] Хань и Вэй. Когда умер Хуэй-ван, на престол вступил У-ван, и Гань Му⁹⁷ жертвовал [интересами] Цинь ради [получения личных выгод от похода на] Чжоу. Когда умер У-ван, на престол вступил Чжао-сян-ван, и Жан-хоу⁹⁸ прошел через Хань и Вэй и на востоке напал на Ци; прошло пять лет, а Цинь не приобрело и одного *чи* земли, но зато [Жан-хоу] добыл себе владение Таои. Ин-хоу⁹⁹ воевал с Хань восемь лет и создал себе владение Жунань. С тех пор все, кто распоряжался в Цинь, были того же сорта, что Ин-хоу и Жан-хоу. Таким образом, при победе в войне почет доставался крупным чиновникам, присоединенные земли становились их личными владениями, это оттого, что государь знал о зловердных, не обладая искусством управления. Господин Шан мог хоть десять раз совершенствовать свои законы, а подданные все же использовали их ради себя, поэтому, [хотя] сильнейшее государство Цинь использовало

свои ресурсы несколько десятков лет, оно так и не стало империей; эта беда случилась оттого, что законы хотя и были исправлены в государственных учреждениях, но государь не обладал искусством управлять верхами».

Некто спросил: «Возможно ли, чтобы государь использовал искусство Шэнь Бу-хая, а чиновники следовали бы законам господина Шана?»

Отвечаю: «Искусство управления у Шэнь-цзы не доведено до конца, и законы господина Шана не доведены до конца. Шэнь-цзы говорил: «Управляющий не должен выходить за пределы своих полномочий, и хотя он знает [что-либо сверх них], но не высказывается [об этом]». При управлении не выходить за пределы своих полномочий — это значит строго относиться к своим обязанностям; но знать [что-либо сверх них и] не высказываться — это называется недонесением об ошибках [других]. Государь смотрит глазами всего государства, поэтому для него нет ничего не ясного; слушает ушами всего государства, поэтому для него нет ничего сокрытого. Если же ныне кто-то знает, но не высказывается, то на что же полагаться государю?»

Закон господина Шана гласит: «За одну отрубленную голову повышают в ранге на одну степень, а кто захочет стать чиновником, тот назначается на пост с жалованьем в 50 ши; за две отрубленные головы повышают в ранге на две степени, а кто захочет стать чиновником — на пост с жалованьем в 100 ши». Продвижение в должностях и рангах взаимосвязано с успехами в отрубании голов. Если бы ныне был издан закон: «Отрубивший голову делается лекарем или плотником», то не строились бы дома и не излечивались бы больные. Ведь плотник искусно владеет руками, а лекарь готовит лекарства. И если поручить это тому, кто успешно отрубал головы, то он не сможет это сделать. Ныне от занимающего чиновничью должность требуются знания и умение; и ныне же отрубающему головы требуется прилагать смелость и силу. Если того, кто умеет прилагать смелость и силу, назначить на чиновничью должность, требующую знания и умения, то это все равно, что за успехи в отрубании голов делать лекарем или плотником. Поэтому и говорится: «Эти двое не совсем тщательно отработали законы и искусство управления»».

ГЛАВА СОРОК ДЕВЯТАЯ.
«ПЯТЬ ПАРАЗИТОВ»

В глубокой древности людей было мало, а диких зверей — множество, и люди не могли одолеть диких зверей и гадов. [Но] появился совершенномудрый; соединив куски дерева, [он] построил [жилища, подобные] гнездам, чтобы можно было избежать опасностей; и народ обрадовался ему и поставил [его] править Поднебесной, дав ему имя Создавший Гнезда. Народ питался [дикими] плодами, кореньями, улитками и моллюсками, они источали ужасное зловоние и вредили желудку, отчего народ много болел. [Но] появился совершенномудрый; трением кусков дерева [однѣм о другой, он] добыл огонь; и народ обрадовался ему и поставил [его] править Поднебесной, дав ему имя Добывший Огонь Трением. В более поздние времена, [когда] в Поднебесной [случилось] большое наводнение, Гунь и Юй¹⁰⁰ провели каналы для воды. В недавнем прошлом, [когда] Цзе и Чжоу творили жестокости и производили смуты, Тан и У¹⁰¹ ходили на них походами. Если бы в эпоху Ся-хоу-ши¹⁰² кто-нибудь строил бы гнезда из дерева и добывал огонь трением, то это непременно рассмешило бы Гуня и Юя; если бы в эпохи Инь и Чжоу¹⁰³ кто-нибудь проводил каналы для воды, то это непременно рассмешило бы Тана и У. А над теми, кто ныне восхваляет пути Яо, Шуня, Тана и Юя как образец для нынешнего времени, непременно рассмеются новые совершенномудрые. Поэтому совершенномудрый не нуждается в том, чтобы следовать древности, не подражает установившимся нормам, а разбирается в современных обстоятельствах и действует в соответствии с ними. В Сун¹⁰⁴ был земледелец, на поле которого торчал пень. Заяц бежал, наткнулся на пень, сломал себе шею и окошел. Тогда земледелец забросил свою соху и стал ожидать у пня, надеясь снова добыть зайца. Но снова добыть зайца оказалось невозможно, и сам он стал посмешищем в Сун. Те, которые ныне желают методами древних правителей управлять современным народом, занимаются таким же «ожиданием у пня».

В древности мужчины не пахали, а для пропитания хватало [диких] трав и древесных [плодов]: женщины не ткали, а для одежды хватало звериных шкур. Усилий [они] не прилагали, а для жизни [им] хватало; народ был

малочисленным, а запасов было в избытке. Поэтому в народе не было борьбы. Потому-то и не было щедрых наград, не применялось строгих наказаний, а народ управлялся сам собой. Нынче же иметь пять детей не считается слишком много, а у каждого из них имеется еще по пять детей; дед еще не умер, а [уже] имеет двадцать пять внуков. Потому-то народ такой многочисленный и испытывает недостаток в припасах, трудится изо всех сил, а пропитания на всех не хватает. Поэтому в народе [идет] борьба. И, даже удвоив награды и ужесточив наказания, не избежишь смут.

[Когда] Яо правил Поднебесной, он не обрезал траву на крыше дома и не обтесывал бревна, [строя дом]; питался он грубым зерном, похлебку варил из диких трав, зимой носил шубу из оленьей шкуры, летом — платье из конопли; [ныне] одежда и пища [даже у] привратника не такие бедные. [Когда] Юй правил Поднебесной, он сам шагал впереди [своего] народа с сохой и заступом, бедра у него были тощими, на голенях не было ни волоска, [ныне] даже труд раба не такой горестный. Отсюда ясно, что тот, кто в древности уступал [другому свое положение] сына неба, тот на самом деле отказывался от одежды и пищи привратника и избавлялся от трудов раба. Поэтому передать Поднебесную [другому] не считалось чем-то выдающимся. Нынче же, когда умирает уездный начальник, то его потомки в нескольких поколениях [продолжают] разъезжать в экипажах, потому люди и ценят этот [пост]. Поэтому в своих уступках люди легко отказывались от [положения] сына неба в древности, но с трудом уйдут с поста уездного начальника сейчас, [ибо] бедность и богатство — это не одно и то же. Те, которые живут в горах и достают воду в долинах, дарят друг другу воду по праздникам; те, которые живут у болота и страдают от воды, нанимают работников и проводят отводные каналы. Также и весной в голодный год не накормят и младшего брата, а осенью в урожайный год непременно угостят и случайного гостя. Это не потому, что пренебрегают своими родными и любят приезжих гостей, а потому, что изобилие и скудость — это не одно и то же. Поэтому если в древности легко отказывались от имущества, то это не от человеколюбия, а оттого, что имущества было много. Нынче же хватают друг у друга не из-за жадности, а оттого, что имущества мало. Легко отказывались от [поло-

жения] сына неба не из благородства, а оттого, что положение [это было] незавидным; ныне же отчаянно борются за клочки негодной земли ¹⁰⁵ не от низости, а оттого, что власть [чиновников] велика. Поэтому совершенномудрый осуществляет управление, принимая во внимание обилие и нехватку [в имуществе], разбираясь в недостатке или полноте [власти]. Поэтому, когда [его] наказания незначительны, это не является милосердием, а когда [его] кары строги, это не является жестокостью. [Он] просто действует в соответствии с существующими правами. Поэтому [его] деятельность исходит из [задач] времени, а [его] средства соответствуют [задачам] деятельности.

В древности Вэнь-ван ¹⁰⁶ жил между Фэи и Хао, земли [у него было] сто *ли*, он следовал человеколюбию и чувству долга и снискал привязанность у западных *жуннов* ¹⁰⁷, когда правил Поднебесной. Сюйский Янь-ван жил к востоку от [реки] Хань, земли [у него было] пятьсот *ли*, он следовал человеколюбию и чувству долга, [правители] тридцати шести государств уступили [ему свои] территории и нанесли визит [его] двору. Цзинский Вэнь-ван испугался, что тот нанесет ему вред, поднял войско, двинулся на Сюй и уничтожил его ¹⁰⁸. Итак, Вэнь-ван, следуя человеколюбию и чувству долга, правил Поднебесной, а Янь-ван, следуя человеколюбию и чувству долга, погубил свое государство. Это значит, что гуманность и чувство долга можно было использовать в древности, но нельзя их использовать сейчас. Поэтому и говорится: «Если времена неодинаковы, то неодинаковы и обстоятельства». Во времена Шуя [племя] *юмяо* ¹⁰⁹ не подчинялось ему. Юй собирался пойти войной на них. Шунь сказал: «Нельзя! Если добродетели правителя невелики, а он выступает с оружием, то это не соответствует *дао*». После чего он в течение трех лет занимался самосовершенствованием, а затем устроил танцы со щитами и секирами, и [племя] *юмяо* покорилось. А в войне с Гун-гуном ¹¹⁰ тех, у кого железные копья были коротки, поражали враги; у тех, у кого панцири не были крепки, тело оказывалось израненным. Значит, танцы со щитами и секирами были применимы в древности, а ныне они неприменимы. Поэтому и говорится: «Если обстоятельства неодинаковы, то меняются и средства». В глубокой древности соревновались в [следовании] *дао* и в добродетели, в более поздние времена стремились полагаться на ум и хитрость, в нынешние времена

борются, [прибегая к] силе. Ци собиралось напасть на Лу, из Лу послали Цзы-гуна отговорить Ци [от нападения]¹¹¹. Цисцы сказали [ему]: «Ваши речи не безосновательны, но ведь мы хотим земли, а в ваших речах об этом нет ни слова». И [они] подняли войско, напали на Лу и провели границу в десяти *ли* от ворот [луской столицы]. Итак, Янь-ван был человеколюбив и следовал чувству долга, но Янь погибло; Цзы-гун был рассудителен и умен, но Лу было расчленено. Отсюда ясно, что человеколюбие и чувство долга, рассудительность и ум — это не то, чем поддерживают государство. [Если бы] отбросить человеколюбие Янь-вана, притупить ум Цзы-гуна, а [позаботиться] об увеличении сил Сюй и Лу и двинуть на врага десять тысяч колесниц, то Ци и Цзин не добились бы осуществления своих намерений в отношении этих двух государств.

Итак, в древности и сейчас разные обычаи, старые и новые средства неодинаковы. Если, к примеру, желать великодушной и мягкой политикой управлять народом в напряженную эпоху, то это все равно что без узды и плети править норовистой лошастью. Это вред от неразумения. Ныне и конфуцианцы и моисты превозносят прежних правителей, [которые] проявляли всеобщую любовь ко [всем] в Поднебесной, относились к народу, как родители [к детям]. Откуда видно, что это так? [На это они] отвечают: «Когда *сыкоу*¹¹² налагал наказание, государь переставал веселиться; когда [ему] докладывали о смертной казни, государь лил слезы». Вот за это и восхваляют древних правителей. Но ведь утверждать, что если [отношения между] государем и подданным [будут] подобны [отношениям между] отцом и сыном, то непременно будет порядок, — значит [исходить из] того, что [в отношениях между] отцами и сыновьями не бывает [никаких] нарушений. В чувствах человека нет ничего сильнее родительской любви, все проявляют [такую] любовь, но далеко не у всех порядок. Хотя [родительская] любовь щедра, но разве [в семьях] обходятся без беспорядков? Древние цари любили народ далеко не так, как родители любят детей; дети не обязательно не устраивают беспорядков, почему же народом можно было управлять? Если закон требовал наложения наказания, а государь при этом лил слезы, то этим он выражал свое человеколюбие, а не осуществлял управление. Пролить слезы и не желать [прибегать к] наказаниям — это человеколюбие; однако нельзя не при-

бегать к наказаниям — таков закон. Древние правители выше всего ставили закон, а не подчинялись своим слезам. Поэтому и ясно, что человеколюбием нельзя управлять. К тому же народ прочно подчиняется силе и мало может помнить о [чувстве] долга. Чжун-ни¹¹³ был в Поднебесной совершенномудрым, [он] совершенствовал [свое] поведение и понял [сущность] *дао*, объехал всю страну, и вся страна радовалась его человеколюбию, восхищалась его [чувством] долга; но за ним пошло лишь семьдесят человек, ибо ценящие человеколюбие [встречаются] редко, а следовать [чувству] долга трудно. Потому-то хотя Поднебесная и велика, но за ним последовало лишь семьдесят человек, а [на самом деле] следовал человеколюбию и [чувству] долга [лишь] один человек. А луский Ай-гун¹¹⁴ был государем невысоких [достоинств], но когда он, повернувшись лицом к югу, правил государством, то в пределах его границ народ не смел не повиноваться [ему]. Народ прочно подчиняется силе, а у кого сила, тому легко подчинить народ. Поэтому Чжун-ни был все-таки подданным, а Ай-гун, напротив, был государем. Чжун-ни не был привязан к нему [чувством] долга, а подчинился его силе. Поэтому если исходить из [чувства] долга, то Чжун-ни не [должен был бы] подчиняться Ай-гуну, но, полагаясь на силу, Ай-гун сделал Чжун-ни [своим] подданным. Ныне ученые убеждают правителей, что не следует полагаться на непреодолимую силу, и говорят: «Старайтесь следовать человеколюбию и [чувству] долга и сможете править». Это значит требовать от правителя непременно сравняться с Чжун-ни, а весь нынешний народ уподобить [его] последователям. Это совершенно недостижимо.

Ныне бывают [такие] скверные сыновья, [что] родители гnevаются на них, но не могут исправить, односельчане ругают их, но это их не трогает, учителя воспитывают их, но не могут изменить. Значит, и родительская любовь, и наставления односельчан, и разум учителей — все эти три прекрасные вещи действуют вместе, но это их не трогает, и даже волосок на ноге у них не шевелится. Но когда начальник округа посылает вооруженных людей применить государственный закон и обнаружить злодеев, то они сразу же смертельно пугаются, исправляют свое поведение, меняют свои поступки. Поэтому родительской любви недостаточно для воспитания сыновей. Раз народ неизменно распускается от любви и подчиняется [лишь]

авторитету, то непременно следует полагаться на строгие наказания, [налагаемые] начальниками округов. Ведь стену в десять *жэней* не перескочит даже Лоу-цзи ¹¹⁵, [ибо она] крута; а на горе высотой в тысячу *жэней* может легко пасть даже хромая овца ¹¹⁶, [если поверхность] отлогая. Поэтому просвещенный правитель делает крутыми свои законы и строгими свои наказания. От куска материи в восемь или в шестнадцать *чи* не откажется и простой человек, а куска расплавленного золота в две тысячи *лян* не схватит и разбойник Чжи ¹¹⁷. Если нет неминувемого вреда, то не отказываются и от куска материи в восемь или шестнадцать *чи*; если же рукам непременно придется плохо, то не возьмут и двух тысяч *лян* [золота]. Поэтому просвещенный правитель делает неотвратимыми свои кары. Это значит, что награды должны быть щедрыми и даваться заслуженно, чтобы они были выгодны народу; наказания должны быть тяжелыми и неотвратимыми, чтобы народ боялся их; закон должен быть единообразным и устойчивым, чтобы народ знал его. Поэтому правитель, назначая награды, не меняет их, а налагая наказания, не отменяет их. Слава сопутствует [получившим] его награды, позор сопровождает [подвергшихся] его наказаниям, поэтому и мудрые и бесталанные сполна отдают [ему] свои силы.

А ныне все не так. Тем, кто имеет заслуги, присваивают ранги знатности, но [в то же время] чиновников презирают; тех, кто занимается земледелием, награждают, но [в то же время] их семейное занятие в пренебрежении; тех, кто отказывается служить, изгоняют, но [в то же время] их же превозносят за презрение к миру; тех, кто преступает запрещения, наказывают, но [в то же время] их же превозносят как храбрецов. Порицаемое и восхваляемое, награждаемое и наказуемое — все перемешалось и перепуталось, поэтому законы и запрещения рушатся, а народ приходит во все большую смуту. Ныне считается честью во что бы то ни стало нанести [ответный] удар, если [его] братья подверглись нападению; считается достоинством преследовать враждой того, кто опозорил друга. Совершаются честные и достойные поступки ¹¹⁸, а законы, изданные правителем, оказываются нарушенными. Государи уважают честное и достойное поведение, но забывают о наказаниях за нарушение запретов. Поэтому народ щеголяет храбростью, а чиновники не могут

[с ним] справиться. [Тот, кто] не прилагает усилий, но ест и одевается, называется способным; [тот, кто] не имеет военных заслуг, но пользуется уважением, называется мудрым. Мудрые и способные устраивают свои дела, а войско слабеет, и земля пустеет. Государи радуются поведению мудрых и способных, но забывают о бедах от ослабления войска и запустения земли. Так утверждается своекорыстное поведение, а общественная польза исчезает.

Конфуцианцы культурой подрывают законы, удальцы [с помощью] оружия переступают запрещения, а государи [считают], что и то и другое соответствуют ритуалу; оттого и происходят смуты. Ведь удаляться от закона — это преступление, а все ученые попадают на службу благодаря культуре и учености; преступивших запрещения карают, а множество удальцов кормится от своих собственных мечей. Итак, тех, кого отвергает закон, принимает на службу правитель; тех, кого карают чиновники, лелеют вышестоящие. Закон и служба, верхи и низы — эти четыре [вещи] противоречат друг другу и неопределенны. Будь тут хоть десять Хуан-ди ¹¹⁹, [и они] не смогли бы [при этом] управлять. Поэтому тех, кто следует чело- веколюбно и чувству долга, нельзя превозносить, а если превозносят их, то это вредит успехам [в делах]; культурных и ученых нельзя использовать [в управлении], а если использовать их, то это расстроит законы. В Чу был [человек по имени] Чжи-гуи, его отец украл барана, и [сын] донес на него властям. Лининь ¹²⁰ приказал: «Казнить его!» [Ибо хотя он] поступил правильно [по отношению к] государю, но изменил отцу, [потому-то] его обвинили и наказали. Отсюда видно, что подданный, честный перед государем, [может оказаться] жестоким сыном [по отношению] к отцу. [Один] лусец ходил со своим государем на войну и в трех сражениях трижды показывал спину. Чжун-ни спросил о причине этого, и тот ответил: «У меня старый отец, если я умру, некому будет его содержать». Чжун-ни счел это сыновней почтительностью, превозносил его и возвеличивал. Отсюда видно, что сын, почтительный [по отношению к] отцу, может оказаться подданным, изменившим [своему] государю. Поэтому наказание, наложенное лининем, [привело к тому], что в Чу до верхов не доходят сведения о злодеях, а похвала Чжун-ни [привела к тому], что в Лу народ легко сдается в плен и показывает

спины. Настолько различна выгода для верхов и низов. А правители одновременно и поощряют такое поведение простолюдинов, и требуют [от них] поддержки для благополучия алтаря земли и злаков. На это нет никаких надежд. В древности Цан Се¹²¹, придумывая письмена, [дал знаку со значением] «кружиться вокруг себя» название «частный», а [знаку со значением] «повертываться спиной к частному» дал название «общественный». Общественное и частное противоположны, и Цан Се крепко знал это. Ныне считать, что [общественная и частная] выгоды совпадают, — это беда от [неумения] добаться [до истины]. Если это так, то, по разумению простолюдина, нет ничего, что могло бы сравниться с совершенствованием в человеколюбии и [чувстве] долга и с натаскиванием в культуре и учености. [Того, кто] усовершенствован в человеколюбии и [чувстве] долга, [считают] заслуживающим доверия, а [тому, кто] заслуживает доверия, поручают дела. [Того, кто] натаскан в культуре и учености, [считают] просвещенным наставником, а [того, кто стал] просвещенным наставником, [окружают] слава и почет. Для простолюдина это прекрасно. И тогда [тому, кто] не имеет заслуг, поручают дела; [того, кто] не добился рангов знатности, [окружают] слава и почет. Если так вести управление, то государство непременно впадет в смуту, а правитель непременно окажется в опасности. Поэтому не могут существовать рядом эти два столь различных дела. Если поступать так: выдавать награду отрубившему голову врага и [в то же время] высоко ставить доброе и милосердное поведение; давать ранги знатности и жалованье взявшему [вражеский] город и [в то же время] верить в учение о всеобщей любви; при трудностях полагаться на крепкие панцири и отточенное оружие и [в то же время] восхищаться узорами на одеждах и поясах; обогащать государство [с помощью] земледелия и отражать врага, опираясь на воинов, и [в то же время] ценить людей, [отличающихся] культурой и ученостью; отстранять людей, уважающих государя и боящихся закона, и [в то же время] воспитывать толпы удальцов, самовольно орудующих мечами¹²², то нельзя достичь [того, чтобы государство стало] сильным и [хорошо] управляемым. [Если тогда, когда] государство в покое, воспитывать конфуцианцев и удальцов, а [когда] наступят трудности, использовать воинов в панцирях, то тех, кому [такой порядок]

выгоден, нельзя использовать, а тем, кого можно использовать, [такой порядок] невыгоден. По этой причине находящиеся на службе небрежно относятся к своим запятым, а странствующих ученых с каждым днем все больше. Оттого и происходят смуты в мире.

Обычно в мире называют мудрыми [тех, чье] поведение твердо и вызывает доверие; называют умными [тех, чьи] речи утонченны и таинственны. [Их] речи [настолько] утонченны и таинственны, что и высокие умы с трудом постигают их. Если сейчас давать массе людей образцы, которые с трудом постигают [даже] высокие умы, то наряду неоткуда будет узнать о них. К примеру, кто не ест досыта отрубей, тот не заботится о зерне и мясе; кто не может одеться в грубое платье, тот не ждет расшитых одежд. Ведь в делах по управлению миром, не добившись того, что является настоящим, не торопятся с тем, с чем можно повременить. Ныне те, кто занимается управлением, не годятся даже для решения простонародных дел, ясных и понятных [простым] мужикам и бабам, но восхищаются речами, понятными [только] самым умным. Это противоречит [принципам] управления. Поэтому утонченны и таинственны речи ни к чему для народа. Ведь [тот, кто] почитает [людей с] твердым и вызывающим доверие поведением, тот непременно будет ценить людей нечестных; тот, кто ценит людей нечестных, не имеет способа избежать обмана. Когда простолюдины дружат между собой, то у них нет богатств, чтобы получить выгоду друг от друга; и нет власти, чтобы им бояться друг друга. Поэтому [они и] ищут нечестного человека. Нынешние же правители имеют власть распоряжаться людьми, обладают богатствами целых государств, щедро награждают и строго карают, держат в руках эти рукоятки, всюду проливают свет своего искусства управления. Даже такие подданные, как Тянь Чан и Цзы Хань¹²³, не смеют обмануть их. К чему же тогда ждать еще каких-то нечестных людей? Ныне твердых и вызывающих доверие людей не больше десятка, а чиновничьих должностей в стране сотни. [Если] непременно назначать на них твердых и вызывающих доверие людей, то не хватит людей заполнить чиновничьи должности. А если не хватит людей заполнить чиновничьи должности, то поддерживающих порядок будет мало, а сеющих смуту — много. Поэтому путь просвещенного правителя [состоит в том, чтобы] создать

единый закон, а не разыскивать умных, крепко [овладеть] искусством управления, а не восхищаться людьми, вызывающими доверие. И тогда закон не рухнет, а среди массы чиновников не будет злодеев и обманщиков.

Сейчас правители, [слушая] речи, радуются их изяществу и не требуют от них точности, что же касается использования [людей], то ценят их известность и не рассматривают их заслуг. Поэтому множество [людей] в Поднебесной, выступая с речами, делает упор на их изящество, а не на пригодность для дела. Оттого-то возвеличивающих прежних правителей и вещающих о человеколюбии и чувстве долга полон двор, а управление не преодолевает беспорядка. В личном поведении [все] наперебой стремятся к возвышенному, не обращая внимания на результат [для государства]. Оттого-то умные люди покидают свои посты и уходят в горные пещеры, возвращают жалованье и отказываются брать [его], а войско не преодолевает слабости. В чем же причина того, что управление не преодолевает беспорядка, а войско не преодолевает слабости? [Оттого что] народ возвеличивает, а правитель считает соответствующим ритуалу именно то, что является средством [звергнуть] государство в беспорядок. Ныне в стране весь народ рассуждает об управлении, каждая семья хранит у себя дома законы Шана и Гуаня¹²⁴, а государство все беднеет. Рассуждающих о земледелии масса, а соху держат в руках немногие. В стране все рассуждают о военном деле, каждая семья хранит у себя дома книги Суя и У¹²⁵, а войско все слабеет. Рассуждающих о войне много, а одетых в панцири мало. Поэтому просвещенные правители используют силу [людей], но не слушают их речей; награждают их за успехи, но непременно запрещают то, что ни к чему не пригодно. Оттого-то народ напрягается изо всех сил, чтобы следовать за [своим] повелителем. Ведь земледелие [требует] приложения сил и [очень] утомительно, но народ занимается им, говоря: «Можно разбогатеть». Война — дело [очень] опасное, но народ идет на нее, говоря: «Можно стать знатым». Ныне те, кто совершенствуется в культуре и учестости и упражняется в речах и словопрениях, удостоены богатств, хотя и не утомляли [себя] в земледелии; пользуются почетом, как знатные, хотя и не подвергали [себя] опасности на войне. Кто же от этого откажется! Поэтому на сто человек, работающих головой,

[приходится] один человек, работающий руками. Когда работающих головой масса, то закон рушится; когда работающих руками немного, то государство беднеет. Оттого и происходят в нашу эпоху смуты. Поэтому в государстве просвещенного правителя нет писем на бамбуковых дощечках, а обучают закону; не [передаются] заветы прежних правителей, а учитель является чиновником; нет наглицов, самовольно орудующих мечами, а доблестью считается отрубить голову врага [на войне]. Оттого в народе [такой] страны, кто говорит, тот непременно держится закона; кто действует, тот добивается заслуг; кто храбр, тот целиком отдается военной [службе]. Поэтому в спокойное время государство богато, а в напряженное время войско оказывается сильным. Это и называется достоянием правителя. Если накопить достояние правителя и использовать трещины [в стане] врагов, то только таким способом [можно] превзойти пять императоров и сравняться с тремя правителями ¹²⁶.

А ныне все не так. Внутри страны служилые и народ поступают, как им заблагорассудится; а во внешних [делах] набирают силу болтуны. Когда и во внутренних и во внешних [делах] все обстоит так скверно, не опасно ли ожидать сильного врага? Поэтому среди массы чиновников, толкующих о внешних делах, если кто не принадлежит к союзам «Цзун» и «Хэн» ¹²⁷, так тот стремится использовать силы государства в целях сведения счетов с личными врагами. Союз «Цзун» объединяет много слабых [государств] для удара по одному сильному, а союз «Хэн» служит одному сильному [государству] для удара по многим слабым. В обоих случаях не удержишь государства. Ныне те чиновники, которые выступают за союз «Хэн», все говорят: «Если не служить большому [государству], то при нападении врага придется плохо». [Но] служить большому [государству] непременно нужно реально, нужно уступить ему свою территорию и передать ему государственную печать, чтобы просить указаний. Если уступить территорию, то земли у [государства] будет меньше, если передать государственную печать, то падет репутация. Если земли будет меньше, то государство уменьшится [в размерах], а если падет [его] репутация, то политика придет в расстройство. [Значит], служба большому [государству] в союзе «Хэн», не увидишь пользы от этого, зато лишишься земли и приведешь в расстройство политику.

А те чиновники, которые выступают за союз «Цзун», все говорят: «Если не помочь малым [государствам] и не двинуться на большое, то потеряешь Поднебесную; если потеряешь Поднебесную, то это опасно для государства, а если будет опасно для государства, то правителя будут презирать». [Но] помогать малым [государствам] непременно нужно реально, нужно поднять войско и враждовать с большим [государством]. Помогая малому [государству], не обязательно сможешь сохранить [его], а враждуя с большим [государством], не обязательно не потерпишь краха, а раз потерпишь крах, то попадешь под власть сильного государства. [Если] выступить с войском, то армия [может быть] разбита, [если же] сесть в осаду, то город [может быть] взят. [Значит], помогая малым [государствам] в союзе «Цзун», не увидишь пользы от этого, зато лишишься земли и погубишь армию. Поэтому [те, кто требует] служить сильному [государству], опираются на внешние силы, чтобы получить чины в своей стране; [те, кто требует] помогать малым [государствам], опираются на мощь своей страны, чтобы добиваться выгод за границей. Выгод государство [еще] не получило, а земельные пожалования и щедрые содержания [чиновниками уже] получены. Хотя правитель и унижен, чиновники в почете; хотя государство уменьшилось [в размерах], частные семьи богатеют. [Если] дело закончится успехом, то власть [чиновников] вырастет; [если] дело закончится провалом, то [чиновники] настолько богаты, что могут уйти со службы. Правитель слушается советов таких чиновников, а [когда] дело не удастся, то [чиновники все-таки получают] ранги знатности, жалованье и пользуются почетом. [Если] дело провалилось и [никто за это] не наказан, то как же странствующим советникам не использовать острия своих советов и не домогаться результатов от них? Поэтому разрушают государство и губят правителя тем, что слушают болтовню легкомысленных советников. Отчего же так бывает? Оттого что правитель не уяснил общественных и частных выгод, не разбирается в верных и никчемных речах, а наказания и кары не обязательно следуют за такими [делами]. Все говорят: «[Кто занимается] внешними делами, тот может большое [государство сделать] властелином [Поднебесной], а [для] маленького [государства] может [обеспечить] спокойствие». Но быть властелином [Поднебесной] [означает] иметь возможность нападать на

других; пребывать в спокойствии [означает] отсутствие возможности нападения [извне]. [Раз государство] сильно, то оно имеет возможность нападать на других; [раз государство] упорядочено, то на него нельзя напасть. Упорядоченности и силы нельзя приобрести извне, они кроются во внутренней политике. Ныне, [кто] не следует закону и искусству управления во внутренних [делах], а нацелил свой ум на [дела] внешние, [у того государство] не станет сильным и упорядоченным. Поговорка гласит: «С длинными рукавами хорошо танцевать, с большими деньгами хорошо покупать». Это о том, что добиваться успеха легко, [когда для этого есть] все условия. Поэтому [государству] упорядоченному и сильному легко строить замыслы, [а государству] слабому и расстроенному трудно [что-либо] планировать. Оттого-то Цинь меняет свои замыслы по десять раз, и они редко проваливаются, а Янь ¹²⁸, изменив свои планы один раз, редко добивается удачи. Это не потому, что в Цинь все умны, а в Янь все глупы, а оттого, что в упорядоченном и расстроенном [государствах] условия неодинаковые. Поэтому Чжоу, отойдя от Цинь и примкнув к союзу «Цзун», было захвачено через год; Вэй, отойдя от Вэй ¹²⁹ и примкнув к союзу «Хэн», погибло через полгода. Итак, Чжоу было уничтожено в союзе «Цзун», а Вэй погибло в союзе «Хэн». А если бы Чжоу и Вэй повременили со своими планами [присоединения] к союзам «Цзун» и «Хэн», а серьезно подошли бы к внутреннему упорядочению своих стран, [сделали бы] ясными свои законы и запреты, [сделали бы] неотвратимыми свои награды и наказания, использовали бы до конца все плодородие своих земель, чтобы приумножить свои запасы, довели бы народ до [готовности] умереть, но укрепили бы городские стены, то в Поднебесной от захвата их земель было бы мало пользы, а от нападения на эти государства был бы большой урон, и [даже] государство с десятью тысячами колесниц не посмело бы разбить лагерь под [их] крепкими стенами и дать сильным врагам воспользоваться его недостатками. В этом [заключается] способ никогда не погибнуть. Отказаться от способа никогда не погибнуть и идти по пути, непременно ведущему к гибели, — это ошибка при управлении [государством]. [Если] умные [замыслы] встречают затруднения внутри [страны], [если] и внешняя политика приходит в расстройство,

то это значит погибнуть и не иметь возможности подняться.

Истинные помыслы народа сводятся к тому, чтобы достичь покоя и выгод, избежать опасностей и бедствий. Ныне когда [людей] посылают в бой, то в наступлении они гибнут [от рук] врагов, а при бегстве их наказывают смертью, — в этом [для них] опасность. [Они] забрасывают свои семейные дела и исходят потом [на службе], как лошади, семьям [их] трудно, но правитель не считается [с этим], — в этом [для них] бедствие. Когда существуют бедствия и опасности, как же народу не избегать [их]? Поэтому [люди] служат частным домам и уклоняются [от государственной службы]; уклонившись [от государственной службы], они избегают [идти на] войну; а раз [они] избегают [идти на] войну, они [добиваются] покоя. Взятками [они ищут] опоры у самовластных чиновников и добиваются желаемого; [раз они] добились желаемого, то им самим спокойно; [раз им] самим спокойно, то в этом же и выгода [для них]. Как же к этому не стремиться? Поэтому людей, [занятых] общественными [делами], мало, а лиц, [озабоченных] частными [делами], масса.

Ведь просвещенный правитель, занимаясь управлением государством, делает так, чтобы у него торговцев, ремесленников и бродячего люда было мало и чтобы их репутация была презренной. Этим [он] уменьшает [число тех, кто] отказывается от основного занятия и стремится заниматься второстепенным. В наше время [если правитель будет] удовлетворять все просьбы приближенных, то должности и ранги знатности можно будет купить; если должности и ранги знатности можно будет купить, то ремесленники и торговцы не будут презираемы. Злодеи смогут воспользоваться своим богатством, нажитым на рынках, и торговцев не станет меньше. [Если у них] всякого добра будет вдвое больше, чем у земледельцев, а почет выше, чем у людей, занимающихся земледелием и войной, то порядочных людей будет немного, а торгующего люда будет множество.

Поэтому в расстроеном государстве порядки [таковы]: в нем ученые расхваливают путь прежних правителей под предлогом [их] гуманности и [следования] чувству долга, пышно украшают свои одежды и изощряются в изысканных речах, вызывая сомнения в существующих законах и раздвоенность в душе правителя. В нем бол-

туны несут всякий вздор, опираются на внешние силы, чтобы устроить свои личные [дела] и отбросить [дела], полезные для алтаря земли и злаков. В нем те, кто носит мечи, собираются толпами, выставляют напоказ свои качества, чтобы прославить свое имя и нарушить запреты [всех] пяти [высших] чиновников. В нем те, кто страшится повинностей, собираются в частных домах, употребляют все свое добро на взятки, чтобы упротить самовластных чиновников и уклониться от тяжелых трудов. В нем торговый и ремесленный люд изощряется в изготовлении грубых поделок, собирает у себя несметные запасы, а собрав [их], выжидает время, чтобы посягнуть на выгоды земледельцев. Эти пять [категорий людей] — паразиты для государства. [Если] правители не искоренят этих пятерых паразитов и не займутся воспитанием порядочных людей, то что же удивительного, что в мире еще будут разрушающиеся государства и гибнущие династии?

ГЛАВА ПЯТИДЕСЯТАЯ. «УЧЕНИЯ, ПОЛЬЗУЮЩИЕСЯ СЛОВОМ»

Учения, пользующиеся в мире славой, — это конфуцианство и моизм. Самый великий в конфуцианстве — Кун Цю¹³⁰; самый великий в моизме — Мо Ди. После смерти Кун-цзы существуют конфуцианцы [школы] Цзы-чжана, существуют конфуцианцы [школы] Цзы Сы, существуют конфуцианцы [школы] Янь-ши, существуют конфуцианцы [школы] Мэн-ши, существуют конфуцианцы [школы] Цидяо-ши, существуют конфуцианцы [школы] Чжунлян-ши, существуют конфуцианцы [школы] Сунь-ши, существуют конфуцианцы [школы] Юэ-чжэн-пн. После смерти Мо-цзы существуют моисты [школы] Сянли-ши, существуют моисты [школы] Сян-фу-пн, существуют моисты [школы] Дэнлин-ши¹³¹. Значит, после смерти Кун [-цзы] и Мо [-цзы] конфуцианцы раскололись на восемь [школ], а моисты разделились на три [школы]. [То, что они] принимают и отвергают, противоречит друг другу и не совпадает, но все они сами объявляют себя истинными [последователями] Кун-цзы и Мо-цзы. [Но] Кун-цзы и Мо-цзы не могут воскреснуть, так кто же установит [истинность или ложность их] учений в последующих поколениях? Кун-цзы и Мо-цзы следовали Яо и Шуню,

но [то, что они] принимали и отвергали, неодинаково, [однако] все они сами объявляли себя истинными [последователями] Яо и Шуня. [Но] Яо и Шунь не воскреснут, кто же сможет определить истинность конфуцианства или мопзма? [Эпохи] Инь и Чжоу [отстоят от нас] на семьсот с лишним лет, [эпохи] Юй и Ся — на две с лишним тысячи лет, и невозможно рассудить, кто прав — конфуцианцы или моисты. Ныне же если кто захочет разобраться в трехтысячелетней давности о путях Яо и Шуня, то думаю, что решить это невозможно. Решать [этот вопрос], не рассматривая свидетельств, — это глупость; утверждать же, не имея возможности решить [вопрос], — это обман. Поэтому [тот, кто] открыто опирается на прежних правителей и упорно следует Яо и Шуню, — это если не глупец, так обманщик. Просвещенные правители не приемлют глупых и живых учений, запутанных и противоречивых действий.

Моисты при погребении зимой [одевают покойника] в зимнее платье, а летом — в летнее платье, гроб делают из тутового дерева в три *цуня* толщиной, траурное платье носят три месяца. Нынешние правители считают [это] умеренностью и [полагают, что] это [соответствует] ритуалу. Конфуцианцы [для устройства] погребения разоряют семью, закладывают своих сыновей, чтобы возместить [расходы], траурное платье носят три года, [наносят] великое расстройство [своему здоровью] и могут передвигаться, только опираясь на палку. Нынешние правители считают [это] сыновней почтительностью и [полагают], что это [соответствует] ритуалу. Если утверждать умеренность Мо-цзы, то нужно отвергнуть расточительность Кун-цзы; если утверждать сыновнюю почтительность Кун-цзы, то нужно отвергнуть жестокость Мо-цзы. Ныне же сыновняя почтительность и жестокость, расточительство и умеренность — все есть у конфуцианцев и моистов, а правители [считают], что и то и другое соответствуют ритуалу.

Цидяо ¹³² считал, [что человек не должен] меняться в лице и отводить взор [при встрече с опасностью]; [если он был] не прав, то уступал даже рабу, а [если он был] прав, то выражал гнев даже перед лицом *чжухоу*. В нашем мире правители [считают его] честным и [полагают, что его поведение] соответствует ритуалу. Сун Жун-цзы ¹³³ считал, что не следует враждовать [с другими], следовал

[принципу] отказа от мести, не [видел] позора в пребывании в темнице, подвергаясь оскорблениям, не [видел в том] стыда. В нашем мире правители [считают его] великодушным и [полагают, что его поведение] соответствует ритуалу. Но если принять честность Цидяо, то нужно отвергнуть уступчивость Сун Жуна; если принять великодушные Сун Жуна, то нужно отвергнуть горячность Цидяо. Ныне же великодушные и честность, уступчивость и горячность — все есть в [учениях этих] двух мужей¹³⁴, а правители [считают], что и то и другое соответствуют ритуалу.

Так как глупые и лживые учения, запутанные и противоречивые утверждения ведут борьбу [между собой], а правители слушаются их всех, то получается, что люди в стране не имеют определенных форм для своих речей, не имеют определенного образца для своего поведения. Но ведь лед и горящие угли не [могут] долго быть вместе в одном сосуде, мороз и жара не [могут] наступить одновременно, запутанные и противоречивые учения не [могут] в равной мере [с учением о законе и искусстве управления] применяться в управлении. А ныне одинаково прислушиваются к запутанным учениям и беспорядочно следуют противоречивым утверждениям. Как же тут не быть смуте? [Если правитель] в выслушивании [советов] и в поведении таков, то непременно так же у него будет и с управлением людьми.

Нынешние ученые мужи говорят об управлении чаще всего так: «Дайте бедным и неимущим землю, чтобы обеспечить [тех, у кого] ничего нет». Ныне [условия] у людей сходны, и если нет урожайного года и поступлений со стороны, а [люди] сами обеспечили себя всем необходимым, то если это не от [собственного] труда, так от бережливости. [Условия] у людей сходны, и если нет таких бед, как неурожай, болезни, стихийные бедствия и преступления, а [люди] сами стали бедными и неимущими, то если это не от мотовства, то от лени. Расточительные и ленивые бедны, а трудолюбивые и бережливые богаты. [Если] ныне правитель заберет урожай у богатых людей и отдаст [его] бедным семьям, то это означает отобрать у трудолюбивых и бережливых и дать расточительным и ленивым, да еще желать, чтобы простой народ напряженно работал и был умерен в расходах. Этого нельзя достичь.

Предположим, что есть такой человек, который ни за что не войдет в город, находящийся в опасности, не пойдет служить в армию, не отдаст ради большой пользы для Поднебесной даже одного волоска со своей голени. А нынешний правитель идет за ним и [считает, что его поведение] соответствует ритуалу, ценит его ум и высоко ставит его поведение, считая его человеком, [который] презирает вещи и дорожит жизнью. Но ведь правитель выставляет тучные поля и большие дома, учреждает ранги знатности и жалованья, чтобы обменять это на жизнь и смерть народа. [А если] ныне правители уважают и ценят людей, презирающих вещи и дорожающих жизнью, то нельзя достичь того, чтобы простой народ шел на смерть и дорожил бы [возможностью] пожертвовать собой ради дела правителя. [Есть такие, которые] держат у себя связки книг, упражняются в болтовне, собирают последователей, предаются книжной учености и ведут [пустые] разговоры, а нынешние правители следуют за ними и [считают, что их поведение] соответствует ритуалу, говоря: «Уважать мудрецов — это путь древних правителей». Но ведь те, с кого берут подати чиновники, — это земледельцы, а те, кого воспитывает государь, — это книжники. [Если] земледельцам — тяжелые подати, а книжникам — обильные награды, то нельзя достичь того, чтобы простой народ упорно трудился и поменьше болтал языком. [Есть и такие, что] выставляют напоказ свою волю и собирают [вокруг себя] народ, заботятся о своей репутации и не терпят нападок на себя, и, если злые выражения коснутся их ушей, [они] тут же непременно выхватывают меч. А нынешние правители следуют за ними и [считают, что их поведение] соответствует ритуалу, называя их людьми, которые уважают себя. Но ведь если награждать за старания в отрубании голов [врагов на войне] и в то же время почитать и прославлять тех, кто проявляет храбрость в частных стычках, то нельзя достичь того, чтобы простой народ упорно воевал и отражал врага, не занимаясь частными стычками. Когда государство в мире, то воспитывают конфуцианцев и удальцов, а когда наступают трудности, то требуются воины в панцирях. Тех, кого воспитали, не нужны; тех, кто нужен, не воспитали. Отсюда и происходят смуты.

И если правитель слушает книжников и считает, что их речи правильны, то следует счесть их годными для

службы и использовать этих людей, а если он считает, что их речи неправильны, то следует удалить их самих и пресечь их речи в корне. Ныне же бывает, что [чьи-либо речи] считают правильными, но [людей не считают] годными для службы; [чьи-либо речи] считают неправильными, но не пресекают их в корне. Не использовать правильного и не пресекать неправильного — это путь смут и гибели.

Таньтай Юй-цзы имел облик благородного человека. Чжун-ни сблизился с ним и взял его [в ученики]. Пробыв с ним вместе долгое время, [он узнал], что поведение [Таньтай Юй-цзы] не соответствует его облику¹³⁵. Речи Цзай Юя¹³⁶ были изысканными и утонченными. Чжун-ни сблизился с ним и взял его [в ученики]. Пробыв с ним вместе долгое время, [он узнал], что ум [Цзай Юя] далеко не таков, как его красноречие. Поэтому Чжун-ни говорил: «Принимая человека по облику, я ошибся в Цзы-юе; принимая человека по речам, я ошибся в Цзай Юе». Итак, известно, что даже ум Чжун-ни мог упускать истину. Ныне новые краснобаи далеко превосходят Цзай Юя, а нынешние правители, слушая [их], заблуждаются еще больше, чем Чжун-ни. Раз [правителям] нравятся их речи, то за них и назначают на службу. Как же тут избежать ошибок? Поэтому Вэй, доверившись красноречию Мэн Мао, испытало горечь поражения у Хуаяна¹³⁷; Чжао, доверившись красноречию Ма Фу, потерпело бедствие у Чанпина¹³⁸. Эти два [случая — примеры] ошибок из-за назначения на службу за красноречие. Ведь [если] смотреть [только] на расплавленное олово и различать в нем [только] голубые и желтые [отблески], то и сам Оу-е¹³⁹ не смог бы определить наверняка [качество] меча. [А если меч] в воде бьет цапель и гусей, а на суше рубит жеребят и лошадей, то и раб не сомневался бы, тупой [меч] или острый. [Если] проверять только зубы во рту и внешний вид лошади, то и сам Бо Лэ¹⁴⁰ не смог бы определить наверняка ее достоинств. [А если] запрячь ее в повозку и поехать, а в конце пути посмотреть на нее, то и раб не усомнился бы в качествах лошади. [Если] смотреть [только] на внешний облик и одежды [человека] и слушать [только] его речи, то и сам Чжун-ни не смог бы разобраться наверняка в человеке. [А если] испытать его на чиновничьей должности, рассмотреть его достижения, то и обычный человек не усомнится, глуп ли тот или умен. Поэтому у просвещенного

правителя чиновники [таковы]: первый министр непременно поднялся из местных чинов, а отважный главнокомандующий непременно вышел из рядовых. Имеющих заслуги непременно награждают, при этом ранги знатности и жалованья раздаются щедро, и это все более побуждает стараться. Чиновников перемещают на более высокие посты, при этом должности их становятся все крупнее, и это побуждает их управлять все лучше. Когда ранги знатности и жалованья [становятся] все выше, а чиновники управляют [все лучше], то это путь правителя.

Тысячу *ли* сплошных камней нельзя назвать богатством, миллион человеческих чувел нельзя назвать силой. Не то чтобы камни были невелики и число [чувел] было небольшим, а нельзя их назвать богатством и силой потому, что на сплошных камнях не уродится зерно, а человеческие чувела нельзя послать на odpor врагу. Ныне торговцы, купившие чины, и люди, искусные [в каком-либо] мастерстве, также не пашут, а едят. Это земля, которая ничего не родит, как сплошные камни. Конфуцианцы и удальцы не имеют военных заслуг, однако знамениты и пользуются почетом. Этот люд нельзя использовать на службе, он все равно что чувела. И обижаться на сплошные камни и человеческие чувела, но не обижаться на торговцев, конфуцианцев и удальцов, которые как бесплодная земля и ни на что негодный люд, — это значит не понимать сходства этих вещей.

Поэтому если даже правитель соперничающего государства восхищается моим чувством долга, я не могу заставить его прийти ко мне с данью и стать моим подданным. А если *чжухоу* внутри страны не одобряет моего поведения, я непременно смогу заставить его прийти с дарами к [моему] двору. Значит, если сил много, то люди приходят к [моему] двору, если сил недостаточно, то [сам] приходишь ко двору других. Поэтому просвещенный правитель старается быть сильным. Ведь в строгой семье не бывает строптивых рабов, а у любящей матери бывают непутевые дети. Отсюда я знаю, что строгой властью можно пресечь буйство, а щедрой добродетели недостаточно, чтобы прекратить смуту.

Ведь, когда совершенномудрый управляет государством, он не полагается на то, что люди будут делать ему хорошее, а использует [их так, чтобы] они не могли делать дурное. [Если] полагаться на то, что люди будут

делать ему хорошее, то таких людей не наберется и десятка, а если использовать людей так, чтобы они не могли делать дурное, то все государство можно привести к единообразию. При управлении государством используют массы и отвергают немногих и поэтому не стараются быть добродетельными, а стараются [использовать] закон. Если во что бы то ни стало искать в природе [идеально] прямой бамбук, то и за сто поколений нельзя было бы сделать стрелу, а если искать в природе [идеально] круглое дерево, то и за тысячу поколений нельзя было бы сделать колеса. [Идеально] прямой от природы бамбук и [идеально] круглое от природы дерево не попадаются и один раз за сто поколений. Но каким образом всегда все ездят на колесницах и стреляют птиц? Путем применения инструмента для выпрямления дерева. Хотя и попадаются [идеально] прямой от природы бамбук и [идеально] круглое от природы дерево, не требующие выпрямления, но искусные мастера не ценят их. Почему? На колесницу садится не один человек, и стрелу выпускают не один раз. [Хотя попадаются] от природы [идеально] хорошие люди, которым не требуются награды и наказания, но просвещенные правители не ценят их. Почему? Законы государства нельзя отбросить, а управлять нужно не одним человеком. Поэтому правитель, владеющий искусством управления, не рассчитывает [на людей], случайно оказавшихся хорошими, а идет по пути, непременно дающему успех.

Сейчас есть такие, которые говорят людям: «Непрененно смогу сделать тебя умным и долголетним». Но весь мир считает это чепухой: ведь ум [дается] природой, а долголетие [дается] судьбой. Природа и судьба — это то, чего люди не могут постичь. А прельщать людей тем, что они сделать не в силах, весь мир называет [это] чепухой. Но обещать то, что невозможно, — значит льстить [людям], а ведь лезть — это чепуха. Обучать людей человеколюбию и чувству долга — это все равно что прельщать людей умом и долголетием. Здравомыслящий правитель не воспримет этого. Поэтому восхищение красотой Мао Цзян и Си Шя¹⁴¹ не даст ничего моему лицу, а использование румян, пудры, благовоний и туши сделает его вдвое лучше прежнего. Слова о человеколюбии и чувстве долга прежних правителей не дают ничего для управления, а если сделать ясными мои законы и правила, неотвратимыми мои награды и наказания, то для государства это

вроде румян, пудры, благовоний и туши. Поэтому просвещенный правитель жаждет от них помощи и не торопится с тем, что [обычно] воспевают. Оттого [он] не идет по пути человечности и чувства долга.

Ныне гадалщики прорицают людям: «Дам тебе возможность жить тысячи и десятки тысяч лет». Разговоры о тысячах и десятках тысяч лет пленяют слух, но у людей нет никаких доказательств, что они продляют жизнь хоть на один день. Поэтому люди и пренебрегают гадалщиками. Конфуцианцы нашего века обращаются к правителям не со словами о том, как управлять сейчас, а с речами об успехах управления в прошлом. [Они] не разбираются в делах о чиновниках и законе, не изучают условий [возникновения] зловредных деяний и обмана, а все только говорят о заветах глубокой древности, об успехах древних правителей. Конфуцианцы фальшивят, когда говорят: «Послушайтесь моих слов и сможете стать правителем-гегемоном». Эти речи — [те же] предсказания, здравомыслящий правитель не воспринимает их. Поэтому просвещенный правитель берет реальные факты, изгоняет тех, кого нельзя использовать, не следует человеколюбью и чувству долга, не слушает речей книжников.

Ныне те, кто не разбирается в управлении, говорят: «Хотим овладеть сердцами людей». [Но если], овладев сердцами людей, можно было бы управлять, то даже И Иня¹⁴² и Гуань Чжуна ни к чему было бы использовать, только слушай народ, вот и все. Ум народа так же не может быть использован, как и сердце ребенка. Если ребенку не выбрить голову, то у него будут повторяться [головные] боли; если не вскрыть [у него] нарыв, то он распространится. При бритье головы и вскрытии нарыва [ребенка] непременно кто-то держит, и любящая мать управляет им, не обращая внимания на его плач. Ребенок не знает, что, претерпев эту маленькую беду, он обретет для себя большую пользу. Ныне правитель озабочен тем, чтобы умножить имущество у народа путем распашки земель и поднятия целины, а правителя считают бессердечным; [он] совершенствует наказания и усиливает кары, чтобы этим пресечь зло, а правителя считают суровым; [он] собирает подати деньгами и зерном, чтобы наполнить хранилища, и этим спасает [страну] от голода при неурожае и обеспечивает армию, а правителя считают алчным; в стране все знают о [необходимости] носить панцири и

не сбрасывать их самовольно, все силы объединены для упорной борьбы, поэтому и удается схватить врага, а правителя считают жестоким. Если есть эти четыре [вещи], то правление спокойно, но народ [все же] не знает радости. Поэтому и требуются совершенномудрые и всезнающие, ибо знаний народа недостаточно, чтобы руководствоваться [ими] и использовать [их]. В прошлом Юй регулировал реки и углублял потоки, а народ кидал в него камни; Цзы Чань¹⁴³ поднимал земли и сажал шелковичные деревья, а чжэнцы ругались и бранились. Юй принес пользу Поднебесной, а Цзы Чань сохранил Чжэн, но оба они подвергались ругани. Ведь ума у народа недостаточно, чтобы полагаться [только на него], это очевидно. Поэтому, возвышая служилых, требовать мудрых и умных, а осуществляя правление, возлагать надежды на народ — все это ведет к смуте; невозможно посредством этого управлять.

«ЛЮЙ-ШИ ЧУНЬ ЦЮ»

«Люй-ши чунь цю» — энциклопедический памятник Древнего Китая — был создан в III в. до н. э. под руководством крупнейшего политического деятеля и влиятельного богача в царстве Цинь — Люй Бу-вэй. В «Исторических записках» Сыма Цяня (II—I вв. до н. э.) сообщается, что Люй Бу-вэй — первый советник у циньского царя, следуя за богатыми семействами в царствах Вэй, Чу, Чжао, Ци и др., содержал у себя более трех тысяч приживальщиков из ученых мужей различных направлений. Он обязал каждого из них в письменном виде изложить все свои знания и, систематизировав написанные таким образом материалы, создал уникальное для того времени произведение в объеме более двухсот тысяч слов. Люй Бу-вэй считал, что в этом произведении нашли отражение все события и дела с глубокой древности до его времени, охватывающие «небо и землю, тьму вещей», поэтому и назвал его «Люй-ши чунь цю» — «Вёсны и осени господина Люя». Как гласит предание, когда эта работа была закончена, в 241 г. до н. э., она была вывешена у городских ворот столицы Цинь — Сяньян, и здесь же была выставлена тысяча золотых монет для премирования того, кто смог бы убавить или прибавить хоть одно слово в этом произведении.

«Люй-ши чунь цю» состоит из трех частей: первая — «Двенадцать описаний» («Шиэр цзи»); вторая — «Восемь обозрений» («Балань»); третья — «Шесть рассуждений» («Лю лунь»). Все эти части разбиты на обозначенное в каждой из них количество глав, дробящихся в свою очередь на более мелкие параграфы.

В первой части — «Описания» — изложены по временам года и месяцам астрономические и климатические приметы каждого сезона, дается перечень необходимых работ, обязанности людей разных рангов, включая сына неба, названы некоторые обряды, исполняемые при этом, приведены отдельные исторические примеры. Во второй и третьей частях — «Обозрения» и «Рассуждения» — излагаются в более общей форме вопросы мироздания, основы хозяйственной практики, политической власти и ее функций, общественной морали, и все это дано с многочисленными экскурсами в историю и назидательными примерами из древности, относящимися к так называемому золотому веку мудрых правителей. В книге немало мест, где излагаются философские учения различных школ по отдельным проблемам.

«Люй-ши чунь цю» является ценным источником по истории Китая и его древней мысли еще и потому, что в нем сохранились

многие сведения и факты о жизни древнекитайского общества, отсутствующие в других памятниках того времени.

Избранные нами для перевода части из «Люй-ши чунь цю» — «Основы жизни», «Уважение к себе», «Ценить справедливость», «Ценить жизнь», «Исчерпать количество» — были написаны представителями школы даосизма, главным образом последователями Ян Чжу; «Великая музыка» и «Использование народа» — конфуцианцами; «Рассматривать все по-нынешнему» — легистами; «Наличие начала» и «Отклик одинаков» — натуралистами (*иньян цзя*); «Различайте классы предметов» — сторонниками школы Мо-цзы; «Почитайте земледелие» — аграрниками (*нун цзя*).

Перевод осуществлен Р. В. Вяткиным (гл. 4, 13, 15, 25, 26) и Ян Хин-шуном (гл. 1, 2, 3, 5) по китайскому оригиналу, вошедшему в 6-й том «Чжуцзы цзичэн» («Собрание классических текстов». Пекин, 1956).

Ян Хин-шун

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ. «ДВЕНАДЦАТЬ ОПИСАНИЙ»

ГЛАВА ПЕРВАЯ, ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

«ОСНОВЫ ЖИЗНИ»¹

Начало жизни положено небом², а поддерживают ее люди. Тот, кто умеет поддерживать то, что породило небо, и не причинять ему зла, называется сыном неба. Дейтельность сына неба заключается в том, чтобы сохранить в целости то, что породило небо. С этой целью было учреждено чиновничество. Смысл учреждения чиновничества состоял в том, чтобы сохранить в целости природу [человека].

В наше время заблуждающиеся правители, имея многочисленных чиновников, делают наоборот. Они причиняют природе [человека] вред. Это значит, что здесь истинный смысл учреждения чиновничества утрачен. Это похоже на то, что [первоначально] войска создавались для защиты от разбойников, а в наше время они используются для нападения друг на друга. Это значит, что здесь истинный смысл создания войск утрачен.

По своей природе вода чистая. Но, смешиваясь с землей, она становится мутной. По своей природе человек может жить очень долго. Но когда его соблазняют вещи, он не достигает своего долголетия. Назначение вещей в том, чтобы они удовлетворяли потребности людей, а не подчиняли себе жизнь людей.

В настоящее время заблуждающиеся люди большей частью подчиняют вещам свою жизнь. Это значит, они

не знают, что является главным и что — неглавным. Незнание того, что является главным и что неглавным, ведет к тому, что главное рассматривается как неглавное, а неглавное — как главное. В результате каждое действие терпит неудачу. Идя по этому пути, правитель становится слепцом, чиновник — смутьяном, а ученый — пустозвоном. При наличии одного из этих трех [факторов] государство становится несчастным и обречено на гибель.

Предположим, здесь возник [какой-то] звук. Если он доставляет удовольствие нашим умам, то [люди] будут его слушать. Если он оглушает человека, то его перестанут слушать. Предположим, появился [какой-то] цвет. Если он доставляет удовольствие нашим глазам, то люди будут на него смотреть. Если же он ослепляет, то люди на него не будут смотреть. Предположим, [у нас] имеется что-то съедобное. Если оно вкусное, то люди будут его употреблять. Если же оно вредит нашему горлу, его перестанут употреблять.

Поэтому по отношению к звукам, цветам и вкусам совершенномудрый [поступает] так: берет то, что полезно природе [человека], и отбрасывает то, что ей вредно. Это и есть путь сохранения природы [человека] в целостности.

В отношении звуков, цветов и вкусов богатые и знатные люди во многом заблуждаются. [Всего этого] они требуют днем и ночью. А когда им повезет и они получают желаемое, [они] становятся неуправляемыми. Разве безудержное удовлетворение [своих желаний] не повредит природе [человека]? [Это похоже на то положение, когда] десять тысяч человек выпускают из луков стрелы в одну мишень, — цель обязательно будет поражена. Если многочисленные в мире яркие и красивые вещи будут причинять вред одной жизни, то она обязательно будет искалечена. Если они будут приносить пользу одной жизни, то она станет долговечной.

Поэтому совершенномудрый овладевает вещами, с тем чтобы они использовались для сохранения природы [человека] в целостности. Когда цела природа [человека], тогда его душа становится спокойной, глаза — зоркими, уши — чуткими, нос — острым, язык — чувствительным, а 360 суставов будут функционировать исправно. Такой человек без слов заслуживает доверия, без размышления

находит правильный [путь], без умственных [усилий] постигает [истину]. Его рассудок проникает в небо и землю, а его ум охватывает Вселенную. По отношению к вещам, он подобно небу и земле всех их принимает и охватывает. [Такой человек], находясь наверху и становясь сыном неба, не зазнается, а находясь внизу и являясь простым человеком, не печалится. Он называется человеком, сохранившим свое *до* в целости.

Если богатые и знатные [люди] не знают *дао*³, то [богатство и знатность для них] будут вредными. Тогда лучше было бы им стать бедными и незнатными, ибо последние с трудом добывают [необходимые] вещи. Если они захотели бы получать побольше [вещей], то откуда же они их возьмут?

Кто [постоянно] разъезжает в экипаже, заботясь о своих удобствах, тот [может] стать паралитиком; кто [безмерно] употребляет жирное мясо и крепкое вино, стремится быть полным, тот разрушает свой кишечник; кто увлещается изящными женщинами с белоснежными зубами, наслаждается музыкой и песнями царств Чжэн и Вэй⁴, заботясь о своих удовольствиях, тот губит свою жизнь. Все эти три беды происходят от богатства и знатности.

Древние люди не желали стать богатыми и знатными только потому, что они ценили свою жизнь. Они не стремились к славе и были заняты полезными [для себя] делами.

Таким образом, нельзя не обратить внимание на все эти рассуждения, изложенные здесь.

ГЛАВА ПЕРВАЯ, ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. «УВАЖЕНИЕ К СЕБЕ»

Шуй⁵ был искусным мастером. Однако люди любят не его пальцы, а свои. Это происходит оттого, что [свои пальцы, хотя по ловкости уступают пальцам Шуя], приносят [им] пользу. Люди любят не яшму в горах Куньшань⁶ и жемчуг в реках, а свои яшмовые безделушки и крошечные [грубые] жемчужины. Это происходит [также] оттого, что они приносят [им] пользу.

Моя жизнь сейчас является моей собственностью, она приносит мне огромную пользу. Если говорить о знатности или незнатности [человека], то с ней нельзя сравнить

даже такой высокий пост, как «сын неба». Если говорить о ее возможности или никчемности, то ее нельзя променять даже на такое богатство, как обладание Поднебесной. Если говорить о ее спокойствии или опасности, то, однажды потеряв [жизнь], больше уже никогда ее не вернуть. Ко всем этим трем вещам бережно относятся [ученые], познавшие *дао*. Иногда бережное отношение [к жизни], наоборот, приносит ей вред. Это происходит от незнания законов жизни. При незнании законов жизни бесполезным будет и бережное отношение к ней. Это похоже на то, как слепой, оберегая своего ребенка, укладывает его там, где валяются отруби, [засоряющие глаза], или как глухой, ухаживая за своим ребенком, выносит его на воздух, когда гремит гром, [оглушающий ребенка]. Они напоминают тех, кто не понимает, что такое бережное отношение [к явлениям и вещам].

Те, кто не понимает, что такое бережное отношение [к явлениям и вещам], не могут решить вопрос, [как быть при определенной ситуации:] умереть или сохранить свою жизнь, продлить свое существование или погибнуть? У тех, кто не отличает [одно явление от другого], истина не обязательно является истиной, ложь не обязательно является ложью. Признание истины за ложь и лжи за истину называется великим заблуждением. Таким людям небо шлет несчастье. Таким путем устраивать свою жизнь — обязательно ее погубишь, навлечешь на себя беды. Таким способом управлять государством — приведешь его к разрухе и гибели.

[Преждевременная] смерть и несчастье, разруха и гибель не приходят сами собой, а вызываются заблуждением [людей]. Точно так же обстоит дело с долголетием [у человека] и спокойствием [в стране]. Поэтому, кто постиг *дао*, тот изучает не то, что может быть вызвано, а то, чем оно вызывается. Только так можно достигнуть желаемого результата. Этого положения нельзя не знать.

Предположим, силач У Хо⁷ со всей силой тянет быка за хвост до такой степени, что хвост оторвался, а сила [у силача] иссякла. Между тем бык не сдвинулся ни на шаг с места. [Это происходит оттого, что человек] идет наперекор [естественности]. [Теперь] допустим, мальчик ростом пять *чи* ведет быка за уздечку и бык подчиняется ему во всем. [Это происходит оттого, что человек в данном случае] следует [естественности].

В мире [существуют] такие государи и знатные, у которых нет ни способностей, ни достоинства, но все они желают для себя долголетия. Однако все то, что они постоянно делают, противоречит их [естественной] жизни⁸. [В таком случае] какая польза будет от того, что они желают [для себя долголетия]?

Долголетие достигается путем следования [естественности жизни]. Когда поступают вопреки [естественности], это происходит из-за [людских] страстей. Поэтому совершенномудрый ограничивает свои желания. В большом помещении много *инь*, а на высокой башне много *ян*⁹. Когда [слишком] много *инь*, [человек] может заболеть ревматизмом. Когда [слишком] много *ян*, [человека] может поразить паралич. Это и есть вред от несоответствия [в наличии] *инь* и *ян*. Поэтому мудрые правители древности не [желали] жить в больших домах, не строили высоких башен, не употребляли [слишком] вкусных блюд, не надевали [слишком] теплой одежды. Когда [слишком] тепло одеваешься, можно вызвать закупорку [кровеносных] сосудов. А закупорка [кровеносных] сосудов приводит к тому, что *ци* [в крови] не будет [нормально] циркулировать. Когда съедается [слишком] много вкусных блюд, засоряется желудок. А засорение желудка может вызвать апатию. Апатия же приводит к тому, что *ци* [в крови] не будет нормально циркулировать. Разве таким путем можно достигнуть долголетия?

Совершенномудрые правители древности строили парки, заповедники, сады и пруды лишь для того, чтобы любоваться красотой и совершать прогулки. Они строили дворцы, дома, башни, павильоны лишь для того, чтобы можно было избежать как сухости, так и сырости. Они имели колесницы и лошадей, платья и шубы лишь для того, чтобы им было удобно и тепло. Они приготавливали себе питье и еду, горькое и сладкое вино лишь для того, чтобы по вкусу удовлетворять свои потребности [в этих вещах]. Они создавали красивые вещи, песни, музыку лишь для того, чтобы успокоить свою душу и получить удовольствие. Все эти пять [вещей] осуществляются совершенномудрыми правителями для того, чтобы благоприятствовать своей природе. Они так поступают не из-за бережливости и нежелания лишней затраты [средств], а для гармонии с [собственной] природой.

ГЛАВА ПЕРВАЯ, ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. «ЦЕНИТЬ СПРАВЕДЛИВОСТЬ»

В древности совершенномудрые правители, управляя Поднебесной, прежде всего осуществляли справедливость. Справедливость приносит Поднебесной спокойствие. [Таким образом], спокойствие достигается [путем осуществления] справедливости.

Из летописей прошлого видно, что было много [правителей], овладевших Поднебесной. Они овладевали [Поднебесной путем] осуществления справедливости, а теряли ее из-за своей несправедливости. Государь появляется в результате [осуществления им] справедливости.

Поэтому в «Хунфань» говорится: «При отсутствии корысти и междоусобицы широк будет путь вана¹⁰. При отсутствии корысти и недоброго намерения будут соблюдаться законы вана. Тот, кто проявляет любовь справедливо, следует пути вана. Тот, кто выражает гнев правдиво, идет по дороге вана»¹¹.

Поднебесная не принадлежит одному человеку, она принадлежит всем. Гармония *инь* и *ян* осуществляется не только для выращивания одного рода [вещей]. Своевременный дождь и роса приходят [также] не для [какой-либо] одной вещи. Точно так же властитель, управляющий многочисленным народом, существует не для того, чтобы угождать одному лицу...

В детстве человек глуп. Когда он вырастает, становится умным. Лучше быть глупым, но справедливым, чем стать умным, но корыстолюбивым.

Желание постоянно пьянствующего быть опрятным, корыстолюбивого — справедливым, деспота — ваном не может быть осуществлено даже Шунем¹².

ГЛАВА ВТОРАЯ, ЧАСТЬ ВТОРАЯ. «ЦЕНИТЬ ЖИЗНЬ»¹³

Совершенномудрый, глубоко анализируя [вещи и явления] Поднебесной, [приходит к выводу], что самой ценной [на свете] является жизнь. Ухо, глаз, рот и нос — [все они] являются ее слугами. Хотя ухо любит слушать [приятные] звуки, глаз — смотреть на [красивые] цвета, нос — обонять ароматный запах, рот — принимать вкус-

ную пищу, все они избегают того, что вредно для жизни. Эти четыре органа ничего не делают во вред жизни. Отсюда видно, что ухо, глаз, нос и рот не могут действовать по своему произволу, они должны подчиняться [определенному] порядку. Это напоминает то, что чиновники не могут действовать по своему произволу, они должны подчиняться [определенному] порядку. Это и есть способ [сохранения] ценности жизни.

Юа [хотел] уступить Поднебесную Цзычжоу Чжифу¹⁴. Последний ему ответил: «Можно сделать меня правителем Поднебесной. Однако я страдаю болезнью душевного беспокойства и нуждаюсь в лечении. У меня [пока] нет времени, чтобы управлять Поднебесной». Поднебесная — это вещь [чрезвычайно] важная. Но из-за нее он не хотел причинять ущерб своей жизни, из-за других вещей тем более. Поднебесную можно доверить только тому, кто не считается с тем, что Поднебесная погубит его жизнь.

В Юе люди на протяжении трех поколений убивали своих государей. Из-за боязни [быть убитым] сын правителя Ван-цзы Соу скрылся [в пещере] Даньское. В царстве Юе не было государя. Найти Ван-цзы Соу не удавалось. Наконец его нашли в Даньское. Но он отказался выходить [из пещеры]. Люди из царства Юе зажгли поленья и, выкурив сына правителя оттуда, повели его к экипажу. Когда Ван-цзы Соу, держась за веревочные поручни, поднимался на колесницу, обращаясь к небу, он воскликнул: «О владыка! Разве не можешь обойтись без меня?» Ван-цзы Соу не боялся стать государем, а боялся бед, [сопровождающих] государя. Того, кто похож на Ван-цзы Соу, действительно можно назвать нежелающим из-за государства губить свою жизнь. Именно такого человека в Юе хотели иметь и сделать своим государем.

В Лу государь, узнав, что Янь Хэ¹⁵ является ученым, познавшим *дао*, послал к нему [своего] человека с драгоценным подарком. [В то время] Янь Хэ, одетый в [рваную] шубу из оленьей шкуры, сам кормил корову у ворот. Когда посланец луского государя прибыл к нему, он лично принял его. Тот спросил: «Здесь дом Янь Хэ?» Янь Хэ ответил: «Да, это дом Янь Хэ». Посланец преподнес ему драгоценные подарки. Янь Хэ сказал: «Боюсь, вас будут обвинять за это. Вероятно, вы ошиблись. Лучше было бы вам [еще раз] уточнить». Когда посланец, убедившись в правильности своего прихода, снова при-

шел к Янь Хэ, его уже нельзя было найти. Поэтому тот, кто похож на Янь Хэ, не отвергает богатство и знатность, как таковые, а поступает так из-за того, что ценит свою жизнь.

В своем большинстве государи кичатся своим богатством и знатностью перед тем, кто постиг *дао*. Они даже знают их не хотят. Разве это не печально?!

Поэтому говорится: «Главная часть *дао*¹⁶ используется для поддержания жизни [человека], а оставшаяся часть — для [управления] государством. Его последний остаток употребляется для налаживания порядка в Поднебесной». Отсюда видно, что то, что государи-властители называют подвигом, для мудреца является лишь занятием на досуге, ибо это не есть путь к сохранению жизни в целостности и поддержанию ее [в благоприятных условиях].

В наши дни [многие] благородные мужи в обществе, причиняя вред своему здоровью и пренебрегая своей жизнью, гоняются за вещами... Почему же они так поступают?

В своей деятельности совершенномудрый человек [руководствуется] тем, что он обязательно [сначала] выясняет, почему и для чего осуществляет он то или иное дело. Предположим, перед нами человек, который использовал бы драгоценный жемчуг Суйхоу для стрельбы в птицу, летящую на высоте тысячи *жэнь*¹⁷. Над ним все непременно бы смеялись. А почему? Потому что слишком дорогая затрата, а результат ничтожный. Разве жизнь не дороже, чем жемчуг Суйхоу?

Учитель Хуа-цзы говорил: «Целостная жизнь занимает первое место, ущербная жизнь — второе место, смерть — третье место, а жизнь под гнетом — последнее место».

Поэтому говорится: «Ценить жизнь — это значит сохранить ее в целостности». Так называемая целостная жизнь означает, что все шесть желаний¹⁸ получают удовлетворение.

Так называемая ущербная жизнь означает, что шесть желаний удовлетворяются частично. Ущербная жизнь приводит к пренебрежению тем, что является драгоценным. Чем больше причиняем ущерба жизни, тем меньше становится ее ценность. Так называемая смерть означает лишение того, что обуславливает сознание человека, возвращение к тому состоянию, когда еще не было жизни. Так

называемая жизнь под гнетом означает, что шесть желаний не удовлетворяются совершенно. От этого будет самый худший результат — покориться [чужой воле], терпеть позор. Самый страшный позор — самая большая несправедливость. Поэтому несправедливым является также [принуждать кого-либо] жить под гнетом. «Жизнь под гнетом» означает не только несправедливость. Поэтому говорится: «Лучше умереть, чем жить под гнетом». Откуда можно знать, что это так? Услышать то, что неприятно уху, лучше [вообще] не слышать. Увидеть то, что неприятно глазу, лучше [вообще] не видеть. Так, например, когда гремит гром, [люди] прикрывают свои уши, а когда сверкает молния, глаза [у них] закрываются. [Все органы] шести желаний знают все то, к чему они питают отвращение. Если все же они вынуждены терпеть все это, то лучше было бы [вообще] лишиться сознания. Лишение сознания называется смертью. Таким образом, смерть будет лучше, чем жизнь под гнетом.

Есть мясо — это не значит питаться дохлой крысой; пить вино — это не значит напиваться скисшим его отходом; почитать жизнь — это не значит жить под гнетом.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, ЧАСТЬ ВТОРАЯ. «ИСЧЕРПАТЬ [ОПРЕДЕЛЕННОЕ] КОЛИЧЕСТВО»

Порожденные небом *инь* и *ян*, холод и жара, сухость и влага, смена времен года, изменение вещей — все это [человеку] и полезно и вредно. Совершенномудрый, наблюдая за тем, что соответствует [силам] *инь* и *ян*, и выясняя полезные [свойства] различных вещей, [направляет] их на служение жизни [человека]. Когда душа в теле спокойна, тогда и жизнь [у человека] будет долговечной. Долголетие происходит не оттого, что к короткой жизни присоединяется ее продолжение, а оттого, что [человек] до конца использует [положенное ему] количество [лет]. До конца использование [положенного человеку] количества [лет] состоит в том, чтобы устранить все, что [для него] вредно.

Что означает устранение вредного для человека? Чрезмерное употребление сладкого, кислого, горького, острого и соленого, переполнение тела всеми этими пятью видами [пищи] вредно для жизни [человека]. Чрезмерно [проявлять] чувства радости, гнева, грусти, страха и

печали, переполнение души всеми этими пятью чувствами вредно для жизни [человека]. Слишком сильные холод, жара, сухость, сырость, ветер, дождь, туман — все эти семь стихий, если они будут воздействовать на тончайшие¹⁹ [ци у человека], вредны для [его] жизни. Поэтому для поддержания жизни нужно знать ее источник. Если знать источник [жизни], неоткуда будет появиться болезни.

Тончайшие *ци* собираются там, куда они могут проникнуть. Собираясь в птицах, [они] делают их способными летать; собираясь в зверях, [они] делают их способными быстро бегать; собираясь в жемчугах и яшмах, [они] делают их прекрасными; собираясь в деревьях, делают их способными пышно расти. Собираясь в совершенно-мудрых, они делают их дальновидными. Тончайшие *ци* проявляются в том, что, опираясь на легкое, [они приобретают способность] летать; опираясь на того, кто ходит, [они приобретают способность] бегать; опираясь на то, что является прекрасным, [они приобретают свойство] быть совершенными; опираясь на то, что растет, [они приобретают свойство] быть пышными; опираясь на ум, [они приобретают способность] быть прозорливыми.

Проточная вода не портится; дверной стержень не истачивается червем-древоточцем. Это происходит оттого, что [они постоянно] находятся в движении. Точно так же обстоит дело с телом [человека] и его *ци*. Когда тело не двигается, тогда и тончайшие [ци в крови] не циркулируют. Когда тончайшие [ци в крови] не циркулируют, тогда [из них] образуются комочки. Появление [этих комков] в голове вызывает болезнь *чжун* и головные боли; в ушах — болезнь *цзюй* и глухоту; в глазах — болезнь *ме* и слепоту; в носу — болезнь *цю* и закупорку; в животе — болезнь *чжан* и боли; в ногах — болезнь *вэй* и судороги²⁰.

Там, где вода легкая, много людей с лишаем и злокачественными опухолями; там, где вода тяжелая, много людей с опухшими ногами и неспособных передвигаться; там, где вода сладкая, много стройных и красивых людей; там, где вода горчит, много людей с неизлечимыми язвами; там, где вода горькая, много уродливых и горбатых людей.

При еде не следует чрезмерно употреблять изысканные блюда и то, что вызывает острое ощущение, [например] крепкое вино. Все это называется источником бо-

лезней. Когда человек питается правильно, он свободен от недугов.

Режим питания должен быть таков: не голодать и не пересыщаться. Это является [лучшим способом] успокоения пяти внутренних органов. Рот непременно должен ощущать приятный вкус. Тогда состояние духа [у человека] будет гармоничным, [его] внешний вид — подтянутым, [у него] прибавляются чудесные *ци*. Все суставы его будут ощущать приятную легкость и свободно впитывать в себя *ци* [из крови]...

В наше время в обществе занимаются гаданием и жертвоприношением богам, усопшим предкам. От этого болезней становится все больше. Это напоминает стрелка, который [от своего неумения] не может попасть в цель и начинает поправлять мишень. Что толку от этого для точности попадания в цель? Если попытаться кипятком приостановить кипение, то оно будет продолжаться. Оно прекратится, когда будет потушен огонь. Поэтому древние презирали в лечении болезней знахарей и их ядовитые лекарства, ибо они являются самым ненадежным [средством лечения].

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, ЧАСТЬ ПЯТАЯ. «ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НАРОДА»

Человек, искусный в учении, подобен цискому вану, вкушающему курицу. Он непременно должен был съесть несколько десятков куриных ножек²¹ и только тогда чувствовал удовлетворение. Пусть даже он и не был удовлетворен, ему казалось, что он продолжает есть эти ножки. Каждая вещь по сути дела имеет свои достоинства и свои недостатки, точно так же и люди. Поэтому искусный в учении человек использует достоинства других людей, чтобы восполнить эти свои недостатки. А использующий [достоинства] других может приобрести всю Поднебесную.

Не следует презирать неспособных и не следует гнушаться незнающих. Если ты презираешь неспособных и гнушаешься незнающих — это худо. Если ты не презираешь неспособных и не гнушаешься незнающих — это похвально. Даже у таких, как Цзе и Чжоу²², вероятно, было и то, что внушало благоговейный страх, и то, что можно было использовать, что же говорить о мудрецах!

Поэтому ученые мужи говорят: споры и обсуждения нужно обязательно проводить. Если удастся провести споры и обсуждения, то это учит большим суждениям. Если же не удастся провести такие споры и обсуждения, то это [похоже на то, что] вы надеваете сермягу, чтобы идти в гости, или, надев парадное парчовое платье, остаетесь дома.

Жуны рождаются [на землях] *жунов*, вырастают среди *жунов* и [говорят] на языке *жунов*, не ведая того, как они ему научились. Чусцы рождаются в Чу, вырастают в Чу и [говорят] на языке Чу, не ведая того, как они ему научились. Если сейчас чусца вырастить среди *жунов*, а человека из *жунов* вырастить среди чусцев, то человек из Чу будет говорить на языке *жунов*, а тот, кто из *жунов*, будет говорить на языке чусцев.

Если, исходя из этого, взглянуть на все [нас окружающее], то я все-таки не понимаю, почему бы правителю погибшего государства не считаться мудрым правителем? Ведь то, что [сопутствовало] зарождению и росту этого государства, нельзя [отбросить]. Вот почему [в каждом случае] следует обязательно рассматривать обстоятельства зарождения и роста.

В Поднебесной нет чисто белых лисиц, но имеются халаты на чисто белом лисьем меху, для выделки которых используется множество белых клочков от разных шкур. Именно потому, что они брали у многих [хорошее], три владыки и пять императоров²³ добились великих заслуг и прославили свои имена.

Утверждение власти каждого правителя исходит от народа. Если, утвердив свою власть, [правитель] бросает свой народ, это означает, что он хватается за ветки и забывает про ствол. А когда добиваются побочного и теряют основное, то не было случая, чтобы можно было спокойно жить. Вот почему если использовать мужество народа, то не страшен Мэн Бэнь; если использовать силу народа, то не страшен У Хо; если использовать зоркость народа, то не страшен Ли Лоу²⁴; а если использовать мудрость народа, то не страшны Яо и Шунь. Ибо использование народа — это великое сокровище правителя.

Тянь Пянь сказал цискому вану: «Мэн Бэнь, может быть, и искусен в создании беспорядков, но на наших границах все же бедствий нет». Ваны царств Чу и Вэй

не прибегают к [длинным] разговорам, но в пределах своих границ они подготовились к защите, их солдаты уже обучены и могут быть использованы. Достигнуто все это благодаря народу.

ГЛАВА ПЯТАЯ, ЧАСТЬ ВТОРАЯ. «ВЕЛИКАЯ МУЗЫКА»

Далек исток музыки. Она создавалась по определенным ритмам, а ее основание находится в великом начале ²⁵.

Великое начало породило небо и землю, а последние — *инь* и *ян*. [Постоянно] изменяющиеся *инь* и *ян*, то взлетая вверх, то опускаясь вниз, соединяются между собой, образуя явления.

[Все они], находясь в хаотическом взаимосплетении, расходятся между собой, чтобы снова соединиться, и соединяются между собой, чтобы вновь разойтись, — это и есть постоянный [путь] неба. Небо и земля [напоминают] колесо колесницы, которое в своем вращении, завершив один круг, начинает снова, и так без конца. [Причем это круговращение] всегда и повсюду соответствует [своему назначению]. Звезды, солнце и луна [в своем движении] одни идут быстрее, а другие — медленнее. Различие между солнцем и луной состоит в том, что [каждое из них] движется по своему пути.

Происходит смена четырех времен [года]. Приходит то жаркое [лето], то холодная [зима], то нежная [весна], то суровая [осень], [дни бывают] то короткие, то длинные. Все вещи появляются оттого, что они имеют свой источник в великом начале и изменяются [под влиянием] *инь* и *ян*. В период весенних восходов они бурно развиваются, а в период осенней стужи увядают. [Все] тела занимают [определенные] места, и [каждое из них] имеет свой звук. Звук порождается гармонией, а гармония происходит от соответствия [середине ²⁶ противоположных начал]. Гармония и соответствие [середине] — это то, исходя из чего совершенномудрые правители прошлого создали музыку.

Когда в Поднебесной царит спокойствие, все вещи пребывают в безмятежном состоянии, весь народ следует за тем, кто стоит над ним. Таким образом, стало возможным создавать музыку.

Музыка создается в определенных условиях, и служит

она урегулированию желаний. Если желания не будут уклоняться [от правильного пути], то музыка может быть создана. Она создается соответствующим методом, который непременно исходит от [принципа] спокойствия. Спокойствие порождается справедливостью, а справедливость происходит от соблюдения [законов] *дао*. Поэтому о музыке можно разговаривать лишь с тем, кто познал *дао*.

Покоренная страна и поработанный народ не лишены музыки, только музыка у них безрадостная. Утопающий не лишен способности смеяться, узник — петь, умалишенный — танцевать. Музыка эпохи смуты напоминает [переживания] этих людей. [В эту эпоху] государь и подданные путают свои места, отцы и сыновья покидают родной край, мужья и жены разлучаются, народ приходит в отчаяние. Если при такой обстановке создавать музыку, то какая это будет музыка?

Музыка — это то, что выражает гармонию неба и земли, согласованность *инь* и *ян*.

Изначально человек рождается небом без участия его самого. Небо наделяет человека желаниями, и он вынужден искать то, что ему хочется. Небо наделяет человека [чувством] неприязни, и он вынужден отбрасывать то, что ему неприятно. Желания и неприязнь даны небом, и человек ничего не может с ними поделать. Он не может их ни изменить, ни отменить. Среди ученых нашего времени имеются такие, которые выступают против музыки. На каком же основании?

«Великая музыка» — это та, которая приносит радость и веселье [всем] — государю и подданным, отцам и сыновьям, старым и малым. Радость порождается спокойствием, а спокойствие происходит от [соблюдения] *дао*.

Дао не воспринимается ни зрением, ни слухом. Оно лишено форм. Кто способен познать то, что нельзя увидеть и услышать, познать неоформленную форму, тот близок к познанию [*дао*]. *Дао* в высшей степени совершенно, его невозможно ни обрисовать, ни назвать. Произвольно его назову «великое начало».

Таким образом, [великое] начало [подобно тому, кто] дает приказания, а его противоположнос²⁷ подчиняется ему. Поэтому совершенномудрые прошлого отбрасывают противоположное и следуют единому началу, благодаря чему они познают состояние различных вещей. Поэтому

кто, следуя единому [началу], управляет страпой, тот предоставляет радость и государю и подданным, сближает [людей] дальних и близких [районов], предоставляет удовольствие народу, сплачивает членов рода. Кто соблюдает единое [начало] в своей личной жизни, тот может избежать несчастья, прожить долгие годы, сохранить в целости свою природу. Когда страна управляется [на основе знания] единого [начала], тогда подлые люди исчезают, проявляют себя благородные, осуществляются великие идеалы. Кто способен управлять Поднебесной [принципами] единого [начала], благодаря чему жара и холод появляются в меру, ветер и дождь приходят в свое время, тот становится совершенномудрым.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ. «ВОСЕМЬ ОБОЗРЕНИЙ»
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ²⁸, ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
«НАЛИЧЬЕ НАЧАЛА»

Небо и земля имеют свое начало. Небо создано из мельчайших [пылинок], а земля образовалась от скопления [веществ]. Гармония неба и земли — великий источник жизни. Это видно из того, как жара и холод, солнце и луна, день и ночь [оказывают свое влияние на вещи]. Это можно объяснить различными формами и характеристиками [вещей], их различными способностями приспособления [к окружающей среде]. Вещи формируются, когда они соединяются, и рождаются, когда они расходятся. Знание того, как [вещи] соединяются и формируются, как они расходятся и растут, приводит к тому, что небо и земля становятся [нам] понятными. Познание [неба и земли] основывается на изучении состояний и форм [вещей]...

Небо, земля и все вещи [напоминают] тело человека. Это называется «общее сходство». У человека имеются уши, глаза, рот и нос, [а небо способно порождать] жару и холод, [земля] — различные злаки. Это называется «различие разнородных». В нем проявляется богатство содержания вещей. Небо охватывает все вещи, а совершенномудрый рассматривает их по родам. [Его задача состоит в том, чтобы] познать, как небо и земля образовались, как гром и молния возникают, как *инь* и *ян* совершенствуют вещи, как люди, птицы и звери пребывают в спокойствии.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ, ЧАСТЬ ВТОРАЯ.
«ОТКЛПК ОДИНАКОВ»

При грядущем возвышении каждого императора или вана небо обязательно заранее являет народу благовеще знамение.

Ко времени Хуан-ди небо прежде всего явило огромного земляного червя и медведку. Хуан-ди сказал: «Торжествует стихия земли!» Коль скоро восторжествовала стихия земли, он отдавал предпочтение желтому цвету, а в делах подражал земле.

Когда пришло время Юя, небо прежде всего явило дерево, листва которого не увядала ни осенью, ни зимой. Юй сказал: «Торжествует стихия дерева!» Коль скоро восторжествовала стихия дерева, он отдавал предпочтение зеленому цвету, а в делах подражал дереву.

Когда пришло время Тана, небо прежде всего явило меч из металла, появившийся из воды. Тан сказал: «Торжествует стихия металла!» Коль скоро восторжествовала стихия металла, он отдавал предпочтение белому цвету, а в делах подражал металлу.

Когда пришло время Вэнь-вана, небо прежде всего явило красного ворона, который держал в клюве красные письма и сел на алтарь дома Чжоу. Вэнь-ван сказал: «Торжествует стихия огня!» Коль скоро восторжествовала стихия огня, он отдавал предпочтение красному цвету, а в делах подражал огню.

На смену стихии огня непременно должна прийти стихия воды, и тогда небо прежде всего показывает торжество стихии воды. А коль скоро восторжествовала стихия воды, то отдается предпочтение черному цвету, а в делах подражают воде. Когда же стихия воды достигает своего предела, пусть даже [люди] не знают об этом, кругооборот стихий [все равно] приводит к стихии земли²⁹.

Небо определяет сезоны, но оно не помогает земледельцам в исполнении их дел.

Все классы [предметов и явлений] по существу связаны друг с другом: соединяется то, что по духу одинаково, отзывается то, что сходно звучит. Так, если [из инструмента] извлекать тон *гун*, то все сходные звуки откликнутся; если извлечь тон *цзюе*, то в ответ зазвучат все сходные звуки³⁰. Если на равнинную местность пустить

воду, она устремится в низины; если разложить дрова и пустить огонь, разгорится пламя.

Облака в горах подобны дикой чаще, облака у рек подобны рыбьей чешуе, облака при засухе подобны языкам пламени, облака при дожде подобны волнам. И нет ничего на свете, что не показывало бы людям, откуда оно берет свое начало.

Вот почему за драконом приходит дождь, за всяким телом следует тень. Там, где проходит война, непременно вырастает колючий кустарник. [Думая о том], откуда приходит беда или счастье, люди считают, что это от судьбы; где им знать истинную причину [всего этого]!

Ведь если перевернуть гнездо и разбить яйца, то птица феникс не прилетит; если распотрошить животное и съесть его зародыш, то *цилин*³¹ не придет; если осушить озеро и выловить рыбу, то черепахи и драконы туда не пойдут. Такого рода связи и общности вещей описать нет возможности.

Сын не может быть остановлен родителем, подданный не может быть остановлен правителем. Если правитель в согласии [с подданными], к нему приходят; если наступает разногласие, то от него уходят. Поэтому пусть правитель и почитаем, но если он белое выдает за черное, то подданные не могут повиноваться ему; пусть отец и любим, но если он черное выдает за белое, то сын не может следовать за ним.

Хуан-ди говорил: «Необъятны и глубоки просторы небесные, [мы должны] следовать величию неба, сливаясь воедино с изначальным духом».

Поэтому говорят: «Общие по духу превосходят общих по долгу, общие по долгу превосходят общих по силе, общие по силе превосходят занимающих общее положение, занимающие общее положение превосходят тех, у кого общие имена». Императоров отличает общий дух, ванов отличает общий долг, деспотов отличает общее применение силы. Старательные [в службе] хотя и занимают общее положение, но [их связи] уже ослабли; потерявшие [свое владение] хотя и носят общие имена, но они далеки [от тех, кто правит]. Чем хуже они понимают [общее], тем больше слабеет то, что их объединяет; чем тоньше они понимают [общее], тем объединяющее их сокращеннее.

В силу этого всякий, кто проникнут заботой [о деле], обязан вникать в него обстоятельно: ведь с помощью обстоятельности пять императоров и три вана добились успеха³².

Доброе собирается, злое тоже соединяется, поэтому, когда Яо творил добро, вокруг него совершалась масса добрых дел; когда Цзе творил зло, вокруг него совершалась масса худых дел.

В «Шан чжэнь» говорится: «Небо ниспосылает нам бедствия и шлет благовещие знамения, у тех и других имеются свои предназначения». Этим утверждается, что и беды и счастье человек сам к себе призывает. Вот почему смута в государстве является не только смутой [внутри], но неизбежно вызывает приход врагов [извне]. Смута [внутри] не обязательно приводит к гибели [государства], а вот приход разбойников [извне] не оставляет возможности сохранить его.

Всякое использование войск должно происходить тогда, когда от этого имеется польза и когда это справедливо. Когда нападаешь на объятую смутой [царство], оно уже слабое, а его слабость — выгода для нападающего. Нападение на объятую смутой [царство] в то же время дело справедливое, а раз оно справедливое, то это слава для нападающего. [Коль скоро такое нападение] и славно и выгодно, следовательно, когда его осуществляет даже обычный средний правитель, он тем более действует, как мудрый государь!

Поэтому уступка [части своей] территории, [дарение] драгоценных сосудов, выражение покорности раболепными словами — все это не может остановить наступление [противника], только [хорошим] управлением страной можно достигнуть этого.

[Когда страна хорошо] управляется, то стремящийся извлечь выгоду не станет нападать на нее, а стремящийся к славе не пойдет походом на нее. А ведь всякий, кто нападает или идет походом [на других], делает это если не из-за выгоды, то из-за славы. Если же и славы не заработаешь, и [хороших] дел не сотворишь, то пусть государство сильно и велико, к чему же наступать на других?

Объясняя это положение, Ши Мо удалось предотвратить нападение на Вэй, чжаоский Цзянь-цзы, можно сказать, понял суть движения и покоя³³.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ, ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ.
«РАССМАТРИВАТЬ ВСЕ ПО НЫНЕШНЕМУ ВРЕМЕНИ»

Почему государи не берут за образец законы прежних правителей? Не потому, что [эти правители] были не мудрыми, а потому, что нельзя брать их законы за образец. Законоположения прежних ванов дошли до нас через ряд прошлых поколений, [при этом] некоторые люди добавляли к ним что-то, некоторые исключали из них что-то; как же можно брать и копировать [эти законы]? Пусть даже люди не исключали и не добавляли ничего, все равно невозможно использовать [эти законы], считая их образцом.

В установлениях восточных царств, у древних и нынешних законов язык различный и уложения несхожие — вот почему в древних названиях многое не подходит к сегодняшним словам, а в нынешних законоположениях многое не соответствует древним законам. Подобное этому [мы наблюдаем] и у народов с различными обычаями. Их стремления одинаковы, но то, что они делают, различается, произносимые ими названия непонятны, так, например, [названия] лодок, повозок, одежды, шапок, вкуса, тонов и цветов у них неодинаковые. Причем люди считают себя правыми [в этих названиях], а других порицают.

Ученые мужи в Поднебесной любят много спорить, их слова остры, но они отнюдь не ищут истину, а стремятся лишь уничтожить противника и добиться победы.

Каким же образом законы прежних правителей могут быть использованы и сделаны образцом? Хотя они и могут быть использованы, но образцом все-таки стать не могут. Любой закон прежних правителей был необходим в свое время. Время и закон развиваются не одинаково, и, пусть старые законы дошли до нас, все же копировать их нельзя. Поэтому следует выбирать из готовых законов прежних правителей, [что нужно], и брать за образец то, чем они руководствовались при выработке законов.

Что же использовали прежние правители, вырабатывая свои законы? При выработке законов прежними ванами использовался человек. Но ведь каждый из нас — человек, значит, изучив самого себя, можно знать и других. Изучив современность, можно познать древность. Ведь древность и современность — это единое целое, другие люди и я — подобные [существа]. Имеются обладающие добродетелями мужи, они сильны тем, что по близкому

узнают далекое, по сегодняшнему узнают древнее, по увиденному во множестве узнают неувиденное. Вот почему, изучая тень у дома, они узнают о движении солнца и луны, о смене сил *инь* и *ян*; увидев лед в бутылки с водой, узнают о морозах в Поднебесной, о времени, когда рыбы и черепахи прячутся; попробовав лишь ломтик мяса, они узнают о вкусе всего котла, [узнают], как заправлен весь треножник [с пищей].

Как-то цзинци решили неожиданно напасть на княжество Сун и послали прежде человека промерить глубину реки Юншуй. [Позднее] в реке Юншуй вода вдруг резко поднялась, но цзинци об этом не знали. Они, согласно своему промеру, начали ночью переправляться через реку, и утонувших оказалось более тысячи человек. В войсках поднялась паника, и при бегстве солдаты разрушили даже строения в ставке.

Ранее, когда они мерили реку, через нее можно было вести [войска], сейчас же река уже изменила [глубину], в ней сильно поднялась вода, а цзинци, все еще согласно прежнему измерению, повели через нее солдат, и это явилось причиной их поражения.

Когда правители нынешнего века копируют законы прежних ванов, они действуют почти так же, как в этом случае. Время прежних правителей прошло, и законы их [ныне] недостаточны, если говорить, что вот [перед нами] законы прежних правителей и берите их за образец для управления [государством]; разве это не прискорбно?

Вот почему, когда правят государством, не имея законов, получается беспорядок; когда упрямо придерживаются [старых] законов и не меняют их, наступает беззаконие. При беспорядке и беззаконии невозможно сохранить государство. Поколения сменяются, время идет, необходимо менять и законы. Сравним это, для примера, с хорошим врачом. Болезни многократно меняются, соответственно и [врач] многократно сменяет лекарства. Если же болезнь изменилась, а лекарства меняться не будут, то люди, некогда жившие многие годы, ныне станут умирать несовершеннолетними.

Поэтому, приступая к любому делу, нужно действовать, следуя закону; при изменении законов нужно менять их сообразно со временем; если действовать таким образом, ошибок в делах не совершишь.

Ведь простой народ не осмеливается обсуждать законы,

упрямо держатся [за существующие законы] лишь чиновники, а меняют законы сообразно времени мудрые правители. Вот почему Поднебесная знает о 71 мудреце, но их установления совершенно несхожи. Не то что они нарочно отвергли друг друга, нет, их отличали время и обстоятельства. Поэтому и говорят: «Хороший меч проверяется на рубке, и совсем не обязательно, чтобы он был [знаменитым] мечом Мо-е³⁴; хорошая лошадь проверяется на тысяче *ли* пути, и совсем не обязательно, чтобы она была знаменитым скакуном». Всякий достигающий успехов и славы [опирается] на путь в тысячи *ли*, пройденный прежними правителями.

Когда люди из царства Чу переправлялись через реку, меч одного из них упал из лодки в воду. Чусец быстро сделал зарубку на лодке, сказав: «Это место, откуда мой меч упал», и остановил лодку. С места сделанной им зарубки он нырнул в воду в поисках меча. Но ведь лодка уже прошла [какой-то путь], а меч не двигался; подобным образом искать меч — разве это не заблуждение?

Когда используют старые законы для управления государством, это сходно с рассказанным случаем. Время уже ушло, а законы не сдвинулись, разве применение их для управления не породит трудностей?

Однажды один человек проходил по берегу реки и увидел, что в этот момент кто-то тащит за собой ребенка и хочет бросить его в реку, причем ребенок громко плачет. Прохожий спросил о причинах этого. Тот ответил: «Это потому, что отец ребенка — хороший пловец». Хотя отец ребенка и искусный пловец, но разве его сын может сразу стать тоже хорошим пловцом? Если так делать дела, то наверняка наступит беспорядок. В управлении царством Цзин поступали сходным образом.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ. «ШЕСТЬ РАССУЖДЕНИЙ»

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ, ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

«РАЗЛИЧАЙТЕ КЛАССЫ ПРЕДМЕТОВ»

Понимать то, что прежде не понимал, — это превосходно. Беда тех, кто ошибается, состоит в том, что они не знают, но считают, что знают. Классов предметов и явлений множество, [считаешь] так, [а на самом деле] не так, поэтому гибель царств и страдания народа не прекращаются.

Среди трав есть болотный подлесок *синь*, есть ползучее растение лпана *лэй*; если просто одно из них поест, то это убьет человека, а если их соединить вместе, это продлевает жизнь. Яд скорпиона в соединении с растением аконит³⁵ не убивает. Лак — это жидкость, вода тоже жидкость, а когда эти две жидкости соединены вместе, они образуют нечто твердое, если же увлажнить смесь, то она усыхает. Медь мягка, олово тоже мягкое, если соединить вместе две эти мягкости, получится твердый металл, а если его расплавить, то получится опять жидкая масса. В одних случаях увлажняем, а получаем сухое, в других — нагреваем, а получаем жидкое. [Суть] вещей, собственно, не всегда возможно предугадать.

Малый квадрат — это подобие большого квадрата, маленькая лошадь — это подобие большой лошади, но малый ум отнюдь не подобие большого ума.

Среди жителей княжества Лу был Гунсунь Чо, он говорил людям: «Я могу оживить мертвого человека». Люди спросили, как он это делает. Тот ответил: «В действительности, я могу излечивать паралич одной стороны тела, но если я удвою [дозу] лекарства, лечащего паралич, то смогу оживлять и мертвого»³⁶.

Среди вещей по существу есть такие, которые могут играть лишь малую и не могут играть большой [роли] или которые можно использовать наполовину, но нельзя использовать целиком.

Один смотрящий на меч сказал: «Белый цвет указывает на твердость меча, а желтый цвет — на его упругость. Когда желтый и белый цвета сочетаются вместе, [это говорит о том, что] меч и тверд и упруг, значит, прекрасный меч».

Возражающий сказал ему: «Белый цвет указывает на то, что меч не упруг, желтый цвет на то, что он не тверд. Когда желтый и белый цвета сочетаются вместе, [это говорит о том, что] меч не тверд и к тому же не упруг. Кроме того, мягкое закручивается, а твердое ломается, когда меч скрутится, да еще и сломается, разве можно его считать острым мечом?» Качество меча не изменилось, но один считает его хорошим, а другой — плохим, и к этому их приводят [разные] рассуждения.

Поэтому если с умом слушать рассуждения людей, то можно остановить ошибочные суждения их, если же слушать суждения людей без ума, то между Яо и Цзе не

будет никакой разницы. Такое [бездумие] заботит преданных чиновников и отбрасывается мудрыми [правителями].

Что касается справедливости, то малое ее осуществление приносит малое счастье, большое ее осуществление приносит большое счастье. В случае с бедами совсем не так. Когда приходит малая беда, все равно лучше, чтобы ее совсем не было. Стреляющий по цели намеревается попасть в самую малую точку, стреляющий по диким животным стремится попасть в самую крупную цель. По существу вещи хотя и не связанные, но в них можно без спешки вникнуть.

Гао Ян-ин вознамерился построить дом. Мастер сказал ему: «Еще нельзя. Дерево пока сырое, оно сверху облеплено землей, его непременно перекосит. Если из сырого леса построить дом, то, пусть сейчас даже будет хорошо, впоследствии все равно дом разрушится».

Гао Ян-ин сказал ему: «Если следовать вашим [прежним] словам, то дом не разрушится. Дерево, все больше высыхая, становится крепче, земля на нем, высыхая, становится легче, а раз более легкое употребляется с более легким, дом не разрушится».

У мастера не нашлось слов, чтобы возразить; он принял повеление [хозяина] и построил дом. Вначале, после постройки дом был хорош, но потом, разумеется, развалился. Гао Ян-ину правилось разбираться в малом, но он не в состоянии был понять большую истину.

Если скакунов *цзи*, *ао* и *луэр*³⁷ поставить спиной к солнцу и погнать на запад, то к вечеру солнцу окажется впереди них. У глаз есть, несомненно, то, что они не видят; у разума есть, несомненно, то, что он не знает; в подсчетах есть, несомненно, то, чего нельзя достичь. [Часто] неизвестно почему мы говорим, что это [происходит] так-то и так. По этой причине мудрые люди строят систему [своих взглядов], не полагаясь только на [собственные] чувства.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ, ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. «ПОЧИТАЙТЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЕ»

Древние мудрые правители руководили своим народом благодаря тому, что прежде всего это был народ, который занимался земледелием; земледелие — это не только извлечение пользы из земли, но и обогащение духа народа.

Народ, занимаясь земледелием, становится простым, а простых легко использовать. [Когда людей] легко использовать, то на границах спокойно и власть правителя уважается. Народ, занимаясь земледелием, становится устойчивым, а когда он устойчив, тогда мало личных устремлений; когда же мало личных устремлений, то [прочно] утверждаются общие законы и все силы идут на одно. Когда род занимается земледелием, то производство всех вещей обильно; когда производство обильно, [люди] переселяются с трудом, а когда переселяются с трудом, то люди умирают на своих [исконных] местах и нет среди них колебаний.

Когда народ забрасывает основное и начинает заниматься второстепенным³⁸, он не слушает приказов, а когда он не слушает приказов, его нельзя использовать в защите [государства] и нельзя использовать для войны. Когда народ забрасывает основное и начинает заниматься второстепенным, то его производство скудеет; когда производство скудеет, то легче сниматься с места и переезжать, а когда легче переезжать, то у государства возникают беды, у всех появляются думы о далеком и нет намерения оставаться на месте. Когда народ забрасывает основное и занимается второстепенным, то любит соображать; когда любят соображать, то много обманывают, а когда много обмана, то ловчат с законами и приказами и правду делают неправдой, а неправду — правдой.

Хоу-цзи³⁹ говорил: «Нужно, чтобы пахали поля и ткали пряжу, так как это главное в воспитании [народа]. Вот почему сын неба лично возглавляет владетельных князей при всашке государева поля *цзи тянь*⁴⁰, сановники и чиновники, согласно рангам, имеют свои обязанности. Поэтому, когда наступало время [сельских] работ, земледельцев не было видно в столице, так как народ воспитывался в духе почитания работы на земле. Жена государя, командуя его наложницами, разводила шелковичных червей в окрестностях столицы, сажала тутовые деревья на общественных полях. Весной, осенью, зимой и летом — всегда имела работа по обработке конопли и коконов шелковицы, таким образом, усиливалось еще больше воспитание женщин.

В силу этого мужчины не ткали, но были одеты, женщины не пахали, но были накормлены, таким путем мужчины и женщины обменивались плодами своего труда,

чтобы поддерживать свою жизнь. Таков порядок, [установленный] мудрецами. Поэтому [люди] ценили время сезонов и любили дни [труда]. Кроме стариков, никто не оставлял работу; кроме больных, никто не отдыхал, только смерть могла заставить покинуть [работу].

С поля высшего качества один мужчина кормит девять человек, с поля низшего качества один мужчина кормит пять человек — этот расчет можно увеличить, но нельзя уменьшить. Один человек управляет с полем, а десять человек кормятся с него, сюда входит и корм для шести [видов] домашних животных. Таков великий закон использования земли.

Поэтому в моменты сезонного труда не следует затевать земляных сооружений, не следует устраивать передвижения войск. Простым людям не следует [в это время] устраивать обрядов по достижении совершеннолетия с надеванием шапки [взрослого], женитьбы и выдачи дочерей замуж, принесения жертв, не [следует] устраивать церемоний с вином для множества людей.

[В это время] земледельцы, не испросив разрешения, не смеют нанимать работников для личных надобностей, так как это вредит сезонным работам. После этого устанавливаются запреты, относящиеся к полевым [работам]; если крестьяне не относятся к одной фамилии, то [в это время] нельзя жениться вне своей деревни, а девушкам нельзя выходить замуж в чужие селения, чтобы земледельцы оставались на месте.

Запретов, относящихся к полевым [работам], пять. Если поля еще не перепаханы как следует, то нельзя заниматься обработкой конопли и нельзя вывозить навоз [из ям]. Если по возрасту человек не стар, то он не смеет работать в саду и огороде. Если при расчете сил недостает, то нельзя копать канавы, а надо пахать землю. Земледельцы не смеют заниматься торговлей и не вправе заниматься другими делами, ибо все это во вред сезонным [земледельческим] работам.

Затем устанавливаются запреты, относящиеся к четырем сезонам.

[В определенные периоды] нельзя рубить лес в горах и спускать его вниз; у озер людям нельзя жечь и уничтожать [растительность]; силки и сети для ловли зверей нельзя выносить из ворот; нельзя опускать рыболовные сети в глубины вод; если на озерах нет смотрителей

лодок, нельзя, пользуясь этим, [плавать]. Ибо все это вредит сезонным [земледельческим] работам.

Если кто из народа не прилагает сил к земле, ставят клеймо [правителя] на его домашний скот. Управлять государством трудно, когда три сомнения достигают предела, иначе говоря, когда становятся спиной к основному и нарушают законы ведения дел, тем самым разрушая свое государство.

Всякий человек, становящийся взрослым ⁴¹, подчиняется одному из трех управителей. Земледельцы имеют дело с зерном, ремесленники имеют дело с утварью, торговцы имеют дело с товарами. Если сезонные работы не исполняются, это считается большим несчастьем.

Если насильно отвлечь земледельцев и занять их земляными работами — это называется *цзи* — «задержка», тогда возникают беспрестанные заботы и приходится сокрушаться по поводу пустых колосьев. Если насильно отвлечь земледельцев на водные работы — это называется *юе* — «нарушение», и это [все равно что] траур продолжить музыкой, и тогда никто из соседей не придет ⁴². Если отвлечь земледельцев на военные дела — это можно назвать *ли* — «жестокость». А если беды войны будут продолжаться ряд лет, то некого будет поднять на жатву. Если же много раз будут отвлекать народ в сезон, то наступит большой голод. И тогда на полях будут валяться сохи, а люди кто будет болтать, кто петь песни, и так с зарн и до сумерек, а гибель хлебов будет очень велика.

Все это [произоидет] от знания второстепенного и незнания истинного значения основного.

«ШИ ЦЗИ»

«Ши цзи» — «Исторические записки» (переводятся также как «Записки историка») — являются первой всеобщей историей Китая, начатой во II в. до н. э. историографом ханьского двора Сыма Танем, а фактически написанной его сыном Сыма Цянем (145—86? гг. до н. э.). «Ши цзи» состоят из 130 глав и охватывают историю Китая с древнейших времен до I в. до н. э. В «Исторических записках» пять больших разделов: «Бэнь цзи» — «Анналы», в которых описана история правящих домов; «Бяо» — «Хронологические таблицы»; «Шу» — «Трактаты» с описанием различных сторон духовной и материальной культуры древних китайцев; «Ши цзя» — «Истории наследственных домов»; «Ле чжуань» — «Жизнеописания», содержащие биографии государственных деятелей, полководцев, чиновников, философов, поэтов и др., а также описания соседних народов. В «Ши цзи» Сыма Цяня сочетаются хронологический, тематический и биографический принципы описания. Автором был использован широкий круг источников (летописи, документы, древние книги, надписи), дополненный личными наблюдениями Сыма Цяня. «Ши цзи» — глубоко оригинальный труд, написанный блестящим языком и ставший образцом для всех последующих династийных историй.

Вокруг текста «Исторических записок» создана большая комментаторская и исследовательская литература. Имеются переводы отдельных глав и частей «Ши цзи» на западные языки: Э. Шаванна, Э. Хэниша, Ф. Кирмона, Б. Уотсона, А. Пфицмайера, Д. Боддэ, Ф. Иегера. На русский язык отдельные главы «Ши цзи» переведлись И. Бичуриним, В. Алексеевым, В. Панасюком, Л. Переломовым и др.

Приводимый ниже отрывок взят из 130-й (последней) главы «Исторических записок», носящей название «Тайшигун цзы сюй» — «Предисловие придворного историографа» — и по существу представляющей собой автобиографию автора с изложением его взглядов. Взятый нами отрывок дает краткую характеристику шести основных философских школ Древнего Китая и является первой известной попыткой систематизации главных идейных направлений в Древнем Китае с какой-то авторской оценкой позитивных и негативных сторон каждой из этих школ. Рассуждения о философских школах первоначально были написаны Сыма Танем, о чем свидетельствует дата службы придворного историографа, упомянутая в тексте, а затем, как считают ученые, завершены его сыном

Сыма Цянем. Нетрудно заметить, что подробнее всего в тексте излагаются положения даосистской школы, которой авторы отдают явное предпочтение. Однако даосизм отца и сына весьма эклектичен, в нем представлено все лучшее, что было в других учениях и что могло послужить лучшему управлению государством.

Перевод выполнен по последнему изданию «Исторических записок» («Ши цзи». Пекин, 1959, т. 6, стр. 3288—3292) Р. В. Вяткиным.

Р. В. Вяткин

ГЛАВА СТО ТРИДЦАТАЯ. «ПРЕДИСЛОВИЕ ПРИДВОРНОГО ИСТОРИОГРАФА»

Тайшигун — придворный историограф — изучал небесные светила у Тан Ду, получал знания об «И цзин» у Ян Хэ, упражнялся в беседах о великом пути *дао* с Хуанцзы¹. Придворный историограф находился на государственной службе в годы от эры *цзянь-юань* до эры *юань-фэн*² и был опечален тем, что ученые не понимают смысла древних учений и заблуждаются в них. Тогда он составил суждение о важнейших чертах шести школ древности, в котором говорилось:

В «Большом комментарии к «Книге перемен»» сказано:

«Поднебесная стремится к единой цели, но для достижения ее существуют сотни планов, все стремятся к одному и тому же, но ведут к этому разные пути».

Так и школы «темного и светлого начал», конфуцианцев, монстов, номиналистов, законников и даосистов. Их задача служить управлению, но среди различных путей, которым они следуют, исходя из своих положений, есть разумные, есть и неразумные [пути].

В прошлом я ознакомился с основами учения школы темного и светлого начал³. Эта школа большое значение придает предзнаменованиям, и у нее существует множество запретов и табу, все это сковывает людей и заставляет их многого бояться. Однако изложенный в их учении великий порядок четырех времен года не может быть нарушен.

Учение конфуцианцев⁴ пространно, но в нем мало существенно важного. Прилагаешь усилия, [чтобы его понять], но результаты незначительны, вот почему их учению трудно полностью следовать. Однако изложенные в их учении нормы поведения между государем и подданным, между отцом и сыном и различия в положении

мужа и жены, старшего и младшего [в обществе] не могут быть изменены.

Учение моистов⁵ ратует за экономию, но ее трудно соблюдать. По этой причине их наставлениям невозможно во всем следовать. Однако их принципы укрепления основного [занятия] и соблюдения бережливости в потреблении не могут быть отброшены.

Учение законников⁶ сурово, и в нем мало милосердия. Однако точно установленные ими различия между государем и подданными, между высшими и низшими не могут быть изменены.

Учение школы названий — [номиналистов]⁷ — ограничивает людей и легко ведет к утрате подлинной сущности [вещей и явлений]. Однако их принципы выправления имен и названий в соответствии с сутью нельзя не изучать.

Учение школы великого пути — даосистов⁸ — побуждает людей направлять свои духовные силы в одном направлении, чтобы их действия были согласными и неприметными, [не имеющими формы] и чтобы они шли на благо всему существу. Создавая свое учение, даосисты следовали принципу великого порядка школы темного и светлого начал, использовали то хорошее, что имелось в учениях конфуцианцев и моистов, выбирали то важное, что имелось в учениях номиналистов и законников. Они преобразовывали свои установления в соответствии со временем, меняли принципы в зависимости от обстоятельств и действовали, исходя из установившихся обычаев, [в результате их учение] подходит во всех случаях. Их идеи просты и легко применимы, вот почему при небольших усилиях они добиваются больших результатов.

Но совсем не так у конфуцианцев. Они считают государя образцом поведения для Поднебесной, правитель у них задает тон, а слуги его только согласно вторят ему, правитель всегда идет впереди, а слуги все следуют за ним. При таком положении правитель усердствует, а слуги его бездельничают.

Что касается основного в учении о великом *дао*, то оно требует отказа от силы и излишних желаний, устранения мудрствований и лишней учености. Только отказавшись от всего этого, и можно выполнить основы этого учения. Ведь от чрезмерного напряжения дух человека истощается, а от чрезмерных трудов тело дряхлеет. Когда

тело и дух находятся в расстройстве и волнении, то еще не слыхано, чтобы такой человек желал стать долговечным подобно небу и земле.

Учение темного и светлого начал содержит высказывания о четырех временах года, о положении восьми триграмм, о двенадцати знаках зодиака, о двадцати четырех периодах года, и в связи с каждым из них даются указания и повеления. Но это совсем не означает, что всякий следующий этим указаниям процветает [в жизни], а всякий нарушающий их погибает еще до [срока] смерти. Поэтому я и сказал, что «все это сковывает людей и заставляет их многого бояться».

В то же время известно, что весной [все в природе] рождается, летом растет, осенью собирается, зимой хранится, и таков неизменный закон небесного пути. Если бы мир не следовал ему, то не существовало бы того, на чем строятся законы и основы Поднебесной. Поэтому я и сказал, что «великий порядок четырех времен года не может быть нарушен».

Конфуцианское учение берет за основу шесть канон⁹. Шесть канонов и толкования к ним насчитывают бесчисленное множество [иероглифов], постичь их учение невозможно даже за несколько поколений, даже к зрелому возрасту невозможно изучить их нормы поведения до конца. Поэтому я и сказал, что их учение «пространно, но в нем мало существенно важного; прилагаешь усилия, [чтобы его понять], но результаты незначительны». Но предложенные конфуцианцами нормы отношений между государем и подданными, отцом и сыном, установленные ими различия в положении мужа и жены, старшего и младшего в обществе не в состоянии изменить даже сто других школ.

Сторонники учения Мо Ди также превозносят пути правления Яо и Шуня¹⁰. Рассуждая об их добродетельных поступках, они говорят:

«Их жилища возвышались над землей всего на три чи¹¹, внутрь их вели три земляные ступени, крыши покрывались неподрезанным тростником, с дубовых стропил кору не обдирали. Ели они из глиняных мисок, пили из глиняных чашек, в пищу шли необрушенный рис и просо, похлебка варилась из лебеды и бобовых листьев. В летние дни они носили грубую полотняную одежду, в зимние дни — шубы из оленьих шкур».

Когда они хоронили покойника, то делали гроб из досок тунгового дерева толщиной всего в три *цуня*¹², а когда оплакивали покойника, то до конца не изливали своей скорби. Наставляя в подобных похоронных траурных церемониях, они считали их равно обязательными для всей массы народа. Но если бы Поднебесная взяла за образец подобный порядок, то исчезло бы различие между знатными и простыми. К тому же поколения людей отличаются друг от друга, времена меняются, и образ жизни не всегда обязательно одинаков. Поэтому я и сказал, что их учение «ратует за экономию, но ее трудно соблюдать».

Но важный принцип моистов, требующий «укрепления основного [занятия] и соблюдения бережливости в потреблении», является тем путем, которым человек создает достаток в семье¹³. И в этом сильная сторона учения Моцзы, и ни одна из ста других школ не в состоянии ее отбросить.

Законники не отделяют близких от далеких, не различают благородных и низких и все решают на основании закона, в результате чего исчезают добрые качества любви к своим близким и уважения к достойным. Их учение может применяться для осуществления планов, рассчитанных на короткое время, но не может использоваться в течение длительного времени. Вот почему я и сказал, что их учение «сурово и в нем мало милосердия». Что же касается того, что законники почитают правителя и принижают подданных, ясно разграничивают обязанности каждого человека, что не позволяет никому превышать свои права, то это изменить не в состоянии даже сто других школ.

Номиналисты мелочны в своих исследованиях и запутывают в них людей, они лишают людей права вернуться к своим изначальным намерениям, и коль скоро все решается у них в зависимости от названия, то утрачивается понятие о человеческих чувствах. Вот почему я и сказал, что это учение «ограничивает людей и легко ведет к утрате подлинной сущности [вещей и явлений]». Вместе с тем если привлекать название для того, чтобы добираться до сути, то хотя это и сложно, но позволяет избежать ошибки, и в это следует вникнуть.

Даосисты говорят о педеянии великого пути и в то же время говорят, что нет в мире ничего, чего бы это *дао* не делало¹⁴. Сущность этого учения осуществить легко,

но понять их изречения трудно. В основе их учения о пути лежат пустота [сердца] и отсутствие [желаний], их метод — следование [естеству]. Когда отсутствует законченность положения, когда нет постоянства формы, это дает возможность познать природу всего сущего. [Они учат тому, что] нельзя ставить себя впереди вещей и явлений, нельзя ставить себя и позади вещей и явлений, лишь тогда можно стать властителем всего сущего. Есть способ или нет способа [совершить что-либо], они действуют всегда сообразно времени; есть мера или нет ее, они действуют в согласии с природой вещи, поэтому и говорят, что «учение мудрецов бессмертно потому, что оно меняется в соответствии со временем и только этим сохраняется».

«Неосвязаемость или пустота — вот постоянное свойство *дао*, следование [естеству] — вот путеводная нить для правителя»¹⁵. Когда все подданные в равной степени достигнут понимания *дао*, тогда каждый ясно будет знать [свои обязанности]. Когда содержание [речей] соответствует их звучанию, их называют правильными; когда же содержание [речей] не соответствует их звучанию, их называют пустыми. Если пустые речи не будут слушать, то не возникнет и безнравственности, и тогда добродетельные и порочные разделятся сами собой, а белое и черное ясно оформятся. Разве при таком положении может быть не завершено любое действие, которое желательно осуществить? В этом случае происходит соединение с великим путем и проявляется жизненное нераздельное начало мира. Путь *дао* освещает своим светом всю Поднебесную, снова и снова возвращаясь в мир, не имея названия.

Вообще же то, благодаря чему человек живет, — это дух, а то, на что он опирается, — это тело. Когда дух человека чрезмерно напрягается, он истощается; когда тело чрезмерно трудится, оно дряхлеет. А когда дух отделяется от тела, наступает смерть. Мертвые не могут вновь вернуться к жизни, разлучившиеся не в состоянии вновь вернуться друг к другу, поэтому-то мудрецы и ценят так их — дух и тело.

С такой точки зрения, дух — основа жизни, а тело — вместилище жизни. Не укрепив прежде всего свой дух и тело, какие же основания заявлять: «Я обладаю всем, с помощью чего управляют Поднебесной»?

ПРИМЕЧАНИЯ

УКАЗАТЕЛИ

«ЦЗО ЧЖУАНЬ» *

¹ *Цзи Лян* — сановник из небольшого царства Суй (современная провинция Хубэй), славившийся своей мудростью. — 5.

² Царство Чу (см. т. 1, стр. 329, прим. 20) было расположено по среднему течению р. Янцзы и являлось в период Чуньцю одним из сильнейших государств. Чуский *У-ван* по имени Туи правил в нем в 740—690 гг. до н. э., *Вэй Чжан* был его сановником. *Ся* — местность в царстве Суй (современный уезд Суйсянь провинции Хубэй). — 5.

³ *Шаоши* — название чиновничьей должности при дворе удельного правителя того времени. Ведал музыкой и жертвоприношениями. — 5.

⁴ Река *Хань* — северный приток р. Янцзы. В описываемое время (706 г. до н. э.) чуские правители стремились расширить свое влияние в районах северо-восточнее этой реки. — 6.

⁵ *Сюнлюй Це-би* — сановник царства Чу. — 6.

⁶ Животные, приносимые в жертву, должны были не иметь никаких физических изъянов, быть идеальво чистой масти. — 6.

⁷ Т. е. весной, летом и осенью. — 7.

⁸ *Пять отношений* — отношения между государем и подданными, отцом и сыном, между братьями, мужем и женой и между друзьями. — 7.

⁹ *Девять категорий родственников* — по мнению одних комментаторов, здесь имеются в виду родственники в девяти поколениях, по мнению других, — девять линий рода. — 7.

¹⁰ *Хань Цзянь* — видный сановник в Цзинь. — 7.

¹¹ Начальный абзац заимствован из летописи «Чуньцю», а остальная часть отрывка, детализирующая ход событий, представляет текст «Цзо чжуань». Здесь речь идет о битве 645 г. до н. э. между войсками цзиньского Хуэй-гуна и циньского Му-гуна на землях Хань (современная провинция Шаньси). — 7.

¹² *Сянь-гун* (правил в 676—651 гг. до н. э.) был отцом и предшественником Хуэй-гуна. — 7.

¹³ Считалось, что гадание по щитку черепахи (см. т. 1, стр. 108—109) предсказывает результат какого-либо конкретного дела, а гадание по стеблю тысячелистника — результат ряда сходных дел. — 8.

¹⁴ Из оды «О знаменьях небесных и земных, предвещающих бедствия», т. 1, стр. 85. — 8.

* Примечания составлены Е. П. Спичицыным.

¹⁵ *Чуский Чжуан-ван* по имени Люй правил в 613—591 гг. до н. э. — 8.

¹⁶ Сражение между армиями Цзинь и Чу произошло в 597 г. до н. э. в местности *Би* (современная провинция Хэнань). — 8.

¹⁷ Начальный абзац вновь заимствован из текста «Чуньцю», остальной текст — из «Цзо чжуань» со многими деталями и суждениями. — 8.

¹⁸ *Пань Дан* — сановник из царства Чу. — 8.

¹⁹ *У-ван* и *Инь-Шан* — см. т. 1, стр. 306, прим. 27 и 30. — 8.

²⁰ Строки из «Гимна царю Воинственному». — «Шицзин». М., 1957, стр. 420. — 8.

²¹ Там же, стр. 432. — 9.

²² Строки взяты из «Гимна царю Просвещенному». — «Шицзин», стр. 444. — 9.

²³ Там же, стр. 443. — 9.

²⁴ Описываемое событие относится к 541 г. до н. э. В Цзинь тогда правил Пин-гун (557—537 гг. до н. э.). — 10.

²⁵ *Пять звуков* — пять нот китайской гаммы (см. главу о музыке в «Ли цзи», стр. 115—119 наст. тома). — 10.

²⁶ *Пять вкусовых ощущений* и *пять цветов* — см. т. 1, стр. 312, прим. 4. *Шесть болезней* — перечисляются ниже. — 10.

²⁷ О светлом и темном началах *ян* и *инь* см. т. 1, стр. 343, прим. 263. *Инь* соответствовало женскому началу, *ян* — мужскому. — 10.

²⁸ *Пять начал*, или *пять стихий*, — см. т. 1, стр. 309, прим. 19. — 10.

²⁹ *Чжао Мэн* — один из сановников при дворе правителя Цзинь. — 11.

³⁰ Цзы-чань — см. т. 1, стр. 316, прим. 53. — 11.

^{30a} Звезда *Хо* («Огонь») — одна из центральных звезд в созвездии Скорпиона. — 11.

³¹ Описываемое событие произошло в 524 г. до н. э. — 11.

³² *Цзы Шэнь* — чиновник из небольшого царства Лу (современная провинция Шаньдун). *Ветер жун* — северо-восточный ветер. — 11.

³³ *Сун*, *Вэй*, *Чэнь* и *Чжэн* — небольшие царства в Северном Китае. — 11.

³⁴ *Пи Цзо* — сановник из государства Чжэн. Он предлагал во избежание пожаров принести в жертву драгоценные священные сосуды. — 12.

³⁵ *Цзы Тай-шу* — тоже сановник из Чжэн. — 12.

³⁶ *Чжао Цзянь-цзы* — аристократ из Цзинь, впоследствии основал независимое государство Чжэн. — 12.

³⁷ К *шести породам скота* относились: лошадь, корова, баран, курица, собака, свинья. К *пяти видам диких животных* относились: лоси, маралы, олени, волки, зайцы. *Три вида жертвоприношений* — см. прим. 116 к «Гуань-цзы». — 12.

³⁸ *Цзю гэ* и *ба фын* — напевы и песни всех царств и всех частей Поднебесной. — 12.

³⁹ Перевод содержащихся в данном абзаце степеней родства весьма условен, так как древнекитайская система родства отличалась от современной. — 13.

¹ Иероглиф *чэнь* («подданный») выступает нередко также в значении «чиновник». — 15.

² Буквально: «Кормить, как домашних животных». — 15.

³ В оригинале у *гуань*, т. е. «пять чиновников». В ниньское время (ранее XI в. до н. э.) ими были: *сы ту*, *сы ма*, *сы кун*, *сы ши*, *сыкоу*. В чжоуское время (XI—III вв. до н. э.), к концу которого относится текст «Гуань-цзы», должность *сы ши* была упразднена, а его обязанности переданы *сы ма*, однако тогда же появились два новых поста: *тай цзай* и *цзун бо*, положив начало системе *лю гуань* («шесть чиновников»). Поэтому под термином *у гуань* подразумеваются именно главы пяти основных ведомств: просвещения, армии, общественных работ, внутренних дел и этикета. — 15.

⁴ В оригинале *ши*. Этот иероглиф означает как «чиновник», «служилое сословие», так и «ученый», «образованный человек». Объединение в одном слове этих двух понятий объясняется тем, что в древнем и средневековом Китае чиновничья карьера была главной целью образования. Однако в тексте «Гуань-цзы» представлена иерархическая лестница: правитель, первый министр, главные чиновники-министры и просто чиновники, поэтому иероглиф *ши* и переведен как «чиновники». — 15.

⁵ С точки зрения политической концепции «Гуань-цзы» темнота, невежественность крестьян, по-видимому, положительное качество, так как тогда они легко поддаются управлению. К этой мысли он возвращается ниже, ср. стр. 17. — 15.

⁶ *Сань-цзу* (дословно: три рода, три клана, три поколения и т. п.) комментаторами интерпретируется двояко: как три поколения рода — данное, предыдущее и последующее; или же, как три сословия: ученых людей-чиновников, крестьян, торговцев и ремесленников. Для данного контекста вторая интерпретация представляется более уместной. — 16.

⁷ В оригинале в этой фразе находится иероглиф *цзу*, означающий также «достаточно», «довольно», и в переводе она должна звучать: «...и определить им достаточное жалование». По мнению исследователей текста, *цзу* стоит здесь ошибочно вместо иероглифа *чжэн* — «подходящий», «соответствующий», «справедливый». В настоящем переводе учтено это предположение и смысл контекста. — 16.

⁸ В оригинале эта фраза кончается иероглифом *цзяо* — «учить», «обучение». Однако исследователи текста предполагают, что здесь должен находиться иероглиф *цзин* — «почитать», «уважать», «почтительно», и эта трактовка принята в переводе. — 16.

⁹ Установление точного содержания этой фразы сопряжено с определенными трудностями. В некоторых текстах второго предложения: «Народ будет доволен [своей] жизнью» — вообще нет. Если же это предложение имеется в тексте, то его можно перевести также: «У народа [будет] достаточное имущество». — 16.

¹⁰ Здесь возможна и другая версия: «...приказы [проводятся] в жизнь при [помощи] приближенных [правителя]». — 16.

^{10a} Первая часть фразы интерпретируется также как: «Правителем является тот, кто знает людей и умеет лучших из них на-

* Примечания составлены С. Кучерой и Ян Хиң-шуном соответственно переведенным ими главам.

значать на должность»; вторая же как: «Служит людям тот, кто искусен в личном [выполнении обязанностей]». Иначе говоря, правителем является тот, кто умеет (и должен) пользоваться другими и через них вершит дела, чиновником же является тот, кто лично умеет (и должен) справляться со своими обязанностями. — 16.

¹¹ Комментарий поясняет это таким образом, что если правитель чрезмерно развит физически, то это сказывается на его умственных возможностях и он не может быть справедливым и беспристрастным. — 16.

¹² Весь этот абзац вызывает интерпретаторские споры. Общий смысл этой части текста таков: правитель должен уметь подбирать хороших людей для решения конкретных проблем управления страной. — 16.

¹³ Присутствие здесь отрицания вызывает споры, в результате которых определились три точки зрения: 1) вышеприведенная — «народ не разбредается», т. е. не организуется в группы, не стремится к личной выгоде, а обращает внимание на общее благо; 2) не должно быть отрицания: «народ разбредается», что также интерпретируется как «не организуется в группы»; 3) в тексте должен быть пероглиф *ся* — «визу»: «народ визу разбредается, а наверху объединяется [с правителем]». — 16.

¹⁴ Отдельные пероглифы этой фразы вызывают споры. Данная здесь трактовка представляет собой некоторое обобщение разных точек зрения. Такой метод принят во всем переводе и поэтому, за исключением отдельных случаев, это обстоятельство в дальнейшем не отмечается. — 16.

^{14a} Правитель находится «у начала всех вещей», так как в конечном счете все дела государства, включая и производство благ и предметов повседневного обихода, так или иначе зависят от него, подчиняются ему, являются результатом его труда, в том числе и бездействия как разновидности труда. Бездействует же, ибо правит надлежащим образом, используя подходящих людей. — 17.

¹⁵ В тексте «Гуань-цзы» *дао* уже выступало как «путь правителя» и как «принципы управления страной». В данном случае оно, вероятно, имеет более широкий смысл некоего «абсолютного порядка природы», в том числе человека и общества. С некоторым отклонением от формы оригинала данную мысль можно выразить проще: «*Дао* формирует человека, а не формируется человеком». — 17.

¹⁶ Скорее всего имеются в виду различные продукты человеческой деятельности: еда, одежда, предметы повседневного обихода и т. д. — 17.

¹⁷ Т. е. оно не имеет ни формы, ни физического содержания. — 17.

¹⁸ Т. е. если нет *дао*. — 17.

¹⁹ В некоторых текстах отрицание отсутствует. — 18.

²⁰ И в этой и в предыдущей фразе выступает один и тот же пероглиф *чжи* — «ум», «умный», «мудрый», что не может не вызывать недоумения, ибо умным приписываются прямо противоположные в моральном плане действия: обман невежественных в первой и ликвидация насилия во второй фразе. К тому же общий комментарий к обоим фразам поясняет: «умные (*чжи-чжэ*) — это совершенные государи», что еще больше запутывает проблему. По-видимому, в одной из этих двух фраз пероглиф *чжи* стоит ошибочно и уж во всяком случае пояснение комментария не следует относить к первому предположению. — 18.

²¹ *Правитель теряет свой народ* — т. е. правитель теряет поддержку народа. — 18.

²² Устройство правителем приемов и похорон его приближенных рассматривается здесь, по-видимому, как одна из форм оценки их заслуг, и поэтому они должны соответствовать определенному церемониалу, чтобы избежать излишних трат. — 18.

²³ Восемь принципов управления (*ба чжэнь*), если представить их в упрощенном виде, таковы: первые три — это объекты заботы правителя (продовольствие, предметы потребления, жертвоприношения); следующие три — это ведомства, или секторы, управления (труд, воспитание и правосудие); последние два — это принципы приема гостей и воинская служба. Мудрый правитель должен так вести дела в каждой из этих восьми областей, чтобы стимулировать активность народа и умножать плоды его деятельности. — 19.

²⁴ Согласно традиции, различные слои населения и чиновники разных рангов носили одежду разного покроя и цвета. Кроме того, правитель мог подарить подданному одежду в качестве награды и знака отличия за определенные услуги. — 19.

²⁵ В Древнем Китае классовая и сословная дифференциация отражалась также в обрядах, жертвоприношениях и т. п. Жертвенная утварь *юй* и *цзинь*, о которой, вероятно, идет речь в оригинале (конкретное содержание этой фразы является спорным вопросом), использовалась лишь знатными людьми в ранге *дафу* и *ши*, а простой народ пользоваться ею не имел права, поэтому она могла служить отличительным знаком сословного положения. — 19.

²⁶ Возбуждающий иск по мелким вопросам кроме преодоления прочих затруднений, созданных для уменьшения количества таких дел, должен был внести в суд пучок из ста стрел. Если он затем не являлся в суд или его иск оказывался необоснованным, стрелы конфисковывались в пользу государства. — 19.

²⁷ Общий смысл отрывка означает, что если правитель сведущ во всем, то тогда его подчиненные надлежащим образом выполняют свои обязанности. — 19.

²⁸ Стремление выдвинуться любой ценой, несомненно, было одним из самых важных проявлений безразличности, о которой здесь идет речь. — 20.

²⁹ В оригинале стоит иероглиф *сы* — «четыре», однако это явная опечатка, так как в тексте говорится лишь о двух, а не о четырех отрицательных явлениях. Дальше, после слов «достигает предела», по мнению некоторых исследователей, должна находиться фраза: «то государственные дела приходят в упадок и враг...» — 20.

³⁰ Т. е. народ должен в течение трех времен года: весны, лета и осени заниматься соответствующими сельскохозяйственными работами. — 20.

³¹ В Древнем Китае сельскохозяйственные работы регулировались государственными эдиктами и сельскохозяйственным календарем, который составляли придворные астрологи. Если правитель не издавал соответствующих указов, то это, по крайней мере в теории, вело к развалу в сельском хозяйстве, а отсюда — к голоду, и тогда правитель «терял свой народ», т. е. лишался его доверия, послушания и т. д. — 20.

³² Данное место можно интерпретировать также следующим образом: «...льстит и [таким поведением добивается] повышения», —

и тогда оно сочетается с безнравственностью, о которой шла речь выше. Ср. прим. 28. — 20.

³³ Противопоставление «постигшие» и «непостигшие» можно понимать так же, как «знатные» и «простолюдины». — 21.

³⁴ Возможно, что вторую часть фразы следует понимать как: «то тогда устанавливается правильная система отношений между людьми». — 22.

³⁵ Буквально: «направляет движение вперед и отступление». — 22.

³⁶ Возможно, что эту фразу следует понимать следующим образом: «Правитель правит [в условиях] гармонии; подданный сохраняет душевную чистоту [в условиях] доверия [к правителю]» или же: «Правитель достигает гармонии [в результате хорошего] управления, подданный достигает доверия [правителя в результате своей душевной чистоты]». — 22.

³⁷ Т. е. если правитель честен, то и окружающий его народ становится честным. — 22.

³⁸ Интерпретация части фразы между словами «то народ» и «наказаний» вызывает споры. Вместо «[можно] привести в порядок» дается значение «уравнивается»; вместо «принципов управления и системы наказаний» предлагается «забота о [своем] теле»; «угрождение [своему] телу». В первом случае такое понимание не исключено, во втором случае замена представляется необоснованной, так как такая трактовка не согласуется ни с началом, ни с концом фразы, и к тому же эта мысль содержится в дальнейшей части данного предложения. — 23.

³⁹ Иначе говоря, если в стране нет авторитетного человека, обладающего военной силой, то нет потенциального соперника правителю, и если даже кто-то что-либо замышляет, но не предпринимает конкретных шагов для реализации своих планов, то смута не возникает и в стране царит спокойствие. — 23.

⁴⁰ По мнению некоторых исследователей, выше вместо «во дворце» должно быть «в семье», а здесь вместо «в семье» — «в роде». — 23.

⁴¹ Речь идет о том, что если кто-то из приближенных правителя, пользуясь его расположением, прибирает к рукам власть, которая по закону и обычаю принадлежит первому министру, то это вызывает распри при дворе, вносит замешательство в среду чиновников и ведет к беспорядку в стране. — 23.

⁴² Конструкция этой фразы сильно отличается от предыдущих, и поэтому предполагается, что она должна выглядеть следующим образом: «[Если среди] чиновников имеется [чиновник, чье] положение не по праву приравнено [к положению] правителя, то это — беспорядок в массе [чиновников]». — 23.

⁴³ Т. е. наложница и жена, чиновник и первый министр и т. д. — 23.

⁴⁴ Или: «...лишается поддержки [со стороны других стран]». — 23.

⁴⁵ Самовосхваление, форма заносчивости и надменности, ведет к взаимной неуступчивости сановников и поэтому вызывает беспорядок в их среде из-за нежелания подчиняться друг другу или слушать советы друг друга. Однако некоторые исследователи считают, что в оригинале здесь должны стоять другие иероглифы, означающие: «вызывается притеснением окружающих». — 24.

⁴⁶ Комментарий дополняет эту фразу следующим окончанием: «...перевороты, в результате которых правитель гибнет или теряет свою власть». — 24.

⁴⁷ Т. е. во дворце и в отношениях правителя с его родом. — 24.

⁴⁸ Комментаторы поясняют, что в виду имеются такие занятия, как вышивание, резьба и т. п. Возможно, что выражение «развращающие занятия» следует понимать еще шире: как ремесло или даже как ремесло и торговлю. — 24.

⁴⁹ Эта часть фразы вызывает значительные разногласия относительно того, какие иероглифы должны стоять в оригинале. Выше дан перевод, согласно которому фраза сочетается с контекстом и весь абзац связывается со словом *ши* (образованные люди-чиновники *ши*). В традиционной интерпретации эта часть фразы значила бы: «При приближении срока [набора следует увеличивать тяжесть их] преступления, [чтобы заставить уклоняющихся] признать [свою виновность и выполнить свой долг]». В таком случае абзац довольно искусственно разбивается на две части, в первой речь может идти только о наборе в армию или каких-либо других повинностях, ибо только тогда можно предположить существование стремления уклониться от выполнения долга, что было равнозначно совершению преступления. — 24.

⁵⁰ Возможна следующая интерпретация: «...и наблюдать за их способностями», «контролировать их способности». — 25.

⁵¹ Главы «Искусство сердца» в двух частях («Синь шу шан» и «Синь шу ся»), «Чистое сердце» («Бай синь») и «Внутренняя деятельность» («Нэй э») представляют важное звено в развитии древнекитайского даосизма. Опираясь на наивно-материалистические идеи своих предшественников, главным образом Лао-цзы и Ян Чжу, древние авторы пытались в этих главах объяснить такие сложные явления, как происхождение и природа мышления, взаимоотношение между душой и телом, материально-физиологические основы сознания, законы мышления и познания. — 25.

⁵² В представлениях древних китайцев *сердце (синь)* является органом мышления. В связи с этим слово *синь* обозначает самые различные психологические понятия — «душа», «мысль», «мышление», «ум», «разум», «чувство», «воля», «настроение» и т. д. — 25.

⁵³ *Цзю цяо* — буквально: «девять отверстий» (см. т. 1, стр. 338, прим. 20). — 25.

⁵⁴ *Дух (шэнь)*, согласно взглядам древних авторов, состоит из вездесущих тончайших *ци (цзинь ци)*. — 25.

⁵⁵ *Сердце* рассматривается здесь как *вместилище (шэ)* духа, или тончайших *ци*. — 25.

⁵⁶ *Даэ* — понятие, обозначающее в широком смысле проявление *дао*, а в узком смысле — «добродетель», «мораль». — 26.

⁵⁷ *Фа* — «закон», «правопорядок», «норма». — 26.

⁵⁸ *Чжэнь жэнь* — «идеальный человек», и тот, кто познал *дао* и очистил свое сердце. — 26.

⁵⁹ *Инь* в данном случае символизирует север, где Полярная звезда занимает самое высокое положение среди всех звезд. Поэтому сын неба на троне лицом всегда обращен к югу. — 27.

⁶⁰ Согласно учению даосизма, человек, во всем следуя естественным законам вещей (*дао*), не должен и не стремится создавать что-либо новое. — 28.

⁶¹ *Недеяние* — см. т. 1, стр. 319, прим. 101. В данном случае означает «естественность вещей». — 28.

⁶² *Ци* — буквально «воздух», означает у древнекитайских материалистов материальную субстанцию вещей, а у идеалистов —

дух. Причем *ци* в толковании сторонников даосизма делятся на две части: «тончайшие», образующие у человека духовное начало, и «грубые», из которых состоит его тело (см. также прим. 19 к «Люйши чунь цю»). — 31.

⁶³ *И* («единое»), *тай и* («великое единство»), *тай цзи* («великий предел») — синонимы понятия *дао* как всеобщего закона бытия. — 32.

⁶⁴ «*Бай синь*» («Чистое сердце»), или «Чистый разум» — см. прим. 51. — 34.

⁶⁵ Комментируя данное место, Лю Сян (77 г. до н. э. — 6 г. н. э.) пишет: «Дело, которое проводится не в свое время, не будет иметь успеха даже тогда, когда прилагается для этого максимум усилия. [Поэтому] время представляет собой драгоценность для дела» («Чжунцзы цэичэн», т. 5, стр. 224). — 34.

⁶⁶ Данная фраза описывает древнекитайского солдата, который на строевом обучении левой рукой держит щит, а правой — меч. — 36.

⁶⁷ Смысл данного положения, на наш взгляд, состоит в том, что оборона не причиняет никому вреда, а нападение может погубить самого нападающего, ибо его удар повлечет за собой контрудар со стороны противника. Военное нападение, с точки зрения древних авторов, является нарушением естественного закона *дао*. — 36.

⁶⁸ В Древнем Китае для осуществления того или другого важного мероприятия выбирался определенный день и месяц путем гадания на костях и черепаших панцирях, через которые узнавали «волю неба». — 36.

⁶⁹ *Чжи бу чжи* — буквально «управлять, не управляя», одна из форм проявления теории «ведения» даосизма. Применительно к государственному управлению это означает, что правитель не должен своим активным действием притеснять и угнетать народ, нарушая естественное течение его жизни, но должен занять позицию наблюдателя с тем, чтобы его подданные в своей жизни и деятельности не противоречили естественному ходу вещей, не нарушали спокойствие в стране. — 36.

⁷⁰ По древнекитайскому обычаю ритуальное одевание состоит из нескольких слов. Верхняя ритуальная одежда имеет красный цвет, средняя — желтый, а под этой еще имеется внутренняя одежда зеленого цвета (об этом говорится в «Ши цзин», «Ли цзи» и других древнекитайских памятниках). В данном контексте этим характеризуется многослойность не только явлений природы, но и сознания человека, в основе которого лежит то же единое начало — всеобщий закон *дао* как сущность. — 36.

⁷¹ *Середина* — это ось, вокруг которой разворачиваются и изменяются все явления и вещи. «Соблюдение середины» для материалистов, главным образом из школы даосизма, означает соблюдение естественных законов вещей (*дао*), а для идеалистов, для конфуцианских ортодоксов, например, — соблюдение ритуала, патриархальных традиций и обычаев. — 38.

⁷² С точки зрения даосистов, *добродетель* (*дэ*) у человека означает следование естественности жизни, исключающей принуждение себя и других. Каждый человек, как говорил Чжунцзи, должен иметь «естественную свободу» (*цзи фан*). Между тем, конфуцианцы, пытаясь принудить людей к почтению, к подчинению власти имущим, выдумывают различные нравственные понятия («человеколюбие», «чувство долга», «сыновняя почитательность» и т. д.) и прилагают много усилий в воспитании добродетели. Именно

они, по мнению Чжуан-цзы, делают жизненный путь «узким» для себя и других. — 39.

⁷³ Да мин чжи цзи («источник великого света») означает небо. — 40.

⁷⁴ В главе «Шуй ди» («Вода и земля») проводится мысль, что вода, являясь «кровью и жизненной энергией земли», «вездесущим материалом» в мире вещей, воплощает в себе основные черты естественного пути бытия — дао. Изложенные здесь положения, по нашему мнению, представляют взгляды одной из ветвей даосизма в Древнем Китае. — 40.

⁷⁵ Гай — специальная палка для выравнивания содержимого в сосудах при объемном измерении зерна. — 40.

⁷⁶ Ср. выше прим. 30, 31 и соответствующий им текст «Гуань-цзы». — 42.

⁷⁷ Пять злаков — см. т. 1, стр. 332, прим. 66. — 42.

⁷⁸ Последнюю часть фразы можно понимать и следующим образом: «...тогда чиновники [подобраны им] правильно». — 42.

⁷⁹ В оригинале — местоимение «все». По контексту видно, что имеются в виду только «все понимающие и знающие правители». — 42.

⁸⁰ Часть фразы, взятая в квадратные скобки, отсутствует в нынешнем тексте подлинника, однако мнения исследователей сходятся на том, что, судя по контексту, она должна быть здесь. — 42.

⁸¹ Инь и ян — см. т. 1, стр. 342, прим. 66. Словом «природа» переведен термин *тянь-ди*, буквально: «небо и земля». — 43.

⁸² Эту фразу можно было передать более с ободно: «Что касается востока, то он связан (или «находится под воздействием») со звездами».

В оригинале стоит знак *син* — «звезда», «светило», «небесное тело». В переводе использована множественная форма, чтобы подчеркнуть, что речь идет об определенной суммарной идее звезды — небесного тела, однако в некоторых версиях «Гуань-цзы» здесь стоят два иероглифа *суй-син*, означающие «планета Юпитер». Такой перевод хорошо сочетался бы с абзацем о западе и Меркурии (см. ниже стр. 29), но Юпитер уже выступает в абзаце о земле (ср. прим. 66 и соответствующий текст), что не позволяет дать трактовку «Юпитер» для знака *син*. — 43.

⁸³ Это удивительное и не совсем понятное сопоставление лишь отчасти может быть объяснено существующим в древнекитайской литературе сравнением: «Корни деревьев находятся в земле, как кости [в теле человека]». — 43.

⁸⁴ Согласно тогдашней традиции, весенние жертвоприношения, или по крайней мере некоторые из них, совершались не животными, а изделиями из яшмы, кожи и шелка. Кроме того, иероглиф *би*, переводимый нами как «шелк», имеет также значение: «посылать шелк в качестве подарка или дани», с которым ассоциируется представление о проходимых дорогах. Поскольку весной из-за дождей, снега и прочих атмосферно-климатических условий дороги были непроходимы или движение по ним было затруднено, жертвоприношение этим шелком было связано с просьбой об открытии дорог, что имело существенное экономическое значение. — 43.

⁸⁵ Общий смысл этого, как и параллельных абзацев, переведенных ниже, сводится к тому, что работа, не соответствующая данному времени года, приносит плохие плоды. — 43.

⁸⁶ С точки зрения особенностей древнекитайского языка здесь речь может идти также об одной третьем месяце весны, однако логичнее предположить, что приказы, связанные с данным периодом года, должны были бы издаваться ближе к его началу, чем к концу, поскольку для их реализации требовалось время. Поэтому и здесь, и в параллельных местах ниже дан перевод «три месяца». — 43.

⁸⁷ В Древнем Китае очердность дней определялась комбинацией циклических знаков десятиричного и двенадцатеричного циклов, дающей шестьдесят обозначений. В шестидесятиричном цикле было по шесть (соответственно: 1-й, 11-й, 21-й, 31-й, 41-й, 51-й и 2-й, 12-й, 22-й, 32-й, 42-й, 52-й дни цикла), а в трех весенних месяцах в среднем по девять дней *цзя* и *и*. Они соотносятся с элементом «дерево», и это, по-видимому, следует связывать с третьей фразой данного абзаца о том, что «ветер порождает дерево...» — 43.

⁸⁸ Эту фразу, по-видимому, следует понимать фигурально: если указания обнародованы в правильное время и таким же образом выполняются, то тогда все идет естественным, т. е. правильным, порядком. — 44.

⁸⁹ Вместо «создавать веселье» может быть также и «исполнять музыку», так как стоящий здесь перограф в чтении *юэ* означает «музыка», а в чтении *лэ* — «радость», «веселье». Такое понимание не исключено, ибо музыка играла в Древнем Китае важную роль, сопровождая самые разные события. — 44.

⁹⁰ С целью осмотра и контроля. — 44.

⁹¹ В оригинале после этой фразы идет абзац о центре, который помещен здесь по ошибке. В переводе он будет приведен в соответствующем месте. — 44.

⁹² Дни *бин* приходятся на 3-й, 13-й, 23-й, 33-й, 43-й и 53-й, а *дин* — соответственно на 4-й, 14-й, 24-й, 34-й, 44-й, 54-й дни шестидесятиричного цикла, ср. прим. 86 и 87. Они соотносятся с элементом «огонь». — 44.

⁹³ Во всех трех случаях речь идет о запасах продовольствия, и прежде всего зерна, созданных в предыдущем году или в предыдущие годы, в этом смысле и следует понимать слово «старые». Цель этих действий, с одной стороны, помочь населению перед новью, а с другой — очистить склады для нового урожая. — 44.

⁹⁴ Эти меры, очевидно, были вызваны стремлением защитить людей от возможных последствий сильной летней жары. — 44.

⁹⁵ Во время летних сельскохозяйственных работ из-за их напряженности и краткости ночного отдыха крестьяне часто ночевали прямо в поле, в *шалашах*. Поэтому необходимым было указание об очистке шалашей, т. е. приведении их в порядок на новый сезон использования. — 44.

⁹⁶ Этот абзац, по-видимому, подвергся искажениям. Во всяком случае, в настоящее время он не только находится не на своем месте (ср. прим. 91), но и по своей конструкции и содержанию сильно отличается от остальных четырех параллельных абзацев. — 45.

⁹⁷ После этой фразы в нынешнем тексте «Гуань-цзы» идет следующий отрывок: «Когда сильный мороз достигает предела, государство процветает, четыре стороны [света] подчиняются», содержание которого не сочетается с абзацем о центре. Кроме того, идентичный текст, с одним лишь очень небольшим изменением, находится в абзаце о севере, в который он полностью вписывается, поэтому здесь перевод этого отрывка опущен. — 45.

⁹⁸ Некоторые исследователи приводят два последних предложения в обратном порядке, однако это не оправдано, что ясно видно из сравнения с другими абзацами данной главы. Юпитер (по китайски *суй-син*, ср. прим. 82) выступает здесь в сокращенном названии *суй*, и хотя этот иероглиф означает также «год», нет, однако, оснований для сомнений в том, что речь здесь идет именно о планете Юпитер. — 45.

⁹⁹ Иероглиф *чэнь* означает «знаки зодиака», «небесные тела», «созвездия». В сочетании *чэнь-син* он имеет значение, тождественное *шуй-син*, т. е. Меркурий. Эта планета обычно сочетается с зимой и севером, тогда как с западом и осенью связывается *цзинь-син* (Венера), которая в «Четырех временах года» не выступает — это еще один пример отмеченного расхождения между космологической концепцией «Гуань-цзы» и общепринятой. — 45.

¹⁰⁰ Другая версия: «возглавить всех мужчин семьи (рода), чтобы собрать урожай», но она вряд ли может быть обоснованной, так как эта фраза повторена ниже, в третьем указании. — 45.

¹⁰¹ Формулировка не очень понятна; возможно, что речь идет о сборе всех сельскохозяйственных культур. — 45.

¹⁰² Это 7-й, 17-й, 27-й, 37-й, 47-й, 57-й и 8-й, 18-й, 28-й, 38-й, 48-й, 58-й дни цикла. Они соотносятся с элементом «металл». Отсутствии 5-го... 55-го и 6-го... 66-го дней цикла, связанных с элементом «земля», вызвано, по-видимому, искажениями текста о центре. — 45.

¹⁰³ Эта иносказательная фраза означает, что нельзя допустить, чтобы вспыхнула война. *Пять видов оружия* — боевые топоры, пики, трезубцы и две разновидности длинных алебард, которые применялись как пешими воинами, так и на боевых колесницах. Иногда вместо одной из этих алебард называются лук и стрелы. — 45.

¹⁰⁴ На наш взгляд, починку стен и дверей следовало бы отнести к жилым домам, а не к амбарам, о которых говорится уже в предыдущей фразе. Однако при переводе мы следуем за пояснением комментария. — 46.

¹⁰⁵ Начало *инь* — это также смерть, поэтому приведение наказаний (и особенно смертной казни) в исполнение соответствует его природе (см. т. 1, стр. 342, прим. 66). — 46.

¹⁰⁶ Буквально: «придет». Возможная интерпретация: «достигнет предела», ср. прим. 97. — 46.

¹⁰⁷ Ср. абзац о юге и Солнце (стр. 44), а также прим. 105. — 46.

¹⁰⁸ *Жэнь* — это 9-й, 19-й, 29-й, 39-й, 49-й, 59-й, а *гуи* — 10-й, 20-й, 30-й, 40-й, 50-й, 60-й дни цикла. Они соотносятся с элементом «вода». — 46.

¹⁰⁹ В конце каждого года чиновники подавали вышестоящим сановникам или императору доклады о состоянии дел в их учреждениях, районе и т. д. В то же время сверху шла проверка их работы, положения в сельском хозяйстве, финансах. Об этом и говорится здесь. Одним из результатов этой проверки были перемещения чиновников на более высокие или более низкие посты в зависимости от результатов их труда. — 46.

¹¹⁰ Под *богатствами гор* подразумеваются прежде всего медь и серебро, а под *богатствами вод* — жемчуг и нефрит. — 46.

¹¹¹ Имеется в виду прекращение процесса бегства людей, вызванного в особенности их бедственным экономическим положением.

Радн этого следовало создать условия для их поселения и устройства. — 46.

¹¹² В представлении древних китайцев каждому времени года соответствовала определенная *жизненная сила*. Если ей причинить вред, то это приведет к нарушению естественного порядка в природе и к разным ненормальным явлениям и бедствиям. Данная и последующие фразы в сокращенной форме повторяют предшествовавшие части текста. — 47.

¹¹³ Весной и летом такой губительной, приносящей вред жизненной силой является начало *имь*, а осенью и зимой — начало *ян*. — 47.

¹¹⁴ Солнечное затмение *urbī et orbī* показывает, что в этой стране нарушено действие начала *ян*, т. е. что она потеряла мораль и поэтому страна ненавидит это явление природы. — 47.

¹¹⁵ Т. е. если в стране случается наводнение, означающее победу ветра, нагнавшего тучи и заслонившего солнце, или засуха, означающая победу солнца, спалившего землю. — 47.

¹¹⁶ Шесть видов домашних животных — см. прим. 37 к «Цзо чжуань». — 47.

¹¹⁷ Использование здесь глагола «наслаиваться» стилистически не совсем правильно, однако он точно передает мысль трактата. Речь идет о том, что если один за другим следуют периоды хорошего (или плохого) управления, то они накладываются друг на друга, кумулируются, сила их воздействия непрерывно растет и страна расцветает все пышнее (или окончательно гибнет). — 47.

¹¹⁸ Смысл первой части фразы: если дела в стране идут плохо, то умному правителю хватает смелости и мудрости, чтобы от таких дел отказаться или направить усилия в другое русло и таким образом спасти положение. Что касается второй части предложения, то не исключено, что ее следует понимать следующим образом: если дела кончаются плохо, то правитель их начинает заново, чтобы достичь хороших результатов. — 48.

¹¹⁹ Под тремя прерогативами правителя, по-видимому, имеются в виду: собственно управление страной, жертвоприношения и военные дела. — 48.

¹²⁰ *Четыре элемента власти* — это, по-видимому, нравственность, наказания, гармония и управление страной. Относительно трех составных частей управления страной см. прим. 119. — 48.

¹²¹ Ср. прим. 1. — 48.

¹²² По мнению некоторых исследователей, эти две фразы следует понимать таким образом: «Чиновники не осмеливаются обманывать (оскорблять) правителя не потому, что они его любят, а потому, что боятся его величия (силы); народ соперничает в своих усилиях не потому, что он любит правителя, а потому, что боится его законов и указов». В любом случае эти две фразы говорят о том, что существование устойчивого режима в стране обеспечивается не чувствами личной привязанности или симпатии к правителю, а установлением и строгим соблюдением определенного порядка. Ср. также след. прим. — 48.

¹²³ Деятельность правителя и подданных определяется разными *дао*, которым они должны следовать. Если же они действуют согласно одному общему *дао*, то это означает, что правитель делает то, что должны делать его чиновники или подданные, а те в свою очередь вторгаются в прерогативы правителя — и это, естественно, приводит к хаосу в стране. С другой стороны, неограниченный

деспотизм правителя, пдущий вразрез с общими чаяниями, в «Гуань-цзы» считается неправильным методом управления страной. — 49.

¹²⁴ Обе эти фразы означают, что прерогативы власти и управление страной должны находиться в руках правителя и не должны подвергаться произвольному воздействию со стороны его приближенных и чиновников. — 49.

¹²⁵ Не исключено, что часть фразы «устанавливать ...законы» следует понимать как: «выдвигать [хороших] и смещать [плохих чиновников]». — 42.

¹²⁶ Сюнь и чжан — древнекитайские меры длины, равные примерно 2,5 и 3 м. — 49.

¹²⁷ Т. е. перестают обращать внимание на то, что полезно для всей страны. — 50.

¹²⁸ На стороне может означать также «вступают в сговор с другими государствами». — 50.

¹²⁹ Противопоставление *внешние* — *внутренние* (в оригинале *вай*—*нэй*) может означать или: «имеющие связи с другими государствами» (*вай*) — «действующие только внутри собственной страны» (*нэй*); или: «организованные народом» (*вай*) — «организованные придворными правителя» (*нэй*). — 50.

¹³⁰ Речь идет о том, что у частных лиц растет число сторонников, челяди и т. д., т. е. людей, поддерживающих данную аристократическую семью, помогающих ей реализовать свои замыслы, защищающих ее, в то время как количество людей, на которых может опереться правитель, тает и его силы слабеют. — 50.

¹³¹ Т. е. подданных. — 50.

¹³² Некоторые исследователи считают, что конец этой фразы должен звучать: «теряет свою должность», однако трактовка, данная в переводе, представляется более логичной. — 50.

¹³³ В обоих частях фразы под словом *закон* можно понимать и «установленный порядок». — 51.

¹³⁴ Ср. выше текст на стр. 40. — 51.

¹³⁵ Повторение акцентированной фразы является приемом, характерным для стиля «Гуань-цзы», поэтому эмфатическое повторение сохранено в переводе. — 51.

¹³⁶ Шэн. — 53.

¹³⁷ Т. е. сердце. — 53.

¹³⁸ Да цин («великая чистота») — синоним *дао*; да мин («великие светила») — солнце и луна. — 55.

¹³⁹ Цзинь ци («тончайшие ци»), с точки зрения древних авторов, являются материальной основой сознания, внешние формы которой обнаруживаются в психических переживаниях человека, в его умственной способности, в его поступках и т. д. В китайском языке, например, слово «гнев» состоит из двух иероглифов *шэн-ци* — «возбужденный ци». — 55.

¹⁴⁰ Иероглиф *цзинь* («тончайшее») в данном месте, согласно Ань Цзин-хэну, Дай Вану и Го Мо-жо, следует читать *цин* («состояние») (см. Го Мо-жо, *Вэнь И-то, Сюй Вэй-юй*. Гуань цзы цзинцзю, стр. 792). — 56.

¹⁴¹ Чрезмерную радость и гнев. — 56.

¹⁴² Иероглиф *бао* («сытость»), согласно Юй Юя, следует читать *ци* («голод») (см. там же, стр. 794). — 57.

¹⁴³ Иероглиф *юнь* («облако»), согласно Ань Цзин-хэну, следует читать *юн* («управлять») (см. там же, стр. 794—795). — 57.

¹ Слова, заключенные здесь в квадратные скобки, в тексте наиболее ранней (сунской) копии сохранившихся глав трактата «Гунсунь Лун-цзы» (комментарий Се Си-шэня) отсутствуют; интерполяция Тянь Цзе-фу, комментарий которого положен в основу перевода, в данном случае представляется недостаточно обоснованной. — 59.

² Анонимный оппонент Гунсунь Луна пытается доказать истинность тезиса «белая лошадь — лошадь», оперируя числительными: если «два» содержат «единицу», то значит «белая лошадь — лошадь». Гунсунь Лун разгадывает ход рассуждений противника. Стараясь убедить его в единичности и неделимости любого сложного имени и дезавуируя сугубо математические операции с понятиями, апоретик умышленно обращается далее к образам животных. — 61.

³ Здесь Гунсунь Лун влетает в ткань доказательства модную в те годы теорию о пяти началах, первоэлементах, впервые изложенную в «Шан шу». Согласно этой теории, мир состоит из воды, огня, дерева, металла и земли. Вода олицетворяет север (зима, черный цвет), огонь — юг (лето, красный цвет), дерево — восток (весна, синий цвет), металл — запад (осень, белый цвет), земля — центр (все времена года, желтый цвет). К периоду Чжаньго эта схема мироздания первых натурфилософов распространилась и на общество: белый цвет стал цветом правителя, синий — цветом подданных, желтый — цветом государства, черный — цветом смуты, красный — цветом правосудия. См. также т. 1, стр. 309, прим. 23 и соответствующий текст на стр. 105. — 62.

⁴ В словосочетании «буланая лошадь» слово «буланая» записывается в китайском языке иероглифом *хуан* — «желтый», «желтая». — 63.

«МО-ЦЗЫ» **

¹ В оригинале книги «Мо-цзы» порядок глав и расположение отлично от того, какое дается здесь. В книге «Мо-цзы» 40—44 главы следуют в таком порядке: «Канон» ч. I и «Канон» ч. II, затем идут две главы, являющиеся по сути дела развернутым пояснением к соответствующим тезисам первой и второй глав «Канона». Для удобства чтения и работы читателя переводчик расположил соответствующие тексты глав «Канона» и «Пояснения к Канону» параллельно. Одним из первых идею такого расположения текста предложил в начале нашего века видный текстолог, исследователь книги «Мо-цзы» Сунь И-жап, которому принадлежит заслуга восстановления большей части текста книги «Мо-цзы». Дальнейшие уточнения и капитальные исследования канонической части книги «Мо-цзы» и всех глав этого произведения, в которых нашли отражение взгляды поздних моистов, были проведены Лян Ци-чао, в работе «Мо-цзин цзяоши» («Сверка текстов и толкование Моцзин». Шанхай, 1924 г., 3-е изд., на кит. яз.). Наиболее авторитетными и полными исследованиями текстов поздних моистов являются

* Примечания составлены Э. В. Никогосовым.

** Примечания составлены М. Л. Титаренко.

также работы видных китайских историков философии: *Тань Цзэ-фу*. Мобянь фавэй («Доступное толкование текстов монстов-спорщиков»). Пекин, 1958; *Гао Хэн*. Моцзин цзяоюань («Сравнительное исследование и комментарий Моцзин»). Пекин, 1958. В основу перевода положены тексты четырех канонических глав, а также глав «Большой выбор» и «Малый выбор» с учетом текстологических исследований Сунь И-жана, Лян Ци-чао, Тань Цзэ-фу и Гао Хэна. В тех случаях, когда мнения исследователей о тексте расходятся, переводчик избирал текст, который, по его мнению, наиболее соответствует оригиналу и внутренней логике учения поздних монстов. Эти случаи оговариваются в примечаниях. — 67.

² В оригинале вместо пероглифа *чжи* («разум») ошибочно написан похожий на него пероглиф *шу*, означающий «нисходятельное отношение», «прощать», «извинять». Еще в Минскую эпоху в «Даоской сокровищнице» пероглиф *шу* был заменен на пероглиф *чжи*. Сунь И-жан и все другие комментаторы согласны с таким исправлением. — 68.

³ В сохранившемся тексте целый ряд пероглифов искажен. Текст плохо поддается толкованию на китайском языке. Это отмечали еще Сунь И-жан и Лян Ци-чао. Перевод дается по общему смыслу текста. — 68.

⁴ В оригинале *гун* — первый сановник при дворе сына неба. Лян Ци-чао считает, что вместо пероглифа *гун* должен быть пероглиф *цзюнь*, т. е. *совершенный муж* — эфемизм правителя царства. — 68.

⁵ В тексте вместо пероглифа *мин* («простолудин») стоит близкий по написанию пероглиф *мин* — «пмя». Исправлено по Лян Ци-чао. — 68.

⁶ Здесь дается ясное представление о том, как моисты понимали основной принцип конфуцианского учения — церемониал (*ли*) и раскрывается его социальное назначение — регулирование отношений между «вышшими» и «низшими». — 68.

⁷ Ранние и поздние моисты, проповедуя принцип всеобщей любви и взаимной выгоды, альтруизм, были противниками корыстных действий, рассчитанных на достижение славы, а не диктуемых внутренним нравственным сознанием. В этом учение монстов отличается как от конфуцианства, так и от взглядов легистов и Ян Чжу. — 68.

⁸ Лян Ци-чао не без основания считает, что текст этого тезиса сильно искажен из-за ошибок в написании многих пероглифов. Перевод дается по общему смыслу текста с учетом исправлений Лян Ци-чао. — 69.

⁹ В этом тезисе наиболее ярко проявляется противоположность учений монстов и конфуцианцев. У конфуцианцев «верность» — *чжун* — одна из центральных категорий этики, одно из важнейших проявлений *жэнь* — человеколюбия. По сути «верность» состоит в беспрекословной преданности правителю, соблюдении правил церемониала, сохранении установлений и деления между рангами. У монстов, как видим, принципиально иное толкование этической нормы «верность». У монстов она означает верность своим убеждениям и готовность во имя этих убеждений отказаться от всяких личных побуждений и желаний и даже идти на крайние жертвы.

Примером верности принципам всеобщей любви монсты, как известно, считали великого Юя — легендарного правителя, побе-

дившего большое наводнение (см. т. 1, стр. 316, прим. 63; стр. 327, прим. 18). Лапидарный текст «Пояснения» подразумевает образ действия Юя, который во время многолетней борьбы с наводнением вместе со своими приближенными три раза проходил мимо своего дома, где его ждали больные дети. Но он каждый раз «принуждал» себя пройти мимо дома, так как этого требовали высшие интересы народа. — 69.

¹⁰ В первоначальном тексте вместо пероглифа *ай* («любовь») был написан сходный по начертанию пероглиф *фэнь* («благодарение»). Лян Ци-чао доказал, что это ошибка переписчиков и что здесь должен быть пероглиф *ай* («любовь»). — 69.

¹¹ В оригинале был двоянный пероглиф *нэн* («мочь»), который, как показывал Лян Ци-чао, является опиской близкого по начертанию пероглифа *шань* («добро», «добродетель»). — 69.

¹² Поздние монеты дали не только определение основным понятиям этики Мо-цзы, но и пытались переосмыслить конфуцианские этические категории, такие, как «верность», «почитание родителей», «церемониял» и т. д. с точки зрения учения «о всеобщей любви и взаимной выгоде». Монеты утверждают, что только всеобщая любовь между людьми, только забота о чужих родителях, как о своих, может обеспечить подлинную заботу о своих родителях. — 69.

¹³ В дошедшем до нас тексте много ошибок в пероглифах, поэтому возможно различное толкование тезиса «Пояснения к Канону, ч. I». Лян Ци-чао видит и в этом тезисе стремление монетов противопоставить конфуцианству положение о том, что главным мерилом нравственной оценки поступков человека являются побудительные мотивы («замыслы»), принцип «соответствия поступков интересам простолюдинов» и конкретные результаты этих поступков. Тань Цзэ-фу не согласен с тем, как Сунь И-жан и Лян Ци-чао восстановили текст этого тезиса, и считает, что в нем нет ошибок. Если бы это было так, то «Пояснение» надо было бы перевести следующим образом: «Доверие. [Бывает и так, что] никто не считает, что ваши слова соответствуют действительности. [Например, утверждение, что на городской стене можно найти золото.] Нужно, чтобы этот человек на городской стене сам нашел золото». — 69.

¹⁴ Текст «Пояснения» к этому тезису «Канона» настолько искажен, что убедительному прочтению не поддается, поэтому пояснение не переведено. — 69.

¹⁵ Текст «Пояснения» к этому тезису «Канона» не сохранился. — 69.

¹⁶ Текст «Пояснения» к этому тезису «Канона» не сохранился. — 69.

¹⁷ У монетов пероглиф *мин* («пмя») употребляется в широком смысле: как название, понятие, символ предметов, отражающий их характер. Мысль о том, что имена-понятия отражают действительность, четко выражена в 31-м тезисе: «Выдвижение слов, имен определяется действительностью». — 69.

¹⁸ Имена отражают реальность так же, как рисунок — тигра. — 70.

¹⁹ Тезис монетов о том, что правитель — это результат согласия людей, содержит в себе одну из ранних попыток объяснения происхождения государственной власти как результата соглашения людей. Эти идеи поздних монетов перекликаются с соответствующей

ципи положениями самого Мо Ди, который в главе «Почитание единства», утверждал, что в древности люди жили в хаосе и беспорядке, между людьми царили вражда и рознь, каждый пытался утвердить свое понимание «справедливости». Тогда, чтобы покончить с этим хаосом, мудрые среди людей предложили назначить самого мудрого и способного сыном неба, чтобы он устанавливал единые принципы справедливости. — 70.

²⁰ Нами опущены тезисы 33—38, в них даются определения этических терминов «заслуга», «награда», «преступление» и «наказание». Дальнейший текст, начиная с 40-го тезиса, дается чаще всего в реконструкции Лян Ци-чао и с сохранением его нумерации тезисов, которая иногда расходится с нумерацией, данной Тань Цзэ-фу.

Иероглиф *цзю* буквально означает длительность времени, имеет абстрактный смысл — время. Именно в этом смысле и употребляют его моисты. Они рассматривали «давность» и пространство как взаимосвязанные понятия, характеризующие действительность. Поэтому вслед за определением понятия «давности» — времени — они дают определение понятия пространства — «мир», «свод», — выражая его иероглифом *юй*. — 70.

²¹ *Юй* — «свод», «крыша», «мир», «местоположение». В первоначальном тексте переписчиками была допущена ошибка. Вместо иероглифа *юй* был написан близкий по начертанию иероглиф *шоу* — «охранять», «оборонять». — 70.

²² Этот тезис связан с 40-м, так как он вносит дополнительную временную характеристику вещей с точки зрения их развития. Моисты понимали, что развитие всего сущего — «десяти тысяч вещей» — происходит во времени и пространстве. Прекращение движения вещи во времени означает и прекращение развития. — 70.

²³ *Превращение* последователи Мо Ди понимали как качественное изменение вещи. Пример превращения лягушки в куропатку отражает представления древних китайцев о взаимопревращении вещей. — 70.

²⁴ Этот тезис дошел до нас в искаженном виде. Сунь И-жан полагает, что в «Пояснении» имеются две позднейшие вставки в текст, которые при переводе опущены и обозначены отточием. Однако Лян Ци-чао и Тань Цзэ-фу хотя и с помощью разных аргументов, но пытаются доказать, что в тексте «Пояснения» нет интерполяций. Тогда текст «Пояснения» будет выглядеть следующим образом: «Остановка. [Бывает] не имеющая продолжительности безостановочность. Верно [положение]: буйвол не есть лошадь. Это подобно стреле, пролетевшей мимо колонны. [Бывает и] имеющая продолжительность безостановочность. Верно [положение]: лошадь не есть лошадь. Это подобно человеку, преодолевающему переход [через реку]». — 70.

²⁵ В «Каноне» идет целый ряд положений, в которых излагаются представления моистов о геометрии, арифметике и физике. Здесь они опущены. — 70.

²⁶ Поздние моисты полемизируют здесь с тезисом Гунсунь Луна о «разделимости твердости и белизны». Гунсунь Лун противопоставлял и разделял свойства вещей и их материальную субстанцию. Он полагал, что «твердость», «белизна» как понятия существуют самостоятельно и отдельно от вещей. Перевод этого тезиса дается по Тань Цзэ-фу. Лян Ци-чао ошибочно трактует текст этого поло-

жения, сводя его лишь к отношению между свойством камня — «твердостью» — и «камнем», отбрасывая «белизну». — 70.

²⁷ Текст «Пояснения» к этому тезису «Канона» не сохранился. Термин *шо* имеет значение «разумное познание», «познание с помощью суждений» — *цы*. По мысли этот тезис перекликается с главой «Малый выбор», где говорится: «С помощью имен нужно изображать действительность, с помощью суждений (*цы*) — передавать смысл (*и*), разумом — постигать причину». — 71.

²⁸ Этот тезис направлен против Чжуан-цзы, который утверждал, что в мире все относительно и невозможно достигнуть истины в споре, так как каждый по-своему прав. — 71.

²⁹ Текст «Пояснения» к этому тезису дошел до нас в крайне искаженном виде, и исследователи реконструируют его по-разному. В основу перевода положена реконструкция, сделанная Гао Хэном. — 73.

³⁰ *Яо* — см. т. 1, стр. 316, прим. 63. — 76.

³¹ Благодаря чрезвычайно развитой в китайском языке омонимии есть много пероглифов, звучащих как *ци* — 79.

³² Глава «Дацью» («Большой выбор») — одна из шести глав, отражающих взгляды поздних моистов. Эта глава дошла до нас в неполном, крайне искаженном виде. В тех случаях, когда переводчик считает возможным дать лишь условный смысловой перевод, делаются специальные оговорки. В целом глава «Дацью» представляет собой ценный источник для изучения теории познания, логических идей поздних моистов, обоснования ими учения Мо-цзы о «всеобщей любви».

Глава «Дацью» первоначально включала в себя раздел под названием «Канон слов», в котором моисты давали определения своей терминологии. Но сохранились лишь малосвязанные между собой отдельные отрывки «Канона слов».

Само название главы «Большой выбор» говорит о том, что в ней излагается теория выбора наибольшей пользы для страны в зависимости от тех или иных условий, в которых оказывается человек. Переводчик переставил отдельные места текста согласно смысловой связи между фрагментами. — 85.

³³ Небо — *тянь* — у поздних моистов, так же как и у Сюнь-цзы, не божественное небо, а природа, Вселенная, окружающая человека. — 86.

³⁴ Перевод всего этого абзаца — смысловой, так как в тексте много ошибочных пероглифов и пропусков. — 86.

³⁵ Намек на конфуцианцев. — 86.

³⁶ Буквально: «действовать с оглядкой на поступки родителей». — 87.

³⁷ Здесь моисты противопоставляют свою концепцию открытой проповеди взаимной выгоды конфуцианской, прикрывавшей узкокорыстные интересы покровом бескорыстия и человеколюбия. — 87.

³⁸ Нужно одинаково любить себя и других людей. — 87.

³⁹ Моисты все рассматривали с точки зрения интересов простоядинов. Пышные похороны и длительный траур парализуют деятельность людей и приводят к растрате впустую богатств страны, считали они. Поэтому скромные похороны родных и близких — это и есть последовательное выполнение своего сыновнего или родительского долга. — 88.

⁴⁰ В сохранившемся тексте и в комментарии Сунь И-жана первое предложение: «Любовь к людям есть только большая...» стояло после предложения «всей Поднебесной одинаково (буквально: «в равной степени»)»... » Исправлено Чжан Чунь-и по логике развития смысла. Последние два предложения содержат квинтэссенцию учения Мо-цзы и его последователей: рассматривать пользу для людей как пользу для себя; хотя в конкретном случае ты сам будешь терпеть лишения и страдания, моист не должен на них обращать внимания. На первом месте польза Поднебесной, общая польза. — 88.

⁴¹ Перевод по тексту, восстановленному Тань Цзэ-фу. — 88.

⁴² В последней фразе стремление — это субъективное желание действовать каким-то образом (справедливо или несправедливо), но стремление, как говорится в «Мо-цзин», отлично от конечного результата действия. Этот результат может быть полезным или вредным, что устанавливается путем рассуждения *бянь*. Именно с этого начинается глава «Малый выбор». — 88.

⁴³ Влияние традиционного взгляда: чтобы начать управлять людьми, прежде нужно сделать обряд жертвоприношения духам предков. Моисты не отвергали этого обряда. — 88.

⁴⁴ Этот отрывок имеет принципиальное значение для понимания характера философского учения поздних моистов и моизма как идейного течения в целом. Задача философии, по представлениям моистов, в исследовании связи между понятием (именем) и действительностью. Моисты совершенно однозначно утверждали, что действительность, реальность, объективна и не нуждается сама по себе в названиях. Названия вещей, понятия есть «рисунок» вещей. Сунь И-жан правильно восстановил первоначальный текст. — 88.

⁴⁵ Данный перевод дан по тексту в редакции Тань Цзэ-фу. Моисты здесь формулируют один из важнейших принципов своей логики — закон достаточного основания, а также другие принципы применения суждения и умозаключения. «3 вещи» — это достаточное основание, правила рассуждения и принцип родового сходства. Категория *гу* — «причина», «основание» — была впервые выдвинута Мо-цзы, затем развита поздними моистами в «Канонах» и «Пояснениях к Канону». Категория *лэй* — «род» — также впервые выдвинута Мо-цзы. Лишь в учении поздних моистов категория рода получила свое обоснование как совокупность правил ведения рассуждения. Они формулируются в главе «Малый выбор». — 89.

⁴⁶ Это предложение ввиду большой краткости вызывает различные толкования у комментаторов. Переводчик придерживается лаконичности самого подлинника. Другой вариант дает Тань Цзэ-фу: «Ползучие грязные слухи подобны плавке металла, обязательно постепенно раздувают меха, и белый камень превращается в черной металл». Начиная с этого предложения и последующие 11 предложений являются изложением принципов применения сущности по родовому сходству, включая и аналогию. — 89.

⁴⁷ Сунь И-жан считает, что это положение является пояснением к уже встречавшемуся в 1-й части тезису о распространении всеобщей любви на всех людей земли и на все эпохи, прошедшую, настоящую и будущую. Всеобщая любовь существует в пространстве и времени, но во времени и во всех местах она имеет общее содержание. Каждая эпоха имеет свое лицо, но она по последствию принимает и многое из прошлого опыта человеческих отношений,

их производственных, культурных достижений. Эти элементы взаимопереплетаются в сложный узор, подобный узору взаимопереплетающихся клеточек на теле змеи. Любовь людей существовала в прошлом, существует сейчас и будет существовать в будущем; она будет иметь различное содержание, но в целом, по мнению монстов, она будет сходной. Поэтому всеобщую любовь в современную им эпоху монсты распространяют на все эпохи как всеобщий принцип. — 90.

⁴⁸ Сунь И-жан пишет, что это разъясняет положение о том, что убить одного человека, чтобы сохранить Поднебесную, не означает убить человека во имя пользы Поднебесной. Он прав. Данный поступок с убийством одного человека является вынужденным, когда из многих зол выбирают наименьшее. Многие правители Древнего Китая, чтобы успокоить своих подчиненных, возмущенных действиями любимцев государя или управителей, жестоко грабивших народ, жертвовали своими любимцами, казнили их. Но целью таких государей была не польза людям, а сохранение Поднебесной, т. е. сохранение своей власти над Поднебесной. Поэтому такое убийство монсты приравнивают к убийству мыши. — 91.

⁴⁹ Сунь И-жан, комментируя это, говорит: «Недостаток (буквально: зло) кувшина заключается в том, что кувшин протекает, если отремонтировать его, то можно в нем хранить воду и таким образом получить пользу».

В главе «Всеобщая любовь», ч. III, говорится: «Поступки мудрого человека обязательно служат добыванию пользы для Поднебесной и уничтожению зла в Поднебесной». На основании этого можно судить о представлении монстов о пользе. — 91.

⁵⁰ Монсты призывают к действиям не только для пользы самого себя, но и для других. Эти поступки человек должен делать так же, как он делает что-то во имя своих интересов. — 91.

⁵¹ Этот отрывок очень туманен из-за двусмысленности перо-лифов. Сунь И-жан считает, что «всеобщая любовь и индивидуальная любовь имеют сходство. Они подобны сжимающейся змее». Змея, чтобы продвигаться, извивается, сжимает и разжимает мускулы туловища, благодаря чему передвигается. Монсты считают, что любовь к каждому отдельному человеку есть проявление всеобщей любви, как бы «сжавшейся» в отношении каждого человека. Но такое же чувство человек питает ко всем людям, любовь распространяется на всех людей. Поэтому в распространении всеобщей любви человек подобен, по мнению монстов, движущейся змее: сжимается и разжимается, но постоянно движется вперед. — 91.

⁵² Комментаторы толкуют этот отрывок противоречиво. Сунь И-жан усматривает здесь проповедь всеобщей любви, причем последние два слова он отделяет и говорит, что дальнейший текст утрачен. Его мнение разделяет Чжан Чунь-и. Тань Цзэ-фу считает, что здесь выражено признание в упадке школы монстов: в Поднебесной нет человека, который бы продолжил дело Мо-цзы, но слова его еще существуют. Сейчас уже нельзя сказать с полной уверенностью, что более точно передает мысль оригинала. — 91.

⁵³ Этот отрывок — одно из самых неясных и спорных мест в сохранившемся тексте главы. Сунь И-жан сделал попытку восстановить текст. Перевод дается по его варианту.

«Канон слов» в сохранившемся тексте памятника разбросан. Сунь И-жан считает его частью главы «Дацой». Текст отличается

фрагментарностью, отсутствием прямой связи между отдельными частями. Комментатор Ван Нян-сунь (1744—1832) считает, что «У цзин» — «Канон слов» — это название самостоятельной главы, смешавшейся с главой «Дацюй». Из современных ученых Тань Цзэ-фу решительно поддерживает эту точку зрения. — 91.

⁵⁴ Текст трудно доступен для понимания. Перевод дается по комментарию Сунь И-жана. Чжан Чунь-и по-другому восстанавливает текст. Его разъяснение: «[Любитель лошадей] имеет циньскую лошадь, но лошадей разводят не только в Цинь. Сказать, что это циньская лошадь, значит указать, откуда эта лошадь, и не более». Тань Цзэ-фу («Исследование логики монстов») придерживается сходной с Чжан Чунь-и точки зрения и добавляет, что это положение направлено против гунсуньлуновской теории о «белой лошади». — 91.

⁵⁵ Этот же тезис разъясняется в главе «Малый выбор», но в несколько измененной форме: «Дух умершего человека не человек, дух умершего брата — брат».

Использование этого примера монстами для разъяснения соотношения двух объектов показывает, что и у поздних монстов, хотя они и отказались от многих мистических положений Мо-цзы о духах, традиционная вера в то, что человек после смерти превращается в дух, еще сохранилась. Это отражает непоследовательность материализма монстов, объясняемого слабым развитием учения о человеке. — 91.

⁵⁶ Сунь И-жан говорит, что здесь разъясняется принцип: из многих зол брать наименьшее. Брать наименьшее зло не значит желать иметь это зло. Таким образом, монсты подчеркивают влияние обстановки на выбор действия человеком. — 92.

⁵⁷ От этого предложения сохранилось лишь одно слово «квадрат», восстановлено по фразе, аналогичной первой, имеющейся в «Каноне», ч. II, фрагмент 65. — 92.

⁵⁸ В начале фрагмента утерян иероглиф «не дойти» и имеется еще ряд пропусков и ошибочных иероглифов. Текст восстановлен Сунь И-жаном. Чжан Чунь-и согласен с Сунь И-жаном. Тань Цзэ-фу дает другое толкование, согласно которому якобы монсты сравнивают нехватку в мере длины и нехватку в мере объема. По мнению большинства комментаторов, Сунь И-жан верно восстановил текст. — 92.

⁵⁹ Все сравнения малого и большого кругов — разная степень приближения к цели, и последнее положение о том, что нефритовый полудиск есть нефрит, по мнению Чжан Чунь-и, является обоснованием монстами соотношения между личной любовью и всеобщей любовью. Отдельная любовь к определенному лицу или группе лиц тоже есть любовь, наподобие малого круга, нефритового полудиска; а всеобщая любовь — это большой круг. Она охватывает всех людей. Между ними есть общее: и то и другое есть любовь, но объем этой любви разный. — 92.

⁶⁰ Монсты резко выступали против софистов (*минцзя*), Гунсунь Луна и его сторонников, развертывая критику положений Гунсунь Луна «о твердом и белом камне». Камень — это форма, а твердость и белизна — это свойство, соединяемое с этой формой. Белизна и твердость, по мнению софистов, взаимно выталкивают друг друга. Монсты отвергают положение софистов о самостоятельном существовании свойств или об их так называемом самоскрыва-

нии. Свойства присущи предметам. Есть познанные свойства, есть непознанные свойства, но это не значит, что они не существуют. Белизна — или цвет — присуща не только камню. И камни тоже не все белые, поэтому нельзя белизну, как одно из свойств части камней, отождествлять с камнем. То же относится к величине и твердости. — 92.

⁶¹ В этом весьма примитивном по характеру и по стилю фрагменте изложены идеи моистов об образовании названий вещей. И здесь они свой удар направляют против софистов. Гунсунь Луя считал, что вещь — это лишь сочетание формы и названия: «Лошадь — это то, что сочетает название и определенную форму». Это сочетание вовсе не предполагало, чтобы прежде был какой-то реальный предмет, действительность. Моисты же материалистически рассматривали природу имени и его соотношение с действительностью. «Имя (понятие) есть название действительности. Действительность сама по себе не нуждается в названии (понятии)». — 92.

⁶² Когда нечто отождествляется с самим собой. — 93.

⁶³ Другими словами, здесь выражена логическая форма силлогизма. Эта формула подробно разъясняется в главе «Малый выбор» на примере «Белая лошадь есть лошадь» (или, говоря языком логики, если первая посылка положительна, то вывод утвердительный). «Ехать на белой лошади, значит ехать на лошади». — 93.

⁶⁴ Этот принцип также подробно разъясняется на примерах в главе «Малый выбор». В сущности здесь моисты бьются над вопросом об установлении взаимоотношения между терминами суждения. Они верно говорят, что вывод сделать нельзя, но тем не менее сами пытаются сделать вывод, вернее, приписать вывод, который они примысливают на основе другой цепи рассуждений. Например, из рассуждения: «Воры есть люди. Имеется много воров» — нельзя сделать вывод. Но моисты говорят: «Это не значит, что имеется много людей, а если нет воров, то не значит, что нет людей». — 93.

⁶⁵ Четвертое положение означает, что нельзя насильно отождествлять то, что нетождественно, и насильно устанавливать различие там, где его нет. Вещи могут быть различными по содержанию, по сущности, но сходными по форме, но на основании этого нельзя, исходя лишь из внешнего сходства, делать вывод о тождестве этих вещей. И наоборот, вещи могут быть различны по форме, но тождественны по содержанию, по употреблению, поэтому нельзя, насильно нарушая сущность этих вещей, считать их различными, так как у них различные формы, или внешний вид. — 93.

⁶⁶ В этом отрывке много искажений, и он труден для понимания и перевода.

Большую работу по восстановлению первоначального смысла отрывка провели Цао Яо-сян и Тань Цзэ-фу.

Содержание этого фрагмента имеет принципиальное значение для понимания борьбы поздних моистов против софистов и конфуцианской теории «исправления имен», отрывавших понятия от их основы — от реальной действительности, которую они отражают. Понятия рождаются как результат осмысления реальных фактов. Моисты занимают в этом достаточно последовательную материалистическую позицию. Они считают, что только благодаря существованию телесности вещи, ее субстанции, могут существовать свойства этой вещи, которые могут проявляться вовне. Свойства

не существуют отдельно. Цвет белый, черный и т. д. — это цвет всегда какой-либо вещи, а не сам по себе отдельно, цвет как цвет, вне всякой материальности. Гунсунь Лун считал цвет и телесную форму равными атрибутами. — 93.

⁶⁷ Так как и тот и другой — человек. — 93.

⁶⁸ Монеты правильно рассматривали соотношение общего и частного. Софисты считали, что вещи не могут не иметь внешних образов, но эти образы есть образ субстанции этого тела. Монеты же считали, что вещь проявляется лишь благодаря наличию, объективному существованию телесной субстанции вещи. А форма, цвет и другие особенности вещи — это внешнее проявление существования телесности вещи, ее свойства. Но свойства бывают общие для целой группы вещей, их монеты называли родовыми свойствами. Свойства отдельной вещи — это то, благодаря чему она может быть выделена из группы сходных вещей. — 94.

⁶⁹ Глава «Малый выбор» так же, как и глава «Большой выбор», имеет большую ценность для изучения эволюции учения монстов, особенно их взглядов о познании и логике. В этой главе сравнительно систематически излагается порядок построения рассуждений, дается классификация типов рассуждений и система построения доказательства и проверки истинности рассуждений.

Текст главы сохранился лучше, чем «Канон» и «Большой выбор», хотя отдельные места тоже были искажены переписчиками. Перевод дается по тексту, восстановленному Сунь И-жаном и Тянь Цзэ-фу.

Понятие «выбора» в этой главе трактуется как выбор доказательства истинности учения. Практическая направленность учения поздних монстов и школы *моцзя* в целом сказывается даже в том, что «большим выбором» они называют образ действий человека, диктуемый принципом «всеобщей любви и взаимной выгоды». Это они считают главным. Теоретические споры с противниками своего учения и «выбор» логических и гносеологических доказательств в пользу своего учения они рассматривали как предмет «малого выбора», другими словами, как менее важное занятие. — 94.

⁷⁰ В этом отрывке монеты рассматривают правила выбора методов рассуждения в зависимости от предмета рассуждения и наличия аргументов в пользу того или иного положения. Монеты показывают также, что заблуждения и ошибки могут невольно возникать в случае необдуманного перескакивания в процессе рассуждения с одного предмета на другой. — 95.

⁷¹ Иероглиф *эй* — «опасность» — является сокращенным сходного по написанию иероглифа *гуй* — «хитрый», «лживый». — 95.

⁷² В этом абзаце утеряны целые куски текста. Тянь Цзэ-фу произвел смысловую реконструкцию текста.

В связи с неразвитостью логической мысли в Древнем Китае переписчики не понимали смысл логических формул монстов, и, чтобы сделать текст, который им казался бессмысленным, понятным, они меняли иероглифы и смысл. Например, в этом абзаце иероглиф *чжоу* — «всеобщий», «распространенный», «полный» — они заменили иероглифом *хай* — «зло», «беда», «бедствие». — 96.

⁷³ В первоначальном тексте была ошибка. Вместо иероглифа *цин* — «родители», «близкие» — был написан иероглиф *ши* — «смотреть». Исправлено по смыслу последующей фразы. Еще во времена Мо-цзы фамилия *Хо* стала синонимом рабыни, точно так же как *Цзан* — раба. Помимо чисто логического смысла употребления

этих имен интересно подчеркивание монстами мысли, что раб и рабыня — такие же люди. — 96.

⁷⁴ Монсты вскрывали механизм софистических построений своих противников, которые на основании сходства предметов рассуждения в одном отношении делали вывод о полной тождественности предметов рассуждения. Структура силлогизмов монстов имела по сути дела многочленный характер. Однако при изложении многие промежуточные звенья рассуждений они опускали. Трехчленный силлогизм монстов был таковым лишь внешне, так как по сути дела в нем не было среднего термина, а брались выводы из двух разных рядов суждений. Строго говоря, суждение «убить разбойника не значит убить человека» — алогизм. Монсты сами здесь допускали подмену понятий, так как иероглиф *жэнь* — «человек», — играющий роль среднего термина, на самом деле таковым не является, так как в первом случае («рабыня Хо — человек») термин «человек» имеет смысл характеристики видовой принадлежности всех людей, плохих и хороших, к человеческому роду. Во втором случае слово «человек» имеет качественную, нравственную характеристику. «Человек — не разбойник», а «разбойник» в этом отношении «не человек». Поэтому монсты и говорят: «Убить разбойника не значит убить человека». Монсты пытаются даже создать формулу такого рассуждения: «Это есть то, но то не тождественно этому». Если бы эта формула была правильной, то, следовательно, из двух утвердительных суждений должен был бы вытекать... отрицательный вывод. Аристотелевская логика не допускает такого вывода, а китайская логика и логика индийских ньянков считает такой вывод допустимым. — 97.

⁷⁵ Это редкий случай, когда последователи Мо Ди подчеркивают таким образом свою принадлежность к школе монстов — *моцзя*. — 97.

⁷⁶ Монсты допускают не только отрицательный вывод из утвердительных посылок, но и обратное: из отрицательных посылок — утвердительный вывод. В более развернутом виде формула «Не это есть то» выглядит так: «Если это не есть это, то не это есть то». Аристотелевская логика такого рода суждения относит к разряду алогизмов. — 97.

⁷⁷ Буквально: «одно всеобщее, а одно не всеобщее». — 98.

⁷⁸ Игра слов, основанная на одинаковом написании «персик» — дерево и «персик» — плод; буквально: «плоды персика — персик». — 98.

⁷⁹ Игра слов, основанная на том, что название кустарника и название его плодов в китайском языке различно. — 98.

⁸⁰ В данном случае монсты показывают, что выбор возможен лишь тогда, когда налицо несколько предметов, а один и тот же предмет в одно и то же время, в одном и том же отношении не может чем-то быть и не быть. Поэтому, в случае если известно, что есть лишь одна вороная лошадь, нельзя требовать белую лошадь. — 98.

«ЛИ ЦЗИ» *

¹ *Чжун-ни* — прозвище Конфуция. *Чжа* («Мушьяный обряд») — большой общегосударственный церемониал, совершае-

* Примечания составлены В. Г. Буровым, Р. В. Вяткиным, И. С. Лисевичем соответственно переведенным ими главам.

мый в последнем месяце года. Был тесно связан с земледельческим культом. Во время «Мушиного обряда» совершались жертвоприношения духам всех вещей и существ, тесно связанных с циклом сельскохозяйственных работ; таким образом, заранее обеспечивалась их благосклонность для будущего цикла. Жертвы приносились покровителям земледелия Шэнь-нуну («Божественному Пахарю») и Хоу-цзи («Божеству Проса»), духам полей, духам расположенных на полях строений, духам проходящих по полям дорог и межей, котам и тиграм (которые уничтожают сельскохозяйственных вредителей: мышей, кабанов и т. д.), духам дамб и оросительных каналов и, наконец, всем насекомым (чтобы последние не вредили посевам). «Мушинный обряд» был установлен династией Чжоу, которая при Конфуции утратила реальную власть в стране, распавшейся на ряд царств. Участие Конфуция в древнем обряде лишь один раз подчеркивает его легитимизм и верность традициям. — 100.

² *Смотровые площадки* устраивались во дворцах, на башнях или просто на возвышенных местах, откуда открывался красивый вид. Любование пейзажем издавна было в обычаях китайцев. Переходя порой в настоящий культ, оно, с другой стороны, имело и определенные мировоззренческие корни: созерцая природу, неотъемлемой частью которой тотрон считал себя древний китаец, он как бы вновь сливался с ней и обретал там для себя великий путь — великое *дао*. Поэтому не случайны и последующие размышления Конфуция: обратившись мыслями к *дао*, он неизбежно приходит к сопоставлению идеала и действительности. — 100.

³ *Лу* — родное царство Конфуция (на территории современной провинции Шаньдун), где он прожил много лет. Данная беседа, по-видимому, относится ко времени его пребывания в Лу. — 100.

⁴ *Янь-янь* (по прозвищу Цзы-ю) — ученик Конфуция. По традиции считалось, что эта глава написана им. Однако, кроме упоминания в главе имени Янь-яня, других доказательств его авторства нет. — 100.

⁵ Легендарная династия Ся (ее относят к III—II тыс. до н. э.), первая историческая династия Инь (XVIII—XII вв. до н. э.) и династия Чжоу (XI—III вв. до н. э.). Западная Чжоу (XI—VIII вв. до н. э.) еще обладала всей полнотой власти над Китаем, в отличие от своей преемницы, восточной Чжоу (VIII—III в. до н. э.), чьи представители номинально стояли во главе Поднебесной империи и во времена Конфуция. Эти три династии считались образцом умелого управления страной и процветания государства, а их государи — совершенномудрыми правителями. — 100.

⁶ В данном тексте представлена одна из немногочисленных в Китае социальных утопий, выраженная в форме мифа о «золотом веке». Идея *великого единения* оказала значительное влияние на прогрессивную общественную мысль Китая. (См. «Избранные произведения прогрессивных китайских мыслителей нового времени». М., 1961, стр. 111 и сл.)

⁷ *Юй* — см. т. 1, стр. 316, прим. 63; стр. 327, прим. 18. *Тан* — см. т. 1, стр. 308, прим. 7. *Вэнь-ван* — см. т. 1, стр. 306, прим. 20. *У-ван* — см. т. 1, стр. 306, прим. 27. *Чэн-ван* — см. т. 1, стр. 327, прим. 19, сын и наследник У-вана. *Чжоу-гун* — см. т. 1, стр. 311, прим. 44, стал регентом при малолетнем Чэн-ване. Все они считались в конфуцианской традиции добродетельными и совершенномудрыми правителями. — 101.

⁸ Русский перевод песни см. также: «Шипцин». М., 1957, стр. 65 («Ты на крысу взгляни...»). — 101.

⁹ Слово *гуй* (*душа умершего*) в древнекитайских источниках объясняется через свой омоним со значением «возвращаться», ибо со смертью человек возвращается к своим истокам. В «Комментариях для непосвященных к Книге Песен, сделанных Хань Ином» (II в.) сказано: «Чистое *ци* возвращается Небу, а плоть — Земле; кровь возвращается рекам, венозная [кровь] — болотам, голос возвращается грому, движения возвращаются ветру, глаза возвращаются Солнцу и Луне, кости возвращаются деревьям, сухожилия возвращаются горам, зубы возвращаются камням, жир возвращается росам, волосы возвращаются травам, [и только] дыхание вновь возвращается человеку» («Тайпин юйланы». Шанхай, 1960, т. IV, стр. 3923). Душой *гуй*, по-видимому, становилась земная душа человека (*по*), опускавшаяся вместе с телом в землю и вынужденная оставаться в ней. Для поддержания ее существования в могилу клали целый ряд предметов, а также совершали регулярные жертвоприношения в храме предков. Древние китайцы считали, что души умерших способны оказывать влияние на жизнь живых, и культ предков играл в их жизни огромную роль. — 101.

¹⁰ Здесь перечислены важнейшие стороны общественной и духовной жизни Древнего Китая. Они постигались знатью в процессе обучения «шести искусствам» (ритуал, музыка, стрельба из лука, управление колесницей, письмо и счет). — 101.

¹¹ *Царство Ци* — см. т. 1, стр. 343, прим. 75; по преданию, управлялось потомками легендарной династии Ся. Оно было пожаловано им чжоуским У-ваном после свержения У-ваном Иньской династии, преемницы династии Ся. — 101.

¹² В *царстве Сун* жили потомки побежденных чжоусцами иньцев. Это царство было пожаловано чжоуским У-ваном наследнику свергнутой династии Инь, Чжэн-цзы. — 101.

¹³ *Куй* («земля») и *цян* («небо») — названия гексаграмм, которыми начинается древнейшая гадательная и философская «Книга Перемен» («И цзин»). Древние произведения часто назывались по своей первой фразе — вероятно, здесь имеется в виду древнейший вариант «И цзин». — 101.

¹⁴ Вино приготавливали в утрамбованной земляной яме, откуда во время совместных возлияний черпали его прямо руками. — 102.

¹⁵ Обряд «призывания души» предшествовал похоронам, а иногда совершался во время агонии больного, при потере сознания и т. д. Имел целью вернуть душу в покинутое ею тело. Сохранялся в Китае вплоть до недавнего времени. Обработанный текст такого «призывания» имеется среди произведений китайского поэта IV—III вв. до н. э. Цюй Юаня (см. *Цюй Юань*. Стихи. М., 1954, стр. 127—134). — 102.

¹⁶ *Сырое зерно* — память о том времени, когда люди еще не знали огня для приготовления пищи; *вареное мясо* было символом обретения огня. — 102.

¹⁷ По верованиям древних китайцев, точно так же как и древних египтян, у человека было две души: бессмертная, «небесная», и смертная, «земная». «Земная» душа — *по* (в отличие от небесной — *хунь*) оставалась после смерти вместе с телом. *Ци* — понятие многозначное. В данном случае имеется в виду жизненная энергия, «жи-

вой эфир», наполняющий все живое и вызывающий мертвую природу к жизни. Талант и способности человека, его здоровье и долголетность, по воззрениям древних китайцев, зависели от количества заключенного в теле *ци*. С помощью особых приемов и режима *ци* можно было накапливать; потеря *ци*, рассеяние его в пространстве вело к смерти. В момент смерти «солнечное *ци*», образующее небесную душу человека, поднималось обратно к своему источнику — небу. — 102.

¹⁸ Умерший был обращен лицом к стране мрака, живые же — к солнцу, источнику жизни. — 102.

¹⁹ Многие китайские крестьяне даже в XX в. еще жили в *искусственных пещерах*, вырытых в толще лёсса, который покрывает китайскую низменность. Пещерным городом был в значительной степени и Яньань. — 102.

²⁰ Описание первобытного общества не раз встречается у древнекитайских авторов. Так, например, у Хань Фэй-цзы — см. стр. 261 наст. тома. — 102.

²¹ *Всевышний первопредок* (Шанди) — верховное божество древних китайцев. — 102.

²² Сам термин неясен. Буквально это «вино цвета *сюань*» (*сюань* — священный черный цвет с проблесками красного, цвет неба, цвет страны мрака — севера), или «священное вино». Комментатор считает, что имеется в виду дар неба — вода, которую ставили в жертву самым древним и почитаемым предкам, ибо они, кроме нее, ничего не знали. — 102.

²³ Молитву духа предка произносил хозяин дома. Самого предка изображал обычно младший сын. Считалось, что устами этого мальчика предок отвечает хозяину и возвещает благополучие семье. — 102.

²⁴ Т. е. мясо животных вместе с кровью и шкурой, опять-таки в жертву тем далеким диким предкам, которые поедали убитого зверя целиком. Но возможно, что кровь и волосы были человеческими. Тогда — это лишь отголосок тех человеческих жертвоприношений, которые во времена Конфуция уже ушли в прошлое. — 103.

²⁵ Жертвоприношение совершалось в несколько приемов, как бы отмечаая важнейшие вехи «окультуривания» человека. Сначала приносилось в жертву сырое мясо, затем — опшаренные туши четырех видов домашних животных и, наконец, — жареное, вареное и различным образом приготовленное мясо. — 103.

²⁶ *Фу, гуй, бьянь, доу* — названия ритуальных сосудов для мясной пищи. Первый — в форме куба на подставке с квадратной крышкой, второй — цилиндра на подставке с круглой крышкой, третий — огромного кубка на ножке, плетеного из бамбука, четвертый — в форме такого же, но выточенного из дерева кубка с крышкой. — 103.

²⁷ При *Ю-ване* (см. т. 1, стр. 305, прим. 4) и *Ли-ване* (см. т. 1, стр. 322, прим. 13) династия Чжоу пришла в упадок и утратила реальную власть над Китаем. Традиция рисует их жестокими и бездарными правителями, пренебрегавшими интересами государства. Они стали героями целого ряда легенд. В частности, про обоих правителей рассказывают, что они источили терпение своих подданных, подняв однажды ложную военную тревогу (первый — в пьяном виде, второй — по прихоти своей наложницы, красавицы Бао Сы). Когда же впоследствии враг действительно напал на столицу, вассалы не выступили им на помощь. — 103.

²⁸ Жертвоприношения в предместьях совершались за стенами города на возвышенном месте и символизировали соединение земли и неба, которое было необходимо для достижения гармонии в природе и человеческих взаимоотношениях. Летом совершались жертвоприношения предкам государя. — 103.

²⁹ Юй — см. т. 1, стр. 316, прим. 63. Се — мифический прародитель династии Инь, якобы живший во времена Юя и помогавший ему в усмирении потопа. — 103.

³⁰ Божество Полей (*шэ*) всегда было божеством конкретной местности, конкретной земельной общины. Каждая община имела своего *шэ*, которому возводила храм или алтарь. Подробнее о культуре *шэ* см. Л. С. Васильев. Аграрные отношения и община в Древнем Китае. М., 1961, стр. 126—128 и др. Божество Проса (Хоу-цзи) — см. т. 1, стр. 307, прим. 38 и соответствующий текст на стр. 94. — 103.

³¹ Ставили сосуды династий Инь и Ся — тем самым правитель показывал, что ведет свой род от этих древних династий, и претендовал на почести, оказываемые лишь сыну неба. — 103.

³² В тексте — *мин*, т. е. «приказ на управление», «мандат», «дарование», «судьба», «доля» и т. д. Небо может дать свой мандат государю, но может и отнять, если правитель окажется недостойным. Последнее положение играло важную роль в конфуцианской теории управления. — 104.

³³ Пять духов-хранителей (*у сы*) — это божества дымохода, ворот, дверей, очага и дороги. — 104.

³⁴ Считалось, что только властитель царства (удела) был хранителем прав божества Полей и божества Проса. Поэтому он не смел покинуть царство, так как тем самым ставил под угрозу благополучие подданных. Знатный же (*дафу*) не нес такой ответственности. Свой храм предков он мог перенести, но должен был защищать государя и его храм. — 105.

³⁵ Срединные царства, Срединное царство — см. т. 1, стр. 306, прим. 33. — 106.

³⁶ Светлое и темное — силы инь и ян, которые, взаимно переплетаясь, то убывая, то прибывая, движут миром. Пять стихий, начал (*у син*) — металл, дерево, вода, огонь, земля. См. также т. 1, стр. 309, прим. 19. — 106.

³⁷ Пять названных здесь тонов: *гун*, *шан*, *цзюэ*, *чжи* и *юй* — образуют пятиступенную китайскую гамму, сложившуюся уже в древности. Пентатоника была и остается самой характерной особенностью китайской музыки. Пятиступенный лад связан с общей музыкальной системой, основанной на 12-ступенном хроматическом ряде *люй*, что резко увеличивало общее число тонов-тональностей. Пять звуков дают шесть «светлых» и шесть «темных» аккордов. — 106.

³⁸ Пять вкусовых ощущений (*у вэй*) — горькое, острое, кислое, сладкое и соленое. Они же составляли и шесть вкусовых удовольствий (*лю хэ*) с добавлением ощущения *хуа* — «вязкое, скользкое, мягкое, само идущее в горло». Каждому месяцу был свойствен свой вид пицци, поэтому видов пицци насчитывалось двенадцать.

³⁹ Пять цветов (*у сэ*) — основными цветами в Древнем Китае считались синие-зеленый (до очень темного), желтый, багрово-красный, белый и черный. В число «шести узоров» добавлялся священный цвет *сюань* — черный с багровыми проблесками. На каждый месяц

полагалась своя расцветка платья (у знати и служителей культа), поэтому видов одежды было двенадцать. — 106.

⁴⁰ Комментаторы поясняют, что в разное время года условия не одинаковы, поэтому для сравнения надо знать, когда то или иное событие произошло. — 107.

⁴¹ *Все имеет свое повторение*, поскольку стихии сменяют друг друга, совершая замкнутый цикл. — 107.

⁴² *Единорог* (*ци* — самец, *линь* — самка) — мифическое животное. Описание его внешнего вида в разных источниках варьируется. Считалось, что оно желтой (иногда белой) масти, с телом оленя (иногда лошади), хвостом быка, лошадиными ногами, головой барана (волка, лошади), на которой растет один рог, заканчивающийся мясистым наростом. Оно не способно никому причинить вреда и появляется, когда правление гуманно. *Феникс* (*фэн* — самец, *хуан* — самка) в китайской мифологии — царь-птица. Как и Единорог, сочетает в себе элементы различных животных (например, куриная голова, змеяная шея, спина, как у черепахи, тело дракона, хвост рыбы, яркое оперение; причем это описание также имеет варианты), см. т. 1, стр. 317, прим. 76. *Черепаха* (*гуй*) была в Древнем Китае священным животным. Считалось, что за долгие годы жизни ей открываются все тайны. Поэтому на ее панцирях гадали. Черепаха была духом-хранителем Севера. *Дракон* (*лун*) — мифический царь всех водяных тварей и пресмыкающихся. По внешнему облику он крылатый ящер, для него одинаково доступны и водная, и воздушная стихия. Дракон — повелитель туч. В мифах Древнего Китая фигурируют самые различные драконы. Сильней дракон — дух-хранитель Востока. — 107.

⁴³ Стебли тысячелетника и черепахи панцири служили в Древнем Китае для гадания. Первые раскладывали определенным образом, на вторых писался вопрос божеству, затем черепаший щит калился на огне и на основании образовавшихся трещин жрецы изрекали ответ. О *подношении шелком* см. прим. 84 к «Гуань-цзы». — 107.

⁴⁴ Слово *ди* («божественный первопредок»), по-видимому, заменяет здесь *шан-ди* («Всевышний божественный первопредок»), верховное божество Древнего Китая. — 107.

⁴⁵ *Три министра* — имеются в виду три высшие придворные должности (в разные эпохи содержание этого термина менялось). *Трое старейших* — руководители патриархии, клана. Подробнее о них см. Л. С. Переломов. Об органах общинного самоуправления в Китае в V—III вв. до н. э. — В кн.: «Китай, Япония. История и филология». М., 1961, стр. 45—57. Скорее всего, здесь имеются в виду школы низшей ступени, содержавшиеся на средства клана (см. прим. к главе «Записки об учении»). — 108.

⁴⁶ *Сохраняя в себе высшую правду* — т. е. сливаясь с *дао*, которое постигается в недеянии и медитации. — 108.

⁴⁷ *Великое единое* (*тай-и*) имеет несколько толкований. Например, у Чжуан-цзы (глава «Небо и земля») оно является синонимом пути — *дао*, извечного закона, которому подчиняется все сущее, неуничтожаемого двигателя Вселенной. Точно такое же имя носили: одна из крупных звезд, всходящих на Востоке, и пребывавшее на ней, по воззрениям древних китайцев, божество (см. гимн Цюй Юаня «Владыке Востока Тай-и» в кн.: *Цюй-Юань*. Стихи. М., 1954, стр. 41—42). В данном же контексте под *великим единым*,

по-видимому, подразумевается «изначальное *ци*» (*юань ци*) — субстанция, которая образует мир. Авторы «Ли цзин» подчеркивают тем самым изначальный характер ритуала; он исходит у них даже не из человеческой сущности, а из сущности бытия, как такового. Лежащие же в его основе установления суть отражение законов Вселенной. — 108.

⁴⁸ *Волшебная повозка* — в оригинале *ци чэ*, что можно перевести как «глиняная» или «глазурованная повозка». В комментарии сказано, что она была серебряной и ярко-красной, как черепица или глиняная посуда. Она обладала необычайными свойствами (в частности, сама двигалась) и появлялась лишь в моменты великого мира. Однако связанная с ней легенда остается нам неизвестной. — 108.

⁴⁹ *Лошадь-дракон* — см. т. 1, стр. 317, прим. 76. — 110.

⁵⁰ «Толкование судеб» («Шо мпи») — название не сохранившейся до нашего времени главы из конфуцианской канонической «Книги Истории» («Шан шу» или «Шу цзин»). — 111.

⁵¹ *Дан* — административная единица, объединявшая 500 семейств, часто очень многочисленных. Область (*шу*) объединяла пять данов. — 111.

⁵² Другой вариант: «Муравей всегда следует за старшим». — 111.

⁵³ «Малые оды» — второй раздел древней китайской «Книги Песен» («Ши цзин»). — 112.

⁵⁴ Прутьями этих деревьев наказывали нерадивых или строптивых учеников. — 112.

⁵⁵ *Четыре династии* — полунсторические династии Сюй и Ся (см. т. 1, стр. 307, прим. 36) и исторические Инь-Шан (см. т. 1, стр. 306, прим. 30) и Чжоу (Западная — XI—VIII вв. до н. э.). *Три правителя* — основатель династии Ся — Юй, династии Инь — Тан (см. т. 1, стр. 308, прим. 7) и родоначальник династии Чжоу — Вэнь-ван (см. т. 1, стр. 306, прим. 20), иногда ее непосредственный основатель У-ван (см. т. 1, стр. 306, прим. 27), которые считались конфуцианской традицией вершиной государственной мудрости и человеческой добродетели. — 114.

⁵⁶ В древности при жертвоприношениях духу покойного его изображал ближайший родственник, обычно малолетний сын, одетый в платье покойного. — 114.

⁵⁷ Трон императора был всегда обращен на юг (к солнцу); поэтому совершать поклон в северную сторону — значит кланяться императору. — 114.

⁵⁸ О *пяти звуках* и *пяти цветах* см. прим. к «Цзо чжуань» и главу о музыке. *Пять министров* — скорее всего, имеются в виду органы чувств (уши, глаза, нос, рот) и сердце, которые в человеческом теле служат его «императору» — духу; *пять одежд* — различные виды траурных одеяний, знаменовавших различную степень родства с покойным. Во всех этих случаях слово «пять» близко понятию «все». — 115.

⁵⁹ В тексте главы употреблено слово *у* — предметы, вещи вообще, существа, твари. Под этим понимаются все внешние предметы и существа, окружающие человека, т. е. внешний, окружающий нас мир. — 115.

⁶⁰ Свойственный древности синкретизм многих понятий характерен и для слова *юэ*, обычно переводимого привычным термином

«музыка». Фактически юэ имело более широкий смысл, включая нередко в себя песнопения, музыку, танцы и некоторые культовые действия. Поэтому здесь и упоминаются атрибуты культовых и военных плясок, сопровождавших песни: боевые щиты и топоры, фазаны перья в виде вееров, бычьи хвосты на бунчуках. — 115.

⁶¹ *Пять тонов* гаммы (пять звуков) — см. прим. 37. В «Ли цзи» отражена традиционная символика музыкальных звуков, придающая им ритуально-сакральный смысл и связывающая каждый звук с каким-либо общественным явлением или классом людей. — 117.

⁶² Чжэн и Вэй — названия небольших государств, находившихся в период Чжоу на территории современной провинции Хэнань. Они были завоеваны более сильными государствами Цзинь и Цинь. Согласно конфуцианской традиции, их правители нарушали установления древних ванов, поэтому их песни и музыка становились непристойными. То же относилось к песням местности Санцзянь на реке Пушуй, которая некогда текла по землям, ныне входящим в состав провинции Хэнань. — 117.

⁶³ Имеется в виду высказывание Конфуция, содержащееся в «Лунь-юй», гл. VI, 27, см. т. 1, стр. 153. — 120.

⁶⁴ *Шунь* — см. т. 1, стр. 316, прим. 63. — 120.

⁶⁵ *Хуэй* — см. т. 1, стр. 314, прим. 24. — 120.

⁶⁶ *Цзы-лу* — ученик Конфуция. — 120.

⁶⁷ «Ши цзин», «Да-я» (см. «Сышу уцзин», т. 2. Шанхай, 1936, стр. 124). — 121.

⁶⁸ Там же, «Го-фэн», стр. 65. — 122.

⁶⁹ «Шицзин». М., 1957, стр. 203. — 123.

⁷⁰ В оригинале присутствует слово «добродетель» (дэ). Дословно эта фраза звучит так: «Добродетели духов щедры (обильны)». В переводе на русский язык слово «добродетели» опущено. — 123.

⁷¹ «Ши цзин», «Да-я» (см. «Сышу уцзин», т. 2, стр. 140). — 123.

⁷² «Шицзин». М., 1957, стр. 362. — 124.

⁷³ В оригинале стоит «повеление», мы переводим словом «расположение», исходя из контекста отрывка, в том числе и цитаты из «Ши цзин». — 124.

⁷⁴ *Тай-ван* — посмертный титул Гу-гун Дань-фу, одного из создателей дома Чжоу. Его заслуги воспеты в одах и гимнах «Ши цзин». Отец Цзи-ли (Ван-цзи).

Ван-цзи — посмертное имя вождя чжоусцев Цзи-ли или Гу-цзи, правившего ими около тридцати лет. Но «Чжоу шу цзи-нянь», убит иньским ваном Вэнь-дином. Отец чжоуского *Вэнь-вана*.

⁷⁵ Имеется в виду поход У-вана против иньцев и основание им новой династии Чжоу. — 124.

⁷⁶ В храме предков государя дочечка с именем основателя династии помещалась в центре, дочечки с именами его потомков во втором, четвертом, шестом поколениях помещалась слева. Такой порядок назывался *чжао*. Дочечка с именами потомков в третьем, пятом, седьмом поколениях помещалась справа. Такой порядок назывался *му*. Отсюда и название правила — *чжаому*. — 125.

⁷⁷ В оригинале — *Шан-ди*. — 125.

⁷⁸ *Великое жертвоприношение* совершалось один раз в пять лет, *осеннее* — каждый год. — 125.

⁷⁹ *Ай-гун* — см. т. 1, стр. 314, прим. 28. — 125.

⁸⁰ Сравнивая управление государством, политическую деятельность с тростником, Конфуций тем самым говорит, что точно так

же, как рост тростника зависит от характера земли, на которой он растет, так и политическая стабильность в государстве зависит от тех, кто стоит у власти. — 125.

⁸¹ Ряд комментаторов считают, что эта фраза является позднейшей интерполяцией, и на этом основании не включают ее в текст «Чжун-юв». — 126.

⁸² Некоторые комментаторы переводят, например, *лай* как «привлечение на свою сторону». Избранный здесь вариант перевода, на наш взгляд, более адекватно выражает сущность фразы. — 127.

⁸³ *Чжухоу* — местные правители уделов. — 127.

⁸⁴ Данная фраза допускает различные варианты перевода: например, «дать им» (сановникам) многочисленных чиновников, с тем чтобы они могли выполнять их обязанности, или: «Обремененным многочисленными обязанностями крупным чиновникам [следует] предоставить [право] назначить [себе подчиненных]». — 127.

⁸⁵ Первая половина данной фразы допускает и другие варианты перевода, например: «Увеличить содержание [тем, кто] проявляет преданность», «искренне использовать [их] и увеличивать [им] содержание». — 127.

⁸⁶ Некоторые китайские комментаторы считают, что в данной фразе речь идет о человеке, уступающем тому, кто обладает наибольшей искренностью. Мы даем другой перевод, исходя из контекста всего отрывка. — 129.

⁸⁷ Некоторые комментаторы считают, что речь идет о превращении зла в добро; по мнению Легга, речь идет о полном изменении природы людей. «Изменяясь, они приобретают [иной] облик». — 130.

⁸⁸ Дословно: «При движении четырех конечностей». Авторы трактата обращают внимание на необходимость серьезного отношения к гаданию, а также на необходимость внимательного учета политической активности людей. — 130.

⁸⁹ Под *внешним* имеется в виду искренность вещей, под *внутренним* — искренность самого человека как человека. — 130.

⁹⁰ *Хуашань* — одна из пяти священных гор Древнего Китая. — 131.

⁹¹ Водяной дракон, или морской змей, — мифические живые существа, по преданиям древних китайцев, обитавшие в воде. — 131.

⁹² «Ши цзин», «Чжоу сун», стр. 152. — 131.

⁹³ Там же. — 131.

⁹⁴ *Вэнь* — дословно означает просвещенный. — 131.

⁹⁵ См. т. 1, стр. 96. — 132.

⁹⁶ Дословно: тот, кто занимает соответствующее место. Исходя из контекста всей фразы, китайские комментаторы совершенно справедливо переводят это место как «тот, кто находится на троне». Дело в том, что создавать ритуалы и музыку имел право только сын неба. — 132.

⁹⁷ *Ци* — см. т. 1, стр. 307, прим. 48. *Сун* — см. т. 1, стр. 327, прим. 21. — 132.

⁹⁸ Имеются в виду обсуждение ритуалов, установление законов и создание письменности. — 132.

⁹⁹ Имеются в виду установления (ритуалы, музыка и т. п.), предложенные Конфуцием, который не был правителем. — 133.

¹⁰⁰ *Три вана* — Вэнь-ван, У-ван и Чжоу-гун. — 133.

¹⁰¹ «Ши цзин», «Чжоу сун», стр. 156. — 133.

¹⁰² *Яо* — см. т. 1, стр. 316, прим. 63. — 133.

¹⁰³ «Ши цзин», «Нравы царств». М., 1958, стр. 72. Данная фраза составлена из четырех иероглифов и в буквальном переводе звучит так: «Под обычным платьем узорный наряд»; в «Чжун-юнь» два последних иероглифа цитаты из «Ши цзин» изменены: *цзюнь* и («обычное платье») на *шан цзюнь* («носить обычное платье»), однако смысл фразы от этого не меняется. — 134.

¹⁰⁴ «Ши цзин», «Малые оды». М., 1957, стр. 251. — 135.

¹⁰⁵ Там же, стр. 381. Нами первая фраза двустипшия изменена. Последнее слово второй фразы «красней» заменено на «стыдись», поскольку оно более точно выражает значение иероглифа *куай*. Все двустипшия в целом имеет следующее значение: в северо-западных, наиболее пыльных покоях дворца обычно не делали окон, и свет в них проникал через особые отверстия в крыше. *Перед отверстиями в крыше* — в месте, где тебя никто не видит. — 135.

¹⁰⁶ «Ши цзин», «Шан сун», стр. 166.

¹⁰⁷ Там же, стр. 153.

¹⁰⁸ «Ши цзин», «Да-я», стр. 126. Эти слова произносит верховный владыка — Шан-ди. Речь идет о добродетели Вэнь-вана. — 135.

¹⁰⁹ Там же, стр. 146. — 136.

¹¹⁰ Там же, стр. 120. — 136.

¹¹¹ Считается, что беседа между правителем и Конфуцием, зафиксированная в данной главе, произошла в 483 г. до н. э., когда Конфуций вернулся на родину из царства Вэй. Правитель начинает с замаскированной насмешки над странным нарядом Конфуция, но, пораженный благородством его речей, зарекается когда-либо еще насмеяться над учеными. Такой композиционный прием (беседа со скептиком, посрамление которого служит прославлению учения) очень распространен в древней литературе. — 136.

¹¹² Словом *жу* («ученый») во времена Конфуция называли грамотеев, людей без определенных средств к существованию, часто представителей разорившейся аристократии. Сословие грамотеев — интеллектуалов — деградировало (достаточно вспомнить рассказ Чжуан-цзы об «ученых», гравивших могилы), несоответствие их притязаний и возможностей вызывало насмешки. Конфуций же в своей речи рисует идеализированный образ ученого древности. В данном случае слово «ученый» является синонимом «благородного мужа» — своеобразного эталона, следовать которому призывал Конфуций. — 136.

¹¹³ *Цю* — имя Конфуция. Здесь он из почтительности к собеседнику говорит о себе в третьем лице. *Сун* — см. т. 1, стр. 327, прим. 21. Сун населяли потомки прежних владык Китая — иньцев, на которых жители других царств — потомки их победителей-чжоусцев — смотрели с некоторым пренебрежением (очень распространены были, в частности, в китайской литературе притчи о глупости жителей царства Сун). По свидетельству Сыма Цяня, род Конфуция происходил из Сун (см. его биографию в «Исторических записках»). Квадратный головной убор с завязками, который по обычаю носили мужчины-иньцы и который сохранился только в царстве Сун, — иначе говоря, старомодный, провинциальный головной убор. Конфуций подчеркивает, что он равнодушен к моде и одевается применительно к обстоятельствам. — 136.

¹¹⁴ Смена караула происходила через определенный промежуток времени, обычно через два часа. — 136.

¹¹⁵ Т. е. такие места, где летом прохладно, а зимой тепло. — 137.

¹¹⁶ Буквально: «Он хранит долг в своих объятиях». — 138.

¹¹⁷ *Му* — см. т. 1, стр. 327, прим. 27. — 138.

«СЮНЬ-ЦЗЫ» *

¹ *Совершенный человек (цзюнь-цзы)* — одно из основных понятий конфуцианства; олицетворяет собой идеального с точки зрения конфуцианской этики человека, главными чертами которого являются соблюдение норм ритуала (*ли*), обладание «чувством долга» (*и*), сыновняя почтительность (*сяо*) и искренность (*чэнь*). Впервые термин *цзюнь-цзы* упоминается у Конфуция, который вкладывал в него помимо этического и определенный социальный смысл (см. т. 1, стр. 313, прим. 3). В отличие от Конфуция Сюнь-цзы «допускает» в разряд *цзюнь-цзы* и простолюдинов и в этом сближается с монстами и легистами, их концепцией «равных возможностей» (Шан Ян). — 142.

² *Гань, юэ, и, хэ* — народности, населявшие Древний Китай. — 143.

³ «Ши цзин», «Сяо я» («Малые оды»), разд. 4. — «Ши цзин цзи чжуань», серия «Сышу у цзин дубэнь», т. II. Шанхай, 1936, стр. 103. Перевод стихотворений везде выполнен В. Феоктистовым по упомянутому изданию.

Цитаты из «Ши цзин» занимают значительное место в сочинениях Сюнь-цзы, что свидетельствует о большом значении, которое он придавал этому произведению. Эти отрывки текстуально, как правило, совпадают с дошедшим до нас ханьским «списком Мао» («Мао ши»). — 143.

⁴ *Обладает пятью способностями* — по свидетельству танского комментатора Ян Ляна (IX в.), имеется в виду способность медведки летать, подгрызать корни деревьев, плавать, зарываться в землю и передвигаться по земле. Смысл этого выражения состоит в том, что медведка, хотя и обладает многими способностями, но действует не целеустремленно и поэтому бедствует. Этим примером Сюнь-цзы подтверждает свою мысль о важности «быть целеустремленным». — 145.

⁵ «Ши цзин», «Го фэн» («Правы царств»), разд. 8 (упомян. изд., стр. 58). — 145.

⁶ *С заучивания канонов* — имеются в виду «Ши цзин», «Шу цзин» и «Юэ цзин» («Книга музыки») — утраченный впоследствии конфуцианский канон. «Обрядовые книги» («Ли») — здесь Сюнь-цзы имеет в виду, по всей вероятности, две книги: сборник «Ши ли» («Обряды для чиновников»), или «И ли» («Церемонии и обряды»), и составленный конфуцианцами периода «Сражающихся царств» (V—III вв. до н. э.) сборник «Чжоу ли» («Ритуал эпохи Чжоу»). Первый представлял собой свод основных обрядов эпохи Чжоу, обязательных для конфуцианских чиновников из сословия ученых (*ши*), второй включал в себя административные установления важнейших царств. Поскольку Сюнь-цзы в этой же главе характеризует «Обрядовые книги» как «свод основных законов и обычаев», можно предположить,

* Примечания составлены В. Ф. Феоктистовым.

что называем «Ли» («Обрядовые») он обозначает не одну, а обе книги, существовавшие в Китае в конце периода «Сражающихся царств». — 145.

⁷ *Сердце (синь)* — согласно представлениям древних китайцев, орган мышления человека. — 146.

⁸ *Цунь* — см. т. 1, стр. 350, прим. 167. *Чи* — см. т. 1, стр. 327, прим. 28. — 146.

⁹ *То Сяо* — по мнению Го Мо-жо, именем То Сяо здесь ошибочно назван Хуан Юань (VI в. до н. э.), которого Го Мо-жо считает автором книги «Лао-цзы», излагающей взгляды основоположника учения о *дао* и *дэ* Лао Даня (*Го Мо-жо*. Бронзовый век. М., 1959, стр. 308, 315). Имя Хуан Юаня приводится в «Исторических записках» Сыма Цяня в числе даосистских мыслителей, проповедовавших это учение в царстве Ци (*Сыма Цянь*. «Ши цзи», гл. 74). *Вэй Моу* (Гун-цзы Моу) — последователь Чжуан-цзы (369 — 286 гг. до н. э.), живший в одно время с ним или немного позже. Имя Вэй Моу упоминается в библиографическом разделе книги Бань Гу «История [ранней] Хань» («Хань шу») как представитель даосистской школы, автор не дошедшего до нас сочинения из четырех глав. — 147.

¹⁰ *Чэнь Чжун* — ученый из царства Ци периода «Сражающихся царств», известный своим затворничеством. В памятнике «Мэн-цзы» в главе «Гэнский Вэнь-гун» рассказывается о том, что Чэнь Чжун, принадлежавший к знатной фамилии царства Ци, отрекся от своего старшего брата и матери, считая недостаток брата и его дом «нечестными», и не пожелал пользоваться его щедротами, предпочитая им нищенское, голодное существование. Мэн-цзы осуждает поведение Чэнь Чжуна, усматривая в нем неискренность и нарушение конфуцианской этики — почитания родителей и старшего брата. Сюнь-цзы также критикует Чэнь Чжуна за эти отступления от конфуцианской морали, от «великого различия» между людьми. *Ши Цю* (Ши Юй, Юй-цзы) — историкограф царства Вэй во время правления Лин-гуна (534—480 гг. до н. э.). В «Лунь юй», в главе «Вэйский Лин-гун» Конфуций называет его «честным», «прямым» человеком. В своих комментариях Чжу Си поясняет, что Ши Цю, не добившись успеха на службе у Лин-гуна, «непочтительно» подал в отставку, а затем умер, «бросив укор правителю» («Лунь юй», гл. XV, «Вэйский Лин-гун». — Сб. «Сы шу у цзин». Шанхай, 1936, т. I, стр. 66). Легг в комментарии к этой главе из «Лунь юй» пишет, что Ши Цю «перед смертью направил послание своему принцу (*гуну*. — В. Ф.) и приказал, чтобы его тело было выставлено наружу в таком месте и таким образом, чтобы привлечь внимание принца, когда тот придет выражать соболезнования» (*J. Legge. The Chinese classics, vol. I. Oxford, 1893, p. 296*). Именно это имел в виду Чжу Си, говоря, что своей смертью Ши Цю «как бы бросил укор правителю». Подобное поведение также являлось нарушением конфуцианских этических норм, за что и критикует вэйского сановника Сюнь-цзы. Согласно взглядам Сюнь-цзы, ученый или чиновник, не добившийся признания своего учения или талантов, должен смиренно удалиться от дел и не роптать на судьбу и правителя. Такое поведение было характерно для самого Сюнь-цзы. — 147.

¹¹ *Сун Цзянь* — известный философ периода «Сражающихся царств» (IV в. до н. э.), проповедовавший свое учение в академии Цзиня. В гл. «И-вэнь чжэ» «Истории [ранней] Хань» упоминается о «18 главах [сочинений] Сун-цзы» (т. е. Сун Цзяня), в которых,

по словам Бань Гу, он «рассуждает о смысле [учения] Хуана и Лао (т. е. Хуанди и Лао-цзы. — В. Ф.)». Трактат «Сун-цзы» до нас не дошел. Отдельные отрывки из него содержатся в памятнике «Гуань-цзы». Изложение, хотя и краткое, сути взглядов Сун Цзяня имеется также и в ряде глав сочинений Сюнь-цзы («Чжэн лунь» — «Исправление ошибок», «Цзе би» — «Освободиться от заблуждений»), в трактате «Хань Фэй-цзы» и в главе «Тянься» («Поднебесная») памятника «Чжуан-цзы». Судя по дошедшим до нас литературным памятникам, Сун Цзянь развивал взгляды даосистской школы, пытаясь соединить их с отдельными элементами учения Конфуция и Мо Ди. Не случайно поэтому в комментируемой главе Сюнь-цзы его имя поставлено рядом с именем Мо Ди. Главное место во взглядах Сун Цзяня занимало учение об «искусстве мыслить» и необходимости «ограничивать чувства и желания людей». — 148.

¹² *Шэнь Дао* (Шэнь-цзы) — видный философ периода «Сражающихся царств», представитель одного из направлений даосистской школы, сочетавший в своем учении элементы учения Лао-цзы со взглядами ранних легистов. В «Истории [ранней] Хань» упоминается как автор сочинения из 42 глав, относящегося к школе легистов. Однако в гл. «Жизнеописание Мэн-цзы и Сюнь-цзы» в «Ши цзи» содержится утверждение, что Шэнь Дао — автор сочинения «Двадцать суждений» («Шипэр лунь»), в котором развиваются идеи учения Хуана и Лао о *дао* и *дэ*. Дошедший до нас трактат «Шэнь-цзы» содержит всего лишь семь глав, излагающих в основном учение Шэнь Дао о законе.

Шэнь Дао являлся ревностным защитником теории закона, ставя его выше мудрости правителя. Он выступал против законов прошлого, призывая к созданию новых законов, соответствующих установившимся обычаям. Шэнь Дао признавал ограниченность человеческого знания и по существу отрицал способность человека познать окружающий мир. Именно против этих двух положений учения Шэнь Дао — отрицания мудрых правителей и старых законов, а также тезиса о неспособности человека познать мир — и выступает Сюнь-цзы.

Тянь Пянь — философ периода «Сражающихся царств», представитель даосистской школы. В библиографическом разделе книги «История [ранней] Хань» упоминаются «25 глав [сочинений] Тянь-цзы (философа Тяня)», относящихся к школе Лао-цзы. Это сочинение Тянь Пяня не сохранилось. Отдельные высказывания философа приводятся в книге «Люй-ши чунь цю», «Чжуан-цзы» и в сочинениях Сюнь-цзы. Судя по этим отрывкам, Тянь Пянь по своим взглядам во многом был близок к учению Шэнь Дао. Основным положением учения Тянь Пяня был тезис о «равенстве всех вещей». Он, как и Шэнь Дао, отрицал необходимость познания мира, считая его бесплодным. Против этих высказываний Тянь Пяня и выступает Сюнь-цзы. — 148.

¹³ *Хуэй Ши* — видный философ периода «Сражающихся царств», представитель логико-софистической школы «имен». Жил в одно время с Чжуан-цзы (IV в. до н. э.), с которым поддерживал дружеские отношения. В «Хань шу» упоминается книга «Хуэй-цзы», состоящая из одной главы, относящаяся к школе «имен». Книга эта не сохранилась. Отдельные высказывания Хуэй Ши содержатся в памятниках «Чжуан-цзы», «Планы Сражающихся царств» («Чжяньго цэ»), «Люй-ши чунь цю», а также в сочинениях Сюнь-цзы.

На основании этих источников можно заключить, что Хуэй Шн развивал идеи Чжуан-цзы, истолковывая в идеалистическом духе отдельные положения даосизма. Отмечая взаимную противоречивость вещей, Хуэй Шн утверждал на этом основании, что все вещи тождественны и не отличаются одна от другой по своему характеру. В комментируемой главе Сюнь-цзы выступает против софистических упражнений Хуэй Шн, а также против его политических взглядов, в основе которых лежал отказ от почитания правителей.

Дэн Си — сановник царства Чжэн, современник основателя школы легистов Цзы Чаня (VI в. до н. э.). Известен своим толкованием законов на знаменитом тренажнике, отлитом по приказу Цзы Чаня в царстве Чжэн в 536 г. до н. э. На основании этих толкований Дэн Си составил свой свод законов, получивший название «Бамбукового кодекса», поскольку он был записан на бамбуковых дощечках.

В «Хань шу» содержится упоминание о книге «Дэн-цзы» («Сочинения» философа Дэна) из двух глав, относящейся к школе «пмен». Книга эта не сохранилась. Сведения о Дэн Си приводятся в основном в «Люй-ши чунь цю», где отмечается, что Дэн Си был искусным софистом, способным так «истолковать» законы, что «ложное становилось истинным, а истинное — ложным». Против софистики Дэн Си и выступает Сюнь-цзы. — 148.

¹⁴ Здесь имеется в виду Конфуций. — 149.

¹⁵ *Чжун-ни* — другое имя Конфуция. *Цзы-ю* — ученик Конфуция, представитель одной из восьми конфуцианских школ, образовавшихся после смерти Конфуция. Считается, что взгляды его изложены в главе «Ли юнь» в «Ли цзи» — одном из конфуцианских канон, составленном Дай Шэном в период династии Западная Хань (III в. до н. э.). *Цзы-сы* — ученик Конфуция, считается одной из конфуцианских школ после смерти Конфуция. Считается автором одного из канон конфуцианского «Четверокнижия» («Сы шу») — книги «Чжун юн» («Учение о середине»). *Мэн Кэ* — см. т. 1, стр. 225. — 149.

¹⁶ *Чжухоу* — см. прим. 83 к «Ли цзи». — 149.

¹⁷ *Цзы-гун* — видный мыслитель Древнего Китая, живший примерно в V в. до н. э. В традиционном конфуцианстве почитался как один из самых выдающихся учеников Конфуция и последователей его учения. — 149.

¹⁸ *Выдвигать [на должности] независимо от их положения* — концепция «равных возможностей», предполагавшая одним из условий успешного управления страной назначение правителем на государственные должности талантливых, способных людей независимо от их социального положения. Она составляла важное положение учения Сюнь-цзы о принципах управления государством. Это положение серьезно сближает взгляды Сюнь-цзы с политическим учением Мо-цзы и идеями Шан Яна. Не выступая вообще против рангов знатности, философ тем не менее выдвигает в качестве главного критерия обладания этими рангами, а следовательно, и должностями не наследственный, а моральный принцип, предполагающий также и соответствующие способности людей. Такой подход к назначению на государственные должности Сюнь-цзы называл «принципами вана». — 150.

¹⁹ *Ван, гун, ши, дафу* — см. т. 1, стр. 305, прим. 4 и стр. 334, прим. 84. — 150.

²⁰ *Цин* — ближайшие помощники правителя, высшие сановники в царствах Чжоу. *Сян* — первые министры или советники правителя. — 150.

²¹ *Людей, страдающих пятью физическими недостатками.* — Согласно комментарию Ян Ляна, имеются в виду немые, глухие, хромые на одну и две ноги, калеки с обрубками рук или ног. — 150.

²² *Когда есть закон, но нет обсуждений.* — Сюнь-цзы имеет здесь в виду гласность управления страной, открытое ведение государственных дел. Эта концепция исходила из общего духа традиционного конфуцианского представления о мудром правителе как воплощении добродетели, «образце», которому должны подражать его подданные. Но чтобы «подражать» такому правителю, народ должен ясно видеть его «путь», знать его намерения.

Однако гласность правления, по мысли Сюнь-цзы, отнюдь не предполагает права народа обсуждать приказы и законы правителя: народ должен лишь слепо следовать и повиноваться им. «Обсуждать» законы и распоряжения, согласно учению философа, могли лишь «преданные правителю талантливые сановники» — конфуциански образованные «совершенные» ученые-чиновники из сословия *ши*. — 151.

²³ *Мудрые ваны* — имеются в виду наиболее почитаемые конфуцианской доктриной основатели трех династий — легендарной Ся, Шан-Инь и Чжоу-Юй, Чэн Тап и Вэнь-ван. Согласно конфуцианской традиции, разделяемой и Сюнь-цзы, именно они явились создателями образцовых норм отношений между людьми в семье и обществе — так называемого ритуала и «чувства долга». — 152.

²⁴ *Цзы Чань* — крупный политический деятель царства Чжэн, живший в V в. до н. э. По свидетельству «Цзо чжуань», в 536 г. до н. э. по его приказу был отлит бронзовый треножник с текстом законов об уголовных наказаниях. В период своего пребывания на посту первого министра царства Чжэн (543—522 гг. до н. э.) провел ряд важных социально-экономических преобразований, подрывавших могущество и власть родовой аристократии. Деятельность Цзы Чаня вызвала в свое время резкое осуждение со стороны старой аристократии, усмотревшей в его мероприятиях серьезную угрозу своим привилегиям. Концепцию закона, родоначальником которой можно считать Цзы Чаня, не разделял и Конфуций.

То обстоятельство, что Сюнь-цзы упоминает о «расположении народа», которого сумел добиться Цзы Чань, говорит о серьезном сдвиге в отношении к легистской доктрине, который произошел в конфуцианстве периода Сюнь-цзы. — 153.

²⁵ *Гуань Чжун* — крупный политический деятель царства Ци, министр при дворе Хуань-гуна (685—643 гг. до н. э.). По его инициативе в царстве Ци были произведены важные административные и социально-экономические преобразования: царство было разделено на 21 волость, были введены строгие разграничения обязанностей населения, реорганизована система воинской повинности, введен единый земельный налог в зависимости от плодородия почвы. Эти преобразования способствовали росту экономического и политического могущества царства Ци. Деятельность Гуань Чжуна, особенно его мероприятия в области сельского хозяйства, в целом высоко ценились Сюнь-цзы, который многое взял от него при разработке собственной экономической концепции (см. также «Гуань-цзы», стр. 14 наст. тома). — 153.

²⁶ *Трех династий* — имеются в виду династии Ся, Шан-Инь, Западное Чжоу. — 155.

²⁷ [*Ленивые*] *удачники* — перевод дается с учетом толкования танского комментатора Ян Ляна. Выступая за поощрение и выдвижение талантливых людей, Сюнь-цзы в то же время подчеркивал необходимость личного усердия чиновников и упорного труда земледельцев как основы их благополучия. — 156.

²⁸ *Кто находится близко* — Сюнь-цзы имеет здесь в виду людей, занимающих посты при дворе правителя, противопоставляя их «тем, кто находится далеко», т. е. людям, занятым физическим трудом. — 156.

²⁹ *Ци* — согласно древним натурфилософским воззрениям китайцев, мельчайшие частицы, эфир, заполняющий собой мир. В философии Сюнь-цзы *ци* приобретает значение материального первоначала мира — материальных частиц, из которых состоят все «вещи». — 157.

³⁰ *Единое [наверху] приводит к единому [внизу]* — под «единым» Сюнь-цзы понимает равное соблюдение всеми подданными правителя — сановниками и простолюдинами — норм ритуала и обладание ими чувством долга. — 159.

³¹ «Кан гао» — глава из памятника «Шу цзин». — 162.

³² «Ши цзин», «Да я», разд. 1 (упом. издание, стр. 123). — 164.

³³ «Ши цзин», «Сяо я», разд. 6 (упом. издание, стр. 115). — 165.

³⁴ «Ши цзин», «Да я», разд. 1 (упом. издание, стр. 140). — 166.

³⁵ ...*Совершенномудрых правителей и талантливых сянов* — Согласно политической концепции Сюнь-цзы, «первый министр» (*сян*) наделялся по существу неограниченными правами в управлении государством: он назначал начальников чиновничьих служб, следил за исполнением ими своих обязанностей, регулировал отношения между двором, министрами и чиновниками, оценивал их деятельность, определял размеры поощрений и наград и составлял ежегодные доклады правителю о положении в стране. При такой системе управления самому правителю отводилась лишь роль «олицетворения высшей добродетели», он должен был только «выдвигать [основные] требования, но не заниматься [непосредственно] делами» (*Сюнь-цзы*. «Совершенный ван и гегемон». — «Чжужцы цзинчэн», т. II, стр. 146). — 166.

³⁶ *Яо* — легендарный правитель, образец конфуцианской мудрости и добродетели. *Цзе* — последний правитель дома Ся, изображаемый десотом и гулякой. — 167.

³⁷ ... *Естественное дао*... — одно из основных понятий философских взглядов Сюнь-цзы, свидетельствующее о влиянии на него идей Лао-цзы. Под *дао* философ понимал «естественный путь» природы, ее объективные процессы и закономерности, которые человек должен учитывать, соблюдать в своей деятельности. Согласно учению Сюнь-цзы, человек способен познать *дао*, и, действуя в соответствии с ним, подчинить себе «вещи», природу («небо»).

В этом значении термин *дао* употребляется мыслителем, однако лишь в тех случаях, когда он говорит о естественных, «небесных», процессах и явлениях. В других же местах своих сочинений — когда речь идет об общественной жизни, о социальных процессах — термин *дао* принимает у Сюнь-цзы другое значение — он означает уже всеобщие и необходимые принципы управления государством,

основу которых составляют созданные «совершенномудрыми» правителями прошлого нормы ритуала и введенное ими понятие «чувство долга». Поэтому для удобства понимания текста в тех случаях, когда *дао* означает «естественную закономерность», перед ним вставляется в скобках слово «естественное»; в остальных случаях термин *дао* употребляется без такого добавления. — 167.

³⁸ *От не себе подобных* — Сюнь-цзы имеет в виду животных и растения, которыми человек питается. — 168.

³⁹ «Ши цзин», «Сун» («Гимны»), разд. 1 (упом. изд., стр. 153). — 170.

⁴⁰ Отрывок из утраченной песни «Ши цзин». — 170.

⁴¹ *Преодолевая небесную судьбу* — В отличие от Конфуция, верившего в фатальность «небесной судьбы» (*тянь мин*), Сюнь-цзы считал ее «преодолимой» человеком. Согласно взглядам Сюнь-цзы, человек способен, познав «естественный путь» природы — *дао*, — «использовать» ее затем «в своих интересах». — 173.

⁴² *Потерять чувство вещей* — под *чувством вещей* (*вань ю чжи цин*) Сюнь-цзы понимал «овладение» человеком закономерностями естественных («небесных») процессов, позволяющее ему правильно «занять свое место» в природе, т. е. умение использовать в своих интересах «небо» и «землю» и «подчинить себе вещи». — 173.

⁴³ *Видел лишь то, что находится сзади, и не видел того, что находится впереди* — Сюнь-цзы имеет в виду, очевидно, известный даосистский тезис, сформулированный в «Дао дэ цзин»: «Когда [совершенномудрый] желает возвыситься над людьми, он должен ставить себя ниже других» («Дао дэ цзин», гл. 66, XVI). Вероятно, Шэнь-цзы (Шэнь Дао) разделял это даосистское положение. Танский комментатор Ян Лян, поясняя это место, пишет, что «Шэнь Дао, исходя из учения Хуана и Лао, проповедовал непочитание талантов и отказ от привлечения способных людей». — 174.

⁴⁴ *Признавал лишь принижение и отвергал возвышение.* — Сюнь-цзы имеет в виду положение Лао-цзы о том, что мудрый человек «себя не выставляет», «себя не возвышает» и «предпочитает невозвышенное» («Дао дэ цзин», гл. 72, XXII). — 174.

⁴⁵ *Признавал лишь равенство и не видел отклонений от него* — Критикуя концепцию «равенства» и «социальной справедливости», которую проповедовал Мо-цзы, Сюнь-цзы выступал за строгую социальную градацию древнекитайского общества, предполагавшую разделение людей на «управляющих» и «управляемых». Восприняв идеи Мо-цзы о «почитании талантов» и выдвижении на должности способных людей, независимо от их социального положения, Сюнь-цзы тем не менее возражал против отмены вообще разделения людей на четко очерченные социальные группы, занимавшие строго установленное место в социальной лестнице. — 174.

⁴⁶ *Признавал лишь малое, не видя большого* — Имется в виду учение Сун Цзиня о необходимости ограничить желания людей. — 174.

⁴⁷ «Шу цзин», «Хун фань». — «Сышу у цзин ду бэнь», т. 1. Шанхай, 1936, стр. 76. — 174.

⁴⁸ *Ритуал служит [целям] удовлетворения [желаний]* — Развивая учение Конфуция о ритуале (*ли*) как нормативной основе отношений между людьми в семье и обществе, Сюнь-цзы наполняет это понятие новым, социально-экономическим содержанием: ритуал, согласно его взглядам, является не только мерилом нравственности,

норм поведения человека, но и своего рода экономическим рычагом распределения общественного продукта. В данном отрывке Сюнь-цзы пытается объяснить происхождение и необходимость соблюдения «ритуала», исходя из экономических факторов — невозможности в равной степени удовлетворить все желания всех людей, что, по мысли философа, и вызывает необходимость введения «различий» между людьми в удовлетворении их потребностей в «вещах». — 175.

⁴⁹ Музыка *у* и танец *сян* — мелодия и танец, создателем которых, согласно китайской традиции, считается чжоуский правитель XI в. до н. э. У-ван. — 175.

⁵⁰ Музыка *шао* — мелодия, авторство которой приписывается легендарному императору Шуню. Музыка *ху* — мелодия, создателем которой считается основатель Шанской династии Чэн Тан (XVIII в. до н. э.). — 175.

⁵¹ *Добиваться двух [результатов]* — имеется в виду соблюдение ритуала, выполнение долга — как один результат, и умиротворение чувств, разумное их удовлетворение — как второй. — 176.

⁵² *Не смеют осквернить [его кумирни]* — Сюнь-цзы имеет в виду исключительное право вана (правителя) приносить жертвы Великому предку или небу — местные правители *чжухоу* таким правом не обладали. — 176.

⁵³ Согласно установившемуся обычному праву эпохи Чжоу, сановники, владевшие землей, обязаны были поставлять двору правителя царства определенное количество боевых колесниц с воинами: пять колесниц поставляли владельцы пяти *чэней* земли (один *чэнь* равнялся десяти квадратным *ли*), три — владельцы трех *чэней*. — 177.

⁵⁴ *Великое жертвоприношение* — жертвоприношение главному предку-правителю, совершаемое один раз в три года. *Сезонное жертвоприношение* — жертвоприношение ванам-предкам, совершаемое один раз в сезон. *Ежемесячные жертвоприношения* — жертвоприношения остальным предкам. — 177.

⁵⁵ Гимн в честь Вэнь-вана из «Ши цзин» (см. упом. издание, стр. 152). — 178.

⁵⁶ Сюнь-цзы имеет в виду известные софизмы представителей логико-софистической «школы имен» (*минцзя*) Гунсунь Луна и Хуэй Ши: «белая лошадь не есть лошадь» (Гунсунь Лун) и «все вещи полностью тождественны и полностью различны» (Хуэй Ши). В своем учении Сюнь-цзы выступал против софистических рассуждений этой школы, останавливая наивно-материалистическое представление об «именах», «понятиях» как отражении реальной действительности. — 174.

⁵⁷ «Ши цзин», «Сяо я» (упом. издание, стр. 104). — 180.

⁵⁸ Дословно в тексте *цзе би*, что в буквальном переводе означает: «освободить [себя] от затмения». Танский Ян Лян, поясняя смысл словосочетания *цзе би*, пишет, что *би* в данном случае означает у Сюнь-цзы «неспособность обладать всеобщим представлением [о вещах], когда останавливаются лишь на одной их части (стороне)» (см. «Чжужэ цзинчэн», т. II, стр. 258). Однако это пояснение представляется не совсем точным, если исходить из всего текста главы и точного смысла иероглифа *би*, поскольку понятие «односторонность» обозначается Сюнь-цзы другим словосочетанием — *и цюй*, дословно — «одна сторона», «односторонний». Перевод иероглифа *би* как «заблуждение» полнее выражает смысл рассуждений Сюнь-цзы.

По этой причине предложенный Г. Дабсом перевод названия этой главы как «Устранение предубеждений» (см. *H. Dubs, Hsüntze, The Moulder of Ancient Confucianism. L., 1927, p. 45*) выглядит менее удачным и не соответствующим точному семантическому, а главное логическому, анализу составляющих это название иероглифов. — 181.

⁵⁹ Гостей *чжухоу* — пмеются в виду ученые, которые находились при дворах правителей царств и крупных сановников, жили на полном их обеспечении и занимались разработкой тех или иных теорий. Обычай «содержать ученых» был широко распространен в Китае в V—IV вв. до н. э. В IV в. до н. э. в столице царства Ци, например, была открыта для этих целей даже специальная «Академия» — «Дворец науки Цзися». — 182.

⁶⁰ Сюнь-цзы критикует здесь Мо-цзы за его отрицательное отношение к конфуцианскому ритуалу, церемониям и за теорию «равной выгоды». — 182.

⁶¹ Сун-цзы (Сун Цзянь) проповедовал теорию «подавления желаний» человека, в то время как Сюнь-цзы выступал за их «разумное» удовлетворение с помощью норм ритуала. — 182.

⁶² Сюнь-цзы имеет в виду концепцию *Шэнь Дао* о безусловном примате закона над всеми остальными нормами общественной жизни. Не отрицая законов как одного из методов управления государством, Сюнь-цзы тем не менее признавал основой успешного правления «мудрость» правителя, значение которой совершенно отрицал Шэнь Дао. Как и Шэнь Дао, *Шэнь Бу-тай* выступал за исключительное применение силы, закона в управлении государством, отвергая конфуцианские «этические» начала правления мудрых ванов. *Хуэй Ши* — см. выше, прим. 13. — 183.

⁶³ Сюнь-цзы в своих сочинениях резко выступал против даосистского учения *Чжун-цзы*, критикуя его за известные элементы мистики и пренебрежение «человеческой деятельностью», субъективными способностями человека. — 183.

⁶⁴ В данной главе термин *дао* употребляется Сюнь-цзы главным образом в значении «постоянных принципов управления государством». — 183.

⁶⁵ *Чжоу-гун* — регент при чжоуском правителе Чэн-ване (XI в. до н. э.), один из наиболее почитаемых конфуцианской традицией политических деятелей. Ему приписывается создание ритуальной системы, опирающейся на обряды и музыку, и проведение мудрой экономической политики «удовлетворения потребностей народа». *Три вана* — Юй, Чэн Тан и Вэнь-ван. — 183.

⁶⁶ Согласно учению Сюнь-цзы, познание «вещей», мира возможно лишь на основе познания всеобщих и необходимых принципов управления государством (*дао*), создателями которых были совершенномудрые «ваны-предки». Познание этого *дао* — неременное условие и «правильного пути» человека, его поведения в обществе. — 184.

⁶⁷ Учение Сюнь-цзы о «методах» мышления относится к важным достижениям древнекитайской наивно-диалектической мысли. Восприняв идеи школы Сун Цзяня — Инь Вэня об «искусстве мыслить» (*синь шу*), Сюнь-цзы существенно развил их, наполнив наивно-диалектическим содержанием. Абсолютному пониманию состояний «пустоты» и «покоя» разума как условия процесса мышления, которое содержалось в учении Сун Цзяня — Инь Вэня, Сюнь-цзы про-

тивнопоставляет диалектическое в своей основе толкование этих понятий как относительных, «условных». — 185.

⁶⁸ «Ши цзин», «Го фэн», разд. 1 (упом. изд., стр. 3). — 186.

⁶⁹ Учение Сюнь-цзы отличается от взглядов Конфуция и Мэн-цзы тем, что Сюнь-цзы не просто постулировал те или иные конфуцианские догмы, но и подводил под них философскую базу. В данном случае он пытается обосновать тезис о необходимости разделения людей в обществе на «управляющих» и «управляемых» с помощью гносеологии, выводя социальное неравенство людей из особенностей познания ими *дао*, т. е. принципов идеального управления государством. — 187.

⁷⁰ «Канон о *дао*» («Дао цзин») — очевидно, одна из не дошедших до нас древних книг, толкующих учение о *дао*. — 187.

⁷¹ *Последующие поколения ванов* — имеются в виду (в противовес легендарным ванам-предкам) правители более поздней эпохи — Чуньцю и Чжаньго (VIII—III вв. до н. э.). — 190.

⁷² «Чжуся» («Все Ся») — древнее название территории западных и восточных царств Китая вместе. — 190.

⁷³ Под *именами Сюнь-цзы* подразумевает здесь основные социальные понятия древнекитайского общества, регламентировавшие его устройство и отношения между людьми. — 191.

⁷⁴ *Вносить путаницу в исправление имен.* — Сюнь-цзы имеет в виду отличные от конфуцианского учения школы и направления общественно-политической мысли Древнего Китая. — 191.

⁷⁵ Т. е. после того, как органы чувств человека «различат вещи». — 193.

⁷⁶ Выражение, приписываемое Сун Цзяню. — 194.

⁷⁷ Здесь, очевидно, имеется в виду известный тезис Мо-цзы о том, что «любить людей не значит исключать себя» (см. стр. 87 наст. тома). — 194.

⁷⁸ Известное изречение Мо-цзы (см. стр. 96 наст. тома). — 194.

⁷⁹ Изречение софиста Хуэй Шп. — 194.

⁸⁰ Имеется в виду тезис Сун Цзяня о необходимости ограничения желаний людей. — 194.

⁸¹ Эти выражения приписываются Мо-цзы — противнику конфуцианских обрядов. — 194.

⁸² Здесь Сюнь-цзы, очевидно, имеет в виду рассуждение Гунсунь Луна о том, что «белое» и «твердое» не могут быть одновременно присущи камню (см. стр. 64 наст. тома). — 195.

⁸³ Очевидно, искаженный софизм Гунсунь Луна «белая лошадь не есть лошадь» (см. стр. 59—61 наст. тома). — 195.

⁸⁴ «Ши цзин», «Да я» («Большие оды») (упом. изд., стр. 135). — 196.

⁸⁵ *Цзюнь* — титул правителя области в Древнем Китае. — 199.

⁸⁶ Концепция Сюнь-цзы о злых врожденных качествах человека резко расходилась с принятым в конфуцианстве до него (во взглядах Конфуция и Мэн-цзы) положением о «врожденной доброте» человека, о присущих ему от рождения добрых началах, включающих в себя такие качества, как человеколюбие, стремление соблюдать ритуал, чувство долга, великодушие и т. п. Наиболее полно эти взгляды были развиты Мэн-цзы, который считал, что для полного самоусовершенствования человек должен лишь развивать в себе заложенные природой добрые начала. В этом Мэн-цзы и видел цель воспитания и учебы.

⁸⁷ В сохранившемся тексте этой фразы нет. Однако уже первый комментатор памятника Ян Лян указал на необходимость такого добавления, как логической связки между предыдущей и последующей фразами. Толкование Ян Ляна представляется убедительным. — 202.

«ШАН ЦЗЮНЬ ШУ» *

¹ *Сяо-гун* — посмертное имя циньского правителя Цюй Ляна, правившего в 361—338 гг. до н. э. — 211.

² *Гунсунь Ян*, он же Вэй Ян. В истории известен как Шан Ян, по названию области Шан, пожалованной ему за службу Сяо-гуном. Шан Ян является одним из основателей учения легистов. *Ган Луи* и *Ду Чжи* — циньские аристократы, сторонники Конфуция. — 211.

³ *Го Янь* — сановник при дворе циньского правителя Сянь-гуна (676—650 гг. до н. э.). — 212.

⁴ *Три династии* — полумифическая династия Ся, династия Инь, династия Чжоу. — 213.

⁵ *Пять гегемонов* — пять могущественных правителей (см. т. 1, стр. 320, прим. 2): циньский Хуань-гун, циньский Вэнь-гун, циньский Му-гун, сунский Сян-гун, чуский Чжуан-ван. — 213.

⁶ *Фу-си* — в китайской мифологии выступает как владыка Востока, давший людям огонь и научивший их ловить сетями рыбу и жарить мясо. *Шэнь-пун* — см. т. 1, стр. 332, прим. 61. — 213.

⁷ *Хуан-ди* — см. т. 1, стр. 323, прим. 29. *Яо* и *Шунь* — см. т. 1, стр. 322, прим. 25. — 213.

⁸ *Тан-ван* — основатель династии Инь, правил в 1766—1754 гг. до н. э. *У-ван* — см. т. 1, стр. 306, прим. 27. — 213.

⁹ Имеются в виду источники пороков. — 214.

¹⁰ Под *богатыми* здесь и далее следует иметь в виду представителей аристократии. Шан Ян стремился лишить их права передачи «наград», т. е. должностей и рангов знатности по наследству. Шан Ян в трактате неоднократно советует правителю отменить старую систему наследования административных должностей и рангов знатности и ввести новый принцип назначений за личные заслуги. — 216.

¹¹ *Шесть видов распущенности* — стремление беспечно жить на склоне лет, безумная трата зерна, пристрастие к красивой одежде и вкусной еде, стремление к роскоши, пренебрежение своими обязанностями, стяжательство. *Четыре трудности* — суровые наказания, жестокие законы, усердие в земледелии, активное участие в войне. — 217.

¹² Шан Ян связывал усиление государства с умением правителя сосредоточить усилия народа на земледелии и войне, называя это *единым*. — 217.

¹³ Имеется в виду занятие земледелием и войной. — 217.

¹⁴ По мнению Шан Яна, недостаточно накопить силы, сделать людей сильными и богатыми, необходимо уметь «использовать их», т. е. направить усилия людей на обработку земли и участие в войне, дабы таким путем они могли осуществить свои желания: получить ранги знатности и должности. В противном случае люди вновь начнут изыскивать обходные пути для осуществления своих жела-

* Примечания составлены Л. С. Переломовым.

ний — вернуться к торговле, ремеслу, ораторскому искусству, и тогда вновь наступит *слабость*. — 217.

¹⁵ Юй — см. т. 1, стр. 316, прим. 63; стр. 327, прим. 18, прим. 9 к «Мо-цзы». — 221.

«ХАНЬ ФЭЙ-ЦЗЫ» *

¹ Ли у Хань Фэя означает частные законы, присущие конкретным вещам. — 226.

² Возможный вариант: «[Если так поступать, то] в советах не будет ничего противоречивого, в речах не будет никакой скованности, и вы сможете до конца проявить ум и красноречие». — 235.

³ См. т. 1, стр. 126. — 235.

⁴ Согласно учению Лао-цзы, успех достигается путем «недеяния» (см. т. 1, стр. 348, прим. 128), путем следования «естественному пути» вещей (*дао*) без напряжения сил самого человека. — 335.

⁵ Смысл данной фразы состоит в том, что жизнь как форма бытия возникает из небытия (см. т. 1, стр. 127). — 235.

⁶ См. т. 1, стр. 126. — 235.

⁷ Неточное изложение Лао-цзы (см. т. 1, стр. 126). Смысл фразы в следующем: истинный мудрец своим недеянием предоставляет вещам возможность следовать собственным путем (*дао*). Таким образом, все совершается естественным путем. Поэтому в «Дао де цзин» говорится: «Нет ничего такого, что бы не делало недеяние». — 236.

⁸ Там же. — 236.

⁹ Там же. — 236.

¹⁰ Дословно: «рук и ног». — 237.

¹¹ См. т. 1, стр. 126. — 237.

¹² Согласно Ван Сянь-чжэню, иероглиф *дэ* следует заменить на *цзы* («накопление»). — 237.

¹³ См. т. 1, стр. 126. — 238.

¹⁴ Согласно преданию, Хэ Ши, уроженец царства Чу, однажды нашел в горах яшму и преподнес ее царю. При проверке мастером камень был признан простым — Хэ Ши подвергли тяжкому наказанию. Лишь в дальнейшем камень был признан драгоценным. *Жемчужина Суй-хоу* — легендарный правитель царства Су — Суй-хоу обладал сияющим жемчугом огромного размера. — 238.

¹⁵ Здесь *дэ* имеет конкретный морально-политический смысл и может быть интерпретировано следующим образом: отдать имущество и т. п. другим, значит для себя получить моральный авторитет — «[моральное] достижение [дэ]». Такое «достижение [дэ]» противоположно «авторитету [насилия]», которое заключается в отнятии у других имущества и т. п. Таким образом, «[моральное] достижение» и «авторитет [насилия]» различаются как разновидности определенных социально-этических норм. — 238.

¹⁶ В приведенном ниже примере Дань Хэ и его ученик высказывались о цвете коровы, не имея возможности видеть ее глазами. Это и имеется в виду в выражении «предположение, не имеющее оснований». — 239.

* Примечания составлены Е. П. Сняцким и В. С. Спириным соответственно переведенным ими главам.

¹⁷ См. т. 1, стр. 126. — 239.

¹⁸ Там же. — 239.

¹⁹ См. т. 1, стр. 132. — 240.

²⁰ *Чжухоу* — см. прим. 83 к «Ли цзи». — 240.

²¹ *И Дунь* — богач из царства Лу, занимался торговлей солью.

Тао Чжу (Фань Ли) — богач и влиятельный политический деятель из царства Юе. — 240.

²² См. т. 1, стр. 132. — 241.

²³ См. там же. — 241.

²⁴ См. там же. — 242.

²⁵ Дословно: «Означает не использование до предела... не истощение до конца...». — 243.

²⁶ У Лао-цзы речь идет не об экономии душевных сил, а о воздержании. См. т. 1, стр. 132. — 243.

²⁷ Т. е. абстрагируясь от конкретных явлений. — 243.

²⁸ Имеются в виду органы чувств. — 244.

²⁹ Дословно: «при движении вперед... и при отступлении...». — 244.

³⁰ Здесь предлагается перевод данного отрывка, отличный от того, который дан в первом томе наст. изд. (ср. т. 1, стр. 132). — 244.

³¹ Т. е. действует согласно некоей закономерности, стр. 132. — 345.

³² Здесь предлагается перевод данного отрывка, отличный от того, который дан в первом томе наст. изд. (ср. т. 1, стр. 132). — 345.

³³ Как и круговорот природы, течение жизни «мира» людей проходит согласно естественной закономерности, представленной *дао*. Отдавшись этому естественному течению, человек *вращается вместе с миром*. — 245.

³⁴ Ср. с Лао-цзы. См. т. 1, стр. 132. — 246.

³⁵ Сочетание *цзочже* интерпретируется в соответствии с замечанием Лян Ци-сюна. См. «Хань-цзы цян-цзе». Пекин, 1961, т. 1, стр. 152. — 246.

³⁶ *Минь* — народ, переводится в данном случае как *простолюдн*, поскольку из контекста ясно, что речь идет об изменении простолюднами места приложения их трудовых усилий в зависимости от выгодности (или невыгодности) работы в данном виде ремесла, в данной отрасли сельского хозяйства, в данном районе государства. — 246.

³⁷ См. т. 1, стр. 132 (§ 60) и стр. 312, прим. 10. — 246.

³⁸ Ср. с наст. изд., т. 1, стр. 132. — 247.

³⁹ *Высший* — правитель. — 247.

⁴⁰ Содержание положения Лао-цзы может быть интерпретировано следующим образом. Есть два отношения: люди — злые духи и люди — высший правитель. В обоих отношениях элементы «не вредят друг другу». Таким образом, это отношения типа прямо пропорциональной зависимости. См. т. 1, стр. 132. — 247.

⁴¹ Светлая душа, темная душа, тончайшая душа. — 247.

⁴² См. прим. 40. — 248.

⁴³ «Злые духи» — это «низшее» по отношению к «народу». «Народ» — это «низшее» по отношению к «высшему». Поэтому указанные выше два отношения — это отношения «высших и низших». — 248.

⁴⁴ *Основное* — это сельское хозяйство. — 248.

⁴⁵ На севере реки Янцзы во времена Хань Фэй-цзы находились поселения неких тайских племен. — 248.

⁴⁶ См. т. 1, стр. 128. — 248.

⁴⁷ Иероглиф *цзын* («полководец», «генерал»), согласно Ку Гуан-ци, следует читать *цзы* («кобыла»). — 249.

⁴⁸ См. т. 1, стр. 128. — 249.

⁴⁹ См. там же. — 249.

⁵⁰ Другой вариант перевода: «вверху он не управляет небом, внизу он не управляет землей». — 250.

⁵¹ Ср. т. 1, стр. 128. — 250.

⁵² Этих слов в дошедших до нас списках «Дао дэ цзин» нет. Вероятно, автор пояснений имел перед собой какой-то ныне не существующий вариант текста § 46. Все дальнейшие толкования до конца абзаца также, вероятно, относятся к утерянному варианту. — 251.

⁵³ Основные качества неба и земли являются следствием действия универсального закона — *дао*. Таким же образом объясняются качества других явлений, рассматриваемые в последующем тексте. — 251.

⁵⁴ *Связующий ковш* — созвездие Большой Медведицы. — 251.

⁵⁵ Вероятно, имеются в виду вода, огонь, металл, дерево, земля. Процессы, происходящие на земле, характеризуются определенными функциональными отношениями между этими началами. — 251.

⁵⁶ *Сюань-юань* — другое имя мифического правителя Хуан-ди. Это имя дали ему оттого, что он якобы родился на холме Сюань-юань (см. т. 1, стр. 323, прим. 29). *Чи-сун* — мифический отшельник и долгожитель. — 251.

⁵⁷ Имеется в виду легендарный правитель Фу-си. — 251.

⁵⁸ *Яо* и *Шунь* — см. т. 1, стр. 316, прим. 63. — 251.

⁵⁹ *Цзэ-юй* — уроженец царства Чу, отшельник, современник Конфуция. — 251.

⁶⁰ *Цзе* и *Чжоу* — см. т. 1, стр. 322, прим. 25. *Тан* (*Чэн Тан*) — см. т. 1, стр. 308, прим. 7. *У* (*У-ван*) — см. т. 1, стр. 306, прим. 27. — 251.

⁶¹ Здесь используется игра слов. По-китайски слон и образ обозначаются одним иероглифом и звучат одинаково. — 252.

⁶² См. т. 1, стр. 118. — 252.

⁶³ *Ли* в данном случае предусматривает прежде всего некоторое бинарное отношение, например отношение элементов, входящих в множества: «круглое» и «квадратное», «короткое» и «длинное» и т. п. Элементов этих множеств и их пар может быть бесконечно много. Часть же таких пар, представляющих некоторое определенное бинарное отношение, представляет и *ли*. — 252.

⁶⁴ Т. е. никогда не меняющийся. — 252.

⁶⁵ См. т. 1, стр. 115. — 253.

⁶⁶ Ср. т. 1, стр. 135. — 253.

⁶⁷ *Чжоу-гун* — см. т. 1, стр. 311, прим. 44. — 253.

⁶⁸ Ср. т. 1, стр. 135. — 254.

⁶⁹ Выражения: «короткое — длинное», «белое — черное» можно читать «короткое удлиняется», «белое чернеет». Короткое превращается в длинное, малое — в большое, квадратное — в круглое и т. п. — 254.

⁷⁰ *Большой двор* — двор правителя. — 254.

⁷¹ В апартаментах правителя вырабатывается сам принцип, затем он формулируется в словах, после чего служилые могут применять его для оценки событий. — 254.

⁷² Ср. т. 1, стр. 135. — 254.

⁷³ У Лао-цзы — «умным вождем» (см. там же). — 254.

⁷⁴ Ср. т. 1, стр. 135. — 255.

⁷⁵ Буквально: «сердце». — 255.

⁷⁶ Дао представляет любую функцию, по которой одни явления «порождают», «дают жизнь» другим. — 255.

⁷⁷ См. т. 1, стр. 135. — 255.

⁷⁸ В «Дао дэ цзин». — 255.

⁷⁹ Ср. у Лао-цзы: «дворец роскошен» (см. т. 1, стр. 130). — 255.

⁸⁰ Там же. — 255.

⁸¹ Там же. — 255.

⁸² См. там же. — 256.

⁸³ Возможен и другой вариант перевода: «невежественный народ». — 256.

⁸⁴ Дословно: «разбойничья флейта». В Древнем Китае флейта была главным музыкальным инструментом. Она начинала и заканчивала музыкальные представления. — 256.

⁸⁵ Ср. т. 1, стр. 130. — 257.

⁸⁶ См. прим. 19 к «Люй-ши чунь цю». — 257.

⁸⁷ Ср. т. 1, стр. 131. — 257.

⁸⁸ Там же. — 257.

⁸⁹ Там же. — 257.

⁹⁰ См. т. 1, стр. 131. — 257.

⁹¹ *Шэнь Бу-хай* — один из теоретиков легистской доктрины. — 258.

⁹² *Гунсунь Ян* — он же Шан Ян (см. стр. 210 наст. тома). — 258.

⁹³ *Чжао-хоу* — правил в 358—333 гг. до н. э. — 258.

⁹⁴ *Хань* — царство на территории современной провинции Шаньси, образовалось после распада царства Цзинь в V в. до н. э. — 258.

⁹⁵ Циньский *Сяо-гун* правил в 361—338 гг. до н. э., его преемник *Хуэй-ван* — в 337—311 гг. до н. э. — 259.

⁹⁶ *Чжан И* — советник и дипломат, служил в государстве Цинь. За склонение царств Хань и Вэй к союзу с Цинь получил от циньского Хуэй-вана земельные пожалования и высокий чин. — 259.

⁹⁷ Циньский *У-ван* правил в 310—307 гг. до н. э. *Гань Му* — советник циньского У-вана. С помощью сложных дипломатических комбинаций добился разрешения для циньских войск пройти через территорию других государств и совершить поход на Чжоу. — 259.

⁹⁸ *Чжао-сян-ван* правил в 306—251 гг. до н. э. *Жан-хоу* (Вэй Жань) — полководец, служил у Чжао-сян-вана. Вел войну с царствами Хань, Вэй и Ци, в которой завоевал для себя владение Таон. — 259.

⁹⁹ *Ин-хоу* (Фань Цзюй) — циньский военачальник. — 259.

¹⁰⁰ *Гунь* и *Юй* — известные персонажи древних легенд, связанных с покорением потопа (см. т. 1, стр. 316, прим. 63). — 261.

¹⁰¹ *Цзе* и *Чжоу* — см. т. 1, стр. 306, прим. 30—32; стр. 321, прим. 6. *Тан* (Чэн Тан) и *У* (У-ван) — см. т. 1, стр. 308, прим. 7; стр. 306, прим. 27. — 261.

- ¹⁰² *Ся-хоу-ши* — род Ся, который в китайской традиции считался основателем династии Ся. — 261.
- ¹⁰³ *Инь и Чжоу* — см. т. 1, стр. 306, прим. 30; стр. 305, прим. 5. — 261.
- ¹⁰⁴ Сун находилось на территории современной провинции Шаньдун. — 261.
- ¹⁰⁵ Возможный вариант: «за простые чиновничьи посты». — 263.
- ¹⁰⁶ *Вэнь-ван* — см. т. 1, стр. 306, прим. 20. *Фэн и Хао* — местности в Западном Китае, коренном районе племени Чжоу. Позднее первые столицы царства Чжоу. — 263.
- ¹⁰⁷ *Жуны* — западные соседи чжоусцев. — 263.
- ¹⁰⁸ Здесь Хань Фэй-цзы допускает анахронизм. Суйский Янь-ван правил примерно в 1001—946 гг. до н. э., а цзиньский Вэнь-ван — в 689—671 гг. до н. э. Их разделяет без малого триста лет. — 263.
- ¹⁰⁹ *Юмяо* — племя в Древнем Китае, южный сосед чжоусцев. — 263.
- ¹¹⁰ *Гун-гун* — чиновник, служивший, по преданиям, у мифического императора Яо и поднявший против него мятеж. — 263.
- ¹¹¹ *Ци и Лу* — царства в Восточном Китае. *Цзы-гун* — ученик Конфуция, служил в Лу. — 264.
- ¹¹² *Сыкоу* — начальник судебного приказа в древности. — 264.
- ¹¹³ *Чжун-ни* — имя Конфуция. — 265.
- ¹¹⁴ *Ай-гун* — см. т. 1, стр. 314, прим. 28. — 265.
- ¹¹⁵ *Лоу-цзы* — младший брат вэйского правителя Вэнь-хоу (424—387 гг. до н. э.), известен как человек, обладавший большой физической силой. — 266.
- ¹¹⁶ Дословно: «легко может настичь даже хромой пастушок». — 266.
- ¹¹⁷ Разбойник *Чжи* — см. т. 1, стр. 344, прим. 79. — 266.
- ¹¹⁸ Т. е. люди поступают соответственно морали родового общества, что в обыденном созвании считалось честным и достойным поведением. — 266.
- ¹¹⁹ *Хуан-ди* — см. т. 1, стр. 323, прим. 29. — 267.
- ¹²⁰ *Лининь* — название должности первого советника в царстве Чу. — 267.
- ¹²¹ *Цан Се* — легендарный изобретатель китайской письменности. — 268.
- ¹²² Т. е. людей, склонных восвать по мотивам родо-племенной вражды, кровной мести и т. п., но считающих позором служить в армии. — 268.
- ¹²³ *Тянь Чан* — сановник в царстве Ци, а *Цзы Хань* — в царстве Сун. Оба фактически захватили власть в своих царствах; Тянь Чан в 479 г. убил своего правителя, цинского Цзянь-гуна. — 269.
- ¹²⁴ *Шан* — Шан Ян; *Гуань* — Гуань Чжун (или Гуань-цзы). — 270.
- ¹²⁵ *Сунь* — Сунь-цзы, автор военного трактата «Сунь-цзы» (см. т. 1, стр. 201—211). *У* — У-цзы, или У Ци, — древнекитайский военный теоретик IV в. до н. э., автор другого трактата, «У-цзы». — 270.
- ¹²⁶ *Пять императоров* — пять мифических древних мудрых государей; у разных древних авторов даны различные перечни их имен. *Три правителя* — основатели династий Ся, Шан и Чжоу (Юй, Чэнтан и Вэнь-ван). — 271.

¹²⁷ Союз «Цзун», или «союз по вертикали», «союз север — юг», — коалиция шести государств (Янь, Хань, Вэй, Ци, Чу и Чжао) против Цинь; «Хэн», «союз восток — запад», — коалиция ряда государств во главе с Цинь. — 271.

¹²⁸ Янь — государство в Северном Китае, на территории современной провинции Хэбэй. — 273.

¹²⁹ Это два царства, их названия произносятся одинаково, но обозначаются различными иероглифами. — 273.

¹³⁰ Кун Цю — Конфуций. — 275.

¹³¹ Об этих направлениях в моизме ничего, кроме их названий, неизвестно. — 275.

¹³² Цидяо — ученик Конфуция из Лу. — 276.

¹³³ Сун Жун-цзы — последователь Мо Ди. — 276.

¹³⁴ Цидяо и Сун Жуна. — 277.

¹³⁵ Тяньтай Цзы-юй — ученик Конфуция. В «Исторических записках» Сыма Цяня его история изложена по-другому. Согласно Сыма Цяню, Тяньтай Цзы-юй был безобразен лицом, и Конфуций считал, что и способности его невелики. Но тот стал совершенствовать свое поведение, и Конфуций сказал: «Принимая человека по облику, я ошибся в Цзы-юе». — 279.

¹³⁶ Цзай Юй — ученик Конфуция (см. т. 1, стр. 315, прим. 43). — 279.

¹³⁷ Имеется в виду разгром циньцами вэйской армии в 273 г. до н. э. — 279.

¹³⁸ Имеется в виду победа циньцев над чжаоской армией в 260 г. Ма Фу — чжаоский сановник, легкомысленно хваставшийся своим знанием военного дела. — 279.

¹³⁹ Оу-е — знаменитый мастер-кузнец. — 279.

¹⁴⁰ Бо-Лэ — прославленный знаток лошадей. — 279.

¹⁴¹ Мао Цзян — см. т. 1, стр. 341, прим. 47. Си Ши — см. т. 1, стр. 321, прим. 9. — 281.

¹⁴² И Инь — мудрый государственный деятель династии Шан. — 282.

¹⁴³ Цзы-чань — см. т. 1, стр. 316, прим. 53. — 283.

«ЛЮЙ-ШИ ЧУНЬ ЦЮ» *

¹ Двенадцать описаний разбиты на 4 группы по сезонам года. Данная глава входит в первое описание «Начало весны». — 285.

² Небо означает здесь природу. — 285.

³ Иероглиф *дао* имеет самые различные значения: «путь», «учение», «правило», «способ» и т. д., в зависимости от контекста. В древнекитайском даосизме *дао* является центральной идеей и означает «естественный путь вещей». — 287.

⁴ Песни царств Чжэн и Вэй считались вульгарными. — 287.

⁵ Шуй — легендарный умелец; согласно преданию, жил во второй половине третьего тысячелетия до н. э. — 287.

⁶ Куньшань — гора на территории современной провинции Цзянсу. — 287.

---

* Примечания составлены Р. В. Вяткиным и Ян Хин-шуном соответственно переведенным ими главам.

⁷ У Хо — знаменитый воин и силач в царстве Цинь. — 288.

⁸ Согласно философскому учению даосизма, человек, как и все вещи, должен следовать своему «естественному пути», т. е. он должен иметь возможность удовлетворять все свои жизненные потребности и жить без какого бы то ни было социального угнетения. — 289.

⁹ *Инь* и *ян* — см. т. 1, стр. 342, прим. 66; стр. 343, прим. 70. — 289.

¹⁰ Ван — здесь человеколюбивый правитель. — 290.

¹¹ Цитата из «Шан шу» (или «Шу цзин»). — В кн.: «Шисань цзин чжу-шу», т. 1. Шанхай, 1935, стр. 78. — 290.

¹² *Шунь* — см. т. 1, стр. 316, прим. 63; стр. 322, прим. 25. — 290.

¹³ *Яо* — см. т. 1, стр. 316, прим. 63; стр. 322, прим. 25. — 290.

¹⁴ *Цзычжоу Чжи-фу* — древний мудрец, современник легендарного Яо. — 291.

¹⁵ *Янь Хэ* — мудрец даоского направления (IV—III вв. до н. э.). — 291.

¹⁶ *Дао* здесь означает учение о «пути вещей». — 292.

¹⁷ *Суй-хоу* — см. прим. 14 к «Хань Фэй-цзы». *Жэнь* — см. т. 1, стр. 337, прим. 13. — 292.

¹⁸ *Шесть желаний* обозначают «желания» нашего слуха, зрения, обоняния, осязания и духовные потребности человека. — 292.

¹⁹ Согласно философскому учению древнекитайского даосизма, *ци*, как материальная субстанция вещей, делится на две части — на «тончайшие» (*цзин*) и «грубые» (*цзю*). Первые образуют у человека духовное начало, а последние — физическое тело. Как умственная способность, так и физическое состояние человека зависят главным образом от достаточного количества в нем тончайших *ци* и нормальных условий для их функционирования в организме. Тончайшие *ци*, циркулируя в кровеносных сосудах, образуют жизненную энергию человека. См. также т. 1, стр. 312, прим. 8. — 294.

²⁰ *Чжун* — буквально «опухоль»; *цзюй* обозначает «повреждение [ушей]»; *ме* — «затемнение»; *цзю* — «закупорка в носу»; *чжан* — буквально «раздувание»; *вэй* — «онемение». — 294.

²¹ В оригинале говорится, что ван съедал «тысячи ножек», но это, вероятно, описка. В трактате «Хуайнань-цзы» вместо знака «тысяча» стоит «десять», поэтому в перевод внесена поправка. — 295.

²² *Цзе* и *Чжоу* — см. т. 1, стр. 321, прим. 6. — 295.

²³ *Три владыки (сань-гуан)* — это легендарные первожителитбоги. Обычно к ним относят Фу-си, Шэнь-нуна и Нюй-гуа. *Пять императоров (у-ди)*: Хуан-ди, Ку, Чжуань-сюй, Яо и Шунь. — 296.

²⁴ *Мэн Бэнь* (или Мэн Юэ) — храбрец периода Чжаньго. *Ли Лоу* (или Ли Чжоу) — человек, обладавший, как говорят сказания, исключительной зоркостью, позволявшей ему видеть игольное ушко за сотню шагов. — 296.

²⁵ *Тай и* — *Великое начало*, или *изначальное единство*, — синоним *дао* как всеобщего закона вещей. — 297.

²⁶ *Соответствие середине* в древнекитайской философии означает соблюдение меры во всем, стремление найти равновесие во взаимодействии сил *инь* и *ян*, а в музыке — гармоническое сочетание различных звуков. — 297.

²⁷ *Великому началу* противопоставит весь мир конкретных вещей. — 298.

²⁸ Нумерация глав силовная. — 299.

²⁹ В эпоху Чжоу уже сложились определенные представления о борьбе различных сил в природе, которые частично нашли свое выражение в теории о пяти первоэлементах, или стихиях, у син: земле, дереве, металле, огне и воде. Впервые об этих стихиях как начале всех явлений говорилось в книге «Шан шу» (в главе «Хун фань»). Затем философ Цзоу Янь (336—280 гг. до н.э.) распространил действие пяти стихий на жизнь общества и управление страной. Авторы «Люй-ши чунь цю» заимствовали примеры о смене стихий в связи с древними правителями из доханьской литературы. — 300.

³⁰ В пятиступенном китайском ладе тон *гун* занимает первое место и соответствует числу 81 (трубка *люй* имеет 9 вершков длины и 9 линий в сечении. Девять на девять дает 81). Тон *цзюэ* занимает пятое место и соответствует числу 64. Тон *гун* древние соотносили с понятием правителя, а тон *цзюэ* — с понятием народа (см. главу 24 «Исторических записок» Сыма Цяня). — 300.

³¹ *Феникс (фэнхуан)* — см. т. 1, стр. 317, прим. 76. *Цилинь* — другое из четырех фантастических животных. Рисовался с телом оленя, хвостом быка, чешуей рыбы, одним рогом. Символ добра и милосердия. Его появление знаменовало какое-то значительное событие. — 301.

³² *Пять легендарных императоров* — см. выше, прим. 23. *Три вана* — см. прим. 126 к «Хань Фэй-цзы». — 302.

³³ Чжаоский правитель Цзянь-цзы (правил в 518—458 гг. до н. э.) решил напасть на царство Вэй и послал своего сановника Ши Мо разузнать об обстановке в Вэй. Ши Мо вместо месяца пробыл там полгода и, вернувшись, сообщил, что у вэйского правителя много умных помощников. Тогда правитель Чжао отказался от нападения на Вэй. — 302.

³⁴ *Меч Мо-е* — см. т. 1, стр. 343, прим. 73. — 305.

³⁵ *Цзинь* (или *утоу, фуцзы*) — аконит (*Aconitum*), борец, многолетнее растение семейства лютиковых. Ядовито из-за содержания алкалоида аконита. — 306.

³⁶ По представлению древних, смерть человека — результат паралича обеих половин тела, отсюда механическое удвоение дозы должно было воскресить умерших. — 306.

³⁷ *Цзи, ао* и *луэр* — названия лошадей с различными качествами: чистокровных, быстрых, коровистых. — 307.

³⁸ *Основное* — это земледелие, *второстепенное* — это торговля и ремесла. — 308.

³⁹ *Хоу-цзи* — см. т. 1, стр. 307, прим. 38. — 308.

⁴⁰ В начале первого тысячелетия до нашей эры в Чжоу существовал обычай торжественного начала весенней пахоты, при этом сын неба (глава чжоуского дома) символически должен был проложить первую борозду на своем «государевом поле». Доходы с этого поля шли, видимо, в личное пользование вана. — 308.

⁴¹ Понятие «стать взрослым» в оригинале передано образно: «когда человек достигает роста более семи чин». — 310.

⁴² Предложение неясное. Ученый Юй Юэ считает, что если траур продолжить музыкой, то это будет настолько аморально, что на страну нападут окружающие народы и накажут ее. Нам представляется, что здесь описана конкретная ситуация, показывающая отношение соседей к человеку, нарушающему мораль общества. — 310.

¹ Об этих учителях Сыма Тяня известно немного. Тан Ду был астрологом ханьского двора, участвовал в составлении нового календаря *тай-чу* в конце II в. до н. э. Ян Хэ был знакомом «И цзин», воспринявшим эти знания от конфуцианцев из княжества Лу. В 132 г. до н. э. стал сановником Хань в чине *да чжун дафу*. О Хуан-цзы (Хуан-шэне) имеется лишь упоминание, называющее его знакомом даосского учения Хуан-ди и Лао-цзы. — 312.

² Девизы или эры годов правления китайских императоров были впервые введены при ханьском У-ди во II в. до н. э. и существовали до XX в. Девизы могли меняться в связи с какими-либо событиями на протяжении царствования одного правителя; так, у упоминавшегося У-ди было 11 эр правления. Период от годов *цзянь-юань* до начала годов *юань-фэн* охватывает по европейскому календарю 140—110 гг. до н. э., когда историком ханьского двора был отец историка Сыма Тяня. — 312.

³ *Школа темного и светлого начал*, или натурфилософов (*иньян*), представителей учения о взаимодействии двух противоположных сил мироздания: *ян* — светлого начала и *инь* — темного начала, борьбой которых объясняется изменчивость природы и все многообразие мира. Натурфилософы были тесно связаны с оккультными искусствами. — 312.

⁴ Конфуцианство (*жусюэ*) — этико-политическое учение древности, основателем которого считается Конфуций (551—479 гг. до н. э.). Подробнее см. т. 1., вступительная статья и переводы из «Лунь Юй». — 312.

⁵ Моизм — философско-политическое учение Древнего Китая, основателем которого называют Мо Ди (V—IV вв. до н. э.). См. т. 1, вступительная статья и переводы из «Мо-цзы», стр. 175—200. — 313.

⁶ Учение *законников*, или легистов (*фацзя*), придавало решающее значение закону, наградам и наказаниям в управлении государством. Оно формировалось постепенно и связано с именами Гуань-цзы, Шан Яна и других представителей этого течения. Подробнее см. т. 1, вступительная статья и переводы из «Гуань-цзы» и «Шан Яна». — 313.

⁷ *Школа названий*, или *номиналистов* (*минцзя*), главное внимание сосредоточила на проблеме соотношения «имен» (*мин*) и «действительности» (*ши*), т. е. на соотношении названий и сути явлений и вещей. В трактате «Чжуан-цзы» к этой школе отнесены философы Хуэй Ши, Гунсунь Луи, Хуань Туань, но их же именуют *бяньчжэ*, т. е. искусные в споре, диалектики. Вопрос о существовании самостоятельной школы такого названия остается открытым, так как интерес к «именам» и «суть» был характерен и для конфуцианцев и философов других направлений. — 313.

⁸ Даосизм — одно из ведущих учений в древнекитайской философской мысли. Подробнее см. т. 1, вступительная статья и переводы из «Дао дэ цзина», «Чжуан-цзы». — 313.

⁹ *Шесть канонов*, названные в тексте *лю и*, в то время включали: «Книгу перемен» («И цзин»), «Книгу обрядов» («Ли цзи»), «Канон о музыке» («Юэ цзин»), «Книгу песен» («Ши цзин»), «Книгу истории» («Шу цзин»), «Весны и осени» («Чунь-цю»). — 314.

* Примечания составлены Р. В. Вяткиным.

¹⁰ *Яо и Шунь* — см. т. 1, стр. 316, прим. 63. — 314.

¹¹ Один *чи* в конце эпохи Чжоу составлял около 28 см. Таким образом, хижины древних вождей, согласно преданиям, ничем не выделялись среди жилищ их сородичей. Они выступали над землей всего на метр, большей своей частью помещаясь в выкопанных в земле ямах. — 314.

¹² Традиционно считалось (вплоть до XX в.), что, чем знатнее и богаче человек, тем массивнее должен быть гроб. Захоронения минских императоров, вскрытые после 1949 г., подтвердили это положение. У знати толщина досок гроба составляла 6—8 и более *цуней*. Цифрой 3 *цуня* (около 8 см) подчеркнута неприязнительность этих легендарных правителей. — 315.

¹³ Под *основным занятием* в конце эпохи Чжоу уже считалось земледелие, получившее значительное развитие, особенно после распространения железных орудий труда. — 315.

¹⁴ Здесь излагаются мысли, содержащиеся в § 37 «Дао дэ цзин». — 315.

¹⁵ Этот абзац со слов «учение мудрецов...» до слов «путеводная нить для правителя» считается, по мнению танского Чжан Шоу-цзе, заимствованным из древнего трактата «Гуй гу цзы», приписываемого даоскому мудрецу Вану, жившему на горе Гуйгушань, откуда и название сочинения. Трактат не сохранился. — 316.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН *

Ай-гун 125, 136, 140, 265 Бо Лэ 279 Бу Чжу 240 Ван-цзэп 124 Ван-цзы Соу 291 Вэй Моу 147 Вэй Чжан 5 Вэнь-ван (цзипьский) 263 Вэнь-ван (чжоуский) 101, 124, 125, 131, 133, 170, 263, 300 Ган Лун 211, 212 Гань Му 259 Гао Ян-ин 307 Го Янь 212 Гуань Чжун (Гуань-цзы) 42, 153, 270, 282 Гун-гун (миф.) 261 Гунсунь Чо 306 Гунсунь Ян — см. Шан Ян Гунь (миф.) 261 Дань Хэ 239 Доу Бо-би 6 Ду Чжи 211, 213 Дэн Си 148 Девлин-ши 275 Жан-хоу 259 И Дувь 240 И Инь 282 Ин-хоу 259	Кун-цзы (Кун Цю, Чжун-ин) 100, 101, 103, 119, 133, 136, 140, 149, 153, 183, 265, 267, 275, 276, 279 Лао-цзы 84, 174, 243, 245 Ли Лоу 296 Ли-ван 103 Лиу-цзэп 266 Ма Фу 279 Мао Цзян 281 Минь Цзы-цзянь 207 Мо-цзы (Мо Ди) 91, 148, 174, 176, 182, 275, 276, 314 Мэн Бэнь 296 Мэн Кэ — см. Мэн-цзы Мэн Мао 279 Мэн-цзы (Мэн Кэ) 149, 201, 202, 204, 206 Мэн-ши 275 Оу-е 279 Пань Дан 8 Пи Цзяо 12 Си Ши 281 Су 7, 8 Сун Жун-цзы 276, 277 Сун-цзы 174, 182 Сун Цзянь 148 — см. также Сун-цзы Сунь-[цзы] 270 Сунь-ши 275 Сы-гун 153

---

* Указатель имен и предметный указатель к обоим томам составлены Е. П. Спичицыным.

- Сюнлюй Це-би 6
 Сюнь Линь-фу 8
 Сян-ли-ши 275
 Сян-фу-ши 275
 Сянь-гун 7
 Сяо И 207
 Сяо-гун 211, 212, 259
- Тай-ван 124, 170
 Тан (миф.) 101, 209, 213, 220,
 221, 251, 261, 300
 Тан Ду 312
 Таньтай (Юй-цзы) 279
 Тао Чжу 240
 То Сао 147
 Тянь Пянь 148
 Тянь Чан 269
- У-ван (цинский) 259
 У-ван (чжоуский) 8, 39, 101,
 124, 125, 133, 213, 220,
 221, 251, 261, 266
 У-ван (чуский) 5
 У Хо 288
 У-[цзы] 270
- Фу-си (миф.) 213
- Хань Цзянь 8
 Хуа-цзы 292
 Хуан-ди (миф.) 213, 267, 300,
 301
 Хуан-цзы 312
 Хуэй — см. Янь Юань
 Хуэй-ван 259
 Хуэй-гун 7
 Хуэй-цзы (Хуэй Ши) 148, 183
 Хэ 10
- Цан Се (миф.) 268
 Цай Юй 279
 Цзе 103, 167, 169, 170, 207, 251,
 261, 295, 302
 Цзи Лян 6
 Цзы Тай-шу 12
 Цзы Хань 269
 Цзы Шэнь 11
 Цзы Ю 149
 Цзы-гун 149, 264
 Цзы-лу 120
 Цзы-сы 149, 275
 Цзы-чань 12, 153, 283
 Цзы-чжап 275
 Цзычжоу Чжифу 291
- Цзэн Цан 207
 Цзянь-цзы 13, 302
 Цидяо-[ши] 275—277
 Цю — см. Кун-цзы
- Чжан И 259
 Чжао 12
 Чжао Мэн 11
 Чжао-сян-ван 259
 Чжао-хоу 258, 259
 Чжи 207, 266
 Чжи-гун 267
 Чжоу 251, 261, 295
 Чжоу-гун 101, 103, 124, 125,
 183, 253
 Чжуан-ван 8
 Чжуан-цзы 84, 183
 Чжунлян-ши 275
 Чжун-ни — см. Кун-цзы
 Чи-сун (миф.) 251
 Чэн-ван 101
 Чэн-хоу 153
 Чэнь Чжун 147
- Шан Ян (Гунсунь Ян) 211—
 213, 258—260, 270
 Ши Мо 302
 Ши Цю 147
 Шуй 287
 Шунь (миф.) 120, 123, 133, 149,
 207, 209, 213, 221, 251,
 261, 263, 275, 276, 290,
 296, 314
 Шэнь Бу-хай (Шэнь-цзы) 174,
 182, 258—260
 Шэнь Дао 148, 182
 Шэнь-нун (миф.) 213, 220
 Шэнь-цзы — см. Шэнь Бу-хай
- Ю-ван 103
 Юй (миф.) 87, 101, 103, 149,
 169, 170, 187, 208, 209,
 221, 261—263, 283, 300
 Юй-цзы — см. Таньтай
 Юэ-чжэн-ши 275
- Ян Хэ 312
 Янь Хэ 291, 292
 Янь Ши 275
 Янь Юань (Хуэй) 120
 Янь Янь 100, 101
 Янь-ван 263, 264
 Яо (миф.) 76, 80, 133, 167, 207,
 209, 213, 251, 261, 262, 275,
 276, 291, 296, 302, 314

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Авторитет 23, 155, 240, 266
 Армия (войско) 214, 215, 217, 259, 267, 272, 302
 Беда (бедствие) 106, 161, 301, 302
 Бедность 106, 140, 162, 209, 241, 262
 Безмолвие 26
 Безнравственность 20, 23
 Бесконечное
 — и конечное 83
 Беспорядок 24, 163, 179, 205, 214—216, 264, 270, 304
 Беспредельное
 — и предельное 83
 Беспредельность 179
 Благоденствие 110
 — великое 109
 Богатство 105, 137, 176, 179, 209, 240, 241, 257, 262, 280, 287, 292
 — страны (государства) 161, 162
 Боги (божества) 23, 103, 104, 107, 108, 165, 295
 Болезнь 98, 191, 247, 304
 — и смерть 72
 Большое (великое)
 — и малое (маленькое) 57, 174, 177
 Бытие
 — и небытие 73, 79
 Великодушие 164, 181
 Верность 108—110
 — определение 69
 — великая 115
 Вероятность
 — как метод рассуждения 94
 Верхн (вышние, вышестоящие)
 6, 19, 140, 161, 162
 — и низы (нижние, нижестоящие) 7, 12, 13, 15, 16, 18, 22, 25, 27, 68, 102, 117, 171, 178, 225, 227, 267, 268, 313
 Вещь (вещи) 25, 28, 32, 33, 37, 70, 73, 81, 107, 124, 129, 130, 133, 144, 158, 160, 165, 168, 169, 173, 178, 182, 185, 188, 192—194, 196, 198—200, 217, 237, 244, 257, 285, 286, 297, 299, 306, 316
 — определение 71
 — естественность 30, 31, 37
 — закономерность 189
 — облик 8
 — природа 41, 316
 — причины 30, 35
 — сумма существующих 75
 — сущность 76, 77, 238
 — внешние 237, 257
 — посторонние 55
 — и название 75, 83
 — и формы 26, 30, 92, 299 (см. также *дао, дэ*)
 Видимое 135
 — и невидимое 75
 Вкус (вкусовые ощущения) 286
 — пять видов 10, 41
 Внешнее 83
 — определение 235
 — и внутреннее 16, 241
 Вода
 — определение 40—42
 Вождение 105, 106
 (см. также чувства)
 Возможное
 — и невозможное 81
 Возможность
 — и невозможность 84, 208

— и способность 208
 Война 259, 301, 308, 310
 — несправедливая 35
 Воинственность 9
 Воспитание 200, 204
 — определение 119, 129
 — народа 308
 Вред 240, 264
 — определение 69
 — и польза 94
 Время 34, 70, 81, 105
 — определение 79
 — Великое 115
 (см. закон)
 Выбор 85, 86
 Вывод 95, 96
 Выгода 26, 39, 88, 176, 183,
 199, 213, 268, 303
 — большая 85
 — наибольшая 86
 — общественная 272
 — частная 272
 — государя 231
 — и долг 272
 Гадание 55, 172
 Гармония 22, 40, 106, 138, 192,
 227, 244
 — определение 47, 119
 — путь 56
 — *инь* и *ян* 137, 168, 169
 — неба и земли 299
 — с [собственной] природой
 289
 (см. также музыка)
 Гегемон 173, 213, 259
 Гнев 34, 56, 57, 116, 119, 290,
 293
 Государство 23, 42, 48—50,
 103, 104, 111, 119, 125,
 150—154, 213—217, 219,
 222, 253—256, 260, 264,
 268—272, 275, 281, 288,
 308, 310
 — определение 20
 — принципы управления 127
 — погибшее 128, 296
 — расстроенное 274
 — и народ 18, 161
 (см. богатство, порядок,
 спокойствие, управле-
 ние)
 Гуманность 140
 (см. ритуал)

Дао 6, 17, 18, 25, 27, 31, 33,
 36, 38—41, 54, 55, 57,
 183—187, 198, 201, 237,
 238, 241—250, 252, 263,
 265, 288, 292, 315
 — определение 17, 26, 52, 253
 — как источник власти 29
 — основа 26
 — свойство 316
 — великое 26, 255, 313
 — естественное 37, 167, 174
 — земное 26, 29
 — ложное 255
 — небесное 26, 28, 29, 39
 — постоянное 173
 — правителя 19, 48
 — и *дэ* 28, 52
 — и *ли* 251
 — и формы 28, 52, 226, 298
 (см. небо, недеяние, пу-
 стога, ритуал, спокой-
 ствие)
 Движение 242, 302
 (см. небо, покой)
 Действие (действия) 30, 31,
 241, 250
 — определение 242
 — сознательное 72
 (см. мысль, ритуал)
 Действительность 68, 71, 76
 — и понятия 79
 (см. имя)
 Дело (деяние, дела) 38, 54, 86,
 153, 223, 227, 235
 Деятельность 190
 — практическая 200, 203—207
 — человеческая 190
 (см. небо, сердце)
 Добродетель (добродетель-
 ность) 19, 22, 35, 39, 51,
 53, 117, 127, 135, 136, 145,
 147, 156, 161, 162, 164—
 166, 170, 176, 180, 200,
 202—206, 217, 223
 — определение 191
 — великая 115, 124, 134
 — внутренняя 31
 — высшая 212
 — ложная 30
 — маленькая 134
 — небесная 150
 — совершенная 132
 Доброе 38, 302
 Доброта 214

- Доверие 69, 127, 238
Доказательства
— выбор 95
Долг (чувство долга) 18, 29, 86, 101, 104, 109, 110, 175, 176, 180, 201—209, 264, 281
— определение 26, 28, 126
— выполнение 39
— великий 150
— высший 88
— человеческий 105
— и ритуал 106—109, 157—159, 238
(см. выгода, человек)
Древность 11, 156, 163, 223, 268, 290
— и современность 198, 303
Дух 25, 53, 65, 168, 301
— определение 28, 316
— народа 246, 307
Духи 6, 7, 32, 35, 55, 101, 104, 107, 108, 123, 211, 245
— определение 28, 316
— высшие 102
— злые 10, 246—248
Душа (души) 130, 239, 243, 257, 286, 293
— светлая и темная 247, 248
— тончайшая 247, 248
— умерших 101—103, 105—109
— и тело 40, 235
Дэ 51, 244, 247, 248, 287
— определение 26, 28, 235, 237, 245, 257
— высшее 235, 236
— и ли 226, 244
— и ци 257
(см. дао, ведеяние, тело)
Единичное
— и множественное 157
Единое 159, 217, 225
— великое 108
Желания 56, 73, 118, 145, 160, 173—175, 183, 184, 197, 198, 217, 235, 249, 250, 298, 313
— низменные 234
— ничемные 256
— наживы 200
— и чувства 197, 199
(см. народ)
Жертвы (жертвоприношения) 12, 98, 103, 111, 112, 117, 125, 135, 176, 177, 257, 295
Жестокость 20, 47, 151, 310
Жизнь 13, 39, 40, 53, 56, 57, 157, 158, 176, 245, 246, 287, 293, 306, 309, 316
— начало 285
— образ 315
— и смерть 73
(см. закон, разум)
Заблуждение 76, 181, 183, 184, 241
— определение 182
— причины 97
— великое 89, 173
Закон (законы, законодательство) 15, 19, 20, 23, 29, 50, 151, 161, 162, 183, 200, 201, 203, 267, 268, 271, 273, 281, 304, 308
— определение 212
— древние (старые) 303, 305
— единый 270
— естественный 152
— несправедливые 155
— жизни 288
— использования земли 309
— небесного пути 314
— и время 303
(см. народ, небо, постоянство, правитель, справедливость)
Законченное 70
Звук (звуки) 37, 54, 106, 117, 155, 286
(см. также музыка)
Земледелие 307, 308
Земля 24, 37, 52, 53, 56, 131, 169, 170, 307
— определение 40, 179
— начало 299
(см. закон, изменение, небо, путь)
Зло 88, 156
— наименьшее 85, 86
Знание (знания) 28, 34, 38, 42, 56, 68, 76, 79, 90, 126, 130, 242
— определение 191
— всестороннее 79, 82
— непосредственное 73, 82

— опережающее 239
— разумное 72, 83
— народа 283
— и познание 65
— и чувства 74, 79
Знатность 241, 274, 287, 292

Извращение 83
Изменение (изменения) 70
— определение 72, 194
— неба и земли 134, 171
Изменяющееся
— и неизменяющееся 61
Имя (имена) 38, 54, 75, 83, 93, 190, 226, 313
— взаимосвязь 94
— исправление 82, 191
— единичное 193
— общее 71, 192, 193
— прекрасное 194
— различительное 193
— реальное 194
— родовое 71, 81
— сложное 193
— частное 71
— и действительность 26, 30, 32, 69, 89, 94
— и сущность 63
(см. слово)

Интерес (интересы) 90, 160
Инь (темное начало) 45—47, 171, 226, 238, 289, 293, 297, 299
— определение 27, 43
— и *ян* 27, 137, 169, 290, 298, 304

Искренность 126, 127, 129, 181, 200, 209
— определение 128
— наибольшая 130
— наивысшая 130
— совершенная 134
Истина (истинное) 31, 74, 95, 111, 114, 288
— большая 307
— великая 115
— и ложь 83, 85, 94
— и неистина 86
(см. спор)

Конец 70
Конфуцианцы 267, 282, 312, 313
(см. учение)

Корысть (корыстолюбие) 32
Красноречие 214
Критерий 73
Культура 268, 270
Культурность 202, 204, 206, 207

Ли 239, 240, 242, 243, 245, 246, 253, 255
— определение 250, 252, 254
(см. *дао*, *дэ*)

Любовь 13, 87, 118, 127, 219, 237, 290, 315
— всеобщая 83, 90, 91, 97, 264, 268
— индивидуальная 91
— личная 91
— родительская 108, 264, 265
— к людям 68, 88, 97, 236
— к правителю 48
— к родителям 69, 85, 91, 105
(см. совершенномудрый)

Люди 30, 32, 34, 37, 38, 94, 105, 110, 111, 120, 125, 129, 136, 158, 160, 162, 163, 167, 183, 184, 187, 197, 201, 204, 214—217, 222, 237, 238, 240—245, 250, 261, 295, 303
— безрассудные 189
— благородные 109, 299
— большие 85, 91, 101
— добродетельные 86
— добрые 249
— достойные 132
— древние 80, 146, 221, 287
— жестокие и распущенные 179
— заблуждающиеся 285
— крупные 234
— культурные 267
— ленивые и неспособные 150, 209
— маленькие 85, 91
— мелкие 234
— мудрые 47, 150, 153, 159, 307
— низкие 109
— взаимные 232
— ничтожные 152, 170, 207
— простые 164, 165, 309
— средние 150
— талантливые 173, 209
(см. любовь, путь; также

- народ, совершенномудрый, человек)
- Мера 73
- Метод
- определение 71
  - тождественный 74 (см. рассуждение)
- Милосердие 13, 105
- Мир 115, 118, 160, 245, 314, 316
- Мнение
- предубежденное 97
- Многое
- и малое 73
- Молсты
- учение 313
  - принципы 315
- Мораль 238
- принципы 16
- Мудрецы (мудрые) 19, 20, 89, 120, 156, 161, 214, 220, 267, 278, 283, 292, 295, 305, 316
- определение 269
  - и глухие 213 (см. почтение, правитель, путь, учитель, человек)
- Мудрость 17, 25, 28, 29, 88, 132, 145, 186, 209, 245
- великая 169
  - высшая 167
- Музыка 12, 34, 56, 85, 103, 109, 116, 118, 119, 132, 162, 175, 214, 289
- определение 115, 139
  - основание 297
  - великая 298
  - непристойная 10
  - древних правителей 10
  - и ритуал 117
- Мысль (мысли) 28, 42, 55, 187, 188, 190, 192, 196, 235, 236, 240
- и действие 57, 239
  - и слова 34, 54
- Мышление 53, 181, 182, 187
- Наблюдение 83
- Награда 33, 50, 55, 88, 135, 150, 215, 217, 218, 231, 253, 258
- и наказание 222, 223, 259, 262, 266, 273, 281
- Название 83, 315
- общее 71
  - вещи 75, 92
- Наименование
- [должности] 225—228
- Наказание 9, 13, 19, 23, 33, 43, 47, 48, 50, 55, 104, 116, 119, 150, 156, 195, 205, 215—217, 221, 228, 247, 258, 263—267, 272, 282 (см. награда, преступление)
- Народ 12, 19, 24, 31, 33, 35, 36, 39, 41, 52, 104, 116, 134, 162, 163, 174, 191, 195, 212, 215, 223, 226, 247, 255, 257, 261, 264, 265, 270, 274, 315
- определение 6, 20
  - желания 212, 246
  - искусство управления 17
  - ум 252, 283
  - глухой 256
  - поработенный 289
  - простой 25, 105, 117, 166, 277, 278, 304, 308
  - и закон 215, 266
  - и правитель 16, 19, 49, 152, 153, 278, 296 (см. государство, дух, знание, воспитание)
- Начало (начала) 70
- великие человеческие 108
  - единое 32, 39, 40, 53, 298, 299
  - светлое и темное 106, 312
  - пять 79, 251
  - четыре 105
  - управления страной 21
  - и конец 157 (см. земля; также перво-причина, пустота, учение)
- Небо 10, 13, 15, 22, 52, 53, 85, 104, 106, 126, 147, 242, 243, 255, 298, 301, 302
- определение 179
  - движение 167
  - деятельность 166—168, 201
  - закон 226
  - закон великий 224, 225
  - закон естественный 169
  - сын 90, 132, 162, 262, 285, 288
  - и дао 47
  - и земля 32, 35, 51, 107, 133,

157, 165, 168, 176, 178, 219,
227, 241, 252, 297, 299
— и человек 56, 86, 119
(см. изменение, путь, чув-
ства)
Небытие 103
(см. бытие)
Недеяние 26, 35, 36, 236
— определение 28
— как сущность *дао* 227
— великого пути 315
— *дао* 30
— и *дэ* 235
Независть 13, 87, 88, 118, 123,
127, 154, 184, 248
Необходимость 70, 72
Несправедливость 88, 293
Несчастье 161, 167, 172, 192,
239, 249, 310
— великое 169
— и счастье 198, 240, 241, 253
Низы (нижние, нижестоящие)
17—19, 43, 139, 151, 161,
226
(см. верхи)
Номиналисты (школа назва-
ний) 315
— учение 313
Нравственное (нравственность)
19, 24, 47, 146, 200
(см. совершенномудрый)
Нравы 214
— исправление 111
— постоянные 15
Обдумывание 242
— правильное 80
Образ (образы) 192
— внешний 92
(см. предмет)
Обряды (см. ритуал)
Общее
— и особенность 94
Общественное
— и частное 268
Объект
— определение 28
Ограниченность 188
Однородные
— и противоположные 40
Осуждение 84
Отношения
— пять 7
Ошибка (ошибки) 29, 31, 32,

53, 78, 133, 143, 196, 206,
213, 232, 233, 235, 273, 304

Первопричина 107
Первоэлементы материальные
— пять видов 12
Перемещение
— в пространстве 76
Печаль 119, 293
Подданный (подданные) 50,
218, 228, 259, 267
— преданный 23
(см. правитель)
Подобное
— и различное 157
Подражание 94
(см. реальность)
Познание (познания) 79, 138
— способность к 191
Покой 185
— и движение 27
Политика 264
— высшая 273
— внутренняя 273
— мягкая 264
Полнота 39
— определение 70
Положение
— исходное 95, 96
Польза 88, 91, 287
— определение 69, 106
— высшая 90
(см. вред)
Понимание 42, 129
Понятие (понятия) 69, 95
— определение 82
(см. действительность)
Порок (пороки) 214, 217,
234
Порядок 29, 173, 176, 200,
216
— небесный 168
— в государстве 21, 121, 132,
151, 169, 184, 218, 223
— и смута 170
Послушание 158
Постоянное 252
(см. пустота)
Постоянство (постоянства) 101,
104, 109, 253
— три 15
— законов 104
Поступок (поступки)
— добродетельные 314

- и слова 122
- Почтение (почтительность, почитание) 56, 105, 134
- сыновняя 88, 108, 158, 181, 267, 276
- ученого 140
- к мудрым 126, 127, 219, 232
- Правила
  - поведения 117, 119, 238
- Правитель (правители, ван, государь) 27, 39, 43, 51, 104, 116, 143, 164, 171—173, 176, 209, 215, 218, 219, 225, 227, 229, 230, 232—235, 246, 248, 249, 254, 260, 268, 269, 271—273, 275, 277, 279, 286, 291, 301, 302
  - определение 70, 87, 163
  - законы 156
  - принципы 156
  - проступки 20
  - совершенство 189
  - деспот 33
  - добродетельный 165
  - древние (прежние) 13, 50, 102, 107, 110, 111, 258, 264, 265, 307
  - здравомыслящий 281, 282
  - мудрый 17—19, 23, 33, 118, 152, 154, 171, 195, 289, 296, 302, 305
  - новые 258
  - просвещенный 9, 35, 195, 226, 256, 266, 270, 271, 274, 276, 279—282
  - совершенномудрый 6, 17, 21, 47, 48, 109, 110, 149, 159, 166, 190, 195, 201, 205, 206, 289, 290, 297
  - умный 17, 22, 221, 228
  - Поднебесной 177
  - и подданные 12, 16, 19, 22, 26, 42, 63, 104, 105, 148, 157, 160, 166, 181, 236, 237, 298, 301, 312, 313 (см. выгода, любовь, музыка, народ, путь)
- Правление 151, 190, 283
  - идеал 228 (см. также управление)
- Превращение 70
- Предел 244
- Предки 176
- Предмет (предметы) 84, 85, 92, 118, 305
  - образы 34 (см. удвоение)
- Предположение 75, 94
- Преступление (преступления) 215, 216, 218, 267
  - великое 249
  - и наказание 222, 223 (см. чиновник)
- Принципы 106, 133, 188, 204, 205, 250
  - нравственные 126 (см. моисты, мораль, правитель)
- Природа 74, 121, 281
  - человека 119, 129, 200—206, 209, 286, 289, 299 (см. вещь)
- Причина 94
  - определение 67
  - большая 67
  - малая 67 (см. ритуал, суждение)
- Продолжительность 70
- Просвещение 111—113
- Пространство 70
  - определение 80 (см. перемещение)
- Проступки 21, 215, 216, 218, 222, 223 (см. правитель)
- Противоположности
  - абсолютные 73
- Прошлое
  - и настоящее 90
- Пустота 27, 31, 185, 235
  - определение 236
  - как начало всех вещей 30
  - *дао* 29
  - постоянного 253
  - сердца 28, 316
- Путь 122, 126, 127, 129, 134, 135
  - определение 130
  - великий 100, 315
  - естественный 160
  - неправильный 201, 205
  - правильный 119, 122, 183, 185, 195, 197, 200
  - совершенный 132
  - земли 42
  - людей 12, 159
  - мудрых 219

- неба (небесный) 12, 21, 42, 101, 108, 110, 128, 170, 226
- неба и земли 131
- правителей (вана) 155, 181, 212, 220, 280, 290
- правителей древних 278
- правителя просвещенного 269
(см. гармония, недеяние, середина, совершенномудрый, учение, человек)

- Радость 13, 52, 56, 57, 105, 119, 163, 293
- Разграничение 74
- Разделение 65
- Различие (различия) 81
  - и сходство 93
  - и тождество 73, 93
- Различное 72
(см. подобное)
- Размышление 34, 39, 56, 242
  - определение 68, 190
- Разум 56, 94, 132, 235, 236, 238, 307
  - определение 68
  - жизни 255
- Распространение 95
- Рассудительность 264
- Рассуждение
  - методы 95
(см. вероятность)
- Расширение 80
- Реальность
  - и подражание 73
- Результат 67
  - и намерение 88, 92
- Ритуал 12, 25, 34, 56, 101, 103—105, 110, 116, 152, 162, 171—174, 177, 204, 205, 209, 212—214, 239, 248
  - определение 13, 26, 28, 104, 179, 236—238
  - как проявление *дао* 28
  - действие 108
  - нормы 203
  - основы 176
  - причины появления 126, 175
  - [соблюдение] 180
  - и гуманность 139
(см. долг, музыка)
- Самообладание
  - внутреннее 53
- Самосовершенствование 126, 127
- Свет 10, 130, 147
- Светлое и темное (см. начала, первопричина, учение)
- Свойства
  - природные 190, 191
  - психические 190
(см. человек)
- Сердце 25, 32, 57, 73, 115—117, 146, 168, 184, 185, 187, 188, 192, 193, 198, 199, 202, 239, 241, 243
  - определение 186, 196
  - великие крайности 106
  - деятельность 27
  - «сердце» 34, 54
  - совершенное 33, 55
  - и ум 29
(см. пустота)
- Середина 151
  - путь 209
  - состояние 119
- Сила 126, 183, 265, 273
  - [физическая] 22
- Скорь 13, 105, 190, 192
- Слово (слова) 83, 95, 183, 241
  - определение 69
  - и имя 70
(см. мысль, поступок)
- Смерть 13, 105, 106, 180, 181, 288, 292, 293, 316
(см. болезнь, жизнь)
- Смута 31, 32, 152, 169, 173, 175, 215, 218, 238, 262, 279, 280, 283, 302
(см. порядок)
- Совершенномудрый 27, 30—32, 41, 42, 52, 86, 87, 88, 104, 105, 108, 109, 133, 145, 149, 168, 169, 181, 183, 187, 196, 201, 203, 207, 212, 219, 220, 225, 226, 228, 237, 242, 243, 246, 247, 249—254, 256, 261, 263, 265, 280, 283, 292—294, 298, 299
  - определение 54, 159, 180
  - как высшая мера нравственности 179
  - любовь 90
  - путь 131
  - ум 51
- Созерцание 242

- Сознание 53
 (см. тело)
- Сосредоточенность 184
 — определение 185
- Спокойствие 28, 33, 54, 56, 57, 191, 297, 298
 — как сущность *дао* 227
 — основа 176
 — внутреннее 53
 — в государстве 32, 172
 (см. справедливость)
- Спор 71
 — как доказательство истины 196
- Способность 68, 156, 190
 — определение 191
 — и неспособность 208
 (см. возможность, познание, ум)
- Справедливость 33, 53, 86, 88, 151, 222, 298, 307
 — определение 68
 — как закон 34
 — и спокойствие 290
- Сравнение 93, 94
 — неразумное 75
- Ссылка на мнение противника 94
- Становление
 — великое 111
 — малое 111
- Стихии
 — пять 106, 107
- Страдание 106
- Страсти 28, 57, 289
- Субъект
 — определение 28
- Судьба 97, 281, 301
 — определение 191
 — небесная 173
 — человека 172
- Суждение (суждения) 94, 95
 — определение 71
 — тождественные 77
 — и причина 89
- Сущность 62, 238
 (см. вещь, имя)
- Сходство 95
 — родовое 89, 94
 (см. различие)
- Счастье
 — определение 240
 — большое 36, 307
- малое (маленькое) 36, 307
 (см. несчастье)
- Талант 191
- Тело 22, 56, 73, 146, 186, 254, 294, 299, 313
 — определение 316
 — и *дэ* 235
 — и сознание 69
 (см. душа)
- Тождественное
 — и различное 94
- Тождество 70
 — родовое 72
 — собранного 72
 — целого 72
 (см. различие)
- Триединство 129
- Удвоение
 — сходного 78
 — предмета 78
- Ум 26, 242, 264
 — совершенство 28
 — способность 53
 (см. народ, сердце, совершенномудрый)
- Умонастроение
 — внутреннее 238, 239
- Управление 104, 116, 117, 119, 221, 225, 264, 305, 312
 — определение 72
 — хорошее 218, 219
 — государством (страной) 32, 48, 49, 150, 281, 292
 (см. народ, начало)
- Уступчивость 176, 221
- Утраты 106
- Учение 84, 142, 143, 145
 — рамки 189
 — великое 111—114
 — конфуцианское 314
 — о пути 316
 — о середине 120
 — светлого и темного начал 314
 (см. моисты, номиналисты)
- Ученый (ученые) 145, 267, 286, 303
 — внешний облик 138
 — независимость 138, 139
 — самовосстановление 136
 — самостоятельность 137

- высокоправственный 179
(см. почтение)
- Учитель 113, 271
- мудрый 209
- и ученик 111—114
- Фа* (законы) 26
- Факты 82
- Форма (формы) 35, 38, 92, 227,
254, 316
- постоянная 15
(см. *дао*)
- Хаос 20, 21, 53, 54, 174, 204,
242
- Цвет (цвета) 155
- пять 10, 106, 115, 147
- Целестремленность 185
- Целое 70
(см. тождество, часть)
- Ци* 32, 55—57, 102, 106, 157,
244, 289
- определение 31
- шесть состояний 10, 12
- тончайшие 51, 52, 54, 294
(см. *дэ*)
- Часть 73, 75, 76
- и целое 67
- Человек 15, 17, 52, 54, 57, 71,
92, 97, 98, 106, 118, 168,
174, 188, 202—204, 208,
212, 241, 249, 253, 256,
290, 295, 298, 302, 303, 316
- определение 106
- врожденные качества 160,
203, 206
- врожденные свойства 189,
196
- облик 31, 93
- путь 128, 180
- характер 86
- безнравственный 179, 180
- благородный (благородный
муж) 10, 23, 26, 27, 30—32,
90, 111—115, 119—123,
130, 132—136, 237, 238, 292
- великий 186
- добродетельный 235
- идеальный 26, 29
- мудрый 25, 187, 192, 197,
198
- низкий 119, 120, 123, 135
- ничтожный 146, 170, 171,
179, 201, 207, 208
- разумный 232
- совершенный (совершенный
муж) 68, 117, 142—149,
151, 157, 167, 170—172,
175, 180, 181, 187, 200,
201, 207, 208
- умный 120, 228, 269
- высшего долга 236, 237
(см. начало, небо, природа,
судьба; также долг, чув-
ства)
- Человеколюбие 109, 126, 134,
209, 214, 238, 264, 265,
267, 268, 281
- определение 68, 236, 237
- Чиповник (сановник) 11, 17,
23, 48—50, 112, 116, 127,
145, 218—220, 226, 271,
272, 280, 285, 286, 291,
305, 307, 308
- градация 24
- преступление 21
- коварный 231
- крупный 228, 229, 259
- узурпатор 229—232
- Чувства 55, 107, 116, 200, 264,
307
- определение 105, 190
- органы 53, 54, 74, 168,
188
- органы небесные 168, 192,
193
- естественные 202
- небесные 168, 169
- родственные 102
- пять 294
(см. желания, знание)
- Экономия 244, 313, 315
- определение 243
- Явление (явления) 54, 118, 305,
316
- постоянные 15
- Ян* (светлое начало) 10, 44,
171, 226, 238, 289, 297, 299
- определение 47
(см. *инь*)

СОДЕРЖАНИЕ

«ЦЗО ЧЖУАНЬ»	5
«ГУАНЬ-ЦЗЫ»	14
ГУНСУНЬ ЛУН	58
ПОЗДНИЕ МОИСТЫ	66
«ЛИ ЦЗИ»	99
СЮНЬ-ЦЗЫ	141
«ШАН ЦЗЮНЬ ШУ»	210
«ХАНЬ ФЭЙ-ЦЗЫ»	224
«ЛЮЙ-ШИ ЧУНЬ ЦЮ»	284
«ШИ ЦЗИ»	311

ДРЕВНЕКИТАЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

СОБРАНИЕ ТЕКСТОВ

в двух томах

Том 2

Редактор *Л. В. Литвинова*

Младший редактор *Е. К. Тюленева*

Оформление художника *В. В. Максина*

Художественный редактор *С. М. Полесницкая*

Технический редактор *С. П. Лебедева*

Корректор *Т. М. Шпиленко*

Сдано в набор 4 января 1973 г. Подписано в печать 4 июня 1973 г. Формат бумаги 84×108¹/₃₂, № 1. Усл. печатных листов 20,16. Учетно-издательских листов 22,55. Тираж 55 000 экз. Цена 1 р. 66 к. Заказ № 638.

Издательство «Мысль».

117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, Гатчинская ул., 26.

